

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА, 1988

И. М. РЕЙСНЕР

НАРОДНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
В ИНДИИ
в XVII-XVIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. М. РЕЙСНЕР

НАРОДНЫЕ
ДВИЖЕНИЯ
В ИНДИИ
XVII-XVIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1961

Ответственные редакторы
Н. М. ГОЛЬДБЕРГ и Г. Г. КОТОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография выдающегося советского востоковеда доктора исторических наук профессора Игоря Михайловича Рейснера (1899—1958), составляющая часть его докторской диссертации, завершает серию его исследований по истории Индии XVII—XVIII вв.

Исследование народных движений в Индии XVII—XVIII вв. И. М. Рейснер начал еще в конце 20-х годов. В статьях «Крестьянство Индии в эпоху Великих Моголов» («Новый Восток», М., 1927, № 19), «Крестьянское движение сикхов (1700—1849)» («Революционный Восток», М., 1928, № 4—5) и первых главах монографии «Очерки классовой борьбы в Индии» (М., 1932) он анализировал социальную природу сикхизма XVII—XVIII вв. Дальнейшее изучение И. М. Рейснером проблем социально-экономической и политической истории доколониальной Индии в новое время было связано с разработкой им первого в Советском Союзе систематического университетского курса по новой истории Индии [см.: «Лекции по новой истории колониальных и зависимых стран», М., МГУ, 1936, стеклограф; «Индия накануне французской буржуазной революции» («Ученые записки Московского университета», вып. 41, М., 1940); «Новая история колониальных и зависимых стран», т. 1, М., 1940].

После окончания Великой Отечественной войны И. М. Рейснер возобновил свои исследования по истории Индии XVII—XVIII вв. Внимание ученого, проводившего параллельно и исследование истории афганцев в XVII—XVIII вв., привлекла проблема отношений Индии с ее западными соседями. Эта тема затронута в ряде его работ: «Роль афганцев в Индии в XVIII веке» («Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. II, М.—Л., 1949), «Падение державы Сефевидов и нашествие афганцев на Иран (1722—1729 гг.)» («Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», книга десятая, М., 1950), «Возникновение и распад Дуррапийской державы» (сб. «Очерки по новой истории Среднего Востока», М., 1951) и др.

Одновременно И. М. Рейснер продолжал углубленное изучение проблем социально-экономической истории Индии XVII—XVIII вв. Основываясь на работах К. Маркса, он в 1949 г. дал развернутую характеристику основных элементов аграрного строя феодальной Индии [см. «„Хронологические выписки по истории Индии“ К. Маркса в свете его ранее опубликованных трудов и высказываний по Индии» («Вестник Московского университета», 1949. Серия общественных наук, № 2)]. В 1953 г. появилось его исследование по маратхской общине [«Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII — начале XIX в.» («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. V. М., 1953)]. Все эти годы И. М. Рейснер продолжал настойчиво работать над проблемами крестьянских движений в Пенджабе, Двуречье и Махараштре [см.: «Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII и в начале XVIII века» («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. III, М., 1951), «Восстание джатов области Агра — Дели в конце XVII — начале XVIII века» («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVIII, М., 1957)]. Результаты своих исследований социально-политической истории Индии XVII—XVIII вв. И. М. Рейснер изложил в настоящей монографии, однако безвременная кончина прервала его работу над подготовкой рукописи к печати.

Отдел Индии Института народов Азии АН СССР, чья память Игоря Михайловича Рейснера, одного из зачинателей советского индоведения, а также учитывая большую научную значимость этого труда, принял решение завершить прерванную работу по подготовке рукописи к печати и опубликовать монографию. При осуществлении этой задачи основная работа была проведена сыном И. М. Рейснера, индоведом кандидатом экономических наук Л. И. Рейснером при участии кандидата исторических наук Н. И. Семеновой и кандидата исторических наук П. И. Петрова. Общая редакция проведена кандидатом исторических наук Н. М. Гольдбергом и кандидатом исторических наук Г. Г. Котовским.

Отдел Индии
Института народов Азии
АН СССР

ДЕРЖАВА ВЕЛИКОГО МОГОЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Настоящая глава имеет своей задачей сообщить некоторые данные о державе Могола, главным образом о ее социально-экономическом строе, классовой структуре, и дать общее представление о тех внутренних процессах, которые обусловили кризис этой феодальной деспотии, завершившийся в середине XVIII в. полным распадом и гибелью Могольского государства.

Огромный полуостров Индии по своей территории превосходит всю Западную Европу. В середине XVII в. население Индии превышало 100 млн. человек. Оно не было однородным в национальном отношении. В Индии насчитывалось более двадцати крупных народов: бенгалцы, маратхи, тамилы, телугу, каннара, малаяли, ория, кашмирцы, синдхцы, раджастханцы и другие. Они говорили на разных языках, отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития, по историческим традициям и культуре. В стране господствовал феодализм, но в то же время устойчиво сохранялись пережитки рабства (которые были особенно сильны на юге Деканского полуострова, в двуречье Джамны — Ганга и в Бенгалии) и общинно-родового строя (в частности, у народов северо-западных и северо-восточных окраин Индии). Кроме того, в менее доступных горных и лесных районах Индии жили многочисленные племена и народности, находившиеся на разных стадиях разложения общинно-родового строя и становления классового общества, как, например, бхилы, гонды, санталы и другие.

Феодальные отношения у разных народов Индии, отличаясь специфическими особенностями, в то же время имели ряд общих черт, в частности наличие общины, соединявшей в себе земледелие и ремесло, повсеместное распространение сословно-кастовых делений, сохранение

пережитков рабства и общинно-родового строя. Ремесло в Индии еще полностью не отделилось от земледелия, развитие товарных отношений пока не привело ни к созданию рынков, охватывавших территорию отдельных народов Индии, ни тем более к образованию общендийского рынка. Не была ликвидирована феодальная раздробленность.

Индуистская религия, которую исповедовало три четверти населения Индии, разъединяла ее народы. Индуизм с его бесчисленными богами и демонами способствовал сохранению местной обособленности и феодальной раздробленности, поскольку эта религиозная система предоставляла каждой области, каждой общине, каждой касте чтить своих богов и следовать своим традиционным культам. Характерно, что индуизм не создал, да и никогда не пытался создать какого-либо подобия централизованной жреческой организации, имеющей единую главу и основанной на иерархическом подчинении священнослужителей различных рангов и ступеней друг другу. Индуизм также освящал и защищал кастовую систему, представлявшую собой, по словам Маркса, окостеневшую форму примитивного общественного разделения труда, как оно сложилось еще в далеком историческом прошлом, и ставшую со временем величайшим препятствием на пути дальнейшего развития Индии. Кроме того, индуизм, поддерживая кастовую систему, тем самым сохранял рабское состояние низших, так называемых «неприкасаемых» каст, препятствуя ликвидации пережитков рабства в индийском феодальном обществе.

Обращение части местного населения в ислам, религию, принесенную в Индию арабскими и среднеазиатскими феодальными завоевателями, не избавляло индийских крестьян и ремесленников от гнета касты. Став мусульманином, член низшей касты, в особенности «неприкасаемый», оставался в своем приниженном положении в индийском обществе, обусловленном в конечном счете тем, что эта прослойка крестьян и ремесленников подвергалась наиболее тяжелой эксплуатации, находясь фактически в полурабском-полукрепостном положении. Так, в Бенгалии среди крестьян и ремесленников, исповедующих ислам, до недавнего времени имелось более тридцати каст. То же самое отмечалось и на

северо-западе Индии, где, как и в Восточной Бенгалии, большинство населения составляли мусульмане.

В середине XVII в. большая часть Индии находилась под властью Могольской державы. Ее северной границей были Гималаи, на западе она владела частью Афганистана (Кабул, Пешавар), на востоке доходила до пределов Ассама. Южная граница этого государства была неустойчивой. В направлении Декана держава Моголов еще продолжала расширяться. Здесь Моголы вели постоянные войны против двух султанатов — Биджапура и Голконды, стремясь к полному их поглощению.

В XVII в. Индия была страной, где господствовал феодальный строй. В своих высказываниях и трудах, посвященных Индии до колониального завоевания англичанами, К. Маркс подчеркивал характерное для феодализма «единство мелкого земледелия с домашней промышленностью»¹, причем это единство осуществлялось в средневековой Индии в своеобразной форме деревенских общин, сохранивших взаимную обособленность. Общины «покоились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер» и, следовательно, тормозила развитие разделения труда между городом и деревней.

К. Маркс отмечал, что «эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы». Далее К. Маркс указывал, что «эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства»². Община закрепляла приниженное кастово-сословное положение общинных слуг и ремесленников, в первую очередь так называемых «неприкасаемых». Общинная верхушка, заинтересованная в эксплуатации деревенских слуг и ремесленников и получавшая от этой эксплуатации наибольшие выгоды, выступала в защиту

¹ К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 345.

² К. Маркс, *Британское владычество в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, стр. 135—136.

традиционных порядков. Основная причина живучести и устойчивости индийских деревенских общин состояла в том, что в них существовало не зависящее от рынка разделение труда между земледелием и ремеслом и сохранялись остатки рабства, закрепленные кастовыми делениями.

Преобладала соседская община, где в коллективном владении оставались выгоны и пустоши, а пахотная земля была разделена неравными долями между крестьянами-общинниками и находилась в их вечном наследственном пользовании. Крестьяне были прикреплены к налоговому тяглу, обычно связаны круговой порукой по уплате ренты-налога, но ни чиновники налогового аппарата, ни сами феодалы почти не вмешивались непосредственно в распределение земли внутри общины, поскольку общая сумма поступавшего налога оставалась неизменной. Держательский надел, полученный от общины, на котором крестьянин вел личное хозяйство при помощи своего рабочего скота и собственных орудий производства, круговая порука, прикрепление к налоговому тяглу, кастово-сословная приниженность крестьянства создавали личную зависимость, прикрепление крестьянства к земле в качестве придатка последней. Эти отношения К. Маркс характеризовал как типичные для средневековой Индии³. Вместе с тем именно существование общины мешало феодалам непосредственно распоряжаться держательскими наделами тяглового крестьянства.

В позднее средневековье в большинстве индийских общин существовали четыре социальные группы. Эксплуататорская верхушка общины, состоявшая из старшины, жреца, писаря, казначея и других представителей деревенской администрации, пользовалась лучшими и большими наделами земли, чем крестьяне-общинники. Облеченная феодальным государством правом сбора налогов, полицейскими и судебными функциями, она использовала эту власть для расширения своих земель за счет крестьянских наделов, обрабатывая присвоенные земли с помощью подневольного труда общинных слуг и ремесленников из числа «неприкасаемых» или же путем привлечения держателей, пришед-

³ К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 803—804.

ших со стороны. Эксплуататорская верхушка общины облагала крестьян, а равно деревенских слуг и ремесленников различными денежными и натуральными податями и повинностями в свою пользу. Чем дальше, тем больше труд деревенских слуг и ремесленников использовался не общиной в целом, а ее верхушкой, превращавшейся в мелких феодалов.

Вторая социальная группа состояла из полноправных крестьян-общинников — основной массы тяглого крестьянства. Они наследственно владели своими наделами. Эти наделы различными способами и захватывала общинная верхушка.

К третьей группе относились держатели-чужаки, формально стоявшие вне общины. Они обрабатывали землю общинной верхушки и те земли (их было немного), которые вышестоящие феодалы сумели захватить внутри общины.

Последнюю группу составляли деревенские слуги и ремесленники. Ремесленники бесплатно изготовляли из материалов заказчика поделки из железа, дерева, посуду, вили веревки, тачали и чинили обувь. Они поставляли старшине, писарю и жрецу изделия своего труда из собственного материала. Кроме того, они были обязаны снабжать изделиями своего труда и вышестоящих феодалов. Части ремесленников община выделяла в наследственное владение небольшие участки земли. Такой участок, или надел, являлся и формой оплаты труда ремесленника и средством его прикрепления к общине. Кроме того, при сборе урожая крестьяне-общинники еще до выплаты налога-ренты выделяли определенную долю урожая на содержание общинной верхушки и оплату труда ремесленников и общинных слуг. Таким образом, вся община оплачивала ремесленников и деревенских слуг, плоды же их труда в основном присваивала общинная верхушка. Деревенские слуги и вообще «неприкасаемые» выполняли самую черную работу, они привлекались для принудительного труда (бегар), они наряду с неполноправными держателями-чужаками обрабатывали землю, принадлежавшую феодалам и общинной верхушке. «Неприкасаемые» не могли селиться в деревне, а ютились в жалких лачугах за околицей; не могли пользоваться водой из общего колодца или источника, а должны были ждать, пока им нальет воду

человек «чистой» касты. Им был запрещен доступ в деревенский храм, а главное — они не имели права держать крестьянского тяглого надела, ни при каких условиях не могли стать полноправными членами общины. Лишь некоторые из них в качестве деревенских слуг, полурабов, владели крохотными участками земли.

Класс феодалов был заинтересован в сохранении деревенских общин, ибо крестьянин через общину прикреплялся к земле (точнее к налоговому тяглу), а община обеспечивала круговую поруку при сборе налогов и выполнении феодальных повинностей; общинная верхушка служила низовым звеном налогового и полицейского аппарата феодального государства; наконец, самое существование общин, разделенных внутри кастовыми и социальными перегородками и в значительной мере изолированных друг от друга, затрудняло выступления крестьянства как класса-сословия феодального общества против эксплуататоров. В то же время наличие общин в какой-то мере служило препятствием стремлению феодалов к неограниченному увеличению эксплуатации. В условиях обострения классовой борьбы с феодалами община выступала в качестве одной из первичных форм объединения крестьян против их эксплуататоров, как это, в частности, наблюдалось в ходе крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. в области Дели — Агра.

Экономическую основу господства феодалов над крестьянством составляла феодальная собственность на землю. Два связанных между собой обстоятельства, в конечном счете обусловленных самим характером сельскохозяйственного производства, наложили отпечаток на формы феодальной собственности в Индии: во-первых, большая роль поливного земледелия (причем крупные оросительные сооружения находились в ведении феодального государства) и, во-вторых, слабое развитие или отсутствие барского хозяйства в собственном смысле этого слова, хозяйства, где открыто выступает разрыв во времени и пространстве между производством прибавочного продукта (барщина на господской земле) и необходимого продукта (труд крестьянина на наделной земле, обеспечивающий существование самого крестьянина с семьей и воспроизводство его хозяйства).

К. Маркс в ряде работ отмечал значение искусственного орошения для земледелия на Востоке. Он пи-

сал, что индийцы «предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных работах, являющихся основным условием их земледелия и торговли»⁴. Господствуя не только над землей, но и над оросительными сооружениями, служившими в Индии наряду с землей основным средством производства, феодалы тем самым поставили взаимно разъединенные деревенские общины в полную экономическую зависимость от себя, дополняя и подкрепляя эту зависимость различными методами внеэкономического принуждения, начиная с действий налогового аппарата, относительно централизованного и широко разветвленного, кончая сохранением сословно-кастовой приниженности и неполноправности крестьянства.

Феодальная собственность в Индии выступала в форме собственности государства прежде всего потому, что она распространялась не только на землю, но и на крупные оросительные сооружения, которые без ущерба для их нормального функционирования не могли быть поделены между отдельными феодалами, а находились в ведении, под контролем и в собственности общей организации класса феодалов — государства. Преобладание такой формы феодальной собственности в Индии было, разумеется, связано не только с собственностью государства на оросительные сооружения, но со всем характером сельскохозяйственного производства и специфическими методами эксплуатации непосредственных производителей. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества [Jemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура»⁵.

Индийское сельскохозяйственное производство позднего средневековья характеризуется, с одной стороны,

⁴ К. Маркс, *Британское владычество в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, стр. 134.

⁵ К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 804.

весьма примитивными орудиями производства (деревянный плуг с железной отнойгой, мотыга, деревянная лопата), а с другой—наличием эмпирического севооборота, постоянным внесением удобрений, повторной, хотя и неглубокой, вспашкой, обязательным выравниванием и дренированием почвы, чтобы муссонные дожди не унесли ее питательного слоя. Оно вызывало большую напряженность крестьянского труда, особенно в условиях грядковой культуры и поливного земледелия. Такой уровень развития производительных сил требовал, чтобы обработка земли велась сравнительно инициативным и заинтересованным в своем труде работником, требовал наличия умелых и искусных земледельцев, передававших из поколения в поколение свой накопленный веками опыт. В этих условиях продуктовая рента открывала феодалам возможность более интенсивной эксплуатации, чем рента отработочная, но даже при ее значительной тяжести (в XVII в. феодалы в среднем изымали у крестьян около половины урожая) сохраняла необходимые для феодального класса относительную инициативность и заинтересованность непосредственного производителя в своем труде, предоставляя ему самостоятельное ведение единоличного хозяйства.

Вместе с тем продуктовая рента как основная форма эксплуатации крестьянства в Индии позднего средневековья не только не подрывала, а, наоборот, сохраняла и упрочивала систему деревенских общин, остававшихся основной производственной ячейкой феодальной экономики Индии и прочной базой азиатского деспотизма. Барщина в собственном смысле слова (обработка господской земли трудом крепостных крестьян) в этих конкретных исторических условиях была попросту невыгодна феодалам, и поэтому она не получила значительного распространения в Индии. Мы встречаем в Индии элементы барщины, но здесь ни в XVII в., ни позже не сложилось крепостного барского хозяйства, не существовало и крепостного права как санкционированного законом прикрепления крестьянина к земле данного феодального землевладельца. Основной формой закрепощения крестьянина было прикрепление его к налоговому тяглу через общину, от которой он и держал свой надел земли. И это не удивительно, ибо «там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наобо-

рот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»⁶. Индийские крестьяне отбывали принудительные повинности на постройке дорог, дворцов и замков своих господ; тысячи крестьян сгонялись на охоту феодалов, крестьяне очищали от заиления и ремонтировали сеть искусственного орошения, но все это не меняет того основного факта, что традиционно устойчивой формой эксплуатации крестьянства в Индии оставалась продуктовая рента. В державе Моголов она частью поступала фиску, но по большей части — отдельным феодальным владельцам (джагирдарам) за несение военной службы. Однако в обоих случаях она взималась через государственный налоговый аппарат. К. Маркс указывал: «В Азии, — где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения, — эта форма платежей путем обратного влияния упрочивается, в свою очередь, старые формы производства»⁷.

Основной формой реализации собственности феодального государства на землю являлся налог-рента, который взимался при посредстве разветвленного и относительно централизованного налогового аппарата державы Моголов. К. Маркс писал о средневековой Индии: «Государство здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁸. Таким образом, К. Маркс раскрыл три важнейших элемента аграрного строя средневековой Индии, образующих в их взаимной связи и зависимости базис индийского общества: государственную собственность на землю, соединенную с политическим суверенитетом и являющуюся выражением монополии всего класса феодалов на землю и крупные оросительные соо-

⁶ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 242.

⁷ Там же, стр. 148.

⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 804. — Это, разумеется, не исключало существования частной собственности на землю в отдельных районах Индии. См. письмо Маркса Энгельсу от 14 июня 1853 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, изд. I, стр. 501).

ружения; частные феодальные владения, соответствующие доле отдельного феодала в разделе прибавочного продукта, и, наконец, общину.

Государственная собственность на землю в державе Моголов не только выражала монополию на землю и оросительные сооружения всего класса феодалов, но была формой, обеспечивавшей господство крупнейших феодальных землевладельцев. Наиболее могущественным из них являлся сам Великий Могол, которому в качестве шахского домена принадлежало около $\frac{1}{8}$ части всех обрабатываемых земель огромного полуострова. Большой частью остальных земель владели крупные феодалы-джагирдары, в огромном большинстве мусульмане по религии, осевшие в Северной Индии, и натурализовавшиеся здесь потомки прежних завоевателей Индии, проникавших в страну начиная с XI в. через ее северо-западную границу. По исчислению советского индолога К. А. Антоновой, в начале XVII в. держава Моголов была разделена на владения небольшой кучки крупнейших джагирдаров, не превышавшей 500 человек⁹. Джагир не был наследственным владением, он не всегда был и пожизненным, но представлял бенефиций, обычно жаловавшийся за военную службу. Основной обязанностью джагирдара было содержание наемных воинов, число которых зависело от присвоенного джагирдару ранга, который определял величину пожалованного ему джагира. Следовательно, система бенефициев в Могольской Индии способствовала преобладанию крупного и крупнейшего феодального землевладения, облегчая концентрацию земли и доходов с нее в руках небольшой кучки наиболее могущественных феодалов, установивших свое господство над многочисленными народами Индии, для большинства которых они являлись чуждыми по национальности, языку и религии. По своей природе джагир был временным (обычно чересполосным) владением, личный состав джагирдаров непрерывно менялся. Великий Могол не давал джагирдарам долго владеть одними и теми же джагирами, опасаясь их сепаратистских тенденций. Он часто перемещал их из

⁹ К. А. Антонова, *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.)*, М., 1952, стр. 83.

одного владения в другое, нередко расположенное в противоположной части Индии. Джагирдар обычно не жил в своем джагире, а управлял им при посредстве уполномоченного — вакила, который наблюдал, чтобы положенная доля ренты-налога, собранной представителями налогового аппарата с крестьян, была передана владельцу бенефиция. Именно как временный владелец, который каждую минуту мог быть смещен приказом из столицы, джагирдар стремился выжать в кратчайший срок возможно больший доход из своего бенефиция; сверх положенного налога-ренты он облагал крестьян многочисленными добавочными поборами (абвабами) в свою пользу; соответственно «заинтересовав» чиновников фиска, он практиковал всевозможные насилия и вымогательства в отношении крестьян своего владения. Но он не был его собственником и не имел ни времени, ни возможности произвести экспроприацию тех феодальных землевладельцев, главным образом индусов, которые в большем или меньшем числе сохранились от прежних времен, когда они занимали господствующее положение в стране.

Наряду с джагиром в Индии продолжали существовать и другие формы феодального землевладения, но они играли подчиненную роль. Часть земель принадлежала мусульманскому духовенству. Сохранилось и храмовое землевладение брахманского жречества. В ряде областей Индии продолжали существовать многочисленные владения индусских раджей и феодалов, признавших себя вассалами Великого Могола, плативших ему дань, но сохранявших наследственные земли и полноту власти над подданными. В ряде районов Индии (Махараштра, Карнатак, Керала, пригималайские области и др.) эти раджи и феодалы и при Моголах занимали нижние и средние ступеньки в системе феодального землевладения и сыграли заметную роль в тех народных движениях, которые поднялись против державы Моголов в XVII—XVIII вв. Наличие многочисленных мелких и средних феодальных землевладельцев, главным образом раджпутов, отмечается в этот период и в Пенджабе, и даже в столичной области Моголов — Агра — Дели. Наконец, в процессе разложения общины в ряде областей Индии, особенно в Махараштре и районе Дели — Агра, в общине выделилась эксплуататорская верхушка,

присвоившая значительную часть земель общинного крестьянства и при благоприятных условиях превращавшаяся в мелких феодалов, стремившихся к дальнейшему расширению своих владений и закреплению их на правах частной собственности. Таким образом, аграрный строй державы Моголов, являясь выражением господства сравнительно немногочисленной группы крупнейших феодалов-джагирдаров (главным образом мусульман из Северной Индии), отнюдь не исключал существования более многочисленной, хотя и оттесненной на второй план и обладавшей меньшим количеством земли, прослойки мелких и средних местных феодалов, среди которых были и мусульмане, но преобладали индусы, принадлежавшие к различным народностям Индии. В отличие от крупного могольского феодализма, как правило имевшего резиденции в городе, местные феодалы обычно жили в своих владениях, сохраняли более прочную и постоянную связь с определенной территорией и ее населением.

Значительная концентрация земли в руках немногочисленной прослойки крупнейших феодалов-джагирдаров державы Великого Могола означала, что именно этой верхушке доставалась львиная доля ренты-налога, высосанной из десятков миллионов крестьянских хозяйств.

Если учесть, что крупные и крупнейшие феодалы жили не в своих владениях, а имели резиденции в городах и содержали именно здесь многочисленные контингенты наемных войск, то становится понятным, почему индийский город являлся не только торгово-ремесленным центром, но и местом, куда притекал и где потреблялся прибавочный продукт, поступающий в качестве дохода с бенефициев крупнейшим джагирдарам державы Великого Могола. Преобладание феодальных элементов в индийском средневековом городе хотя и не исключало появления в нем зачатков буржуазных отношений, но ставило их развитию серьезные препятствия.

Следовательно, можно установить связь между характером индийского сельскохозяйственного производства, требовавшим на определенном уровне развития производительных сил наличия относительно инициативного и заинтересованного в труде крестьянства, и основной формой феодальной эксплуатации (продукто-

вая рента), специфическими формами феодальной собственности (государственная собственность на землю и оросительные сооружения), высокой концентрацией феодального землевладения (система бенефициев-джагиров) и преобладанием феодальных элементов в индийском городе.

В державе Великого Могола ко второй половине XVII в. обозначались существенные экономические сдвиги. В дальнейшем они отразились и на характере классовой борьбы, и на развитии прогрессивных течений общественной мысли, и на формировании некоторых предпосылок будущей национальной общности у отдельных народов Индии.

Основным было развитие общественного разделения труда между городом и деревней, рост обмена, складывание областных рынков, захватывавших в известной мере и сферу сельского хозяйства. Часть грузовых перевозок во внутренней торговле (соль, зерно) осуществлялась гужевым путем. Этим занимались особые касты. Но основными артериями внутренней торговли служили судоходные реки, прежде всего Ганг и Джамна.

При всех трудностях, связанных с примитивным транспортом и наличием многочисленных внутренних таможен, в Индии выделились некоторые области, вывозившие определенные виды сельскохозяйственной продукции¹⁰. Бенгалия экспортировала тростниковый сахар и отчасти рис вверх по Гангу в Индостан и по морю в Южную Индию. Гуджарат и Агра производили растительный краситель индиго на внутренний рынок и для экспорта за границу. Бихарской пшеницей снабжались столичная область Агра — Дели вверх по Гангу и Бенгалия вниз по Гангу; зерновые поступали в Гуджарат из Махараштры, Мальвы и Раджпутаны. Высококачественный афганский рис находил сбыт в городах Индостана, вплоть до Дели и Агры.

В то же время некоторые области не могли полностью обеспечить себя местным продовольствием и были вынуждены дополнять его привозным. К числу таких областей прежде всего принадлежали Дели и Агра, сто-

¹⁰ W. H. Moreland, *India at the death of Akbar (An economic study)*, London, 1920, p. 127.

личный район державы Моголов, со значительным слоем паразитических потребителей, а также богатая приморская область Гуджарат с ее многочисленными портовыми городами, высокоразвитой ремесленной промышленностью и торговлей. Таким образом, в связи с дальнейшим развитием товарного хозяйства и рыночных отношений появились некоторые признаки специализации сельского хозяйства в отдельных районах Индии. Увеличивался и клин технических культур по сравнению с посевами продовольственных. Это нашло свое отражение и в налоговой системе Моголов; так, она устанавливала полуторные и двойные ставки ренты-налога с технических культур (если принять обложение пшеницы за 100, то с хлопка брали 150, а с индиго — 250) ¹¹.

Одновременно повысилось значение города как экономического центра; увеличилось торгово-ремесленное население городов; усилился обмен между городом и деревней, выросло разделение труда между ними. Рост городского мелкого товарного производства проявлялся в возникновении первых частных мануфактур (например в судостроительном деле гуджаратского порта Сурат ¹², а впоследствии в Бомбее) и сопровождался закабалением широкой массы ремесленников торгово-ростовщическим капиталом. Эти экономические процессы не могли не подорвать самодовлеющего характера индийских деревенских общин. В деревне стали развиваться различные ремесла и промыслы, рассчитанные на рынок. Европейские путешественники в начале XVII в. отмечали существование деревень, все жители которых занимались изготовлением гончарных изделий, игрушек, поделок из железа и т. д. для продажи. В Бенгалии, Гуджарате, отчасти в Пенджабе, на Коромандельском и меньше на Малабарском побережье сотни тысяч крестьянских семей занимались выработкой хлопчатобумажных и шелковых тканей, поступавших на внутренний и внешний рынки. Городской ростовщик и купец обычно закабалили крестьян, связанных с ремесленным производством, системой денежных авансов, так назы-

¹¹ Ibid., p. 104.

¹² W. W. Hunter, *Imperial gazetteer of India*, vol. XVIII, London, 1887.

ваемых дадан¹³. Индийские ткани ручной выработки находили сбыт в странах Южных морей, на юго-восточном побережье Африки, на Ближнем Востоке, в России и Западной Европе. Многие деревенские ремесленники стали работать не только на свою общину, но и на рынок.

Развитие товарных отношений увеличивало имущественное неравенство в общине. На вторжении обмена и денег в деревню в первую очередь наживалась общинная верхушка, ведавшая раскладкой налогов и получившая большую возможность захватывать земли крестьян-общинников. Во многих частях Индии стала практиковаться покупка и продажа, а равно и заклад земли. В аграрном строе Индии возникали частнособственнические элементы.

Указанные выше сдвиги в хозяйстве Индии были связаны с развитием общественного разделения труда и ростом простого товарного хозяйства. В феодальной Индии развитие товарного производства не привело к капитализму, но подготовило для него некоторые условия. В Индии еще не сложился общеиндийский рынок, областные рынки еще только формировались. Мануфактура лишь возникала, хотя широкое развитие получили различные виды домашней промышленности в городе и на селе. Эти сдвиги в экономике Индии еще не создавали условий и предпосылок для перехода к капитализму, тем не менее они влияли на ход классовой борьбы и развитие общественной мысли и культуры. Наиболее важным в этом отношении было начало соединения антифеодальной борьбы крестьянства с антифеодальными выступлениями торгово-ремесленного люда городов. Именно на этой почве и стали развиваться те многочисленные сектантские течения, предвестником и предтечей которых давно выступали первые представители средневековой религиозной реформы, известной под названием бхакти. Но сектанты (в особенности сикхи в Пенджае) пошли значительно дальше своих учителей. От пассивного и мирного протеста они перешли к открытой и насильственной борьбе. Не довольствуясь более идеей равенства людей перед богом, они провозгласили антифеодаль-

¹³ См. об этой системе: F. Pelsaert, *Jahangir's India*, Cambridge, 1925, p. 16; J. B. Tavernier, *Travels*, vol. II, London, 1925, p. 32.

ную идею необходимости установления равенства в отношениях между людьми на земле. Они смело порвали с ортодоксальным индуизмом и исламом, освящавшими феодальные порядки, и выступили в качестве руководителей и вождей обездоленных народных масс. Сектантские движения стали, таким образом, идеологическим выражением народных чаяний и сыграли крупную роль в антифеодальной борьбе индийских крестьян и ремесленников.

Другой весьма важной чертой этого периода индийской истории было дальнейшее складывание у передовых народов Индии таких элементов их будущей национальной общности, как литературный язык и культура. В связи с деятельностью сектантов и подъемом народных движений в этой культуре ярко обнаруживается и демократическая, антифеодальная струя. Вместе с тем в культуре отдельных народов Индии все более отчетливо оформляются характерные индивидуальные особенности и черты, свойственные той или иной народности (бенгальцы, маратхи, каннара, телугу и др.). Разрыв с мертвым языком санскритом, который обеспечивал индусскому жречеству монополию на книжное образование, перевод важнейших литературных памятников с санскрита на новоиндийские разговорные языки свидетельствовали о весьма важном общественном явлении в истории Индии позднего средневековья.

В XVII в. начавшаяся освободительная борьба некоторых народностей Индии принимает характер вооруженного антимогольского восстания за свое политическое объединение, за образование своего государства. Именно такой характер имело восстание маратхов против господства могольских феодалов.

Народные движения конца XVII — начала XVIII в. проходили в условиях упадка экономики феодальной Индии, сменившего некоторый подъем, наблюдавшийся столетием раньше — в конце XVI — начале XVII в. В ту пору значительная часть Индии уже была подчинена власти могольских падишахов. Это объединение не было прочным, тем не менее образование могущественной державы Моголов на месте многочисленных, постоянно враждовавших между собой государств Индостана сократило феодальную усобицу, повело к установлению некоторой внутренней безопасности, а тем самым облег-

чило рост городов, развитие внутренней и внешней торговли, обмена, рынка. Этот процесс происходил в условиях господства феодальных производственных отношений и отличался внутренне противоречивым характером. Именно развитие обмена, торговли, рост власти денег и связанная с этим широко развернувшаяся деятельность ростовщического капитала вызвали огромное усиление феодальной эксплуатации и усугубление ее ростовщической кабалой.

В XVII в. ростовщик становится неременной составной частью экономической организации индийской деревни. Его роль сильно выросла в связи с тем, что в конце XVI в. налог-рента в державе Моголов был переведен из натуральной в денежную форму, что резко ухудшило положение крестьянства и погнало его в кабалу к владельцу денег — ростовщику.

В дальнейшем, при могольском падишахе Аурангзебе (1658—1707), налог-рента был вновь повышен. Если в конце XVI в. он в среднем изымал треть валового урожая в крестьянском хозяйстве, то во второй половине XVII в. — уже более 50%¹⁴. Если учесть, что из оставшейся половины крестьянин должен был выплачивать другие государственные налоги, дополнительные поборы в пользу местных джагирдаров, удовлетворять аппетиты ростовщика, а также содержать общинную верхушку и оплачивать деревенских слуг и ремесленников, становится понятным, что феодальная эксплуатация достигла такого предела, при котором непосредственный производитель лишался не только прибавочного, но и необходимого продукта. В результате разрушались производительные силы, миллионы крестьян разорялись, забрасывали свои земли, бежали куда глаза глядят. Таким образом, возросшая тяжесть феодальной эксплуатации и широкое проникновение торгово-ростовщического капитала в деревню¹⁵ (причем ростовщик прак-

¹⁴ Довольно подробный и убедительный расчет приводит Морленд (см. W. H. Moreland, *From Akbar to Aurangzeb*, London, 1923, p. 255).

¹⁵ Несколько раз посетивший Индию во второй половине XVII в. французский путешественник и торговец драгоценными камнями Тавернье отмечал: «В Индии деревня должна быть уж очень мала, если она не имеет менялы, называемого шроффом, который действует в качестве банкира, выдавая и учитывая переводные векселя» (J. B. Tavernier, *Travels*, vol. I, London, 1925, p. 24).

тиковал в отношении крестьян традиционные формы феодальной эксплуатации, лишь усугубляя ее тяжесть) вызвали массовое разорение крестьян и разрушение производительных сил в сельском хозяйстве.

Торгово-ростовщический капитал проникал во все поры экономики Индии, разъедал и подтачивал феодальный строй, ухудшая условия производства, но не меняя его характера. Маркс указывал: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»¹⁶.

Приведем два свидетельства современников о крайне тяжелом положении крестьян в державе Моголов. Индийский хронист Бхим Сен следующим образом рисует упадок Индии в конце XVII в.: «...государство опустошено, никто не может добиться справедливости, люди ввергнуты в бездну разорения. Райяты (тяглые крестьяне. — И. Р.) прекратили возделывание земли, джагирдары перестали получать доходы от своих джагиров»¹⁷. Голландский купец Пельсерт, много путешествовавший по Индии в начале XVII в., не ограничился описанием потрясающей нищеты и разорения райятов, но и в известной степени осветил причины этого разорения: «Почва Индостана способна дать необычайно богатый урожай, — писал он в своей памятной записке директорам нидерландской Ост-Индской компании, — если бы только крестьяне не подвергались столь жестокому и беспощадному гнету. Так, целые деревни, которые не могут внести целиком требуемый с них налог, становятся добычей своих господ и правителей. Самох крестьян, их детей и жен отдают в рабство. Некоторые крестьяне бегут, спасаясь от тирании, и присоединяются к раджам, восставшим против Моголов. Многие поля лежат запустевшими, незасеянными и превращаются в пустыню. Таков ужасный гнет, господствующий в этой стране»¹⁸.

Гнет феодалов был доведен до крайности, принял характер жестокого и ни перед чем не останавливавшегося

¹⁶ К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 610.

¹⁷ Цит. по кн.: J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, Calcutta, 1924, p. 238.

¹⁸ F. Pelsaert, *Jahangir's India*, p. 47.

насилия. Противоречия между крестьянством и феодалами резко обострились; между этими классами началась открытая война. Венецианец Мануччи, очевидец важнейших событий пятидесятилетнего царствования падишаха Аурангзеба, весьма выразительно рисует роль могольского войска и феодального налогового аппарата как орудия внеэкономического принуждения крестьян: «По всей империи король вынужден содержать фосдаров (фаудждаров) или военачальников, и если бы он не располагал такими должностными лицами, никто не платил бы ему ни налога, ни дани. Народ Индии не платит иначе, как по принуждению, и для того, чтобы собрать хотя бы половину всех налогов, которые они (крестьяне. — *И. Р.*) обязаны платить короне, необходимо налагать взыскания на руководящих крестьян (имеется в виду верхушка деревенской общины. — *И. Р.*). Эти последние собирают налог столь же свирепыми мерами»¹⁹. Далее Мануччи описывает действия налогового аппарата Моголов: «Наказания и средства (этих наказаний. — *И. Р.*) весьма суровы... их (крестьян. — *И. Р.*) заставляют терпеть голод и жажду... Привязывают к какому-либо дереву и осыпают ударами и хлещут плетью — кораладо (от индийского слова «кора» — хлыст. — *И. Р.*). Это скрученная из веревок плеть, напоминающая по своей форме бычий хвост, толщиной в дюйм. Такой плетью они из всей силы бьют крестьян по ребрам. Плеть обвивается вокруг всего тела, раздирает кожу и наносит раны в дюйм шириной. Под таким нажимом крестьяне понемногу выплачивают то, что с них причитается... Но если бывает так, что почва по причине засухи не приносит урожая, они (сборщики налогов. — *И. Р.*) продают их (крестьян. — *И. Р.*), сыновей и скот... Иногда же упомянутые фаудждары совершают вопиющие акты произвола, и это является причиной восстаний и битв. Если крестьяне терпят поражения, то (победители. — *И. Р.*) убивают всех, кто попадает под руку, а их жен, сыновей, дочерей и скот уводят. Наиболее красивых девушек дарят королю, других берут себе, а остальных продают»²⁰.

¹⁹ N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans by W. Irvine, vol. II, London, 1907, p. 450.

²⁰ Ibid., pp. 450—451.

Опубликованный индийским ученым Саркаром фирман падишаха Аурангзеба, изданный в 1079 г. хиджры (июнь 1668 — май 1669 г.), обязывал налоговых чиновников принимать самые свирепые меры расправы с крестьянами: «Вы должны — говорилось в фирмане, — побуждать их (крестьян. — *И. Р.*) и угрожать им, применяя порку и насилие»²¹.

В ответ на невыносимый гнет со стороны феодалов крестьянство отвечало восстаниями и другими формами антифеодальной борьбы. Резкое обострение классовых противоречий между крестьянами и феодалами представляет решающую черту положения в Индии в конце XVII — начале XVIII в. и основную причину начавшегося кризиса державы Моголов. Вместе с тем не следует преувеличивать степени сознательности и организованности крестьянских выступлений. Они были лишены руководства со стороны передового, последовательно революционного класса, ибо в Индии тогда пролетариата не было и быть не могло. Крестьянство было разделено кастовыми перегородками, опутано религиозными предрассудками, разобщено изолированным существованием деревенских общин. Часть крестьян ограничивалась пассивным протестом. Некоторые из них спасались бегством во владения индусских раджей и феодалов, где эксплуатация была не столь интенсивной. Другие превращались в пауперов, бродяг, искали средств к существованию в нищенстве и грабеже на больших дорогах или становились солдатами-наемниками, так называемыми умидварами («людьми надежды»), готовыми за небольшую плату продать свою кровь любому военачальнику, каких немало появилось в Индии в это время. Третьи впадали в состояние полной безнадёжности и пассивной покорности судьбе, предавались молитве и посту, проповедовали уход из мира, становились факирами и дервишами. Однако среди крестьян было немало людей, которые не хотели покорно подчиняться судьбе и смело поднимались на борьбу. Из них выходили участники многочисленных восстаний и волнений, которые нанесли смертельный удар державе Великого Могола и расшатывали устой феодального строя в Индии.

²¹ J. Sarkar, *The revenue regulations of Aurangzib*, — «Journal of the Asiatic society of Bengal», vol. II, 1906, N 6.

Наряду с крестьянскими восстаниями и войнами происходила жестокая внутренняя борьба в рядах самого феодального класса.

Ростовщик и власть денег разоряли не только крестьян, но и феодальную знать. Нельзя забывать, что могольский джагирдар жил обычно в городе и главной статьей его дохода был денежный налог-рента, поступавший с крестьян его джагира. Основные расходы джагирдара были тоже денежные. Деньгами он оплачивал контингент наемной конницы, который содержал за счет доходов своего джагира для службы Великому Моголу. Деньгами он платил за арабских и среднеазиатских лошадей, поступавших на ремонт конницы индийских феодалов. За деньги джагирдар покупал механические диковинки Европы, русские меха, китайский нефрит и фарфор, лакированные поделки японского ремесла, абиссинских рабов, цейлонский и персидский жемчуг. Деньги были нужны и для содержания многочисленных слуг, конюших, сокольничьих, танцовщиц и гарема. Но основные денежные расходы заключались в том, что теперь приходилось покупать подношением звонкой монеты, редкостей и драгоценных камней милость падишаха и его фаворитов, от которых зависело отнять или пожаловать джагир. Ценность таких подарков достигала иногда десятков миллионов рупий. Эти подношения и подарки фактически превращались в узаконенную систему покупки и продажи должностей и джагиров. Как правило, крупный мусульманский феодал занимал деньги у индусских ростовщиков на покупку наместничества, должности или бенефиция, обычно гарантируя часть будущих доходов своему заимодавцу, назначая его вакилом в полученный джагир, где тот присваивал значительную часть доходов. Эта система не только все больше опутывала могольскую верхушку сетями неплатных долгов, но и разоряла крестьян, ибо ростовщик, авансировавший джагирдара на покупку должности или бенефиция, стремился с лихвой и в кратчайший срок вернуть затраченную сумму, нещадно обирая крестьян.

В столице Моголов (сначала в Агре, а затем в Дели) существовала своеобразная биржа, где совершались негласные сделки по покупке должностей и бенефициев, причем индусские богатеи-ростовщики образовывали осо-

бые сообщества или группы с целью авансирования соискателей должностей и джагиров в счет их будущих доходов.

Широкое распространение откупа, практика продажи должностей, растущая задолженность могольской знати ростовщикам, быстрое падение доходности джагиров выступают как внешние признаки кризиса системы джагирного землевладения. Но истинная причина этого кризиса заключалась в массовом разорении крестьян и упадке сельского хозяйства, а с упадком земледелия и запустением многих областей Индии резко сокращались и доходы феодалов. Разорялись целые слои знати, не способные сводить концы с концами и опутанные долгами.

Выигрывали те феодалы, которые занимались бесстыдной спекуляцией, оптовой торговлей и ростовщичеством. Сама правящая верхушка все больше дополняла доходы от феодальной эксплуатации крестьянства торговой прибылью и наживой от ростовщических операций. Исключения не составляли и могольские падишахи. Так, Шах Джахан, отец Аурангзеба, по свидетельству очевидца, «торговал материями, индиго, селитрой и драгоценными камнями, отправляя эти товары в Исфахан и Басру, где закупал лошадей». У англичан он приобретал шерстяные ткани и изделия из стекла, с прибылью перепродавая их на индийском рынке.

Кризис Могольской державы вызвал ожесточенную борьбу среди феодалов за поиски выхода из кризиса, за перераспределение резко уменьшившейся массы прибавочного продукта, за землю. Усилились сепаратистские тенденции в среде крупных джагирдаров, которые не могли и не хотели больше делиться с шахским правительством своими уменьшившимися доходами и стремились превратить свои бенефиции в наследственные и независимые владения. Мелкие и средние феодалы, главным образом индусы, пытались избавиться от гнета Моголов и крупных феодалов (по большей части мусульман) и вернуть себе былую независимость и монопольное право на эксплуатацию «своего» крестьянства. Вместе с тем упадок крестьянского хозяйства вызвал упадок всей экономики Индии, увеличение обособленности отдельных областей страны, подготавливая тем самым почву для распада державы Великого Могола. В середине

XVIII в. кризис Могольской державы закончился ее развалом и гибелью.

Существенной особенностью этого кризиса и обстоятельством, наложившим отпечаток на все его течение, был одновременно происходивший процесс превращения Индии в объект первоначального накопления капитала для европейских колонизаторов. В результате установления с начала XVII в. господства голландцев и англичан на Индийском океане индийцы были в значительной мере оттеснены европейцами из сферы морской торговли. В то же время окончательное торжество торгового пути вокруг Африки над прежними морскими и караванными путями, связывавшими Индию с бассейном Средиземного моря, повлекло за собой упадок многих индийских городов (в особенности на северо-западе), оказавшихся в стороне от нового направления торговли между Востоком и Западом. Вывоз тончайших хлопчатобумажных тканей, пряностей и красителей, скупавшихся за бесценок у индийских крестьян и ремесленников, а затем продававшихся по монопольно высоким ценам на европейских и азиатских рынках, приносил огромные барыши европейским Ост-Индским компаниям. Торговлю они совмещали с морским разбоем и охотой на людей на побережье Индии для продажи их в рабство.

Европейские купцы действовали на Востоке, объединяясь в крупные монопольные компании: нидерландскую, английскую и французскую Ост-Индские компании. Такие компании служили мощным орудием первоначального накопления капитала европейцами за счет народов Востока, снижали для отдельных пайщиков-капиталистов риск, связанный с опасными колониальными предприятиями, обеспечивали участникам этих компаний привилегированное положение и особое покровительство государств. Они наделялись широкими полномочиями, имея право содержать на Востоке собственные военные и морские силы, объявлять войну и заключать мир.

Чинсура в Бенгалии и Негапатам на Коромандельском побережье стали важнейшими владениями голландцев в Индии. Англичане в 1668 г. перенесли свою факторию из Сурата в Бомбей, островное положение которого давало им ряд преимуществ. На Коромандельском побережье англичане обосновались в Мадрасе (1640), а в

Бенгалии построили укрепленный город Калькутту (1690). Центром деятельности французской Ост-Индской компании был город Пондишери, основанный ею в 1674 г. В Бенгалии французы имели свою факторию в Чандранагаре.

Европейцам было выгодно привлекать индийское торгово-ремесленное население в свои укрепленные города. Они гарантировали индийским переселенцам безопасность имущества и жизни, не обременяли их до поры до времени тяжелыми налогами и повинностями. Таким образом, к концу XVII в. европейские колонизаторы создали сеть своих укрепленных баз на побережье Индии. Над Индией нависла грозная опасность колониального порабощения.

Иной характер имели торговые отношения между Индией и Россией. Они оживились с середины XVII в. Индийские купцы обосновались в Астрахани и доходили вплоть до Москвы. Московские цари дорожили индийской торговлей и не раз предпринимали попытки установить дипломатические отношения с Великими Моголами. Во владениях Могольской державы дважды появлялись посланцы русских царей: Касимов в 1676 г. и Семен Маленький в 1695 г. Однако эти попытки не увенчались успехом: Могольская держава клонилась к упадку, и ей было не до установления более широких связей с Россией.

Пришедший в 1658 г. к власти в результате двухлетней междоусобной войны феодальных клик падишах Аурангзеб сумел разгромить своих соперников. Он проводил политику, направленную к тому, чтобы спасти державу Моголов, сохранить и упрочить господствующее положение крупных феодалов-джагирдаров. Мероприятия Аурангзеба в основном сводились к следующему: во-первых, он сурово подавлял антимогольские и антифеодальные народные движения и резко усилил эксплуатацию крестьянства. В 1679 г. Аурангзеб ввел подушную подать на иноверцев-индусов, так называемую джизию. Основное экономическое значение этого акта заключалось в том, что он примерно на одну треть увеличил тяжесть налогового обложения индусского крестьянства, а индусы составляли около трех четвертей всего сельского населения в державе Моголов. Во-вторых, Аурангзеб повысил долю крупных джагирдаров и

фиска в эксплуатации крестьянства. Этой цели служили конфискация индуcских храмовых земель и секуляризация имущества храмов (1669), изъятие части доходов мелких и средних феодалов-индусов путем дополнительного налогового обложения последних, изгнание индуcских служилых людей из государственного аппарата (1671), дальнейшее ограничение прав и доходов индуcских светских и духовных феодалов. В-третьих, Аурангзеб пытался облегчить положение крупных феодалов-джагирдаров, освобождая их от долгов ростовщикам, которые принадлежали к различным индуcским торгово-ростовщическим кастам (кхатриям и ряду других каст, объединяемых под общим названием «марвари», выходцев из Раджпутаны). Эти мероприятия также облекались в форму борьбы против «неверных» и получили религиозную санкцию высшего мусульманского духовенства. В дальнейшем имущество индуcских торговцев и ростовщиков подвергалось частым конфискациям, а сами они облагались дополнительными налогами. В-четвертых, Аурангзеб искал выхода из кризиса державы Моголов на пути внешнего грабежа и политики территориальных захватов. С этой целью он предпринял ряд войн за окончательное подчинение Декана и всей Южной Индии. Эти войны должны были обеспечить захват обширных земель для раздачи новых джагиров могольской знати и обогатить шахскую казну.

Политика Аурангзеба не только не разрядила, а, наоборот, углубила кризис державы Великого Могола и приблизила ее окончательный распад и гибель. Репрессии Аурангзеба против народных движений и его мероприятия, направленные на усиление феодальной эксплуатации крестьянства, увеличили разорение трудящихся масс и вызвали новый взрыв антифеодальной и антимогольской борьбы. Более того, своими антииндусскими мероприятиями Аурангзеб объявил войну основному населению страны. Репрессиями и гонениями против индуcского жречества, служилых людей, мелких и средних феодалов, богатых торговцев и ростовщиков этот могольский падишах превратил эксплуататорскую верхушку индусов в своего непримиримого врага и толкнул ее на путь антимогольской борьбы. Аурангзеб разжег в Индии пламя религиозной вражды и дал возможность верхушке индуcского общества в свою очередь апеллировать к на-

роду под лозунгом «священной» войны против господства «неверных» — мусульман. Что же касается экономических мероприятий Аурангзеба, то они еще более ухудшили положение крестьян, ремесленников и отрицательно сказались на торговле. Наконец, завоевательные войны Моголов также не дали ожидаемого результата. Они не только не обогатили шахскую казну, но еще больше истощили последние ресурсы Моголов и привели их к финансовому банкротству, опустошили Декан и Южную Индию, поставили маратхский народ перед угрозой истребления и порабощения, придав огромную силу его освободительной борьбе. Длительная и безуспешная война Аурангзеба с маратхами окончательно подорвала силы Могольской державы и ускорила ее распад.

Народные движения маратхов, сикхов и джатов представляют основной предмет данного исследования. Оно не ставит своей задачей рассмотрение всей истории Могольской державы в конце XVII — начале XVIII в., хотя делается попытка связать ход этих движений с общим экономическим и политическим развитием Индии в означенный период.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ МАХАРАШТРЫ в XVII — XVIII вв.

Махараштра занимает западную часть плато Декана, ее границей на севере является р. Тапти, на юге — верховье Кришны, а на востоке — р. Синда. На западе Деканское плато обрывается к побережью Аравийского моря горами Сахиадри (Западные Гхаты), представляющими как бы естественную крепость. Их зубчатые базальтовые вершины требовали лишь незначительного усилия человеческих рук, чтобы превратиться в грозные замки и форты. В средневековой Махараштре было много лесов, поливное земледелие велось по узкой пойме немногочисленных рек, но большая часть обработанной площади представляла суходольные земли, где возделывалась неприхотливая культура проса, лучше приспособленного к засушливому климату этой страны¹.

Равнинная часть страны маратхов, расположенная на Деканском плато, носила название Деш; горная область Западных Гхатов именовалась Мавал, а прибрежная полоса была известна под названием Конкан². Мавал в социально-экономическом отношении представляла наиболее отсталую область Махараштры. Жителями этой области были маратхи, а также более примитивные племена

¹ Советский исследователь так характеризует природные условия страны маратхов: «Северо-западная часть Декана представляет почти волнистую равнину с обнажающимися на поверхности выветрелыми базальтами с плосковершинными возвышенностями и характерными резко выраженными террасами... Несмотря на недостаток осадков, черноземовидные почвы настолько хорошо удерживают воду, что при весьма незначительном искусственном орошении здесь в общем обрабатывается более $\frac{2}{3}$ всей территории» (А. М. Рябчиков, *Природа Индии*, М., 1950, стр. 279).

² С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, London, 1918, p. 1.

на бхилы и рамоши, которые соединяли земледелие с занятием охотой. Земледелие у них, по-видимому, было лесосечное, ибо, по имеющимся свидетельствам, они едва ли не каждый год обрабатывали новый участок земли³.

Через Махараштру издавна проходили важные торговые пути. Они шли от верховьев Годавари и Кришны, через горные проходы Западных Гхатов к богатым морским портам Конкана. Из портов Конкана экспортировались пряности (в первую очередь перец), хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни и изделия из металла (высококачественная сталь), которыми славилась Голконда. Важнейшей статьей ввоза в XVII столетии, как и во времена Афанасия Никитина, продолжали оставаться арабские и среднеазиатские лошади, поступавшие на ремонт конницы южноиндийских государств⁴. Велико было и стратегическое значение страны маратхов. Она не только включала Конканское побережье Аравийского моря, но командовала важнейшими сухопутными путями из Индостана в Западный и Центральный Декан. Не овладев Махараштрой, ни один завоеватель с севера не мог рассчитывать на сколько-нибудь успешное и прочное подчинение Декана.

В дальнейшем мы ограничимся описанием социально-экономического строя маратхов той части Махараштры, которая в середине XVII в. явилась территориальной базой антимогольского восстания во главе с Шиваджи, а затем стала ядром основанного им государства. Мы имеем в виду западные области маратхского Деша (Пуна, Сатара), непосредственно примыкающие к Мавалу. Городов в этой части Махараштры было немного. Пуна представляла в конце XVI в. незначительный населенный пункт, занятый мусульманским гарнизоном, в то время как «торговцы, брахманы, индусские крестьяне и другие жили за пределами города»⁵. И тогда, да и столетием позже, после образования в начале XVIII в. держа-

³ W. H. Sykes, *On the land tenures of the Dekkan*, — «Journal of the Royal Asiatic society», London, vol. II, 1835, p. 212. (далее — «JRAS»).

⁴ [А. Никитин], «Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472», М., 1948, стр. 56, 57, 59. — См. также: «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, Poona — Bombay, 1885, p. 211.

⁵ D. R. Gadgil, *Poona, A socio-economic survey*, pt 1, Poona, 1945, p. 13.

вы пешв, значительную часть торгово-ремесленного населения городов составляли не маратхи, а представители других народностей, люди пришедшие из соседних, более развитых в социально-экономическом отношении областей Индии — Гуджарата, Андхрадеши и Карнатака⁶. Еще в начале XVII в. в обозе войск могольских завоевателей в Махараштре появляются выходцы из Раджпутаны — ростовщики и торговцы марварии⁷.

Анализ феодального строя маратхов следует начать с его основной производственной и общественной ячейки — деревенской общины. В своих высказываниях об индийской общине К. Маркс отмечал: «Так, напр., первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров»⁸. В работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркс, характеризуя различные типы первоначальных общин (греко-римской, германской и азиатской), указывал: «Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино и т. д.»⁹. Нет никаких сомнений, что это послед-

⁶ Данные об этом имеются в «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 1, Poona—Bombay, 1885, pp. 164—165, 174—196. — См. также: М. Р. Joshi, *Urban handicrafts of the Bombay Deccan*, Madras, 1936, p. 27.

⁷ «Imperial gazetteer of India», vol. VI, Oxford, 1908, p. 104.

⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 364—365.

⁹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 18.

нее высказывание К. Маркса о характерных чертах азиатской общины всецело относится к общине индийской.

Поскольку это окажется возможным при ограниченном материале, имеющемся в нашем распоряжении, мы постараемся проследить на примере маратхской общины основные характерные черты, отмеченные К. Марксом в отношении общины индийской (азиатской), а именно: внутреннее разделение труда и соединение земледелия и ремесла; наличие сословно-кастового неравенства и пережитков рабства; зависимость отдельного человека от общины и характер производства, рассчитанного на обеспечение собственного существования. Вместе с тем мы постараемся выделить те специфические черты, которые представляют особенность деревенских общин в Махараштре, находившихся в XVII в. в стадии далеко зашедшего разложения.

Первоначально маратхская община охватывала целую сельскую округу, по-видимому, включавшую не одну, а много деревень. Об этом прежде всего свидетельствует относительно большее число общинных ремесленников, слуг и должностных лиц, чем это обычно встречалось в индийской общине. Полный штат их составлял в маратхской общине 24 человека: 12 балютадаров и 12 алютатаров, не считая старшины, его помощника и писаря¹⁰, в то время как в других частях Индии число ремесленников, слуг и должностных лиц не превышало 12, доходя в отдельных случаях до 18¹¹. Совершенно очевидно,

¹⁰ Балюта — определенная доля в урожае различных культур каждого крестьянина, ежегодно отчислявшаяся на содержание общинных слуг, ремесленников и должностных лиц. Отсюда балютадары — общинные слуги и ремесленники, алютатары — второстепенные ремесленники и слуги. Полный список балютадаров и алютатаров приводят: J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, Oxford, 1921, pp. 31—34; B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages, their origin and development*, — «JRAS», April 1897, p. 257; R. D. Choksey, *The economic history of Bombay Deccan and Karnatak (1818—1868)*, Poona, 1945, p. 65; H. H. Wilson, *A glossary of judicial and revenue terms and of useful words occurring in official documents relating to the administration of the government of British India*, Calcutta, 1940, pp. 29—30, 82—87.

¹¹ В тамилской общине Карнатика (Танджур, Тричинополи, Аркот, Коимбатур) число общинных ремесленников, слуг и должностных лиц достигало 18 (R. Naidu, *Remarks on the revenue system and landed tenures of the provinces under the presidency of Fort St. Ge-*

что крестьяне одной деревни вряд ли могли содержать на свой счет штат около 30 общинных ремесленников, слуг и должностных лиц, на что вполне основательно указывал Сайкс — исследователь аграрных отношений Декана в начале XIX в.: «Вряд ли разумно предполагать, что крестьянин когда-либо мог содержать за счет натуральных отчислений 12 дополнительных лиц (здесь речь идет об алютадарах. — И. Р.), поскольку он отдает 30 или 50% урожая правительству, и, как мне рассказывали, оплата балютадаров и хакдаров¹² обходится ему в среднем в 25% урожая, что оставляет крестьянину всего 25% урожая на собственное содержание и расходы, связан-

orge, — «JRAS», vol. I, 1834, pp. 298—299). Эти подсчеты имеют весьма относительное значение, поскольку в источниках перечисляются различные категории ремесленников, должностных лиц и слуг общины, а не число лиц, фактически занимавшихся данным делом или профессией. Так, в общине мог быть не один старшина, а несколько лиц, деливших между собой власть и доходы этой должности; не один, а несколько кузнецов или горшечников, на что прямо указывал К. Маркс: «Механизм общины обнаруживает плановое разделение труда, но мануфактурное разделение его нелегко, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.» (К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 365). Если в отношении ремесленников наличие нескольких лиц, занимавшихся в общине одной и той же профессиональной деятельностью, было относительно редким явлением, то в отношении слуг общины, как мы постараемся показать ниже, это являлось правилом. Число общинных слуг различных категорий исчислялось в маратхской деревне отнюдь не единицами (M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, — «The Journal of the University of Bombay», vol. IV, pt II, 1935). Еще больше общинных слуг (фактически общинных рабов) было на юге Индии — у тамилов и в особенности у малаяли. «Велала, — указывает Рама-свами Найдю, — имели право покупать, продавать, закладывать и дарить париев и членов некоторых других каст, как рабов» (R. Naidu, *Remarks on the revenue system...*, p. 300). Велала — основная земледельческая каста в Тамилнаде. Вильсон в своем глоссарии (см. у него термины «алюта» и «балюта») дает полный список общинных слуг и ремесленников в различных частях Индии: Махараштре, Карнатаке, Телингане, Гуджарате, районе Агра—Дели, Бенгалии. По утверждению Вильсона, еще в начале XIX в. встречались индийские общины, где число наследственных слуг и ремесленников доходило до 27 человек (H. H. Wilson, *Glossary of judicial and revenue terms...*, pp. 29—30, 82—87).

¹² Х а к д а р — буквально: «обладающий правом». Под правами подразумеваются различные сборы и отчисления в пользу общинных ремесленников и должностных лиц.

ные с сельскохозяйственным производством»¹³. Но Сайкс в своих весьма убедительных на первый взгляд рассуждениях упускает из виду два обстоятельства: что феодальная эксплуатация не всегда была столь интенсивной, как в конце XVIII — начале XIX в., и что 12 «добавочных лиц» — алютадаров — могла содержать не одна деревня, а совместно несколько деревень, входивших в состав древней маратхской общины, которую в этом отношении можно сблизить с маркой. В защиту указанного предположения говорит ряд фактов. Так, например, сонар, или золотых дел мастер, входивший в состав 12 алютадаров, сохранился в составе маратхской общины в XVII и XVIII вв., но содержался он не за счет одной деревенской общины, а нескольких соседних¹⁴. Русский индолог И. П. Минаев, уделивший в своем труде «Старая Индия» особое внимание маратхской общине, пишет следующее: «В старые годы в маратхских деревнях было еще 12 членов второстепенных — известных как 12 алутедаров; сюда относился и вышеупомянутый сонар, или серебрянник. Содержание этих последних не было так точно определено, как 12 балутедаров, и они, как кажется, не всюду встречались, а в настоящее время 12 алутедаров почти совершенно исчезли из маратхских деревень»¹⁵. Отмечая чрезвычайно важный факт существования в первоначальной маратхской общине 12 добавочных ремесленников (или алютадаров), И. П. Минаев, однако,

¹³ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 225.

¹⁴ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, Calcutta, 1925, p. 231. — По данным Сена, сонара содержали 4—5 деревень. Сонар получал небольшое процентное отчисление с общей суммы собранного налога. Равным образом нередко ватан джоши (астролога) распространялся на несколько деревень. Сен приводит маратхский документ 1676 г., из которого видно, что два брата — Ханд Бхат и Нараян Бхат — владели ватаном джоши в трех деревнях: Бембле, Гхоти и Пархете (*ibid.*, p. 236). Остается неясным, было ли это результатом того, что эти три деревни первоначально входили в состав одной общины-марки или же род Бхат, являясь сначала владельцем ватана джоши в одной деревне, затем прикупил ватаны джоши в соседних селениях. Скорее всего, мы здесь имеем дело с распадом первоначальной общины-марки, результатом чего было дробление ватана джоши на три, при сохранении их во владении рода Бхат.

¹⁵ И. Минаев, *Старая Индия. (Заметки на «Хожение за три моря Афанасия Никитина»)*, СПб., 1881, стр. 116—117.

ничем не объясняет причин их дальнейшего полного или частичного исчезновения. По нашему предположению, сокращение числа ремесленников в маратхской общине было связано с тем, что первоначальная община-марка, включавшая несколько деревень и располагавшая достаточными средствами для совместного содержания полного штата 24 балютадаров и алютадаров, раздробилась позднее на более мелкие деревенские общины, чьи потребности могло обслуживать и меньшее число ремесленников. В некоторых случаях продажа старшиной (патиль) доли своего патильства вела к выделению из существовавшей общины новой общины, где старшиной становилось лицо, приобретшее долю патильства¹⁶. В других случаях такое дробление вызывалось вмешательством феодального государства, устанавливавшего в фискальных целях единообразное административное деление¹⁷. Так или иначе более раннюю маратхскую общину-марку сменяет сравнительно небольшая деревенская община, чья общая земельная площадь, включая пахотные земли, угодья и пустоши, в конце XVIII — начале XIX в. колеблется от 2 тыс. до 16 тыс. акров¹⁸.

¹⁶ В таких случаях община, из которой произошло выделение, получала приставку *будрук* (видоизмененное в маратхском произношении персидское слово *бузург* — могучий, знатный), а название вновь образованной общины получало приставку *хурд* (видоизмененное персидское слово *хурд* — небольшой, малый) (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 251).

¹⁷ У маратхов в государстве Шиваджи существовали следующие административные деления: мауза — волость, тараф — район, саркар — округ и суба — область, провинция. В районе насчитывалось около 10 деревень, в округе — около 100. При пешвах район стали называть махал, округ — паргана, а область — прант. Во многих документах маратхских пешв наряду с новыми сохранились и старые наименования. Как видно, большинство этих наименований было заимствовано маратхами из административной практики Могольской державы (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 96—97, 252; см. также W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 208).

¹⁸ Общая площадь общины Афсари хурд (только пахотная земля) равнялась, по данным маратхского кадастра XVIII в., 3120 шахским бигха, или 2530 акрам («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2 p. 232). Общая площадь общины Кумбхари (включая пустоши и угодья) равнялась в переводе бигха на акры (шахский бигха = $\frac{4}{5}$ акра) 4020 акрам, общины Махегаон — 3184 акрам, общины Рахати — 16 456 акрам. Данные относятся к 1852 г. (B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 275).

В маратхской общине позднего средневековья отчетливо различаются четыре социальные прослойки: 1) общинная верхушка, превратившаяся к началу XVII в. в своеобразных маленьких феодалов; 2) полноправные крестьяне-общинники, составлявшие основную массу тяглого маратхского крестьянства; 3) крестьяне-чужаки, не имевшие голоса в решении общинных дел и державшие землю от отдельных общинников или от общины; 4) общинные слуги (полурабы из «неприкасаемых») и ремесленники. Кастовые различия не совпадали с этими делениями. Так, например, принадлежавшие к общинной верхушке старшина и его помощник обычно были членами той же самой земледельческой касты кунби или маратхов, как и основная масса полноправных крестьян-общинников¹⁹. В то же время внутри общинной верхушки существовали кастовые различия, поскольку писарь (кулькарни), как правило, принадлежал к выс-

¹⁹ О маратхской верхушке конца XVI — начала XVII в. Эльфинстон пишет следующее: «В те времена их вождями были выходцы из семей, которые в течение поколений занимали старинные индусские должности деревенских старшин и управителей округов. Все они были шудрами и принадлежали к той же касте, как их народ» (M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, p. 616). Следует отметить, что деление на четыре варны древнеиндийского общества (брахманы, кшатрии, вайшны, шудры) перестало существовать в средневековой Индии. Из всех каст феодальной Индии только каста брахманов могла по праву считать себя преемницей древней брахманской варны. Прочие же касты только искусственно причисляли себя к той или иной варне. Так, раджпуты и ряд других военных и землевладельческих каст считали себя кшатрийскими, а торгово-ростовщические касты — вайшйскими кастами. Все перечисленные выше касты рассматривали прочие касты как низшие и относили их к шудрянским кастам. Сайкс указывает, что в Махарастре все деревенские власти были маратхи, за исключением писарей, принадлежавших к касте брахманов (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRS», vol. II, 1835, p. 208). О том, что патили были выходцами из земледельческой касты маратхов, убедительно свидетельствует то обстоятельство, что на официальных документах патили вместо подписи ставил изображение плуга, как это явствует из опубликованного тем же Сайксом маратхского документа 1725 г. (W. H. Sykes, *On the land tenures of Dukhun (Deccan)*, — «JRS», vol. III, 1836, p. 354). О том, что патили — маратхи по касте, говорится и в «Справочнике Бомбейского президентства» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 315). Надо отметить, что слово «маратх» имеет двойное значение: название народности и название кастового подразделения этой же народности.

шей касте брахманов²⁰. Крестьяне-чужаки, селившиеся на общинных землях, обычно принадлежали к той же касте маратхов, что и полноправные общинники, но во всяком случае никак не могли быть членами «неприкасаемых» каст. Наконец, в группе общинных слуг и ремесленников также существовали довольно значительные кастовые деления, прежде всего между «неприкасаемыми» и членами вышестоящих каст, чье прикосновение не почиталось оскверняющим. Кастовые различия были и среди самих «неприкасаемых», также как и среди членов более высоких каст, входивших в общину²¹. Так, например, деревенский жрец-астролог обязательно был брахманом, а храмовый служитель, ежедневно обмывавший и украшавший деревенского идола, принадлежал к шудрянским кастам²². Таким образом, прослойка общинных слуг и ремесленников объединяла в своем составе людей весьма различных каст, от брахманов до «неприкасаемых».

Основную массу крестьянства в маратхской общине — тяглое крестьянство в собственном смысле этого слова — составляли полноправные крестьяне-общинники, принадлежавшие к земледельческой касте кунби с ее основными внутрикастовыми подразделениями на маратхов и кунби²³. «Кунби» на маратхском языке значит земледелец, крестьянин. Положение кунби в Махараштре было аналогично положению подобных земледельческих каст в других частях Индии — джатов в северо-западном Индостане, редди в Андхре, велала в Тамилнаде, наиров

²⁰ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt. 1, p. 97.

²¹ Так, например, махары считали себя выше мангов (те и другие принадлежали к «неприкасаемым» кастам) и не пользовались общим колодезем совместно с мангами (M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, p. 44).

²² На совмещение должностей деревенского писаря (кулькарни) и астролога (джоши) в руках одного брахмана указывает Сайкс как на обычное явление в маратхской деревне. Эти должности занимали только выходцы из брахманской касты (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 223). Сен приводит ряд документов из маратхских архивов, подтверждающих данные Сайкса. В частности, можно указать на купчую крепость 1740—1741 гг., согласно которой Мхалсабаи, вдова Рагунатха, владельца половины ватана джоши и кулькарни в деревне Мауджа, тараф Хед, саркар Джуннар, продала свой ватан за 2 тыс. рупий (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 226).

²³ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 284.

в Керале. Указанные касты составляли ядро общинников-землевладельцев в этих областях Индии. Для обозначения крестьян-общинников, наследственных владельцев земли, у маратхов существовало несколько терминов. В маратхском документе 1725 г., представляющем приговор собрания должностных лиц по тяжбе о патильстве деревни Куветех, в качестве свидетелей фигурируют 27 крестьян-общинников²⁴. В этом документе они именуются тхальвах или тхалькари, что значит «владелец тхалья» (или наследственного участка земли)²⁵. В более раннем документе (1593), относящемся ко времени господства мусульманских феодалов над Махараштрой, упоминается термин «мирасдар»²⁶. Это термин арабского происхождения. Он был принесен в Индию мусульманскими завоевателями и получил широкое распространение²⁷. Его можно перевести как «обладатель наследственного права» прежде всего на землю²⁸. Кроме того, в литературе упоминается термин «ватандар»²⁹. Он также

²⁴ Этот документ был опубликован Сайксом в английском переводе (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 352—369).

²⁵ Ibid., p. 364; см. также «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 313.

²⁶ Ibid.

²⁷ Термином «мирасдар» полноправные крестьяне-общинники, наследственные владельцы земли, обозначались во всей Южной Индии (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 213). Английские налоговые отчеты начала XIX в. отмечают держания мираси в Мадрасе, Танджуре, Аркоте и во многих других областях Южной Индии (см. статью К. А. Антоновой, *Аграрные отношения в Индии накануне английского завоевания*, — «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, 1949, № 5, стр. 434).

²⁸ К. А. Антонова переводит мираси как «переходящее по наследству» (К. А. Антонова, *Аграрные отношения...*, стр. 434).

²⁹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 215. — В некоторых случаях термины «мирасдар» и «ватандар» не были синонимами. Так, Сайкс сообщает: «Этот термин („мирасдар“) обычно рассматривается нами как совпадающий с термином „ватандар“, однако в городке Вейра, на р. Бхима, ниже Пангаона, я обнаружил, что в деревенских бумагах проводится различие между ватандарами и мирасдарами. Ватандаров числится 27, мирасдаров 15. В объяснение этого различия люди говорили, что ватандары являются держателями или родственниками держателей наследственных деревенских должностей; мирасдары же являются наследственными владельцами земли» (ibid., pp. 215—216). Чоксей отождествляет ватан и мираси (R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 62). Сен приводит многочисленные примеры, когда термином «ватан» обозна-

арабского происхождения. Ватан — отчизна, ватандар — прежде всего владелец отчины, отцовской земли. В маратхском языке существует свой эквивалент для обозначения ватана как наследственного участка земли — бапроти, что буквально означает «отцовский хлеб», «отцовское пропитание»³⁰. Как видим, основным во всех терминах, как существовавших у самих маратхов для обозначения полноправных общинников, так и воспринятых ими после установления господства мусульманских феодалов в Декане, является отношение к земле, наследственное владение землей. Еще в начале XIX в. в западной Махараштре полноправные общинники мирасдары (отныне мы будем называть их этим наиболее широко принятым термином) составляли большинство крестьянства, превосходя примерно вдвое число уприев — бесправных держателей общинной земли. Так, в 1821 г. в округе Пуна насчитывалось 10 908 уприев и 19 698 мирасдаров³¹. Имеющиеся единичные данные о распределении земли внутри общины показывают, что держания уприев намного уступали землевладению мирасдаров. Так, например, по налоговым спискам деревни Амболи, Пунского округа, значится, что в 1814—1815 гг. уприи держали здесь землю, приносящую урожай в 912 сиров зерновых в год (сир — около 1 кг), в то время как мирасдарам принадлежала земля, приносящая урожай в 6048 сиров в год³².

Маратхская община была соседской, переделов не существовало, вся пахотная земля была давно разделена на наследственные наделы (тхаль) отдельных членов.

чается вся совокупность обязанностей и прав, включая небольшой участок земли, наследственно принадлежавших общинным ремесленникам в Махараштре (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 216—217, 403). В маратхо-английском словаре Молсворта термин «ватан» переводится следующим образом: «наследственное поместье, должность, источник существования, вотчина» (T. Molesworth, *A dictionary Marathee and English*, Bombay, 1831, p. 992).

³⁰ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 314.

³¹ Ibid., p. 359.

³² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 374. — По данным 1824 г., в округе Пуна число мирасдаров по отношению к другим земледельцам равнялось 3:1, в округе Сатара — 2:1 в округе Ахмеднагар — 1:1 [см. доклад Томаса Мунро от 31.XII.1824 г. («East India affairs», vol. III. Revenue, London, 1832, p. 259)].

общины. Выгоны, пустоши, леса оставались в коллективном владении. Однако в общине можно проследить некоторые остатки прежней родовой организации. Первоначально вся пахотная земля была поделена на владения не отдельных семей, а отдельных патриархальных домашних общин. Термин «тхаль» отражает эту эволюцию. На более ранних этапах развития он обозначал именно владение такой домашней общины. Несмотря на последующее дробление тхалья на отдельные участки, за их владельцами (если они унаследовали землю от общего предка, а не приобрели ее покупкой или каким-либо другим путем) сохранялось наименование «братья по дому» (гхар-бхаи)³³. Наконец, за всеми владениями, образовавшимися путем выделения из первоначального тхалья, сохранилось то общее название, которое было присвоено этому тхалю по родовому имени ранее владевшей им патриархальной домашней общины, как, например, тхаль Джадхав, тхаль Синдия, тхаль Повар и т. д. Фактический владелец мог и не принадлежать к роду Джадхав или Повар, но его земельное владение продолжало носить родовое имя, а все владельцы, к которым так или иначе (иногда покупкой) перешла какая-либо часть первоначального тхалья Повар или Джадхав, во всех официальных документах продолжали группироваться вместе под общим наименованием «мирасдары» или «тхальвахи» тхалья Повар или тхалья Джадхав. Любопытно, что в упомянутом выше документе 1725 г. 27 мирасдаров, выступавших в качестве свидетелей, сгруппированы следующим образом: 10 мирасдаров тхалья Мунджул, 6 мирасдаров тхалья Вигкех, 4 мирасдара тхалья Поклех, 7 мирасдаров тхалья Тамдурра³⁴. Совладелец тхалья, который получил часть его не по наследству, а посредством покуп-

³³ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 315.—Сайкс следующим образом определяет тхаль: «Тхаль—это наследственное семейное владение, которое носит имя старинной маратхской семьи, чьи потомки находятся в обладании им; или носит имя вымершей семьи, о чьем давнем владении свидетельствовали традиции. Результаты шестилетнего обследования подтверждают эти положения. Земли вымерших семей назывались и по-прежнему называются гат-куль, от санскритского *gata* — отошедший, исчезнувший и *кула* — семья, род» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*,—«JRAS», vol. II, 1835, p. 208).

³⁴ W. H. Sykes, *On the land tenures...*,—«JRAS», vol. III, 1836, p. 364.

ки или каким-либо другим путем, становился побратимом остальных совладельцев, связанных между собой кровным родством. Отныне он именовался их братом (но не «братом по дому»); «новый брат должен был соблюдать все обычаи и правила, которые связывали между собой объединение совладельцев (тхалья), к каковому он присоединялся»³⁵. В маратхских судебных и земельных актах наряду с различными должностными лицами неоднократно встречаются упоминания о «гот» (गोट), что по смысловому значению может быть здесь переведено как «род» или «родовитая семья», «семья, имеющая родословную». Это подтверждает и персидский эпитет *جستۀ بنیاد* («высокорожденный»), который в указанном тексте сопровождает и разъясняет слово «гот»³⁶. Под словом «гот» акт 1725 г. разумеет тех же мирасдаров, наследственных совладельцев тхалья, раньше составлявшего нераздельную собственность патриархальной домашней общины. Главы этих домашних общин именовались патилями и составляли совет деревенской общины. Один из этих патилей считался главным и был старостой всей деревни³⁷.

Что же касается самих мирасдаров, то они некогда были не тяглыми крестьянами, а свободными производителями, обрабатывавшими свою землю и не знавшими ни налога, ни ренты, ни принудительного труда. Но эти времена давно миновали, и от прежней патриархальной родовой организации маратхских общин оставались очень слабые пережитки, ибо маратхи уже многие столетия жили феодальным строем³⁸.

³⁵ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 314—315. — Эти обычаи, в частности признание нового совладельца тхалья побратимом остальных, свидетельствуют о пережитке прежних родовых отношений, исключавших переход земли в руки чужаков.

³⁶ См. текст документа 1725 г. (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 352, 354). *Гот* (на маратхском и ряде новоиндийских языков) происходит от санскритского *готра* и имеет следующие значения: род, родословная, семья, подразделения внутри касты или племени.

³⁷ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 315.

³⁸ Баден-Пауэлл, этот апологет частной собственности на землю в качестве всеобщей, исконной и единственной формы в Индии, вопреки фактам пытался отрицать существование общинной собственности на землю в Махараштре. Так как совсем отрицать существование маратхской общины не приходится, то Баден-Пауэллу

Наследственные владения маратхских мирасдаров стали, видимо, объектом купли-продажи и залога. В некоторых частях Махараштры правом преимущественной покупки пользовались члены данного гота, продолжавшие в какой-либо мере рассматриваться в качестве совладельцев первоначального тхалья, когда-то принадлежавшего патриархально-домашней общине в качестве нераздельного целого³⁹. В других частях Махараштры

оставалось представить эту общину порождением аристократической собственности немногочисленных «арийских» завоевателей. Из дробления этих владений «арийских» аристократов, дескать, возникли земли мираси, а налоговые требования государства и введение круговой поруки со временем создали из мирасдаров общину (В. Н. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, — «JRAS», April 1897, pp. 271—272). Этот миф об «арийском» аристократическом происхождении деканских мирасдаров целиком опровергается тем, что основным массовым держателем земель мираси были земледельческие крестьянские касты кунби, велала, редди и др. Не видит Баден-Пауэлл и остатков родовой организации в маратхской общине, не видит и всего процесса превращения родовой общины в соседскую и последующего разложения этой последней. Выделение в общине эксплуататорской верхушки, купля и продажа земель мираси, растущее неравенство земельных наделов — все это является признаками разложения маратхской общины.

³⁹ Вот что сообщается об этом в «Справочнике Бомбейского президентства»: «Если совладелец общего владения (a sharer of a joint estate) хочет продать свою долю, то не допускается переход ее к чужакам, если только кто-либо из членов семьи был в состоянии купить ее. Если же никто из членов семьи не мог купить ее, а владелец доли был вынужден продать ее, то доля переходила к брахману или кунби из другой семьи, или к мусульманину, одним словом, к тому, кто предложит купить ее. Допущение чужаков в качестве совладельцев общего владения по праву покупки повело к возникновению различий среди совладельцев. Совладельцы, являющиеся сородичами первоначального владельца (тхалья), были „братьями по дому“, а лица, ставшие совладельцами в результате покупки, были известны как бирадар-бхави, буквально: «собратья» (побратимы), очевидно, братья в юридическом смысле» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 314). Совершенно таким же образом лицо, которое приобретало часть или долю патильства, тем самым признавалось побратимом других совладельцев этой должности. Так, согласно тексту документа 1725 г., патили деревни Куветех Витоджи и Нироджи продали третью долю патильства Суриаджи, после чего он стал их братом по владению патильством. В тексте говорится: «До этого времени мы были как бы двумя братьями в должности старшины (мукаддама), теперь Вы, Суриаджи, будете как третий брат на равных основаниях пользоваться всеми правами, привилегиями, поступлениями и иными этой должности» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 353—354). Суриаджи в свою очередь вскоре продал

покупателем могло быть любое лицо, разумеется, кроме членов «неприкасаемых» каст; это было единственное ограничение.

В середине XVII в. основную массу маратхского крестьянства составляли мирасдары, полноправные крестьяне-общинники, обладавшие твердым сознанием своих наследственных прав на землю, привычные к ношению оружия и готовые при случае поднять его против своих угнетателей и эксплуататоров.

Именно мирасдары и являлись становым хребтом того могучего народного движения, которое поднялось в середине XVII в. в Махараштре против власти могольских феодалов.

Каковы были в это время права и обязанности мирасдаров? Как уже говорилось, основным было отношение к земле. Земля являлась наследственным владением мирасдара, его бапроти (отцовский хлеб) или отчиной; он, по-видимому, мог отчуждать или закладывать принадлежавшую ему землю, мог строить на ней собственный дом, что не дозволялось упрям — бесправным держателям общинной земли. Мирасдар не мог быть согнан с земли, пока он своевременно уплачивал поземельный налог-ренту, вносил соответственные сборы на содержание

за 200 рупий и кобылу третью часть своей доли патильства Ананду Рао Повару. Обращаясь к нему, автор документа отмечает: «он (Суриаджи) сделал Вас своим братом» (*ibid.*, p. 355). Акты продажи маратхскими общинниками своих земель приведены в налоговых отчетах английского чиновника капитана Робертсона за 1820 и 1825 гг. Они были впоследствии опубликованы в выдержках из архивов Ост-Индской компании. Эти документы относятся к XVIII в. Нам не удалось лично ознакомиться с этим материалом, и мы вынуждены ограничиться его изложением у Эльфинстона: «Капитан Робертсон, один из коллекторов, среди других купчих на землю приводит акт о продаже одним из частных поселян своего права мира-са самому пешве. Он также приводит дарственную деревенской общины. Она предоставляла за соответственную сумму денежную вымершей семье тому же государю и гарантировала его от каких-либо притязаний со стороны бывших собственников земли» (M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1885, p. 267). Сайкс приводит документ 1777 г., в котором он «нашел подробное описание тхалей, а также их владельцев; имена и число мирасдаров, купивших права на земли гат-куль (выморочные владения. — И. Р.) у деревенских властей; описание тхалей, превратившихся в гат-куль, и, наконец, имена различных уприв, которые были держателями земли выморочных тхалей» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 210).

деревенской администрации и выполнял положенные повинности. Даже в случае потери земли он имел возможность в течение 25—30 лет восстановить свои права на утраченную отчину. О таком восстановлении в правах прежних мирасдаров рассказывает маратхский земельный документ 1593 г. В нем речь идет о восстановлении деревень, разрушенных в результате войн и восстаний. Представитель мусульманской налоговой администрации некий Джану Сахеп утвердил решение общинников и патилей деревни Саль и соседних деревень, постановивших, что «старые мирасдары должны вернуться в свои прежние владения»⁴⁰.

Мирасдар имел право голоса в общинных делах, хотя по существу уже в XVII в. это право в значительной мере приобрело фиктивный характер, поскольку фактическая власть в общине принадлежала не мирасдарам, а старшине и общинной верхушке. Наконец, мирасдары пользовались и некоторыми почетными правами: занимали отдельное место на религиозных праздниках и церемониях, обязательно выступали в качестве свидетелей и соприсяжников при разборе земельных споров и были представлены в том примитивном судебном органе, который под председательством патиля выносил приговор по мелким преступлениям, совершенным в пределах общины⁴¹.

В то же время мирасдары являлись тяглым крестьянством в собственном смысле этого слова. Они были связаны круговой порукой и прикреплены к налоговому тяглу. «Хотя мираси, или наследственные земли, облагались постоянным налогом, норма обложения была выше,

⁴⁰ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 416.

⁴¹ О правах и обязанностях мирасдаров наиболее подробно пишет Сайкс (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, pp. 213—215). Этому вопросу касаются также Баден-Пауэлл и Чоксей (В. Н. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, pp. 270—272; R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 233). О судебных функциях маратхской общины И. П. Минаев сообщает следующее: «Патиль мог или сам решать спорное дело, или же созывал панчаят; отказывать тяжущимся в созвании панчаята почиталось вопиющей несправедливостью. Члены панчаята назначались правительством, но с согласия тяжущихся сторон. Члены панчаята должны были быть одного социального положения с тяжущимися. Панчаяты не имели принудительной силы, их решения могли быть обжалованы» (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 87—88).

чем с каких-либо других земель»⁴². В 1605—1626 гг. при Малик Амбере, вазире последнего ахмеднагарского шаха, в Махараштре традиционный продуктовый налог-рента был заменен денежным. Земли в зависимости от качества, характера орошения и средней урожайности облагались твердо фиксированным денежным налогом. Размеры денежного налога устанавливались исходя из того, что он должен изымать у крестьянина не более $\frac{1}{4}$ части валового урожая. Налог накладывался на общину в целом, а распределением его на отдельные хозяйства ведал старшина, что в огромной степени увеличивало власть этого представителя низовой налоговой администрации. Завоевав северо-западную Махараштру, Моголы вернулись к старой системе натурального налога-ренты — батая. Валовой урожай делился между мирасдаром и правительственным сборщиком налогов пополам. На оставшуюся половину урожая мирасдар должен был не только содержать себя, свою семью и обеспечить воспроизводство своего хозяйства, но и отдать из этой части около 50% на содержание общинной администрации, слуг и ремесленников⁴³. Кроме того, мирасдары (правда, в меньшей степени, чем уприи и общинные слуги) должны были выполнять разнообразные повинности как в пользу общинной верхушки, так и в пользу феодалов.

Чрезвычайно трудно установить общее число и самый размер многочисленных добавочных поборов и повинностей, лежавших на маратхском крестьянстве, в первую очередь на мирасдарах. Характер и число этих сбо-

⁴² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 214. — Кроме того, мирасдары один раз в три года уплачивали так называемый мираспатти — добавочный денежный налог на земли мираси. Лежавшая на мирасдарах обязательная поставка фуража феодалам — эта повинность именовалась «гавут-бегар» — была в XVIII в. заменена небольшим денежным налогом.

⁴³ Данные о налоговом обложении Малик Амбера и Моголов приводятся в «Справочнике Бомбейского президентства» и в работе Сена («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 317—321; S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 78). По данным «Справочника Бомбейского президентства», оплата деревенских ремесленников и администрации обходилась мирасдарам в 16% валового урожая («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 366). Сайкс на основе личного опроса крестьян двух маратхских деревень (Мехлунгех и Анкульнер — обе Ахмеднагарского округа) утверждает, что на эти нужды уходило 25—36% валового урожая (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 226).

ров менялись в XVII и XVIII вв., при Шиваджи они были иными, чем в державе пешв. Сен приводит список 49 подобных сборов, повинностей и налогов (центральных и местных), существовавших во времена Шиваджи. Этот список начинается бегаром (принудительный труд) и содержит самые разнообразные формы обложения: добавочные поставки фуража и продовольствия правительству и местным властям (фармази); особый сбор, взимаемый в начале уборки урожая (белекати); «обеденный сбор» (меджбани), очевидно, на «кормление» налоговых чиновников, выезжавших в деревню; сбор тельпати (тель — растительное масло) на иллюминацию по случаю религиозных праздников; сбор топленным маслом (туп); сбор с продажи крестьянами овощей (фаски); сбор на постройку триумфальных ворот по случаю визита знатных гостей (торанбхети); сбор с верблюдов, занятых в транспорте (ут); сбор с манговых деревьев (амбе); добавочный налог на обрабатываемую землю (сетсара); сбор с вьючного скота (сель баиль); «официально узаконенный сбор на подкуп властей (пешкеши); сбор в пользу государевой печати (патсике хумаюн); сбор на празднование государева дня рождения (кар-и хумаюни); сбор на постройку войск (тханебхет); сбор по случаю различных религиозных праздников (он главным образом поступал брахманам); особый налог на огороды (пальбхара); ряд сборов в пользу брахманов (они взимались правительственным аппаратом); налог зерном (дана); сбор с фруктовых деревьев (джхадж-и худада); сбор на постройку правительственных зданий (кар имарати), очевидно, заменивший принудительный труд крестьян, привлекавшихся в порядке отработки для этой цели; особый сбор с земель, орошаемых колодцами, и др.⁴⁴ Сен правильно отмечает, что совершенно невозможно установить, взимались ли все эти сборы и налоги во всех частях государства Шиваджи или они варьировались по отдельным областям в зависимости от местных условий. Равным образом неизвестно, с каких категорий налогоплательщиков они взимались. Известно только, что членам высших каст (брахманам и прабху) делались некоторые послабления: они были освобождены от бегара, платили

⁴⁴ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 83—88.

поземельный налог в уменьшенном размере⁴⁵; а когда пешвы ввели «подомный сбор» (гхар-патти, или амбар сари), то он не распространялся на брахманов и прабху. Не платили брахманы и налогов со скота.

«Справочник Бомбейского президентства» дает несколько менее подробный, но достаточно внушительный список дополнительных сборов (cesses) при пешвах. Приведем этот список:

1) махар-патти — особый сбор с земель махаров, взамен их принудительного труда по обслуживанию феодалов и правительственных чиновников;

2) дехар-патти — сбор в размере годичной суммы поземельного налога, взимавшийся раз в десять лет;

3) мирас-патти — сбор с мирасдаров раз в три года;

4) инам-патти — чрезвычайные сборы с владельцев инамов, освобожденных от уплаты налога-ренты правительству;

5) пандхар-дана — местный сбор на нужды администрации, взимался раз в 12 лет;

6) вихир-хунда — сбор с земель, орошенных колодцами;

7) гхар-патти, или амбар сари, — подомный сбор.

8) туг — сбор с весов;

9) данки — сбор за право бить в барабан на деревенских праздниках;

10) лаган-такки — налог на свадьбы;

11) сбор, оплачиваемый с буйволов, овец и другого скота;

12) махал седилвар — налог на местную администрацию;

13) вангхараи — пастбищный сбор;

14) гхаскатаи — сбор с травы (очевидно, поставка фуража или уплата налога вместо поставки натурой);

15) джаст-патти — добавочный сбор;

16) эксале-патти — сбор одного года⁴⁶.

⁴⁵ См. санад пешвы, датированный 1767 г., об удовлетворении челобитной брахманов тарафа Тунгартан о предоставлении им налоговых льгот (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 290).

⁴⁶ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 323—324. — Сен также приводит список дополнительных налоговых сборов при пешвах. В этом списке фигурируют, сверх списка «Справочника», сбор с вдов, вторично выходящих замуж, сбор с ввода в наследство и некоторые другие (S. Sen, *Administrative sys-*

Даже не зная точных размеров всех этих многочисленных сборов и налогов, приходится констатировать, что маратхский крестьянин был буквально опутан сетями тягостной налоговой эксплуатации: он платил добавочный налог со скота, с каждого фруктового дерева, с колодца, который орошал его поле; он был обязан поставлять фураж чиновникам и феодалам или уплачивать налог вместо поставок натурой; на его плечи было взвалено содержание брахманов и налоговой администрации; он платил особые сборы по случаю религиозных праздников и рождения раджи; не мог жениться, не уплатив особый сбор в пользу фиска. Если учесть вымогательства и поборы местных феодалов и чиновников, грабивших крестьянина сверх и помимо узаконенного сбора на подкуп властей (пешкеши), то нельзя не признать, что маратхские крестьяне несли на себе бремя тяжелой феодальной эксплуатации. Разумеется, ее интенсивность менялась в различные исторические периоды: при Моголах, под властью Шиваджи, в державе пешв, о чем будет сказано в дальнейшем.

Маратхский мирасдар был типичным феодальным крестьянином. Наследственно владея землей, обрабатывая ее своими орудиями и скотом, ведя собственное хозяйство, основанное на личном труде, он был сословно принижен, прикреплен к налоговому тяглу и подвергался суровому принуждению со стороны собственника земли феодала или феодального государства. Единоличная собственность крестьянина и ремесленника на свое частное хозяйство и орудия производства остается подавленной господством феодальной собственности и ни в коем случае не может рассматриваться в качестве полной и неограниченной собственности. Поэтому неправ И. П. Минаев, когда он по существу переносит на маратхских мирасдаров категории буржуазных отноше-

tem of the Marathas, pp. 308—310). Сбор с ввода в наследство прежде всего касался мирасдаров, ибо они не могли вступить во владение своей наследственной землей (ватаном) без утверждения власти и уплаты соответственного сбора. В инструкции раджи Шаху своему государственному секретарю (читнису), впервые опубликованной Сеном, мы читаем: «Когда старый ватан подтвержден после необходимого обследования права собственности на него, письма, направленные ватандару или зиладарам и субадарам, должны быть подписаны читнисом» (*ibid.*, p. 67).

ний собственности⁴⁷. На самом деле ни личность мирасдара, ни его собственность на личное хозяйство и орудия производства не были «свободными». Нельзя не согласиться с мнением К. А. Антоновой, когда она утверждает, что во всех сделках по покупке-продаже земли мираси объектом такой сделки являлся наследственный держательский надел общинника, владение которым связано с точно регламентированными правами и обязанностями⁴⁸.

Следующей значительной социальной группой в маратхской деревне была та часть крестьянства, которая формально стояла вне общины и не имела в ней постоянной оседлости. В Махараштре таких бесправных держателей земли звали уприями⁴⁹.

Обычно они держали землю на основе краткосрочной аренды — так называемой укти⁵⁰. В отличие от мирасдара уприй не был прикреплен к тяглу и не был связан круговой порукой. Он не имел постоянных прав на землю и всегда мог быть согнан с обрабатываемого им участка земли. Вместе с тем уприй мог селиться в деревне лишь по особому разрешению старшины и при условии ежегодной уплаты особого денежного сбора⁵¹.

⁴⁷ В своей работе «Старая Индия» И. П. Минаев писал: «Мираси имели не только пользование землей, но были наследственными и полноправными собственниками; они могли продавать свою землю и до тех пор, пока платили правительству поземельный налог, ни в коем случае не могли быть лишены своего права собственности на землю; даже в случае неуплаты налога, когда земля отбиралась от недоимщика, он в продолжение тридцати лет сохранял за собой право выкупа отобранной земли, по уплате правительственного долга» (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. III)

⁴⁸ К. А. Антонова, *Аграрные отношения в Индии накануне английского завоевания*, стр. 434—435.

⁴⁹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 216. — См. интересные данные об уприях у И. П. Минаева, *Земле-владение в современной Индии*, — «Журнал министерства народного просвещения», 1883, № 11, стр. 139. Минаев видит основные отличие уприя от мирасдара в том, что первый — арендатор, а второй — собственник земли.

⁵⁰ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 355. — Этот источник характеризует аренду укти тремя чертами: землю сдает старшина, держание краткосрочное (на год), уприями сдают земли отсутствующих владельцев (гат-куль).

⁵¹ Отсутствие у уприя постоянной оседлости подчеркивает Чоксей (R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 63). Сен приводит маратхский документ 1653 г. о продаже патильства. Из него явствует, что патиль взимал с пришельцев, селившихся в деревне, осо-

Уприй не имел голоса в решении общинных дел. Он не имел и своего собственного дома и селился в жилище, которое ему предоставляли деревенские власти. Но уприй, кроме того, платил за землю, которую он держал от общинных властей или отдельных общинников. Имеются указания, что часть выморочных мирасдарских владений (гат-куль) временно предоставлялась общинными властями в держание уприям⁵². Можно предполагать, что труд уприев также использовался при распашке целины. Наконец, при наличии в маратхской общине феодальной эксплуататорской верхушки, которая захватывала и присваивала значительную часть выморочных мирасдарских владений, вполне допустимо предположение, что уприи непосредственно эксплуатировались старшиной, его помощником, писарем и другими для обработки принадлежавших им земель. Наконец, имеется весьма интересное указание Сена: «уприи были арендаторами без прав и обычно чужаками, державшими правительственные земли, находившиеся под непосредственным управлением мамлатдаров (налоговые чиновники)»⁵³. Это замечание Сена заслуживает серьезного внимания. Как будет видно из дальнейшего изложения, часть общинных земель была изъята из ведения и распоряжения общины. Эти земли, известные под названием «сири» (изъятый, исключенный), непосредственно принадлежали правительству, являлись казенными землями внутри общины. Часть земель сири подвергалась, как сообщает Сен, прямому налоговому обложению. Правительство сдавало их в держание уприям, надо полагать, за высокую ренту. Другая часть земель сири была передана правительством маратхским наследственным управителям округов (деш-мукхам) и окружным писарям (дешпанде). Эти земли находились в их наследственном владении и распоряжении, могли ими сдаваться в залог или продаваться, вероятно, без санкции общинных властей, и, по-видимому, равным образом обрабатывались трудом держателей-уприев. К сожалению, нет никаких сведений о формах

бый сбор бах-и-джама в размере 25 рупий ежегодно (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 221).

⁵² Прямое указание у Сайкса (W. H. Sykes, *On the land tenures...* — «JRAS», vol. II, 1835, p. 211).

⁵³ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 233.

этой феодальной эксплуатации. Нет прямых данных и о кастовом составе уприев. Однако можно предполагать, что они, так же как и мирасдары, принадлежали к касте кунби. В литературе имеются интересные указания, что обедневшие мирасдары переходили в разряд уприев, и это не считалось зазорным для их касты⁵⁴. Чоксей считает, что уприи представляли собой бывших мирасдаров, в силу тех или иных причин лишившихся своих наследственных земель⁵⁵. А раз это так, то в кастовом отношении между мирасдаром и уприем не могло быть существенной разницы.

В работах некоторых зарубежных ученых говорится, что доля уприя легче доли мирасдара, что уприй будто бы подвергается менее интенсивной эксплуатации, чем мирасдар. Нам это мнение представляется ошибочным. Действительно, уприй платил поземельный налог в уменьшенном размере по сравнению с мирасдаром, но зато он платил, кроме того, ренту. Он — обезземеленный крестьянин, и это значительно ухудшало его положение по сравнению с мирасдаром.

Мы знаем слишком немного о положении уприев, чтобы нарисовать сколько-нибудь полную картину. Отсутствие данных не является случайным. Уприи лишь в незначительной мере несли тяготы поземельного налога, и поэтому их судьба представляла весьма второстепенный интерес для английских чиновников, чьи аграрные изыскания всегда связывались с вопросом налогового ограбления индийских крестьян. Отсюда возникает невольное предположение, что основным эксплуататором уприев скорее всего были мелкие местные феодалы из числа общинной верхушки деревни, а мелкий феодал может быть не менее жестоким эксплуататором, чем крупный. К сожалению, доступные нам источники и литература пока не дают возможности ответить на эти вопросы. Весьма сомнительным нам также представляется высказываемое в литературе мнение о полной свободе передвижения и отсутствии крепости на земли, которыми якобы пользовался уприй. К налоговому тяглу он действительно прикреплен не был, и это вполне понятно, ибо не он был

⁵⁴ Сайкс утверждает, что всякий мирасдар мог дополнительно снимать землю на условиях аренды укти (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 216).

⁵⁵ R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 63.

главным плательщиком налога-ренды. Но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что упрямый должен был так или иначе находиться в личной зависимости от владельца земли, которую он обрабатывал, что он никак не меньше мирасдара был придатком и принадлежностью земли, которой распоряжался феодал.

Третью социальную группу в маратхской деревне составляли общинные слуги и ремесленники. Они наследственно служили общине, получали от нее вознаграждение и утверждение в должности. Соответственная грамота на наследственное владение ватаном общинного слуги или ремесленника, так называемая ватан-патра, выдавалась от имени общины за подписью патиля. Иногда на таких грамотах фигурировали подписи и более высоких представителей феодальной администрации — дешмукхов и дешпанде. «Грамота обязывала ее владельца, согласно обычаю, служить для общего блага при условии, что каждый землевладелец будет платить слуге или ремесленнику определенную долю в продуктах земли»⁵⁶. Получение ватан-патра и ввод в должность обычно были сопряжены с некоторыми расходами на подарки и угощения.

Общинные слуги и ремесленники обозначались у маратхов следующими терминами: «ватандар» (иногда «инамдар»), «хакдар» и «балютадар»⁵⁷. Все три термина одинаковы по своему значению. В термине «ватандар» более подчеркивается наследственный характер должности, переходящей от отца к сыну. В терминах «хакдар» и

⁵⁶ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 362.

⁵⁷ В самом тексте документа 1725 г., а равно в качестве лиц, засвидетельствовавших этот документ, общинные слуги и ремесленники фигурируют под названием «балюта». Под этим же названием они числятся в налогово-земельном реестре деревни Амболи (W. H. Sykes, *On the land tenures...* — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 355, 365, 374). В своей первой статье Сайкс указывает, что в некоторых частях Махараштры ремесленников, в тех случаях, когда они на льготных условиях получали от общины наследственный участок земли, звали «инамдарами» (W. H. Sykes, *On the land tenures...* — «JRAS», vol. II, 1835, pp. 217—218). Сен приводит ряд судебных приговоров по тяжбам между общинными ремесленниками и должностными лицами, где объектом спора было владение «ватаном кузнеца» (лохархи), «ватаном патиля» (патильки), «ватаном джоши», или астролога. Разбирательство дела о «лохархи» относится к 1763—1764 гг., о «патильки» — к 1653 г., о ватане астролога — к 1676 г. (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 213, 217, 235—237).

«балютадар» подчеркивается право слуги или ремесленника на получение определенного вознаграждения со стороны общины. Если термином «хакдар» обозначались не только слуги и ремесленники, но и должностные лица общины, т. е. все, кто имел право на вознаграждение с ее стороны, то термин «балютадар» имел более ограничительный характер и чаще применялся к общинным слугам и ремесленникам в узком смысле этого слова. Терминами «ватан», «хак», «инам» в отношении общинных ремесленников и слуг прежде всего обозначается их наследственная служба или должность (ватан кузнеца, ватан горшечника, ватан цирюльника и т. д.), предоставляющая им исключительное право заниматься определенным видом профессиональной деятельности в составе общины⁵⁸; но этим значение термина «ватан» далеко не ограничивается. Он включает всю совокупность прав и обязанностей, наследственно связанных с должностью того или иного общинного слуги или ремесленника⁵⁹. В более узком смысле слово «ватан» означает, во-первых, право общинного слуги и ремесленника на получение твердо фиксированного ежегодного вознаграждения со стороны общины; во-вторых, — право наследственного владения присвоенным должности данного ремесленника или слуги участком общинной

⁵⁸ Именно эту сторону отмечает Сен, когда подчеркивает: «Ремесленники становились держателями ватанов и ожидали, что сами они и их потомки будут пользоваться монополией на занятие своей специфической профессией. Их право на подобную монополию, как в теории, так и на практике, признавалось всеми» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 233). Вместе с тем ватан и соответствующая ему должность не совпадали, как это явствует из приговора суда 1763—1764 гг. по спору Танджи и Сатваджи о ватане кузнеца: «С этого времени, — гласил приговор, — он (Сатваджи) выполняет работу кузнеца и получает балюте и ставит свои знаки на документах, как кузнец. Однако он не является владельцем ватана кузнеца (лохархи)» (ibid., p. 213). Видимо, Сатваджи не мог передать этого ватана по наследству или отчуждать его. Он как бы объявлялся лишь исправляющим должность кузнеца. Как правило, каждым видом ремесленной деятельности в общине занималось установленное традицией число людей, но не более. Но в некоторых случаях один ремесленник или должностное лицо могли обслуживать не одну, а несколько общин.

⁵⁹ Сайкс лишет о ватанах (инамах) ремесленников и слуг общины: «Балюте также обычно имеют земли инам, но их инам обусловливается выполнением какой-либо профессиональной службы» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 218).

земли. Наконец, ватан также включал различные церемониальные и бытовые права, которыми пользовались, в зависимости от места, занимаемого в кастовой и профессиональной иерархии, те или другие общинные слуги и ремесленники. Таким образом, «ватан» имел много значений, что выясняется из дошедших до нас общинных приговоров того времени. Иногда он понимался как исключительное и притом наследственное право быть кузнецом, горшечником и т. д. в общине. Иногда спор шел о землях и доходах, наследственно присвоенных должности общинного кузнеца, стиральщика, горшечника и т. д. Бывало и так, что потерпевшая сторона жаловалась на умаление своих традиционных, точно регламентированных и разнообразных прав, связанных с владением ватаном того или другого общинного ремесленника и слуги⁶⁰. Мелочная регламентация определяла

⁶⁰ Сен приводит следующую любопытную жалобу, поданную в 1776—1777 гг. от имени махаров в маратхский суд на нарушение их исконных прав со стороны мангов и кунби: «Беннак, сын Субханнака, и Девнак, сын Бхикнака Шинда из деревни Исалак, парганы Парнер, обратились в 1776—1777 гг. с жалобой, что кунби и манги незаконно лишают их (махаров) некоторых из традиционных прав их ватана и следующим образом изложили эти нарушения:

1) кунби мешают им осуществлять их традиционное право на шкуры всех павших животных, кроме рабочих быков;

2) в день праздника Дасры манги получали из каждого дома свои традиционные блюда найбедея (дар богам); из числа этих найбедея 5 должно принадлежать махарам, однако манги заводят по этому поводу споры;

3) что быки-найбедея (жертвуемые богам) в день Пола принадлежат им, махарам, между тем манги незаконно претендуют на быков-найбедея;

4) что они (махары) имеют право на шкуры скота, павшего в хозяйстве мангов, и манги не должны мешать им (махарам) в осуществлении этого права;

5) жертвенный буйвол в день праздника Дасры проводится по деревне с подвязанным к шее горшком со сладостями. Горшок со сладостями и сам буйвол должны принадлежать махарам. Таков обычай, однако манги требуют себе половину сладостей;

6) найбедея (подношения) божееству холеры принадлежат махарам, однако манги оспаривают это право и выставляют свои претензии;

7) обычай таков, что (в день свадьбы) жениху махару следует ехать верхом на лошади, а жениху мангу верхом на быке. Однако в нарушение этого обычая манги сажает своих женихов на лошадей, что должно быть запрещено» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 230—231). Надо иметь в виду, что маратхские государи были высшей инстанцией, разбиравшей споры о взаимоотно-

всякое действие общинного ремесленника или слуги так же, как эта регламентация точнейшим образом регулировала разделение труда между крестьянами и ремесленниками, а также между представителями различных ремесел в составе общины⁶¹.

Ватаны общинных ремесленников и слуг были наследственны; владелец ватана или его потомок мог после долгих лет отсутствия (до 25 лет) восстановить свое право на ватан, вернувшись к исполнению своих традиционных обязанностей в родной деревне. Однако такие случаи были исключениями и являлись скорее всего следствием войны, голода или стихийных бедствий, вынудивших жителей данной деревни надолго покинуть ее. Как правило, ватан ремесленников или общинных слуг наряду с их сословной приниженностью являлся вернейшим средством наследственного прикрепления слуг и ремесленников к данной общине, а в конечном счете — к земле⁶². Общинные слуги и ремесленники не только фактически находились в крепостном состоянии, но над ними тяготели также и пережитки рабства. Ватаны общинных слуг и ремесленников закладывались на известных условиях (здесь кастовый момент играл решающую роль: ватан махара мог перейти только в руки махара, манга — только к мангу, чамара — только в руки чамара), могли покупаться и про-

шении каст, им в конечном счете принадлежало право вернуть человеку касту в случае исключения из нее, они всей силой своего авторитета и власти охраняли и поддерживали кастово-сословную систему. Кастовая регламентация опиралась не только на религию и заостеневшие обычаи, но и на силу принуждения со стороны государственного аппарата.

⁶¹ Типичный пример приводит Баден-Пауэлл: «Для того, чтобы привязывать лошадей проезжих, махар должен приготовить кол, а сутар, или плотник, обтесать и заострить его» (В. Н. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 259). Столь же строго, например, регламентировалась собственность на шкуры убитых или павших животных. Шкура баранов принадлежала чамару, шкуры остальных павших животных — махару (кроме рабочих быков). Во всей деревне только один патиль в качестве особой привилегии мог распоряжаться шкурами животных, павших в его хозяйстве (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 359; «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 364).

⁶² Этой цели также служит наделение общинных слуг и ремесленников небольшими участками земли, освобожденной от уплаты налогов или облагаемой по пониженной расценке (ватан, инам).

даваться⁶³. Как уже упоминалось, при разрешении земельных споров, а равно и при принятии других важных решений общинными властями наряду с «гот» — родовитыми или почтенными семьями мирасдаров — обязательно должны были присутствовать балютадары в качестве свидетелей или своеобразных сопри- сяжников. Без их участия принятое решение не имело полной силы⁶⁴. На соответственных документах общин- ные слуги и ремесленники вместо подписи ставили значок, изображавший орудия, характерные для их профес- сиональной деятельности: кузнец — щипцы, плотник — бурав, стиральщик — скалку, горшечник — инструмент, применявшийся для изготовления посуды, сапожник — род шила, махар — серп и веревку, служившие ему для срезания травы и сбора топлива⁶⁵.

Число общинных слуг и ремесленников не было оди- наковым в каждой маратхской деревне, поскольку были деревни большие и маленькие. Кроме того, имели значе- ние и кастовый состав населения, давность существова- ния деревни и ряд других обстоятельств. По данным

⁶³ Сайкс сообщает следующее: «В местечке Махр, округа Пуна, я нашел, что все аролах (земельный ватан махаров состоял из зе- мель категории аролах и харки. — *И. Р.*) махаров заложены ими у патилиа. Они были первоначально заложены у дешмукха, но за денежную сумму последний передал их патилию» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 225). Думается, что здесь дело шло не только о закладе земли, но и об отношениях долгового рабства, в котором оказались махары сначала у дешму- кха, а затем у патилиа. В работе Бхагата приводятся многочисленные примеры подобного рода эксплуатации «неприкасаемых» в качестве долговых рабов (M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maha- rashtra*, p. 26).

⁶⁴ В документе 1725 г. говорится: «Мы и все наше братство (имеются в виду патили. — *И. Р.*) и все почтенные люди деревни (мирасдары) вместе с балюте, будучи единодушны, выдали вам письменное согласие» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 355).

⁶⁵ Тот же Сайкс в своей публикации документа 1725 г. воспро- извел в конце текста все эти изображения ремесленных орудий, точно срисованных им с подлинника. Знаком деревенского муллы (фактически он исполнял менее почетные, но более полезные обя- занности мясника в маратхской деревне) были четки, знаком джо- ши — схематическое изображение календаря, знаком продавца бе- теля — пан, или коробочка, с отделениями для готовых порций бетельной жвачки, знаком сонара — миниатюрный молоток, знаком местных торговцев — весы (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 363—366).

источников выясняется состав общинных слуг и ремесленников в маратхской деревне.

Деревня Куветех, 1725 г. В опубликованном Сайксом документе в качестве свидетелей и соприсяжников перечисляются следующие представители балютадаров: мусульманский священник, сутар (плотник), чамар (скорняк или башмачник), лохар (кузнец), бхат или джоши (жрец-астролог), пурит или дхоби (стиральщик), махары (дровосеки, сторожа). Всего 9 человек⁶⁶.

Деревня Мултун, 1814 г. Здесь, как и в документе 1725 г., приводится список балютадаров, выступавших в качестве свидетелей и соприсяжников. Этот список содержит 13 наименований общинных слуг и ремесленников. 9 из них повторяют список 1725 г. Дополнительно фигурируют следующие: кумхар (горшечник), сонар, навхи (цирюльник), манг (вьет веревки и выполняет ряд мелких работ) и майтри (занят на маслобойке, вырабатывающей растительное масло)⁶⁷.

Кроме того, в литературе приводятся и другие списки маратхских балютадаров⁶⁸.

В литературе существует традиционное деление маратхских ремесленников и общинных слуг на 12 балютадаров и 12 алютатаров. К числу первых относят сутара, чамара, махара, лохара, пурита, кумхара, навхи, манга, коли, джоши, гуру и маулану. Этот разряд общинных слуг и ремесленников носит общее наименование «кару» — работающие или действующие. Нам точно известны их функции, права и обязанности, способы оплаты их труда. Что же касается 12 алютатаров, то о них известно очень мало. Даже данные о самом составе алютата-

⁶⁶ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 365—366.

⁶⁷ Ibid., pp. 368—369.

⁶⁸ И. П. Минаев дает следующий список балютадаров: махар, сутар, чамар, лохар, дхоби, навхи, кумхар, пешкур (глава махаров), манг, коли (водонос), маулана, бхат (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115). В «Справочнике Бомбейского президентства» дается более широкий список: сутар, лохар, пурит (дхоби), навхи, кумхар, сонар, гуру, коли, чамар, манг, махар, маулана, джоши и жрец («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 362—365). Другие авторы также дают свои варианты состава ремесленников и общинных слуг в маратхской деревне (R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 65; J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, pp. 31—34; S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 235).

ров не обоснованы документально и представляют не что иное, как более или менее произвольные догадки И. П. Минаева, Грант-Даффа и Баден-Пауэлла. Баден-Пауэлл причисляет к алютадарам сонара, джангама (жреца), шимпи (портного), коли, тарала, или ескара (посыльного старшины), мали (садовника), тамбуриста и флейтиста, гондали (барабанщика), продавца бетеля, продавца растительного масла, рамоши или бхила (представителя отсталых полуохотничьих племен, использовавшихся в качестве сторожей, следопытов и для несения полицейской службы)⁶⁹. За алютадарами закрепилось название «нару» — бездействующие, неработающие. Из алютадаров в составе маратхских деревенских общин прочно сохранились сонар, коли, рамоши или бхил. У ряда авторов сонар, коли, рамоши или бхил в XIX в. уже фигурируют в списке балютадаров. Что же касается остальных алютадаров, то их присутствие в составе общинных слуг и ремесленников, по данным XVII, XVIII, а тем более XIX вв., не отмечается⁷⁰.

Перейдем к более подробному рассмотрению положения общинных слуг и ремесленников. Двое из них не являются слугами и ремесленниками и должны быть отнесены к эксплуататорской верхушке общины, а именно: сонар и джоши. Сонар выступает не столько в качестве ремесленника, сколько в роли мелкого чиновника налоговой администрации. Его основная обязанность, за выполнение которой ему, помимо балюты (т. е. доли в урожае каждого общинника), выплачивался еще определенный процент с общей суммы собранного налога, заключалась в проверке полноценности монеты, посту-

⁶⁹ B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 257.— Вильсон в своем глоссарии приводит следующий список алютадаров Махараштры: джангам, коли, бхат (помощник жреца), рамоши (несущий внешнюю охрану деревни), мали, тарал, или ескар, гондали, гарси (флейтист), даури (барабанщик на малом барабане), сути (портной), тели (маслодел и продавец растительного масла), тамбули (приготавливший и продававший жвачку из бетеля) (H. H. Wilson, *A glossary of judicial and revenue terms...*, pp. 29—30).

⁷⁰ На это, в частности, указывал И. П. Минаев: «...в настоящее время 12 алютадаров почти совершенно исчезли из махаратхских деревень» (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 117). Сайкс пишет: «Я ничего не говорю об алютадарах как части деревенской общины, ибо нет и двух людей, которые были бы между собой согласны об их составе» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRS», vol. II, 1835, p. 225).

павшей от крестьян в порядке выплаты налогов в казну⁷¹. Кроме того, сонар нередко занимался ростовщичеством и уже по тому одному не может быть причислен к трудящемуся населению. Что же касается джоши, то эту должность мог занимать лишь представитель брахманской касты. Как правило, должность общинного астролога по совместительству занимал кулькарни, или деревенский писарь, также обязательно являвшийся брахманом⁷². Занятие должности джоши служит кулькарни средством дальнейшего увеличения и без того значительных доходов.

По размерам основной оплаты своего труда — а она прежде всего заключалась в определенной доле крестьянского урожая — деревенские слуги и ремесленники разделялись на три разряда, в каждом по четыре балютадара. В первом разряде, с наиболее высокой оплатой, состояли сутар, чамар, лохар, махар. Во второй разряд входили пурит (дхоби), кумхар, навхи, манг. К третьему разряду относились коли, джоши, гуру, сонар⁷³.

⁷¹ Сен сообщает, что сонар получает 1 дамди (1/4 пайсы) с каждой рупии собранного налога (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 232). И. П. Минаев указывает, что в обязанности сонара входило также общее наблюдение за монетами, находящейся в обращении, и изъятие порченной или неполноценной монеты (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115). «Справочник Бомбейского президентства» называет сонара общинным казначеем. Он не только проверял полноценность монеты, поступавшей в порядке уплаты налога, но хранил собранные деньги до отправки их в казначейство («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 363).

⁷² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 223. — О совмещении должностей джоши и кулькарни в деревне Джджури говорит приводимый Сеном приказ пешвы Мадхава Рао (1761—1772). Текст приказа Сен передает следующим образом: «Мадхава Рао отлучил Сахо Морешвар Бельзар, джоши и кулькарни Джджури, и конфисковал его ватаны джоши и кулькарни, потому что он не соблюдал обрядов траура в связи со смертью, происшедшей в другой ветви его рода» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 403).

⁷³ Деление на разряды дано на основе наблюдений «Сайкса, подробно описавшего эту систему в маратхской деревне Сирур Ахмеднагарского округа. Для обозначения разряда балютадаров мзратхи употребляли персидский термин «хасс», что значит 'особый, исключительный, стоящий над другими' (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 226). Принадлежность к тому или иному разряду не определяла ни социального положения, ни уровня материального благосостояния отдельного балютадара. Так, например, принадлежность сонара и джоши к третьему разряду

Первый разряд получал при сборе урожая 300 гурах (связок) джавара или баджры с 1 чавара или 120 бигха посева (один шахский бигха равнялся $\frac{4}{5}$ акра); второй разряд — 225 связок; третий разряд — 175 связок⁷⁴. Джавар и баджра — основные зерновые культуры, возделываемые в Махараштре. Кроме отчисления в джаваре и баджре, балютадарам полагалась определенная доля и с другой сельскохозяйственной продукции, но в меньшем размере. С остальных зерновых культур ремесленники получали не связками, как с джавара и баджры, а горстями (пасах — горсть — сколько человек может удержать в ладони одной руки), но в том же числе, которое установлено для каждого разряда балютадаров (300, 225, 175). С каждого выпаренного крестьянином чана сока сахарного тростника балютадару первого разряда причиталось пять стеблей тростника, балютадар второго разряда — $2\frac{1}{2}$, а третьего разряда — $1\frac{1}{4}$. Свою долю балютадары получали и со сбора огородных культур: лука, чеснока, моркови и редиски. Ведущие ремесленники первого разряда — сутар, чамар и лохар, — кроме того, пользовались правом засеивать на участке каждого землевладельца полосу из четырех рядов зерновой культурой рала; землевладелец обрабатывал почву, а ремесленник производил посев и снимал урожай⁷⁵. Помимо ежегодных натуральных отчислений различными видами сельскохозяйственных продуктов, составлявших балюту в собственном смысле, деревенские слуги и ремесленники на определенных условиях получали наследственный надел общинной земли (ватан или инам). Поскольку размеры этой земли и условия ее держания не были одинаковы для различных разрядов балютадаров, мы будем разбирать этот вопрос, когда речь пойдет о правах и обязанностях, о формах

балютадаров, видимо, объясняется тем, что отчисление доли урожая не было основным источником их доходов. В качестве общинного казначея сонар получал особое вознаграждение, составлявшее его основной доход.

⁷⁴ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 226. — Гурах — связка или сноп определенного размера, он имел около 1 фута в диаметре.

⁷⁵ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 226. — Другие данные о размерах натуральных отчислений приводит «Справочник Бомбейского президентства» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 262—265).

оплаты и способах эксплуатации тех или иных слуг и ремесленников.

Специально следует остановиться на положении тех баятадаров, которые относились к «неприкасаемым» кастам. «Неприкасаемыми» в маратхской общине были махар, манг, чамар, дхор, бханг⁷⁶, бхил и рамоши. Некоторые из них принадлежали к отсталым племенам (бхилы и рамоши), другие были выходцами из соседних областей Индии (бханги), но огромное большинство «неприкасаемых» являлось маратхами, исконными уроженцами страны.

Бесправное и чудовищно приниженное положение членов «неприкасаемых» каст в Махараштре, как, впрочем, и в других частях Индии, было пережитком рабства. Подвергаясь самой жестокой эксплуатации и фактически находясь на положении общинных полурабов, полукрепостных, они именно в силу этого обрекались на «неприкасаемость» и вынуждены были заниматься «нечистыми», с точки зрения ортодоксального индуизма, профессиями. В сословно-кастовой иерархии им отведено самое низкое место. Пресловутая «неприкасаемость» являлась не причиной их полурабского состояния, а лишь следствием и выражением того бесспорного факта, что их эксплуатировали как крепостных и рабов.

Рассмотрим сначала роль «неприкасаемых» в производстве, а затем остановимся на тех сословно-кастовых ограничениях, которым они подвергались. Махары составляли наиболее многочисленную группу «неприкасаемых» в маратхской деревне. В самой маленькой общине их насчитывалось не менее пяти семей, а в более крупных — до 50⁷⁷. И. П. Минаев указывает, что махар блюдет границы (внешние и внутренние межи), сторожит посевы, находится на посылках по общественным делам. Кроме того, махар был «путеводителем странника, чистил его коня, зарывал мертвых животных, исполнял все мелкие работы, словом, был человеком на все послуги»⁷⁸. Но этим перечнем далеко не ограничивались многочисленные функции махаров.

⁷⁶ M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, p. 2.

⁷⁷ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 364.

⁷⁸ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115.

Приводим более подробные данные «Справочника Бомбейского президентства»: «В спорах о межах их (махаров) показание обычно является решающим. Они дают свое показание тем, что после принятия присяги проходят вдоль спорной границы, шествуя важно и торжественно в сопровождении старшины и жителей деревни, которые точно отмечают путь их следования»⁷⁹. Махары — вестники и гонцы. Они зачастую бывали в городе, выполняя те или иные поручения старшины. Совместно с сонаром они отвечали за сохранную доставку налоговых платежей в ближайшее казначейство. Махар более других общинников сталкивался с внешним миром и был едва ли не самым осведомленным в области политических событий, своеобразной живой газетой, основным распространителем новостей и слухов⁸⁰. Махар — деревенский сторож. Махары составляли постоянную охрану у деревенских ворот. Другие охраняли гумно во время обмолота, а после его окончания — склады зерна, куда общинники свозили продукты, причитавшиеся в качестве ренты-налога феодальному государству. Махары были проводниками путешественников, сопровождая их до границы следующей общины. Махар смотрел за лошадьми путешественника, переносил его багаж (кроме личной одежды, продовольствия и кухонной посуды, каковые были бы «осквернены» прикосновением махара), доставлял ему топливо и фураж. Та-

⁷⁹ «Gazetteer of the Bombay presidency», pp. 364—365.— Точное знание махаром всех деревенских межей свидетельствует, на наш взгляд, о том, что махары принимали постоянное и непосредственное участие в полевых работах.

⁸⁰ «Их способ весьма несложен: послание, письмо или какой-либо символический предмет, легко поддающийся замене, вручается 3 или 4 деревенским махарам; каждый из них бежит в соседнюю деревню и доставляет послание; здесь немедленно снимают копию с письма или достают несколько однородных предметов, подобных полученному, и 3—4 махара бегом отправляются с ними в 3—4 соседние деревни. Таким образом, новость распространяется в геометрической прогрессии или подобно тому, как от брошенного камня расходятся круги по воде» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 228). Надо полагать, что именно этим способом накануне народного восстания 1857—1859 гг. по всей Индии с необычайной быстротой распространялся призыв начать борьбу с англичанами. Как известно, символом предстоящего восстания служили особые лепешки «чапати», передававшиеся из деревни в деревню. Каждая деревня, получившая чапати, выпекала несколько штук и рассылала их по соседним селениям.

ким же образом махар был обязан обслуживать налоговых чиновников и других представителей власти, прибывавших в деревню или проезжавших через нее. Он устанавливал очередь между семьями мирасдаров (какая из них должна снабжать продовольствием заночевавших в деревне правительственных чиновников или путешественников, а также кормить попрошайк-факиров и всякого рода живших подаванием «святых людей», каковых было особенно много в средневековой Индии). В этом списке многообразных и многочисленных обязанностей и функций как бы теряется непосредственное участие махара в производстве. Между тем знак, который махар в качестве свидетеля или соприсяжника ставил на различного рода документах общины, недвусмысленно говорит об этой стороне дела. Напомним, что знаком или символом махара, непосредственно вводящим нас в круг его трудовой деятельности, служили серп и веревка. Махар был прежде всего поставщиком фуража, травы, которую он срезал серпом, и топлива, которое он связывал в вязанки при помощи своей веревки⁸¹. Фураж и топливо махар поставлял проезжавшим чиновникам и путешественникам, фуражом и топливом он был обязан снабжать всю эксплуататорскую верхушку деревни; он же доставлял топливо, для изготовления пищи на деревенских праздниках, и он, наконец, заготавливал дрова для погребального костра, на котором сжигали покойников⁸². В последнем

⁸¹ Это подтверждают и данные фольклора (Sh. Chilli, *Folk-tales of Hindustan*, Allahabad, 1920, p. 113).

⁸² В документе 1725 г. прямо говорится об обязанности махаров деревни Куветех поставлять по праздникам определенное число вязанок топлива патилям этой деревни (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 359). Документы, опубликованные Сеном, всецело подтверждают это. В документе 1653 г. (запродажная на долю патильства деревни Бханагаон) в перечислении прав, привилегий и доходов патильства прямо указывается на поставку махаром топлива патилям (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 219). В документе 1740—1741 гг. (запродажная на долю ватана кулькарни и джоши деревни Нимбагон Нагана) в числе доходов ватана в пункте 7 также фигурирует поставка топлива, очевидно доставлявшегося махаром (*ibid.*, p. 227). Наконец, в недатированном документе, опубликованном В. К. Раджваде в сборнике документов «Источники по истории маратхов», указывается, что дешмукхи и дешпанде получают «традиционную вязанку топлива от махаров каждой деревни по праздникам» (цит. по кн.: S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 249).

случае он получал в награду саван умершего и небольшую сумму денег.

Можно предполагать, что полурабы-махары привлекались старшиной и другими представителями общинной верхушки для обработки принадлежавших им земель, хотя об этом в нашем распоряжении пока нет прямых данных. Вместе с тем махары были обязаны поочередно отбывать повинность по обслуживанию более крупных феодалов. Так, Сайкс указывает, что в деревне Вагни (округ Шолапур) махары в прежние времена (до английского завоевания) в течение шести месяцев в году бесплатно обслуживали в качестве конюхов войска Нимбалкара из Кармелех, державшего обширный джагир по берегам р. Сина⁸³. Это не было единственным явлением. Вот что сообщает тот же автор: «В местечке Канур, тараф Канур, входящем во владение джагирдара, я нашел, что в настоящее время обязанности махаров заключаются в том, чтобы заготавливать траву и топливо, обслуживать в качестве конюхов джагирдара и правительственных чиновников, переносить тяжести, доставлять письма и послания, выполнять обязанности проводников и охраны при путешественниках»⁸⁴. Сайкс устанавливает, что часть феодальных повинностей, лежавших на махарах, была впоследствии заменена особым денежным налогом рабта или вапта: «В 12 деревнях Махр Кохрех, округа Пуна, взимается (с махаров) рабта, но взимается вместо выполнения прежней специфической повинности бесплатно снабжать сухими дровами и травой как всех правительственных чиновников, прибывавших в район, так частично и горные крепости... остальные обязанности махаров остались незатронутыми. Происхождение этого налога мне объяснили тем, что при прежнем правительстве (т. е. до английского завоевания. — И. Р.), когда мамлатдар (налоговый чиновник. — И. Р.) являлся в какой-либо округ, все махары поочередно обслуживали в качестве конюхов его лошадей и лошадей его приближенных, бесплатно доставляли топливо и фураж, переносили тяжести и разносили послания и т. д.; и эта служба про-

⁸³ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, pp. 226—227.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 227; см. также в кн.: M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, p. 40.

должалась в течение всего времени пребывания мамлатдара в данном районе»⁸⁵.

Таким образом, в самой общине махары выполняли тяжелую физическую работу дровосеков и косцов и вместе с тем представляли ту группу деревенского населения, прямой и непосредственной обязанностью которой было выполнение ряда многочисленных повинностей (своеобразной отработки) в пользу старшины и вышестоящих чиновников из феодалов⁸⁶. Работа на джагирдара иногда отнимала у махара до шести месяцев в году. Надо полагать, что эту службу махары различных деревень несли поочередно. Вознаграждение махаров складывалось из следующих статей. Они были балютадарами первого разряда и ежегодно получали соответствующую долю в урожай каждого крестьянина-общинника. Им принадлежали трупы павших животных (кроме баранов и рабочих быков), и они могли снимать с них шкуры и использовать по своему усмотрению⁸⁷. Наконец, махар имел свой небольшой наследственный надел общинной земли. Ватан махара состоял из двух категорий земли: харки, полностью освобожденной от каких-либо налогов, и аролах, обложенной не-обременительным денежным налогом⁸⁸. Махар пользо-

⁸⁵ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 227. — Сайкс указывает размеры рабта — 24 рупии в год (очевидно, не с каждого махара в отдельности, а со всех махаров данной деревни).

⁸⁶ Правительственные и налоговые чиновники в обмен на то, что они предоставляли махару пищу, имели право на его труд в течение определенного числа дней в году: дешмукх — в течение месяца, дешпанде — в течение 15 дней, серпатиль (главный старшина) — в течение 8 дней («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 365).

⁸⁷ Кроме того, махар получал часть жертвенных животных и других приношений богам (сладости, продовольствие), поступавших по большим религиозным праздникам от всех жителей деревни (см. приведенную выше жалобу 1776—1777 гг. махаров деревни Исалак на нарушение их прав кунби и мангами).

⁸⁸ О земельном наделе махара см. «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 365. Интересные сведения дает Сайкс, а также Баден-Пауэлл (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 224; B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 276). По спискам деревни Кумбхари, из общей площади инамов, равной 580 бигха, махары владели 160 бигха, или 128 акрами, земли, что ясно указывает на наличие в этой деревне не одного, а более десяти махаров.

вался правом заклада и продажи своей земли, но покупателем ее мог быть только член касты махаров, способный выполнять специфические обязанности, связанные с владением этим ватаном. Махары, заложившие земли старшине или более крупным феодалам, превращались в долговых рабов у своих заимодавцев. Махар, как, впрочем, и другие «неприкасаемые» из числа деревенских слуг и ремесленников, был прикреплен к общине, являясь ее полукрепостным, полурабом⁸⁹. Фактически старшина и другие влиятельные лица распоряжались бесплатным трудом махаров по своему усмотрению, а бесправное положение махара в качестве «неприкасаемого» являлось средством внеэкономического принуждения. Махар, как и другие «неприкасаемые», жил не в самой деревне, а за околицей, не мог пользоваться питьевой водой из деревенского колодца, не имел доступа в деревенский храм и в жилища членов «чистых» каст. Там, где «неприкасаемые» не имели своего колодца или другого источника воды, им приходилось ждать, пока какой-либо кастовый индус из милости достанет воды из колодца и нальет немного в их кувшин⁹⁰.

К числу «неприкасаемых» также принадлежал деревенский скорняк, или чамар. И. П. Минаев указывал, что «скорняк чинил его (крестьянина) башмаки даром, даром же изготовлял ему хлыст и мех в колодце»⁹¹. Итак, чамар изготовлял для общинников башмаки, бурдюки, упряжь, кнуты и всевозможные ремни. Чамары, как и другие общинные ремесленники, работали на материале, доставляемом заказчиком. Чамар каждый год бесплатно (т. е. из своего материала) снабжал опре-

⁸⁹ В своем обследовании 1935 г. Бхагат сообщает, что и в настоящее время махары обязаны трудиться, по существу бесплатно, на саркар (правительство) и на жителей деревни. Тот же автор отмечает, что ватан служит средством прикрепления махаров к земле (M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, p. 40). Как видно, английские колонизаторы на протяжении полутора столетий своего господства над Махараштрой сумели полностью сохранить полурабское состояние махаров, как, впрочем, и других «неприкасаемых».

⁹⁰ Лишение питьевой воды в случае «нерадивой» работы или уклонения от выполнения своих обязанностей являлось серьезным средством давления общинной верхушки на «неприкасаемых», в частности на махаров (M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Maharashtra*, pp. 41—42).

⁹¹ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115.

деленным количеством пар обуви старшину, его помощника и деревенского писаря, а также вышестоящих феодалов — дешмукха и дешпанде. Из текста документа 1725 г. следует, что в деревне Куветех местный чамар был обязан изготовить четыре пары обуви в год только для патилей, управлявших этой деревней⁹². Чамар был балютадаром первого разряда, и этим определялся размер отчислений, которые он получал продуктами сельского хозяйства с каждого общинника. Кроме того, чамару принадлежали шкуры всех баранов, павших в общине. Он пользовался от общины небольшим земельным ватаном⁹³. Чамар считался «нечистым» и подвергался тем же унижительным общественным и бытовым ограничениям, что и остальные «неприкасаемые».

К числу «неприкасаемых» относился и манг. «Обязанности манга были несложны: он бил в барабан или играл на роге перед храмом и вил веревки для сельчан»⁹⁴. В качестве деревенского ветеринара он лечил и кастрировал скот и, наконец, выполнял различные сельскохозяйственные работы в общине, полурабом, полукрепостным которой он являлся. Манг стоял в самом низу сословно-кастовой иерархии. Даже махар (сам «неприкасаемый») не брал воды и пищи из рук манга и не допускал его в свое жилище⁹⁵. Манг получал балюту в качестве балютадара второго разряда, но не имел земельного ватана от общины; мангу принадлежала своя строго фиксированная доля в праздничных приношениях (наибедия) жителей деревни богам.

Если махары отвечали за охрану самой деревни, то представители так называемых отсталых племен бхи-

⁹² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 359. — По документации, опубликованной Сеном, в обязанности чамара входило ежегодное изготовление двух пар ботинок для патиля (запродажная патильства 1653 г.), одной пары ботинок для джоши и кулькарни (запродажная ватана джоши и кулькарни 1740—1741 гг.), одной пары ботинок для дешмукха и дешпанде (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 219, 227, 250). Надо полагать, что чамар в таком же порядке снабжал бесплатно обувь и помощника старшины чаугула.

⁹³ См. налоговые списки деревни Амболи, опубликованные Сайксом (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 374).

⁹⁴ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 116.

⁹⁵ M. G. Bhagat, *The untouchable classes of Mahārashtra*, p. 44.

лов и рамоши несли сторожевую службу на всей территории общины. Они были сторожами, охотниками и следопытами. Наличие в общине сторожей из числа бхилов и рамоши служило известной гарантией против грабительских налетов со стороны этих племен. Рамоши и бхилы пользовались за свою службу земельным инамом⁹⁶. В случае кражи или другого преступления, совершенного на территории общины, если бхилы и рамоши не могли обнаружить преступников, то они за свой счет были обязаны компенсировать потерпевшего.

Переходим теперь к общинным слугам и ремесленникам, принадлежавшим к «чистым» кастам. Среди них первое место занимал сутар, или плотник, труд которого требовал сравнительно высокой квалификации. Плотник изготовлял все деревянные сельскохозяйственные орудия, причем материал доставлялся землевладельцем. Два-три дня в году он был обязан лишь за питание работать на дешмукха и дешпанде⁹⁷. Надо думать, что в таком же порядке сутар обслуживал не только упомянутых выше феодалов, но и эксплуататорскую прослойку в самой общине. Сутар получал балюту в качестве балютадара первого разряда и, кроме того, имел от общины наследственный земельный надел⁹⁸.

Важное место в хозяйственной жизни маратхской общины принадлежало кузнецу. На нем лежала обязанность изготовления и починки различных металлических поделок и орудий: серпов, подков, замков, засовов, гвоздей и т. п. Древесный уголь и металл доставляли заказчики. Кроме того, кузнец подковывал лошадей и набивал колеса, за что получал небольшое дополнительное вознаграждение. Он не отбывал барщины, но «каждый

⁹⁶ «В местечке Хейр на реке Бима (тараф Разин)... рамоши имеют 60 бигха земли. В том же местечке махары имеют 180 бигха. Наличие этих отдельных земельных пожалований доказывает, что охрана безопасности представляла отдельную службу, отличавшуюся от службы махаров» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 230). В налоговых списках деревни Кумбхари среди прочих инамов числится инам бхилов в размере 10 бигха земли (B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 276).

⁹⁷ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 362.

⁹⁸ См. налоговые списки деревни Амболи (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1835, p. 374).

год был обязан доставлять набор подков и 24 гвоздя правительству, которое «снабжало его железом»⁹⁹. Лохар получал балюту по первому разряду и, кроме того, имел от общины земельный ватан¹⁰⁰.

Горшечник, или кумхар, снабжал сельчан сосудами из обожженной глины, изготовляя большие глиняные сосуды для хранения пряностей, соли и зерна, а также кувшины для воды. Он получал балюту по второму разряду и, по-видимому, не имел земельного ватана¹⁰¹. За изготовление кирпичей и черепиц кумхар получал дополнительное вознаграждение. Горшечник был, кроме того, обязан бесплатно поставлять определенное количество глиняной посуды старшине и другим членам общинной верхушки¹⁰².

Пурит, или дхоби, исполнял обязанности прачки в маратхской общине. В Индии, как, впрочем, везде на Востоке, это было мужское занятие, и пурит стирал белье только мужской половины деревни. Чтобы очистить белье от грязи, пурит обходился без мыла: он бил намоченное белье о плоский камень, а затем поло-скал его в воде. Пурит был балютадаром второго разряда, сведений о наделении этой категории общинных слуг земельным ватаном нет.

Общинный брадобрей, или навхи, имел множество обязанностей. Он не только брил и стриг сельчан, подстригал им ногти, но также оказывал им медицинскую помощь: делал массаж, вправлял вывихи, пускал кровь. Ни одно семейное торжество или деревенский

⁹⁹ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 362.

¹⁰⁰ Так, в приговоре по делу Танджи против Сатваджи (1763—1764), который приводит Сен, прямо говорится о ватане кузнеца (лохархи) (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 212—213). Сен также приводит и другой приговор, относящийся к этим же годам. Он показывает, что родственники первоначального владельца ватана лохархи могли восстановить свое право на ватан после длительного перерыва. Так, ватан лохархи в деревне Холад (тараф Нараянгаон, прант Джуннар) «был в 1763—1764 гг. возвращен четырем двоюродным братьям — Шиваджи, сыну Танхаджи, Висаджи, сыну Малджи, Даркоджи, сыну Малхарджи и Нимбаджи, сыну Шипаджи Чаудхари, хотя их дядя Санту добровольно покинул свой ватан и деревню и отказался вернуться к исполнению своих обязанностей, несмотря на неоднократные уговоры односельчан» (ibid., p. 234).

¹⁰¹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 374.

¹⁰² Этот сбор носил наименование сугре (глиняная посуда).

праздник не обходились без навхи. Он играл на тамбуре или барабане во время праздника, подавал присутствующим умываться, был поваром на свадьбе. Навхи не имел земельного ватана и получал оплату в качестве балютадара второго разряда¹⁰³.

Деревенский водонос, или коли, обслуживал старшину и других членов общинной верхушки, он носил воду, когда готовился храмовый или другой праздник, а также семейное торжество (свадьба, рождение и т. д.). Коли доставлял воду приезжим путешественникам, купцам и чиновникам, зажигал и тушил светильник у сельского присутственного места, где общинники собирались на сход. Как показывает документ 1725 г., коли был обязан доставлять каждому старшине (а в деревне Куветех их было четверо) по три кувшина в день¹⁰⁴. Надо думать, что писарь и помощник старшины также пользовались услугами коли, хотя, наверное, получали не три кувшина воды в день, а несколько меньше, поскольку они были рангом ниже старшины. Коли не имел земельного ватана и получал балюту по третьему разряду. По-видимому, основное назначение коли состояло в том, что он обслуживал в качестве водоноса не столько односельчан, сколько общинную верхушку и проезжих чиновников и купцов.

Приведенные выше (пусть неполные и далеко не исчерпывающие) данные о положении общинных слуг и ремесленников в маратхской деревне XVII и XVIII вв. позволяют сделать некоторые выводы. Труд ряда представителей этой социальной прослойки, прежде всего «неприкасаемых», преимущественно эксплуатировался общинной верхушкой как в форме принудительных отработок (поставка топлива, фуража, доставка воды), так и в сельском хозяйстве («неприкасаемые» совместно с упряими, видимо, участвовали в обработке земли, принадлежавшей эксплуататорской прослойке деревни, равно как казенных земель сири). Из слуг общины они

¹⁰³ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 363.

¹⁰⁴ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 358—359. — Документ 1740—1741 гг., опубликованный Сенем, следующим образом рисует обязанности коли (пункт 6) по отношению к патилю, кулькарни и джоши: «Коли должен доставлять им воду после того, как он обслужил дом патиля» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 227).

в значительной мере превратились в слуг общинной верхушки. Формы эксплуатации «неприкасаемых» в основном феодальные, хотя отмечаются значительные пережитки общинно-патриархального рабства. Кроме того, на плечи «неприкасаемых» ложились различные, главным образом неземледельческие, отработки по обслуживанию феодалов (служба махаров на конюшне джигдаров и мамлатдаров, поставка фуража и топлива). Хотя в нашем распоряжении не было документальных данных, можно предполагать, что именно «неприкасаемые» преимущественно привлекались к несению тяжелой феодальной повинности принудительного труда за пределами общины. Но не только «неприкасаемые» слуги подвергались феодальной эксплуатации со стороны верхушки общинных и вышестоящих феодалов. Объектом этой эксплуатации, хотя и в меньшей степени, являлись общинные ремесленники. И чамар, и лохар, и сутар, и кумхар были обязаны бесплатно снабжать изделиями своего труда общинную верхушку, а также дешмукхов и дешпанде. Такая община, где фактически господствует феодальная эксплуататорская верхушка, представляет своеобразную коллективную сеньорию, сама выступает носителем внеэкономического принуждения (хотя одновременно подвергается суровому давлению феодалов), а ее внутренний распорядок и мелочная регламентация труда и всей жизни различных категорий крестьян, слуг и ремесленников приобретает некоторое сходство с порядками в любом феодальном поместье.

Господствующей социальной прослойкой в маратхской деревне являлась общинная верхушка. Она включала старшину, его помощника, писаря, жреца-астролога и казначея. Как уже указывалось, в XVII—XVIII вв. в результате укоренившейся практики продажи долей этих весьма доходных ватанов их первоначальными владельцами в большинстве маратхских общин должности и доходы старшины, писаря, астролога и т. д. находились в совладении нескольких (иногда до трех-четырех, чаще двух) семей. В то же время допускалось сосредоточение нескольких должностей (или долей в этих должностных ватанах) в одних руках. Бывало и так, что вышестоящие феодалы — дешмукхи и дешпанде — покупали себе должности патиля, кулькарни и

джоши в деревенских общинах ¹⁰⁵. Все эти должности продавались и покупались целиком или в доле. При покупке-продаже соблюдались некоторые сословно-кастовые ограничения. В семьях патилей и дешмукхов наследование шло от отца к старшему сыну. Если не было детей мужского пола, наследование шло по женской линии — вдова, дочь и г. д. ¹⁰⁶. В семьях кулькарни должность и ватан в равной доле наследовали все сыновья. Они поочередно, в течение определенного срока, отправляли должность и пользовались ее доходами.

Главным должностным лицом в общине и подлинным хозяином деревни являлся патиль, или мукаддам. Когда-то представитель старшего из мирасдарских родов, первый среди равных, но слуга общинников и исполнитель их воли, он постепенно превратился в их господина и эксплуататора. Патиль стал своеобразным помещиком в общине, а она превратилась в подобие поместья. Индийский ученый Чоксей верно подметил это обстоятельство, называя патиля «заминдаром» (т. е. феодальным землевладельцем) своей деревни ¹⁰⁷. Подобная эволюция патиля являлась показателем и результатом далеко зашедшего процесса разложения маратхской общины. Вместе с тем надёление патиля от феодального государства налогово-административной и судебно-полицейской властью над общиной и наследственное закрепление за ним должности и присвоенного ей ватана (крупный участок земли, право на различные сборы с односельчан и на их труд) облегчили и ускорили превращение патиля в феодала.

И. П. Минаев отмечал, что патиль был не только старшиной, но и сборщиком поземельного налога, т. е. правительственным агентом, чиновником: «Патиль был глава полицейской и судебной администрации. Как на чине фиска, на патиле лежали следующие обязанности:

¹⁰⁵ Маратхский хронист Сабхасад в своем повествовании о событиях начала XVII в. указывает, что маратхский феодал Рао Раджгардал передал своему старшему сыну должности дешмукха и патиля Мазура, которые он сосредоточил в своих руках (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 31).

¹⁰⁶ Сайкс лично встречался с единственной представительницей древнего рода местных патилей — женщиной-патилем деревни Дитнах (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 372).

¹⁰⁷ R. D. Choksey, *The economic history...*, p. 65.

он распределял участки безземельным сельчанам, определял размер платежа с каждого участка, собирал государственный доход, заботился как о земледелии, так и вообще о процветании деревни. Патилю помогали в отправлении его обязанностей все остальные деревенские чины, и всех их содержала деревня, платя им землями, хлебом, деньгами»¹⁰⁸.

«Справочник Бомбейского президентства» следующим образом рисует обязанности и права патиля: он «держал свою должность непосредственно от правительства, согласно грамоте, или ватан-патра, где точно обозначались его обязанности, его ранг, знаки почета и уважения, которые надлежало ему оказывать, количество земли, предоставленной ему вместо жалования и освобожденной от налогов, и, наконец, размер его дополнительных доходов. Патильство было наследственно и в то же время могло быть продано. Однако эта должность считалась настолько почетной, а связанная с ней собственность настолько обеспеченной, что случаи продажи патильства целиком были редки, хотя доли его поступали в продажу чаще, главным образом для того, чтобы предотвратить грозящее (семье) разорение. Вот почему мы находим по 2 патиля в большинстве маратхских деревень и по 3—4 патиля в некоторых из них. Там, где старшин было больше одного, права и обязанности этой должности делились между совладельцами на основе условий купчей крепости, причем первоначальный владелец всегда сохранял некоторые преимущества.

Главными обязанностями патиля наряду с кулькарни были: устанавливать и собирать правительственные налоги с землевладельцев и следить, чтобы они были выплачены лицу, должным образом уполномоченному (от правительства) для этой цели; поощрять людей селиться в деревне; сдавать (под пахоту) пустоши; всеми средствами содействовать развитию сельского хозяйства в своей деревне; наказывать за проступки, исправлять несправедливости и разрешать споры среди своих односельчан. Мелкие дела он решал сам и наказывал нарушителя ударами плети или подвергал его поношению. Штраф патиль не мог накладывать. В де-

¹⁰⁸ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 114.

лах более важных он созывал панчаят, или совет. Наиболее серьезные, главным образом уголовные, дела выносились на решение правительства или мамлатдара. Патиль также отвечал за полицию на территории своей общины. За пренебрежение своими обязанностями феодальная власть накладывала на патиль штраф или заключала его в тюрьму; но его редко лишали должности, разве что за государственную измену или другое серьезное преступление»¹⁰⁹.

Несколько идиллическое описание деятельности патиль как бескорыстного рачителя о благе своих односельчан и о процветании земледелия, — а этим грешит не только английский официальный справочник, но и такой глубокий наблюдатель, как Минаев, — имеет мало общего с действительностью. Деятельность патиль определяли не филантропические чувства, а вполне определенные интересы фиска. Заселение пустующих деревень, распахка целины и превращение пустошей в культурные земли; увеличение численности тяглого крестьянства — все это повышало доходы феодалов и полностью соответствовало их классовым интересам. Как на агента фиска, на низовом представителе налоговой феодальной администрации, именно на патиле, и лежала обязанность осуществления этой политики. Патиль отвечал всем своим имуществом и даже личностью за своевременную и полную уплату налогов; на нем лежала ответственность за то, чтобы ни одно поле не осталось незасеянным; чтобы крестьяне, разбежавшиеся в результате войны или стихийного бедствия, поскорее вернулись в родные места; чтобы вместо вымерших или погибших семей тяглых крестьян начали хозяйствовать другие, способные нести налоговое бремя и выполнять повинности на феодалов. Из большой ответственности и широких полномочий патиль как агента фиска и вытекало его право распоряжаться общинной землей. Это право, судя по данным, которыми мы располагали, сводилось прежде всего к распоряжению пустошью и землями гат-куль. Патиль поступал с этими категориями земель по своему собственному усмотрению: он мог продать выморочный мирасдарский ватан другому ли-

¹⁰⁹ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2. pp. 360—361.

цу; мог передать его пришельцу-уприю на условиях краткосрочного держания укти; наконец, мог присоединить этот участок земли к своим остальным владениям. Столь же бесконтрольно распоряжался патиля и пустошами, угодьями общины. Об этом совершенно недвусмысленно говорит Сайкс, один из авторитетных исследователей данного вопроса: «Даже наследственные земли вымерших семей (мирасдаров) становились собственностью патиля, равно как все пустоши. Исключение составляли некоторые деревни, где подобные земли поступали в распоряжение деревенского самоуправления (т. е. общины). Правительство определенно санкционировало подобную практику патиля и деревенских властей»¹¹⁰. В конце XVIII — начале XIX в. патили завладели значительной частью общинных земель, что и наблюдал Сайкс.

Но процесс экспроприации мирасдарской земли начался значительно раньше. Его можно проследить по документам конца XVII — начала XVIII в. В этом отношении большой интерес представляет приговор о распределении между четырьмя совладельцами долей патильства в деревне Куветех; из этого документа мы точно узнаем о размерах и характере патильского землевладения в данной деревне. До 1707 г., когда двум патилям пришлось взять в долю третьего совладельца, все доходы и земли патильства Куветех были поделены поровну между семьями Горех и Каналкар. Они владели землей трех категорий: 1) инамом патиля в размере 70 тукка¹¹¹ (эта земля входила в ватан патиля и была полностью освобождена от налогов). Земли инам были поделены поровну между Горехом и Каналкаром; 2) тягловыми наделами, принадлежавшими им в качестве старинных мирасдаров родной общины¹¹². Мирасдарский надел Каналкара равнялся 15 тукка, а Гореха — 10 тукка. Приведенные цифры могут дать относи-

¹¹⁰ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 351.

¹¹¹ Тукка — мера земельной площади в Индии. Размеры ее настолько сильно колеблются даже в пределах одного района, что перевод соответствующих цифр в метрические единицы представляется невозможным.

¹¹² Хотя эти земли числились в налоговых списках как тягловые, с них фактически собирался поземельный налог в уменьшенном размере, ибо раскладкой налога ведал сам патиля.

тельное представление о размерах тягловых наделов в мирасдарской деревне того времени; 3) захваченными и присвоенными тягловыми наделами вымерших мирасдарских семей (земли гат-куль). Каналкар захватил свыше 20 тукка таких земель, а Горех — около 19 тукка¹¹³. Следовательно, патили деревни Куветех на разных основаниях владели 134 тукка пахотной земли. Около 39 из 134 тукка земли патилей составляли незаконно захваченные ими общинные земли, тягловые наделы вымерших мирасдарских семей. Любопытно и то, что размер землевладения патилей (134 тукка) раз в десять превосходил размер тяглового надела рядового мирасдара, каковой можно принять в среднем равным 12,5 тукка. Совершенно ясно, что патили могли присваивать земли гат-куль потому, что именно они распоряжались землей в общине. Более того, даже в конце XVII — начале XVIII в. эта распространенная практика была терпима и даже узаконена властью. В самом деле, спор четырех патилей деревни Куветех разбирался в условиях широкой гласности на своеобразном собрании сословно-представительного характера. Под председательством одного из высших сановников пешвы¹¹⁴ здесь собрались дешмукхи и дешпанде области Джуннар, местные патили и кулькарни и в качестве свидетелей и соприсяжников — представители торгово-ростовщических каст во главе со своими шетхами (кастовыми старшинами), мирасдары и балютадары Куветех и других деревень. В ходе разбирательства дела сначала устанавливается размер землевладения патильских семей Горех и Каналкар (по всем трем категориям: инам, мираси, гат-куль), а затем эта земля перераспределяется между четырьмя совладельцами патильства. Важно отметить, что все присутствующие прекрасно осведомлены о захвате патилями Горех и Каналкар части общинной земли.

В документе совершенно определенно указывается, что это выморочный мирасдарский надел (гат-куль), известный под названием «Уудар Шаит»¹¹⁵. И что же?

¹¹³ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 360—361.

¹¹⁴ Пешва — главный министр в маратхском государстве; эта должность была введена Шиваджи.

¹¹⁵ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, p. 361.

Не только не предлагаются какие-либо меры, направленные к возвращению этих земель общине; собрание ограничилось тем, что преспокойно переделило земли гат-куль Уудар Шаит между четырьмя совладельцами патильства, сообразно доле каждого из них. Из этого можно заключить, что захват земель гат-куль, земель безусловно общинных, патилями и деревенскими властями стал в указанные годы обычным и узаконенным явлением. Это не возбуждало удивления и не вызывало протеста.

Распоряжаясь общинной землей, патиль захватывал ее не целиком и не сразу. Большая часть тягловых наделов вымерших мирасдарских семей либо поступала в продажу, либо сдавалась в держание упрям. Условия продажи земли (купивший ее тем самым становился мирасдаром данной общины) или держания ее устанавливались деревенскими властями, в первую очередь патилями. Условия эти были весьма разнообразны. Когда надо было откупиться от врага, грозившего смести деревню с лица земли, деньги получали либо под залог, либо путем продажи части общинной земли. В таком случае уплату всех налогов и сборов с проданной земли принимала на себя община (патиль раскладывал этот расход на всех мирасдаров), а новый владелец до возвращения долга пользовался ею на исключительно льготных условиях. И. П. Минаев пишет, что маратхская община чаще всего заключала займы для починки деревенской ограды, постройки храма, выплаты дани врагу: «при этом часть земли или закладывалась кредитуру или даже отчуждалась в его пользу; но он пользовался землей, не платя государственного поземельного налога; доля этого налога, падавшая на отчужденную или заложенную землю, раскладывалась на сельчан. Долг покрывался и другими средствами, без отчуждения или залога земли ежегодными взносами, то есть особым обложением земель сельчан. С другой стороны, отчуждение земель производилось в пользу храмов и брахманов» ¹¹⁶.

¹¹⁶ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 117. — О подобной практике сообщает и Эльфинстон. По его словам, обычные расходы маратхской общины покрывались сбором, постоянно взимавшимся с общинников, — так называемым салабал. Расходы же чрезвычайные покрывались особым налогом с них — так называемым садер варид-

В подобного рода сделках, где земля или доход с нее фигурируют в качестве компенсации заимодавцу, предоставившему общине деньги в долг, патиль держится в стороне, на первый план, по вполне понятным соображениям, выдвигается община, ибо она, а не патиль, принимает на себя погашение долга и выплату тяжелых процентов по нему. Несравненно более активна роль патиля в тех случаях, когда дело идет о продаже или сдаче в держание земель гат-куль¹¹⁷. Как сообщает Баден-Пауэлл, при этом патиль мог полностью или частично освобождать будущих владельцев или держателей земли от так называемых хаков (т. е. сборов, предназначенных на содержание общинных должностных лиц, слуг и ремесленников)¹¹⁸. Это был новый шаг на пути дальнейшего разложения маратхской общины. Частичное или полное освобождение мирасдаров от выплаты хаков, видимо, стояло в зависимости от получения самим патилем соответственной денежной взятки или другой личной выгоды. В конце XVIII — начале XIX в., по свидетельству того же автора, патили в случае острой нужды в деньгах продавали общинникам право на освобождение от выплаты хаков. Это обстоятельство ярко показывает, что патиль был полным хозяином в общине.

Введенная в начале XVII в. в большей части Махараштры налоговая система, получившая свое наименование от Малик Амбера, вазира последних ахмеднагарских султанов, намного усилила власть патиля над его односельчанами. По этой системе правительство установило общую сумму налога, которым облагалась

патти (на дань врагу, ремонт стен деревни и т. д.). Иногда община делала долги. Их выплачивали, либо устанавливая для этой цели дополнительный налог, включаемый в садер варид-патти, либо предоставляя кредитору часть общинной земли. «Этими земельными пожалованиями, известными под названием „гаон нисбет инам“ (деревенский полуинам), заимодавец пользовался, не уплачивая ренты. Если эти инамы были небольшими, с них вообще не брали ренты; если они были крупными, то ренту сообщая выплачивали сельчане» (M. Elphinstone, *Report on the territories recently conquered from the Peshwa*, 2 ed., [S. 1.], [S. a.], pp. 19—20).

¹¹⁷ В доступных нам источниках и литературе нет конкретных примеров, чтобы патиль продавал или сдавал в держание часть пустоши и других общинных угодий, хотя в общей форме говорится о его бесспорном праве распоряжаться этими землями.

¹¹⁸ B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 270.

каждая деревня, предоставляя патилу распределить этот налог между отдельными крестьянскими хозяйствами. Баден-Пауэлл, повествуя о переходе от обложения отдельного крестьянского хозяйства к системе обложения деревни в целом (маузавари), подчеркивает, что «тенденция заключалась в том, чтобы вывить общую сумму налога с каждой деревни и возложить на патилу ответственность за его выплату, предоставляя ему свободу действия облагать народ налогом как ему вздумается, лишь бы общая сумма была собрана. Чтобы вознаградить патилу за его труды и риск, с ними связанный, а также для покрытия дополнительных затрат и расходов, патилу разрешалось облагать (сельчан) хаками и другими сборами, о которых упоминалось раньше»¹¹⁹. Тем самым отпали те ограничения, которые прежде в какой-то мере мешали патилу эксплуатировать своих односельчан. Теперь патиль мог произвольно повышать налог с крестьян, внося в казну лишь незначительную часть того, что собрал с них в действительности. Нет никаких сомнений, что и политические условия того времени (борьба Могольской державы с султанатами Биджапур и Ахмеднагар) способствовали усилению самостоятельности и могущества маратхских феодалов, в первую очередь патилей. Маратхский хронист К. Н. Сабхасад следующим образом рисует положение в тех частях Деша, которые подчинялись в начале XVII в. власти Ахмеднагара и Биджапура: «В Деше все райяты находились под (властью) патилей и кулькарни этих мест, а также дешмукхов. Они собирали налоги и вносили (в казну) произвольную сумму (денег). За деревню, где мирасдары (здесь под этим понимается феодальная верхушка в противовес крестьянам-райятам. — И. Р.) брали от 1000 до 2000 хун¹²⁰, они вносили правительству 200—300 рупий в окончательный расчет. Таким образом, мирасдары богатели. Они усиливались еще больше, возводя укрепления, замки и форты в (своих) деревнях и набирая отряды пехотинцев и мушкетеров. Они считали

¹¹⁹ Ibid., p. 269. Ср. с данными Сайкса и «Справочника Бомбейского президентства» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRS», vol. III, 1836, p. 370; «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 322).

¹²⁰ Золотая монета, равная по стоимости 3—5 рупиям.

унизительным для себя являться на прием к налоговым властям. Если сборщик налога заявлял, что они могут платить больше, мирасдары возмущались и затевали ссору. Следовательно, они вышли из подчинения власти и стали насильственно захватывать земли Деша»¹²¹.

Ряд обстоятельств облегчил общинной верхушке создание собственной вооруженной силы: наличие патриархальной связи между патилем и членами общины; военные навыки маратхских ватандаров, издавна привлекавшихся к несению воинской службы. Жестокие и непрерывные войны деканских султанатов с державой Моголов ускорили завершение процесса феодализации общинной верхушки. Эти войны разоряли маратхских мирасдаров и в то же время способствовали росту могущества и богатства маратхских феодалов. Именно в конце XVI в. конные и пешие отряды маратхских мирасдаров широко использовались в составе войск Ахмеднагара и Биджапура, а начальникам этих войск, главным образом выходцам из общинной верхушки, щедро предоставлялись джагиры. Влиятельный феодальный род Джагдале вел свое начало от патилей Мазура и Таргаона¹²². Основатель маратхского государства Шиваджи из рода Бхонсле был наследственным патилем Хингани Беради и Дивилгаон. Кроме того, он унаследовал от своего отца Шаху обширный джагир, включавший Пуну, Супа Индириг и Барамат, джагир, пожалованный Шаху как выдающемуся военачальнику на службе сначала в Ахмеднагаре, а затем Биджапуре¹²³. Лакоджи Джадхав, дешмукх Синдхеда, имел джагир десятитысячника и являлся одним из крупнейших вельмож при дворе ахмеднагарских правителей¹²⁴. Можно было бы значительно увеличить число подобных примеров, показывающих, что сильнейшие маратхские феодалы середины XVII в. (Джагдал, Джадхав, Хопре, Бхонсле, Гхорпаде, Море, Мане и др.) были выходцами

¹²¹ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 38—39.— По тексту совершенно ясно, что Сабхасад в данном случае называется тяглое крестьянство (мирасдаров) термином «райят», а термином «мирасдар» обозначает маратхских феодалов — патилей и дешмукхов.

¹²² S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 31—32.

¹²³ J. Sarkar, *Shivaji and his times*, London, 1929, p. 128.

¹²⁴ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 115.

из числа патилей, кулькарни и в меньшей мере деш-мукхов¹²⁵.

Два документа: 1653 г., опубликованный Сеном, и 1725 г., опубликованный Сайксом, — по самому своему характеру дают весьма подробное представление о доходах маратхского патиля¹²⁶. Первый из этих документов представляет собой купчую крепость о продаже Банкоджи Куланда половины своего патильства в деревне Бхангаон (паргана Кардех, область Джуннар) Горкоджи Бахапкуру за 7751 рупию. В этом документе подробно перечисляются разнообразные сборы и повинности жителей деревни в отношении патиля.

Второй документ представляет приговор, положивший конец длительной тяжбе четырех совладельцев за патильство в деревне Куветех (тараф Пайбул, область Джуннар). Приговор 1725 г. с детальной точностью фиксирует долю каждого из совладельцев в различных доходах патильства и дает возможность подробно проследить источники, характер и размер этих доходов. Начнем с более раннего документа — 1653 г. Первые девять пунктов этого документа устанавливают место старшего и младшего патиля на различных религиозных праздниках и в процессиях, очередность подписи обоих патилей на документах и подробно регулируют вопросы этикета и церемоний. Остальные пункты говорят о благах материального порядка, поступающих носителю должности патиля.

¹²⁵ Под владычеством мусульманских феодалов в Махаращтре лишь в порядке исключения отмечались сохранившие самостоятельность или полусамостоятельность представители старинных местных княжеских родов. К числу таковых относились Саванты в Конкане. Их владения тянулись вдоль западных склонов гор Сахиадри. В XV в. Савантвади — страна Савант — была завоевана Биджапуром. В 1554 г. в результате крупного восстания во главе с раджей Манд Савантом биджапурские гарнизоны были изгнаны. Сын Манд Саванта, однако, снова признал себя джагирдаром биджапурского шаха. В 1627 г. в результате нового восстания раджи Саванта вернул себе независимость (C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 166).

¹²⁶ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 217—221; W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, pp. 352—366. — Сайкс дал полный перевод с подлинника, снабженный обстоятельными комментариями. Сен дал лишь краткое изложение документа своими словами, что лишает его публикацию научного характера.

Махар обязан поставлять каждому из патилей вязанку дров; чамар — две пары обуви в год, а дхангар (пастух) — одно шерстяное одеяло в год. Крестьяне обязаны выплачивать следующие сборы натурой: 25 снопов соломы с каждого хозяйства; пять сиров хлопка с каждого поля, засеянного хлопком; один сноп сена с каждого хозяйства; одну меру гура (патоки), один сноп сахарного тростника и одну меру сока с каждого хозяйства, возделывающего сахарный тростник (исключение составляет джоши, освобожденный от этого сбора); одного козла с каждого стада к празднику Дасры. Далее следуют сборы, которыми обложены различные крестьянские промыслы: 9 тика (мера) растительного масла с каждой маслобойки; кусок ткани с каждого ткацкого станка в год. Все жители деревни, без различия кастовой принадлежности, выплачивают патилю особый сбор со свадьбы. Пришельцы, селящиеся в общине, уплачивают патилю сбор бах-и-джама в размере 25 рупий в год. Наконец, перечисляются сборы с торговли. Продавец бетеля ежедневно доставлял каждому из патилей 13 листов бетеля; торговец овощами — определенное количество овощей; бания — деревенский ростовщик — был обязан платить традиционный сбор в пользу патиля. Особый пункт говорит, что патиль получает свою традиционную долю с каждого продавца на деревенском базаре. Патиль также взимал специальный сбор со всех товаров, поступавших на этот базар. Не менее семи пунктов купчей крепости 1653 г. относятся к сборам с торговцев овощами, зерном и прочими продуктами, поступавшими на местный рынок. Из ознакомления с этим документом становится совершенно очевидным, что в деревне Бхангаон, кроме общинных слуг и ремесленников, проживали бания (ростовщик) и продавец бетеля, здесь был свой торговец овощами и бакалейными товарами. Остается неизвестным, были ли эти торговые люди пришлыми или принадлежали к числу коренных жителей деревни. Но во всяком случае ясно, что тогдашняя маратхская деревня уже не представляла собой изолированного хозяйственного организма, сохранявшего чисто натуральный характер. Особый пункт купчей крепости 1653 г. предусматривает, что оба патиля по запросу кулкарни отдают распоряжение о начале пахоты. Изложение этого пункта у Се-

на звучит следующим образом: «Когда производится пахота, кулькарни должен испросить разрешения у обоих мукаддамов»¹²⁷. Из этого пункта купчей выясняется еще одна, и притом немаловажная, функция патилля: он, по-видимому, регулирует ход полевых работ в общине, вмешивается в самый процесс сельскохозяйственного производства. Иначе непонятно, почему крестьяне через посредство кулькарни должны запрашивать у патилля разрешения приступить к пахоте. В заключение купчая крепость оговаривает привилегию обоих патиллей не отдавать махарам трупы скота, павшего в их хозяйстве.

В документе 1725 г. мы находим более подробное изложение повинностей, лежавших на общинных слугах и ремесленниках. Махар был обязан доставлять каждому из патилей (а в деревне Куветех их было 4) две вязанки дров по праздникам; кумхар — глиняную посуду (эта повинность звалась «сугре»); коли — три кувшина воды ежедневно; чамар — одну пару обуви в год. С каждого ручного ткацкого станка патиль получал кусок ткани в день летнего солнцестояния (этот сбор звался «хан»), а с каждой маслобойки — небольшую меру (катча, или малый сир) растительного масла в день. Патиллю также принадлежали головы всех жертвенных животных, принесенных на алтарь богини Бхавани. В день праздника Дасры сельчане были обязаны «дарить» патиллю двух овец. В документе 1725 г. относительно большее место занимают сборы с торговцев и торговли. В тексте перечисляются следующие сборы: битук в размере одной пайсы (мелкая медная монета) взимался в базарные дни за место торговли с каждого продавца, не являвшегося постоянным жителем деревни; по базарным дням патиль также получал горсть зерна или овощей с каждого продавца этих товаров (сбор пхуши), а с бакалейного торговца — один орех бетеля. Кроме того, по базарным дням патиль получал в качестве сбора натурой определенное количество копры. Из документа также явствует, что в деревне Куветех было отведено постоянное место, где по базарным дням производилась торговля. В числе жилых помещений деревни в документе упоминается домик ткача, видимо,

¹²⁷ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 219.

занимавшегося этим ремеслом постоянно, в отличие от крестьян, совмещавших ткачество с основным занятием сельским хозяйством. В документе 1725 г. не содержится какого-либо упоминания о сборах натурой, взимавшихся патилом с крестьян (в этом его существенное отличие от запродажной 1653 г.). Очевидно, в этом отношении отсутствовало единообразие, что, впрочем, подтверждается в литературе¹²⁸.

Однако в большинстве маратхских деревень, обследованных в начале XIX в. Сайксом, патиль взимал в свою пользу с крестьян особый натуральный сбор, так называемый гутри, в размере одного сира зерна с каждого бигха посева¹²⁹. По утверждению Баден-Пауэлла, патиль взимал подобные же сборы натурой (правда, в меньшем размере) и с других культур, возделывавшихся крестьянами, в том числе и с огородных. Баден-Пауэлл приводит названия этих сборов: «бхикни», «аутки», «мапарки», но не сообщает каких-либо определенных данных¹³⁰. Будучи сами по себе незначительными (несколько снопов с каждого сжатого поля или несколько плодов с каждого фруктового дерева и т. д.), они в своей совокупности приносили патилю значительный доход¹³¹. По наблюдениям Сайкса, в деревне Курджут Ахмеднагарского округа «патиль имел свою, освобожденную от налога землю и, кроме того, получал 128 сиров зерна с каждых 120 бигха (95 акров) посева. Ценность это-

¹²⁸ В частности, на отсутствие единообразия в сборах и повинностях, которыми деревенские слуги, ремесленники, а также крестьяне облагались в пользу патиля, указывает Сайкс (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 371).

¹²⁹ Ibid.

¹³⁰ В. Н. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 261.

¹³¹ Обычно патиль устанавливал эти сборы самостоятельно и бесконтрольно. Лишь в тех случаях, когда гнет и эксплуатация доходили до предела, выходящие власти в ответ на жалобы потерпевших пытались как-то вмешаться. Так, например, в 1777—1778 гг. правительство пешвы Мадхава Рао II в ответ на жалобу торговцев и ремесленников деревни Сангамнер на незаконные вымогательства патиля Кероджи Гунджал издало особый приказ. В нем запрещался принудительный труд сельчан на патиля, отменялись некоторые из введенных им сборов (шраван патти, шимганах патти), уменьшался сбор карла и сбор по случаю свадьбы (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 221—222). Надо думать, что эти мероприятия властей были малоэффективны, поскольку фактическим хозяином в деревне оставался патиль.

го права видна из того, что в 1827 г. в этой деревне полт посевам было 8491 бигха (6793 акра), следовательно, патиль ежегодно имел право получать 9057 сиров зерна — количество, достаточное, чтобы постоянно кормить 25 человек»¹³². В XVIII в. во многих маратхских деревнях натуральные сборы в пользу патили были заменены денежными¹³³. Вместо того чтобы взимать определенное количество зерна с площади посева, патиль получал определенное процентное отчисление с суммы собранного налога. Сверх того, определенная сумма из собранных в казну налогов (прежде всего земельного) обычно передавалась на нужды общины (устройство религиозных и кастовых праздников, помощь вдовам и сиротам), канцелярские расходы, различные благотворительные расходы: подаяние странствующим брахманам, факирам и т. д.¹³⁴. В некоторых случаях указанные расходы покрывались особым местным сбором, так называемым салабад. Так или иначе, этими средствами фактически бесконтрольно распоряжался тот же патиль и, разумеется, расхищал немалую их часть. Наконец, патиль имел свою строго фиксированную долю в доходах деревенского храма¹³⁵. В некоторых районах Махараштры патили как настоящие феодалы взимали внутренние тамо-

¹³² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 371.

¹³³ В деревне Кумбхари патиль вместо личной службы махара, натурального сбора топленным маслом и ряда других мелких поступлений натурой получал от общины 10 рупий в год (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 375).

¹³⁴ Пешва владел патильством в деревне Ходад и в связи с этим направил в 1749—1750 гг. следующую инструкцию своему налоговому чиновнику: «Санад Говинду Кешава камависдару, в чьем ведении находится деревня Ходад (гараф Нараянгаон, прант Джуннар). Имеются 12 балютедаров. По праздникам принято устраивать для них торжество. Вам предлагается издать приказ относительно этого. Предписывается, чтобы в течение года было не больше двух торжеств. Устраивайте два торжества в год. В большем нет необходимости» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 223—224). Камависдар — правитель и сборщик налогов в районе.

¹³⁵ В запродажной на ватан кулькарни 1740—1741 гг., опубликованной Сеном, имеются четыре пункта, где говорится о правах патили и кулькарни на определенное участие в доходах местного храма Шримартанда. Патиль и кулькарни в дни некоторых религиозных праздников имели право на часть приношений, благовоний, сладостей и денег, жертвуемых верующими храму (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 227—228).

женные сборы с товаров, следующих транзитом, — по одной пайсе с каждого груженого быка¹³⁶.

Патиль был несменяемым, его должность являлась наследственной. Это обстоятельство наряду с большими доходами, обширной властью и видным общественным положением придавало значительную ценность ватану патия. По купчей крепости 1635 г. половина патильства деревни Бхангаон была продана за 7751 рупию, сумму для того времени весьма крупную. В 1707 г. совладельцы патильства деревни Куветех продали третью долю его по относительно низкой цене — за 1112 рупий. Но для этого были свои веские причины. По словам документа, «в это время за деревней числились недоимки по выплате налога джагирдару, высокому хану Аманулла-хану. Деревня пришла в упадок, и наши предки, оба патия, Хандалкар и Горех были не в состоянии покрыть недоимку. Тогда наши предки, находясь в беспомощном состоянии, припали к ногам Суриаджи, сына Кумлоджи, патия Вагдури, и умоляли его, пока не получили сумму 1112 рупий, с помощью которой и была покрыта недостача налога дивану (финансово-налоговому ведомству)»¹³⁷. Обстоятельства были таковы, что Суриаджи Вагдури получил треть патильства Куветех если не за бесценок, то во всяком случае во много раз ниже его действительной цены. В этом и заключались причины большой обиды первоначальных совладельцев патильства на Суриаджи и последующего отказа их признать за ним права патия, что и привело затем к тяжбе, тянувшейся около двадцати лет.

Не сам патиль, а вышестоящая власть определяла общий размер поземельного налога с деревни. Правда, с патилем обычно советовались по этому вопросу, однако все соображения не имели решающего значения и вовсе не обязательно принимались во внимание. В то же время он отвечал всем своим имуществом за своевременную и полную уплату налогов государству. В случае неуплаты он подвергался денежному штрафу и даже тюремному заключению. Так, например, патиль деревни Нимбгаон Сава (тараф Але) в 1742—1743 гг. был за-

¹³⁶ B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 262.

¹³⁷ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 353.

ключен в тюрьму и закован в кандалы за недоимку по выплате ренты-налога джагирдару. В эти же годы патиль и кулькарни деревни Хингаон были подвергнуты заключению и освобождены только после того, как внесли 1600 рупий в счет числившейся по этой деревне налоговой недоимки в размере 1925 рупий¹³⁸.

Наконец, патиль являлся поручителем и нес материальную ответственность за верность и дисциплинированность мирасдаров его деревни, состоявших на военной службе у маратхских государей. Обычно это были воины-силахдары, являвшиеся на службу на своем коне и имевшие собственное оружие¹³⁹. В инструкции местным властям пешва Мадхава Рао I указывал: «Если в вашей талуке имеется больше силахдаров, возьмите патия и кулькарни соответственных деревень поручителями в том, что они (силахдары) не перейдут на сторону мятежных сардаров»¹⁴⁰. Тот же порядок поручительства и ответственности деревенских властей за поведение мирасдаров, несших воинскую службу, существовал и раньше, в правление Шиваджи.

На протяжении XVII—XVIII вв. менялись роль и влияние патия в Махараштре. В начале XVII в. патиль наряду с дешмукхами был главным и основным представителем маратхских феодалов, противостоявших знати мусульманских завоевателей (она занимала верхние ступени феодальной иерархии в качестве владельцев крупных джагиров, правителей областей, высших военачальников и т. д.) и выступавших против нее. Если основной движущей силой освободительного восстания маратхов в середине XVII в. были крестьяне-мирасдары, то руководство этим восстанием принадлежало средним и мелким маратхским феодалам, выходцам из общинной верхушки, и прежде всего патиям. Пример самого Шиваджи Бхонсле, основателя маратхского государства и вождя освободительной борьбы маратхов, является в этом отношении поучительным.

Вторым лицом в деревне после патия был кулькарни, или общинный писарь¹⁴¹. Английский справочник доволь-

¹³⁸ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 224.

¹³⁹ Ibid., p. 225.

¹⁴⁰ Ibid., p. 226.

¹⁴¹ Термин «кулькарни» Сен выводит от санскритских слов *кула* (участок или надел земли) и *карани* (чиновник, ведущий учет, доку-

но подробно рисует его обязанности: «Кулькарни, или деревенский писарь, вел многочисленные описки и отчетность по деревне. Наиболее важными из них были: 1) описание земель, принадлежащих деревне, и данные их обмера; 2) список полей с указанием их названия, размеров, качества земли, условий держания, имени держателя, ренты, которую последний согласился платить, и наивысшей ренты, которую эта земля когда-либо приносила; 3) список всех жителей деревни, крестьян и других с указанием того, что причитается правительству с каждого из них в виде налога; на каждого налогоплательщика кулькарни ведет отдельный счет с приложением расписок и баланса; 4) общие данные о порядке рассрочки налоговых платежей и сроков поступлений соответственных взносов; 5) подробная налоговая отчетность, в которой каждый налог выделен отдельно с указанием поступивших платежей и баланса»¹⁴². Обычно писарь был единственным грамотеем на всю деревню. Он также выполнял функции деревенского нотариуса, вел расчеты отдельных крестьян как между собой, так и с ростовщиками-займодавцами, регистрировал и составлял различные соглашения и договоры между односельчанами, писал для них письма¹⁴³. Кулькарни обычно совмещал обязанности писаря и жреца-астролога (джоши).

Наиболее подробные данные о правах, привилегиях и доходах кулькарни-джоши содержит купчая крепость 1740—1741 гг., опубликованная Сеном. К сожалению, Сен не дает полного перевода документа, а ограничивается его кратким изложением¹⁴⁴. Само дело сводится к следующему. Мхалсабаи, вдова Рагунатха, владельца половинной доли ватана джоши и кулькарни деревни Нимбгаон нагана (тараф Кхел, прант Джуннар), не имела наследников и в то же время была обременена тяжелым долгом. Она продала половину своей доли ватана за 2 тыс. рупий дешпанде области Джуннар Баджи Иешванту и Гангадхар Иешванту Чандрачуд, сохранив вторую половину принадлежащей ей доли для Лакшмана Говинда Джаллу, своего племянника. Купчая крепость

ментацию (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 506—508).

¹⁴² «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 361.

¹⁴³ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 114—115.

¹⁴⁴ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 226—228.

содержит перечисления привилегий и доходов ватана джоши-кулькарни, а также их распределение между старым и новым совладельцами. Документ прежде всего устанавливает, что кулькарни-джоши на религиозных праздниках и других церемониях занимает место непосредственно за патилем. С каждого торговца растительным маслом кулькарни-джоши получает девять мер масла в день; продавцы овощей также обязаны отдавать ему традиционную долю своих товаров; чамар каждый год должен поставлять ему пару обуви; коли должен носить ему воду; махар — приносить топливо к праздникам; торговец бетеля — доставлять определенное число листьев бетеля (наполовину меньше, чем патилю). Кроме того, община должна бесплатно снабжать джоши-кулькарни письменными принадлежностями. Наконец, ему, как и патилю, принадлежат отдельная доля в приношениях (сласти, пряности, благовония), которые верующие делают местному храму. Сверх этого джоши-кулькарни получал от общины 3 кханди зерна¹⁴⁵ и денежное содержание в размере 24 рупий в год. В купчей отсутствует упоминание об инаме джоши-кулькарни. Очевидно, вместо предоставления ему участка земли, освобожденного от налогов, кулькарни-джоши получал фиксированное жалованье зерном и деньгами. О высокой доходности ватана джоши-кулькарни свидетельствует его цена. Мхалсабаи продала за 2 тыс. рупий половину своей доли ватана, что составляло $\frac{1}{4}$ всего ватана. Следовательно, весь ватан надо оценивать в 8—10 тыс. рупий.

По утверждению Сайкса, джоши-кулькарни обычно получал от общины и жалованье, и инам: «Подобно патилю, он имеет земли инам, жалованье, сбор с зерновых и разнообразные права на долю топленого и растительного масла и т. д. В некоторых случаях, хотя это бывает редко, он имеет равные с патилем права на землю, жалованье, гугри (сбор с зерновых), но обычно объем этих прав меньше, чем у патия, на 25—75%. В деревне Анггар, паргана Мохол, кулькарни и патиль имеют жалованье в размере 100 рупий, а также получают 48 сиров зерна с каждых 30 бигха (24 акра) посева. Однако кулькарни не имеет земель инам, каковые есть у патия»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ К х а н д и = 20 маундов = 2160 английских фунтов.

¹⁴⁶ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 223.

Когда кулькарни совмещал эту должность с обязанностями джоши, он дополнительно имел небольшой земельный ватан, присвоенный джоши. В качестве примера Сайкс приводит деревню Такли (тараф Хатгаон, округ Ахмеднагар). В этой деревне «кулькарни имеет 5½ бигха земли инам по должности джоши (астролога)»¹⁴⁷. Кроме джоши, земли инам также предоставлялись (как самой общиной, так и вышестоящими властями) различным лицам, так или иначе связанным со службой в храме или имеющим «заслуги» религиозного порядка. Так, например, в списках деревни Ванги, паргана Ванги, округ Ахмеднагар, числились следующие инамы: «Антоба Госави, за чтение на празднествах богини Девы — 15 бигха. Самелю Гондли, музыканту, играющему на талоре в храме, — 15 бигха. Мали, или садовнику, за доставку цветов в храм — 30 бигха. Калавантам и храмовым танцовщицам, занимающимся своей профессией во славу богини, — 30 бигха. Гхарсе, ежедневно играющему на флейте перед изображением бога, — 15 бигха. Холлару, бьющему в дафф, или индийский барабан, — 15 бигха»¹⁴⁸. Такие инамы занимали в деревне Ванги общую площадь 120 бигха (96 акров). Таким образом, часть земли изымалась у крестьян на содержание духовенства и различных слуг храма.

Чаугула, помощник старшины, занимал в общинной иерархии место вслед за кулькарни. Источники и литература почти не дают сведений о функциях, привилегиях и доходах чаугула. У И. П. Минаева о нем написана буквально одна строка: «исполнял приказания патила; был его помощником и в то же время наблюдал за деятельностью писаря»¹⁴⁹. Сайкс в своем обзоре должностных лиц, слуг и ремесленников маратхской общины огра-

¹⁴⁷ Ibid. — Сен указывает, что ватан собственно джоши обычно включал: 1) балюту, равную балюте гуру; 2) долю в приношениях и пожертвованиях храму; 3) 25 бигха земли (20 акров) в качестве инама (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 235—236).

¹⁴⁸ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 218. — Здесь мы находим сведения о религиозном инаме в деревне Джехур. Этот инам общей площадью в 104 бигха земли (83 акра) был предоставлен некоему Махан Бхао, маратху, «который отказался от земных дел, носит черную одежду и непрерывно призывает имя Кришны» (ibid). Немало подобных бездельников кормилось за счет маратхского крестьянства.

¹⁴⁹ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115.

ничивается несколькими фразами о чаугула: «Чаугула можно найти в большинстве деревень; иногда он имеет небольшой участок земли, но обычно получает с земледельцев сбор зерном. Я встречал чаугула, именуемых багла. По кастовой принадлежности они обычно маратхи»¹⁵⁰. Очевидно, чаугула не играл сколько-нибудь значительной роли в общественной и хозяйственной жизни маратхской деревни, и этим объясняется отсутствие сведений о нем в источниках и литературе.

Сонар (или потдар), золотых дел мастер и деревенский казначей, формально принадлежит к числу ремесленников, но по существу является представителем эксплуататорской верхушки общины. Серебрянник наблюдает за деньгами, находящимися в обращении, не допускает порченной монеты — так характеризует обязанности сонара И. П. Минаев¹⁵¹. В этой характеристике как-то выпадает основное: функции сонара в качестве, пусть небольшого, но все же чиновника на службе фиска. Сонар проверял полноценность монеты, поступавшей от населения в порядке уплаты налогов; он отвечал за сохранность этих сумм и совместно с махаром за их своевременную доставку в казначейство.

В то же время сонар занимался своим ремеслом: изготавливал золотые и серебряные украшения для односельчан. Но как ремесленник сонар выделялся среди других общинных ремесленников. Если последние работали из материала, доставленного заказчиком, и не получали никакой непосредственной оплаты за выполненную работу, то сонар получал такую оплату в размере $\frac{1}{32}$ веса драгоценного металла, пошедшего на изготовление заказанной вещи¹⁵². Занятие ремеслом, однако, не было основным в деятельности сонара. Значительный нетрудовой доход он получал в качестве чиновника-казначея. Так, например, в маратхском документе 1765—1766 гг. указывается что «Лакшман, сонар и потдар (казначей) парганы Невазе, получал от правительства четыре рупии в месяц, а кроме того, по 2 рупии с больших и 1 рупию с маленьких деревень»¹⁵³. Приве-

¹⁵⁰ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 229.

¹⁵¹ И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 115.

¹⁵² «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 363.

¹⁵³ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 232.

денный тем же Сеном другой документ (1742—1743) дает возможность выяснить, что сонар Ганшет владел ватаном потдара в двух парганах и получал вознаграждение в размере 1 дамди (медная монета, равная $\frac{1}{4}$ пайсы) с каждой рупии собранного налога¹⁵⁴.

В заключение попытаемся дать краткий очерк землевладения и землепользования в маратхской общине.

Земля прежде всего делилась на общинную и выделенную, изъятую из общины. Земля последней категории именовалась «шери» (или сири) и находилась в непосредственном распоряжении правительства, минуя общину и патилю¹⁵⁵. Земли сири обычно жаловались правительством в инам феодалам дешмукхам и дешпанде и составляли часть их ватана¹⁵⁶.

Внутри общины можно установить наличие следующих форм землевладения.

Мираси — наследственное землевладение маратхского тяглого крестьянства. Землевладение мираси в свою очередь делится на две категории: собственно мираси и мираси гат-куль (выморочное). Мираси гат-куль может быть захвачено патилем или общинной верхушкой, может быть сдано упрям на основе краткосрочного держания (укти), может быть продано в качестве мираси общинникам или необщинникам и таким образом снова превратиться из мираси гат-куль в собственно мираси. Землевладение мираси со временем лишается своего исключительно крестьянского характера. Патиль и общинная верхушка владеют землями мираси и мираси гат-куль, Земли мираси покупают феодалы, в том числе и сам пешва¹⁵⁷. Патиль соседней деревни покупал землю мираси гат-куль, разумеется, для того, чтобы извлечь из нее доход, эксплуатируя чужой труд. Но тем не менее земли мираси, кто бы ими ни владел, патиль или крестьянин,

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 957.

¹⁵⁶ В документе о доходах дешмукха и дешпанде, опубликованном проф. Раджваде, указывается, что они будут «пользоваться старинными инамными землями, включающими сады и поля» (цит. по кн.: S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 249). В описках инамов деревни Кумбхари мы находим инам в 60 бигха земли, принадлежавший начальнику округа, т. е. дешмукху (В. Н. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 276).

¹⁵⁷ См. налоговый отчет капитана Робертсона, приводимый Эльфинстоном (M. Elphinstone, *The history of India*, p. 267).

характеризуются одним общим признаком. Все эти земли, за исключением сданных упрям земель мираси гаткуль, их владельцы держат по системе сости, т. е. на условиях полной выплаты налога-ренды и выполнения соответственных феодальных повинностей.

Под общим названием инама в маратхской общине существовало несколько форм землевладения. Объединяющим признаком является, во-первых, наследственный характер, а во-вторых, частичное или полное освобождение этих категорий землевладения от уплаты поземельного налога, равно как от других сборов и налогов, общегосударственных и местных. По социально-экономической сущности мы считаем возможным различить два разряда инамов: 1) инамы, предоставленные общинным слугам и ремесленникам; 2) инамы, предоставленные феодалам и общинной верхушке в качестве одной из форм жалования за отправление таких должностей, как должности дешмукха, дешпанде, казия, патиля, кулькарни и т. д. К последнему разряду инамов относятся инамы, предоставленные государством или общинными властями разного рода «святым людям» и тому подобным бездельникам. Любопытно, что по общей своей площади инамы должностные (второй разряд, по нашей классификации) намного превосходили инамы служебные (первый разряд, по нашей классификации). Так, в деревне Кумбхари под инамами служебными было 160 бигха (128 акров) земли, под инамами должностными 420 бигха (332 акра) земли¹⁵⁸. Примерно так же обстояло дело в деревне Амболи. Здесь в основу расчета положено получаемое с данного участка земли количество зерна в сирах, а не единица земельной площади. В Амболи под служебными инамами были земли, опособные принести 792 сира зерна в год, а под должностными — 1604 сира (т. е. более чем в два раза больше)¹⁵⁹. Наряду с инамами служебными и должностными существовали инамы, не связанные с несением какой-либо службы государству или общине. Это были инамы, предоставляемые лицу, «оживившему» землю постройкой колодца или другого вида оросительного сооружения или же распахавшему целину. В зависимости от обстоятельств, в инам превращалась большая или

¹⁵⁸ B. H. Baden-Powell, *A study of the Dakhan villages*, p. 276.

¹⁵⁹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 374.

меньшая часть впервые орошенной или распаханной земли (от 30 до 50%), остальная же часть ее сначала облагалась поземельным налогом на льготных условиях, а по истечении определенного срока (от трех до пяти лет) — в полном размере¹⁶⁰.

В то же время инамы делились на полные (сарваинам) и неполные, частичные (джори-инам), в зависимости от того, давали ли они полное или частичное освобождение от государственных и местных налогов, а в первую очередь от поземельного налога-ренды¹⁶¹. Джори-инамы в свою очередь делились на полуинамы (инам-хамай), треть-инамы (инам-тиджан), четверть-инамы (инам-чайтхан), в зависимости от того, платили ли их владельцы половину, треть или четверть поземельного налога-ренды. Наконец, существовал особый термин — деревенский половинный инам (гаон нисбат-инам) — для обозначения земли, отданной общиной в залог или во временное владение своему заимодавцу, причем оплату всех налогов и сборов с этой земли до погашения долга община принимала на себя¹⁶². Самый термин можно объяснить так: это инам деревенский, потому что он предоставлен не государственной властью, а общиной; он половинный в том смысле, что община окончательно не отчуждает земли, а сохраняет свои права на эту землю, как бы остается полувладельцем или совладельцем земли. К полным должностным инамам дешмуххов и дешпанде также применяется арабско-персидский термин «зиафет» в смысле «жалованье», «содержание».

В маратхской общине различались две основные формы держания земли: сости для мирасдаров и укти для уприев. Последние, по-видимому, должны рассматриваться как издольщики, обрабатывавшие главным образом земли общинной верхушки, земли сири, храмовые земли, а может быть, и земли более состоятельных общинников. Существовали и отношения внутриобщинной аренды, что неизбежно вытекало из наличия не только резкого деления общинников на четыре социальные группы, но и су-

¹⁶⁰ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 273, 284—285, 293, 602, 614; «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 355.

¹⁶¹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 219.

¹⁶² S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 241—242.

ществования среди них имущественного неравенства. В самом деле, часть разорившихся мирасдаров сдавала свои земли общинной верхушке или более состоятельным общинникам. Зачастую крестьянин оказывался в кабальной зависимости от ростовщика, закладывая ему свою землю и отрабатывая на ней свой долг¹⁶³.

По свидетельству английского справочника, в маратхской деревне накануне английского завоевания отмечались следующие формы залога и аренды земли:

1) должник передавал землю кредитору, но продолжал сам уплачивать поземельный налог и таким образом в течение определенного времени погашал долг;

2) заимодавец не только пользовался землей своего должника, но закреплял свои права на нее, сам уплачивая поземельный налог;

3) заимодавец забирая урожай с поля своего должника в уплату процентов по долгу, а самый долг должен был быть оплачен особо;

4) заимодавец в случае невыплаты процентов и долга к определенному сроку забирая землю должника;

5) должник продолжал вести хозяйство на заложенной земле и отдавал часть продукта заимодавцу (мало чем отличается от формы 3);

6) заимодавец платил в течение определенного времени ренту-налог с заложенной у него земли. Если в течение этого срока долг не был погашен, земля переходила к заимодавцу¹⁶⁴.

При всей недостаточности и сбивчивости приведенных сведений, не дающих сколько-нибудь ясной картины, все же видно, что в XVIII в. торгово-ростовщический капитал уже проник в маратхскую деревню, где отношения аренды и заклада земли получили значительное развитие.

Маратхская община сохраняла и воспроизводила дробление крестьянства на многочисленные и разнообразные группы. Крестьяне делились по касте: земледельческие и ремесленные касты, «неприкасаемые»; по тому, были ли они полноправными общинниками или людьми пришлыми; по характеру держания земли (сости или

¹⁶³ Сен приводит выдержки из маратхского документа XVIII в., где говорится, «что в различных деревнях крестьяне находятся в долгу у ростовщиков» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 302).

¹⁶⁴ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 357.

укти); по тому, чью землю они обрабатывали (землю сиря, владение джагирдара, инам духовного лица или землю, непосредственно эксплуатировавшуюся фиском); наконец, в зависимости от разнообразных условий, на которых они наделялись землей (просто ватан, ватан с полным или частичным освобождением от общинных сборов, мираси гат-куль, различные виды служебных инамов общинных слуг и т. д.). Эта пестрота сословно-кастовых и других делений крестьянства, сопровождавшаяся мелочной, всеохватывавшей регламентацией прав и обязанностей каждой из групп, на которые дробилась община, служила средством внеэкономического принуждения и затрудняла классовую борьбу крестьян. В этом отношении меткое указание содержится у В. И. Ленина в характеристике русской пореформенной общины, сохранившей средневековые перегородки и деления среди крестьян. В. И. Ленин писал: «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр. Берем хоть земско-статистический сборник по Саратовской губернии; крестьянство делится здесь на следующие разряды: дарственные, собственники, полные собственники, государственные, государственные с общинным владением, государственные с четвертным владением, государственные из помещичьих, удельные, арендаторы казенных участков, безземельные, собственники б. помещичьи, на выкупной усадьбе, собственники б. удельные, поселане-собственники, переселенцы, дарственные б. помещичьи, собственники б. государственные, вольноотпущенники, безоброчные, свободные хлебопашцы, временно-обязанные, б. фабричные и т. д., а затем еще крестьяне приписные, пришлые и пр. Все эти разряды отличаются историей аграрных отношений, величиной наделов и платежей и пр., и пр. И внутри разрядов подобных же различий масса: иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории: „бывших г-на NN” и „бывших г-жи М. М.”. Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века...»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Сочинения, т. 3, изд. 5, стр. 381.

Для отношений маратхской общины с государственными властями и феодалами имело значение то обстоятельство, входила ли данная община в состав бенефиция или лена (джагир при владычестве мусульманских феодалов, саринджам при пешвах) и выплачивала ли надолг своему джагирдару, или же составляла часть крупного должностного инама, принадлежавшего какому-нибудь дешмукху, или, наконец, числилась по разряду земель государева домена и непосредственно подчинялась чиновникам фиска.

Джагир в Ахмеднагаре и Биджапуре, к началу XVII в. поделившимися между собой большую часть Махараштры, принципиально ничем не отличался от джагира в Могольской державе. На рубеже XVII—XVIII вв. власть правителей Биджапура Адил-шахов и правителей Ахмеднагара Низам-шахов была чрезвычайно слаба. Непрерывная борьба разных феодальных клик (шиитской, суннитской, абиссинской, арабской и т. д.), разжигаемая к тому же дипломатией Моголов, приводила к кровавым междоусобицам, еще больше подтачивавшим силы этих государств. На первый взгляд подобная обстановка создавала весьма благоприятные условия для роста силы и самостоятельности крупных мусульманских джагирдаров в Ахмеднагаре и Биджапуре. Главным препятствием на этом пути оказалась неслабеющая власть Низам-шахов и Адил-шахов; а сила сопротивления маратхского народа, поднявшего восстание под руководством мелких и средних маратхских феодалов и брахманского жречества. Мусульманские феодалы в Махараштре представляли численно ничтожную группу придворной, гражданской и военной знати. Большинство высших военачальников, правителей областей (субадаров), крупных джагирдаров принадлежало к числу мусульман. Они занимали верхние ступени феодальной иерархии. Широкий же слой мелкого и среднего феодализма, начиная патилем, кончая дешмукхами и дешпанде, составляли маратхи, индусы по религии. В руках маратхских феодалов был не только низовой государственный аппарат, но и средние звенья управления. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на формы, характер и результаты освободительной борьбы маратхского народа против господства мусульманских феодалов Биджапура и Ахмеднагара, равно как против могольских завоевателей. Поэтому вопрос о долж-

ностных функциях, привилегиях, землевладении и доходах средних маратхских феодалов — дешмукхов и дешпанде — приобретает особый интерес в общем плане нашего исследования.

До преобразований Шиваджи дешмукх был правителем округа (панта, или парганы), включавшего, как показывает документ, до 150 деревень¹⁶⁶. Дешмукх был в своем округе высшей административной, налоговой и полицейской властью, лицом, ответственным за исполнение приказов, исходивших свыше¹⁶⁷. По касте и национальности дешмукхи были почти исключительно маратхи. «Из 10 дешмукхов — 9 маратхи», — сообщает Сайкс¹⁶⁸. Должность и ватан дешмукха были наследственным и в то же время могли продаваться и покупаться целиком

¹⁶⁶ В документе правительства пешв, датированном 1776—1777 гг. и адресованном на имя Тримбак Рао, сына Гамаджи Мхаске, дешмукха парганы Сангамнер, мы читаем: «Продолжайте пользоваться правом старшинства (по сравнению с другой семьей, являвшейся младшим совладельцем дешмукхства. — *И. Р.*) из поколения в поколение, как и раньше, пользуйтесь печатью семьи Мхаске и выполняйте обязанности дешмукха в 150 деревнях (вашей парганы)» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 246).

¹⁶⁷ «Дешмукхи несомненно первоначально назначались правительством, и они пользовались ранее указанными преимуществами ввиду того, что они отвечали за взимание налогов, осуществляли надзор над сельским хозяйством и полицией своего округа и проводили в жизнь все приказы правительства. По существу они были в округе тем, чем патиль был в деревне. Короче — на них было возложено все управление» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 221). «Деш-мукх в паргане занимал то же самое положение, как патиль в деревне», — утверждает Минаев (И. Минаев, *Старая Индия...*, стр. 117). Это же сравнение проводит и «Справочник Бомбейского президентства»: «Дешмукхи занимали в группе деревень такое же положение, какое деревенский старшина занимал в одной деревне, так же как положение дешпанде или писаря в группе деревень соответствовало положению деревенского писаря-кулькарни» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 326). Однако между патилем и кулькарни, с одной стороны, дешмукхом и дешпанде, с другой, существовало не только сходство, но и различие. Оно заключалось прежде всего в том, что патиль и кулькарни были обычно мелкими феодалами, а дешмукхи и дешпанде являлись феодалами по крупнее. Дело было не только в масштабе. Патиль и кулькарни окончательно не обособились, не оторвались от общины. Они были хозяевами общины и в то же время составляли ее органическую часть. Этого нельзя сказать о дешмукхе и дешпанде, которые давно обособились от общины и представляли власть, открыто стоявшую над ней.

¹⁶⁸ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 220.

или в доле. Эльфинстон в своей работе 1813 г. утверждал, что дешмукхи могли продавать не самую должность, а только присвоенные ей именные земли¹⁶⁹. В настоящее время это утверждение Эльфинстона может считаться полностью опровергнутым. Если нельзя было продавать доли дешмукхства, то как объяснить факты, лично наблюдавшиеся Сайксом? Он передает, что в Ахмеднагаре $\frac{1}{3}$ дешмукхства принадлежала некоему брахману, а $\frac{2}{3}$ — радже Наппура¹⁷⁰. Но окончательно этот спорный вопрос был решен, когда Раджваде и другие маратхские ученые предприняли обширную публикацию документов, извлеченных ими из архивов пешв в Пуне. Из этих документов ясно, что обычно должностью и доходами дешмукхства на правах совладельцев пользовалось несколько семей. Так, из документа 1776/77 г. выясняется, что совладельцами дешмукхства парганы Сангамнер были семьи Мхаске и Шелке, причем старшинство оставалось за семьей Мхаске. Со старшинством связывается «исключительное право употреблять официальную печать, ставить свою подпись и выполнять другие обязанности владельца половинной доли дешмукхства упомянутой парганы, тогда как младшие совладельцы пользуются своей обычной долей (доходов) инама. Кроме того, старший дешмукх должен оказывать им денежное вспомоществование, какое он считает необходимым для удовлетворения их нужд»¹⁷¹. В отличие от патильства, где первоначальный владелец мог продать не только долю ватана, но и свое старшинство (вадилпан), старшим дешмукхом неизменно оставался представитель семьи первоначального владельца, сколько бы семей впоследствии ни стало совладельцами ватана дешмукха.

Второй документ связан со спором о старшинстве между двумя совладельцами дешмукхства четырех округов парганы Джуннар — Дададжи Дев Рао и Тулджа-

¹⁶⁹ Эльфинстон указывал: «Полагают, что они (дешмукхи и дешпанде) не могут продавать своих должностей (хотя патили и кулькарни могут), и даже сомнительно, могут ли продавать свои права на получение различных сборов, хотя они могут закладывать эти права. Но свои земли они, конечно, могут продавать» (M. Elphinstone, *Report on the territories recently conquered from the Peshwa*, pp. 21—22).

¹⁷⁰ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 220.

¹⁷¹ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 246.

джи Саходжи Ханде¹⁷². Правительство решительно встало на защиту Дададжи и признало его исключительное право пользоваться печатью и другими правами старшинства в качестве представителя рода первоначально-го владельца ватана¹⁷³.

Зачастую дешмукх соединял свою основную должность и связанные с ней права и доходы с владением одним или несколькими патильствами (очевидно, приобретенными посредством покупки). Более редкими были случаи, когда дешмукх покупал ватан кулькарни. Так, например, в Ахмеднагаре некий брахман владел $\frac{1}{3}$ долей дешмукхства, а также ватанами патилия и кулькарни¹⁷⁴.

Доходы дешмукха в основном складывались из следующих статей: 1) доходов с принадлежавших ему земель инам; 2) процентного отчисления с общей суммы поземельного налога, собранного во вверенном ему округе; 3) гутри, или сбора зерном; 4) различных мелких сборов с торговцев, ремесленников и деревенских слуг; 5) использования принудительного труда крестьян и деревенских слуг. Земли дешмукха принадлежали к категории полных инамов (инам сарва), освобожденных целиком от государственных налогов и местных сборов. «Вы будете пользоваться старинными землями инам, включая поля и сады», — гласит составленная в правительственной канцелярии памятка дешмукху¹⁷⁵.

Каков был общий размер инамных земель дешмукха? Эльфинстон, хорошо изучивший положение в Махараштре в качестве резидента Ост-Индской компании при последнем пешве, утверждает, что из каждых 100 акров обрабатываемой земли своего округа дешмукх владел пятью¹⁷⁶. Сайкс приводит конкретные примеры землевладения отдельных дешмукхов. Так, в талукке Махал два со-

¹⁷² Ibid., pp. 246—247.

¹⁷³ В документах державы пешв наряду с наименованием «дешмукх» для обозначения этой должности и связанных с ней прав иногда употребляется новый термин — «заминдар».

¹⁷⁴ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 220. — Этот же автор отмечает: «Во многих случаях дешмукх соединяет свою должность с должностью патилия» (ibid).

¹⁷⁵ Документ взят Сеном из собрания Раджаваде и приведен без датировки (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 249).

¹⁷⁶ M. Elphinstone, *Report on the territories recently conquered from the Peshwa*, p. 20.

владельца должности дешмукха имели по 450 акров земли каждый. Тот же Сайкс сообщает о существовании целых деревень, входивших в инам дешмукхов¹⁷⁷ Очевидно, инамы дешмукхов составлялись как из относительно крупных владений, целиком охватывавших одну или несколько деревень, так и мелких участков, разбросанных по отдельным общинам. Так, в списках инамов деревни Амболи за 1714/15 г. фигурирует небольшой инам дешмукха, приносивший урожай 13 маундов зерна в год¹⁷⁸

Мы не имеем возможности проверить правильность утверждения Эльфинстона, что дешмукху принадлежало 5% всей обработанной земли в пределах подчиненного ему округа. Аналогичные утверждения, кстати, часто повторяются в литературе. Но одно совершенно очевидно, что дешмукхи владели как целыми деревнями, так и относительно небольшими участками земли, по 40—50 акров, разбросанными по отдельным общинам, и что в своей совокупности эти земли приносили их владельцу значительный доход. Дешмукх представляется нам феодалом средней руки, разумеется, превосходившим патиля размерами своего землевладения.

Следующей крупной статьей доходов дешмукха было ежегодное процентное отчисление с общей суммы поземельного налога, собранного в пределах подчиненного ему округа. Дешмукх получал, по утверждению Эльфинстона, 5%, а Сена—2%¹⁷⁹. Но, по-видимому, ближе всех к истине оказался Сайкс, который показал, что никакой единообразной практики в этом отношении не существовало, и даже в соседних парганах дешмукхи получали отчисления с налога в различном размере. Сайкс приводит данные по четырем округам. В Пуне дешмукх и дешпан-де получали отчисление в размере 3,06% с валового сбора налога, что составляет 6% с «чистого» сбора (за вычетом расходов на налоговый аппарат и т. д.). В Такли дешмукх получал немногим меньше двух рупий (1 рупия и 14,5 анна) с каждых 100 рупий собранного налога, а в Парнере — 1 рупию и 13,5 анна. В Ванги доля деш-

¹⁷⁷ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 220.

¹⁷⁸ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 374.

¹⁷⁹ M. Elphinstone, *Report on the territories recently conquered from the Peshwa*, p. 21.

мукха равнялась 3 рупиям и $3\frac{1}{4}$ анна со 100 рупий «чистого» налогового сбора¹⁸⁰. Таким образом, оплата дешмукха колебалась по этим четырем парганам в пределах от двух до восьми процентов с общей суммы собранного налога.

Третьей крупной статьей доходов дешмукхов являлся гургри, или натуральный сбор в зерне. Данных о размере этого сбора нет, но, вероятно, дешмукх, который взимал его со 100—150 деревень своего округа, брал его в меньшем размере, чем патиль, эксплуатировавший крестьян одной деревни. Патиль, как известно, получал гургри в размере от 100 до 200 маундов зерна с каждых 120 багха (96 акров) посева. Можно думать, что в конце XVIII в. дешмукхи стали взимать вместо гургри денежный сбор, получивший наименование «хлебных денег»¹⁸¹. Суммы, поступившие по этой статье дохода, делились поровну между дешмукхом и дешпанде.

Важную роль в доходах дешмукха играли различные сборы и натуральные подати, которыми облагались как целые общины, так и торговцы, ремесленники и общинные слуги в отдельности. Некоторые из натуральных поставок были в XVIII в. заменены денежным сбором. Сайкс сообщает следующее: «В деревне Вамури, тараф Рахури, я нашел, что дешмукх вместо ежегодно полагававшегося ему барана и топленого масла на 1 рупию получал 2 рупии деньгами, каковые фигурировали в списке ежегодных денежных расходов деревни. Там, где крестьяне возделывают сахарный тростник, дешмукх получал сок. В Ангуре (паргана Мохол) по бумагам общины ежегодно проходит расход в 26 рупий на подарок платья дешмукху; кроме того, дешмукхи имеют сложные права на доход от (внутренних) таможен»¹⁸². Более подробные данные об этих мелких сборах и натуральных поставках мы находим в уже упоминавшейся памятке дешмукху, составленной в правительственной канцелярии пешв. Здесь перечисляются следующие доходные статьи¹⁸³:

¹⁸⁰ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 220.

¹⁸¹ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 250.

¹⁸² W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, pp. 220—221.

¹⁸³ Текст этого документа приведен в извлечениях у Сена (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 248—250).

денежный сбор в размере трех рупий в год с каждой деревни; из них две рупии поступают дешмукху и одна рупия дешпанде;

подарки листьями бетеля от правительства.

В центре парганы (касба) имеется участок земли для ватана дешмукха. «Вам следует построить там здание и жить в нем».

«Взимайте обычный сбор свежими овощами с базаров в различных деревнях и в упомянутой касбе».

«Пользуйтесь старинными землями инама, включающими сады и поля».

«Берите с махаров каждой деревни традиционную вязанку топлива к празднику».

«Взимайте с каждой деревни тель ко дню Санкранти и гхи (топленое масло) по случаю совершения обряда шрадх (обряда поминок по предкам)».

«Вам и вашим представителям, состоящим на службе в упомянутой паргане, следует получать два бхата (подарка)».

«Берите по одному шерстяному одеялу с каждой деревни, где дхангары (пастухи) занимаются ткачеством».

«Берите от башмачников по одной паре обуви в год с каждой деревни».

«Берите с упомянутой касба (центр округа) сбор сайван (на балдахин, палатку)».

Метельщики мечети Шаха Давал Пидар платят в качестве табрук «3 рупии в год, из этой суммы одна рупия принадлежит дешпанде, а Вам следуют остающиеся две рупии».

«Хлебные деньги, поступающие с каждой деревни, следует разделить поровну между Вами и дешпанде».

«Из сумм различных сборов за выполнение различных обязанностей (служб) Вам следует дать третью часть дешпанде, а две трети оставить себе».

Кроме получения перечисленных денежных и натуральных сборов, различных форм продуктовой ренты и т. д., дешмукх и дешпанде использовали принудительный труд крестьян и общинных слуг. Каждая деревня в течение определенного периода времени (иногда до шести месяцев) выделяла одного или нескольких махаров для обслуживания конюшни этих феодалов¹⁸⁴. Для

¹⁸⁴ В «Справочнике Бомбейского президентства» сообщается, что махар обрабатывал шесть месяцев в году на дешмукха, 15 дней —

выполнения строительных и иных работ они равным образом стогнали крестьян и обшипных слуг на бегар.

Как видно из предшествующего изложения, окружной писарь, или дешпанде, имел, как и дешмукх, земли инам, по-видимому, в несколько меньшем размере, чем его начальник. Деньги и продукты, поступавшие от населения, как правило, делились в следующей пропорции: $\frac{2}{3}$ — дешмукху, $\frac{1}{3}$ — дешпанде¹⁸⁵. Исключение составляли «хлебные деньги, подлежащие разделу поровну».

В начале XVII в. дешмукхи и дешпанде превратились в фактически самостоятельных феодалов, располагавших укрепленными замками и собственной вооруженной силой¹⁸⁶. Впоследствии Шиваджи подорвал их военную и

на дешпанде, 8 дней—на патиля («*Gazetteer of the Bombay presidency*», vol. XVIII, pt 2, p. 365). Сайкс приводит данные о том, что в отдельных случаях махары по полугоду сряду были заняты обслуживанием конюшен дешмукхов и джагирдаров. В конце XVIII в. эти своеобразные отработки махаров были заменены особым денежным сбором — рапта (или вапта) в размере 24 рупий в год (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «*JRAS*», vol. II, 1835, pp. 226—227).

¹⁸⁵ «В Мохоле, — сообщает Сайкс, — я нашел дешпанде Ападжи Баоли, который имел права в 57 деревнях Ост-Индской компании и в 6 деревнях, освобожденных от уплаты поземельного налога. Эти права дешпанде включали процентное отчисление с налога, сбор гутри и земли инам в большинстве из них... С земель города Мохол дешпанде получал сбор гутри в размере 48 сиров зерна с каждых 30 бигха (24 акра) посева» (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «*JRAS*», vol. II, 1835, p. 221).

¹⁸⁶ Саркар следующим образом характеризует дешмукхов нагорной Махараштры (Мавал): «Эти мелкие вожди были по большей части маратхи, т. е. члены той же касты, что Шиваджи. Они, как повсюду в Махараштре, поручали ведение своих дел управляющим брахманам (карабхарам) и переписку — писцам касты прабху (каятха). Каждому дешмукху Мавала приходилось содержать вооруженную силу, набранную почти исключительно из крестьян, державших его землю. Эта вооруженная сила служила для защиты вверенного ему округа против нападений соседей и банд разбойников. Кроме того, дешмукхи, по поручению своего государя, в минуты необходимости, часто набирали войска для королевской службы и за эту добавочную услугу вознаграждались деньгами и пожалованием новых деревень» (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 29). Саркар не видит того, что в свое время метко подчеркнул маратхский хронист Сабхасад Бакхар, а именно, что дешмукхи и дешпанде почти целиком стали присваивать налоги со своих округов, произвольно облагали крестьян дополнительными поборами в свою пользу, насильственно захватывали земли деревенских общин и соседних феодалов, вели междоусобные войны, одним словом, действовали как владетельные феодалы, все меньше считавшиеся с властью мусульманских правителей.

политическую силу и несколько урезал их землевладение, доходы и привилегии.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о социально-экономическом строе маратхского города XVII—XVIII вв. чрезвычайно ограничены. Торгово-ремесленное население городов Махараштры состояло не только из маратхов, но и выходцев из соседних областей Индии, где товарно-денежные отношения и ремесленное производство стояли на более высоком уровне. В городах Махараштры селились ремесленники из Кералы и Карнатика, а в XVII в. здесь появились раджпутанские торговцы и ростовщики марвари. В то же время в Махараштре, по-видимому уже давно, существовали свои торговые и ремесленные касты, чьи представители играли важную роль в экономической жизни маратхского средневекового города. Городские торговцы и ремесленники объединялись в гильдии. «В крупных деревнях и торговых городах, называемых шетх и касба, неземледельческое население было объединено (под главенством) шетхов или старшин торговых и ремесленных гильдий, каковые занимали среди людей своей профессии руководящее положение, аналогичное положению, занимаемому патилем-мукаддамом в деревне»¹⁸⁷. В Могольской державе старшина и маклер торговых и ремесленных гильдий назначались правительственной властью¹⁸⁸. Вероятно, так же дело обстояло и в Махараштре, хотя мы лишены возможности подкрепить это предположение ссылкой на конкретные факты. Старшины торговых и ремесленных гильдий выполняли административные функции: они отвечали за то, чтобы всякий член торговой или ремесленной корпорации своевременно вносил налог и выполнял положенные повинности. Вероятно, на старшинах равным образом лежала ответственность за соблюдение различных цеховых ограничений и правил как в области самого производства, так и сбыта готовой продукции. Подобно крестьянам-общинникам, представители торговых гиль-

¹⁸⁷ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 324.

¹⁸⁸ «В каждой касте ремесленников пусть назначит он (котвал) одного (из них) начальником, а другого даллалем (маклером) и с их ведома составит список покупаемого и продаваемого (ремесленниками). Ежедневные записи пусть посылает в казну» («Ain-i Akbari», vol. I, Calcutta, 1868, p. 284).

дий выступают у маратхов свидетелями и соприсяжниками при совершении важных судебных актов. В документе 1725 г., разрешившем долголетний спор четырех пати-лей общины Вагдури, наряду с мирасдарами и балюта-дарами фигурируют представители торговцев и ремеслен-ников, собирательно именуемые «мохтурфа» (торговые люди). В их числе мы находим Висаджи Бихри Шайти, чью подпись заменяет изображение весов менялы; Низам Бхаи Бхирадура Махджана; Каси, сына Емаджи; Майт-ри (главу торговцев растительным маслом)¹⁸⁹. В некото-рых случаях власти выдавали старшине торговой гиль-дии каул (грамоту, письменную гарантию), предостав-лявшую ему определенные льготы и привилегии для создания торгового пригорода. Так, Сен приводит каул, выданную основателю торгового пригорода¹⁹⁰. На осно-вании этой грамоты некоему Шетепану предоставлялось право взимать следующие сборы с населения пригорода:

- 1) один орех бетеля с лавки каждого бания раз в не-делю в базарный день;
- 2) по пять листьев бетеля ежедневно с каждой лавки торговца бетелем;
- 3) девять так (так — мера, равная $\frac{1}{3}$ сира) расти-тельного масла раз в неделю с каждой лавки торговца растительным маслом;
- 4) полсира с каждого мешка проса, проданного в базарный день;
- 5) четверть сира бакалейных товаров с каждого меш-ка бакалей, проданного на базаре;
- 6) горсть овощей ежедневно с каждой овощной лавки;
- 7) один кусок пасоли (грубая ткань) раз в год с тка-чей пригорода;
- 8) две пары обуви от башмачников пригорода;
- 9) четверть сира риса или пшеницы с каждой лавки в день больших праздников (Дасра, Дивали, Шимга и Варша Пратипада);
- 10) горсть зерна с каждого мешка зерна, взвешенно-го на весах шетхов;
- 11) мясо и вяленую рыбу от мясников и торговцев рыбой по базарным дням;

¹⁸⁹ W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. III, 1836, p. 364.

¹⁹⁰ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 334—335.

12) кокосовый орех по случаю всякого свадебного торжества, состоявшегося в пригороде;

13) дома шетхов (старшин цехов и гильдий) освобождаются от уплаты домового сбора.

Подобные привилегии, видимо, предоставлялись в порядке исключения, когда нужно было заселить обезлюдевший город или основать новый¹⁹¹. В обычное время старшины цехов и гильдий, вероятно, взимали в свою пользу сборы с членов корпорации, главой которой они являлись, но не со всего торгово-ремесленного населения города. Исходя из этого предположения, можно сделать вывод, что в обычных условиях сборы, перечисленные в грамоте на имя Шетепана, также были в ходу, но взимались они не в пользу феодала, в чьи владения входил данный город. Но упомянутые сборы, конечно, не были ни единственной, ни тем более основной тяготой, которую несли городские торговцы и ремесленники. Сверх того, они облагались общегосударственными налогами.

На основании инструкции 1742/43 г. камависдари Ревдана, исходившей от правительства пешвы Баладжи Баджи Рао (1740—1761), Сен приводит данные о размерах денежных налогов, взимавшихся с торгово-ремесленного населения городов¹⁹²:

1. Коли, занимавшиеся в городах промыслом носильщиков, платили от 2 до 8 рупий в год в зависимости от размеров и оборудования паланкина.

2. Торговцы платили от 5 до 7 рупий с лавки в год, очевидно, в зависимости от размеров лавки, ее торгового оборота.

3. Башмачники — от 4 до 6 рупий в год.

4. Владельцы маслоек — от 5 до 7 рупий в год с каждой маслойки.

5. Кузнецы — 4 рупии в год с кузницы.

6. Золотых дел мастера облагались налогом в размере 3 рупий в год.

7. Гончары платили 3 рупии в год с гончарного станка.

¹⁹¹ Дададжи Конандев, брахманский управитель джагира Шаху, отца Шиваджи Бхонсле, выдал каул, которая предоставляла особые права торговцам и ремесленникам, вернувшимся в Пуну, совершенно разоренную войной (D. R. Gadgil, *Poona*, pt I, p. 7).

¹⁹² S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 322—323.

8. Вязальщики корзин — 3 рупии в год с дома.

9. Музыканты (гондли) — 3 рупии в год за право заниматься своей профессией.

Кроме того, городское население платило подомный сбор, подушную подать и многие другие налоги. Особенно стеснительным для торговли было существование многочисленных внутренних таможенных пошлин. Наконец, городские ремесленники в принудительном порядке зачастую привлекались к бесплатному выполнению тех или иных работ на своих феодальных владык (снаряжение и вооружение войска, подготовка праздника, изготовление ценных подарков, различных предметов роскоши и т. д.). Организация этих отработок лежала на правителе города — котвале. В инструкции правительства пешвы на имя Джанардана Хари, котвала столицы Пуны, в пункте третьем совершенно недвусмысленно говорится об этой практике: «Котвал должен обеспечить (устроить поставку) работников, нужных для правительства, из числа ремесленников и членов некоторых каст в городе»¹⁹³. Следует помнить, что, кроме необходимости платить многочисленные налоги, сборы и выполнять повинности, торговцы и ремесленники жестоко страдали от феодального произвола, полной необеспеченности жизни и имущества. Исключение составляли отдельные представители крупного ростовщического капитала, сами приобщившиеся в дальнейшем к феодальной эксплуатации и выступавшие в роли откупщиков налогов и финансиравшие военные походы маратхских феодалов. О роли этой прослойки будет сказано ниже, в связи с теми изменениями, которые произошли в маратхском обществе и государстве во второй половине XVIII в.

Подлинным хозяином в маратхском средневековом городе был котвал. Он ведал сбором налогов с населения, пользовался судебной и полицейской властью, регулировал цены товаров, наблюдал за правильностью мер и весов. Ему же подчинялась городская стража или полиция, он же «обеспечивал» правительство бесплатным трудом ремесленников и других горожан. По существу котвал располагал неограниченной властью над трудящимся населением города, от его произвола страдали и купцы. К сожалению, в материалах, которыми мы

¹⁹³ Ibid.

располагали, попадаются лишь единичные указания о борьбе торгово-ремесленного люда городов Махараштры против феодальных порядков и наиболее ненавистных их носителей. Так, в конце XVIII в. горожане Пуны подняли большое восстание, вызванное жестокостями и вымогательствами столичного котвала Гхасирама. Пешва был вынужден выдать Гхасирама на расправу народу.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА МАРАТХОВ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВО ГЛАВЕ С ШИВАДЖИ

Освободительная борьба маратхов была подготовлена всем ходом внутреннего развития маратхского общества. Далеко зашедшее разложение деревенской общины, значительное проникновение товарно-денежных отношений в деревню, рост экономической и военной силы маратхских феодалов были важнейшими показателями дальнейшего развития феодализма у маратхов, развития, подготовившего условия для перехода к более высоким формам феодальной и социально-экономической организации (ленная система) и государственного устройства. Маратхские феодалы более не удовлетворялись своими наследственными ватанами; они давно «переросли» их и стремились насильственно расширить свои владения как за счет дальнейшей экспроприации общинных земель, так и путем взаимной борьбы и внешних захватов. Военный лен становился вместо ватана основной формой землевладения маратхских феодалов. Их кровавые междоусобицы, столь характерные для Махараштры конца XVI — начала XVII в., не были случайной вспышкой феодальной анархии, а являлись неизбежным следствием и проявлением процесса складывания крупного феодального землевладения. «Единственно, о чем думали все эти Гхорпаде, Море, Мане и Саванты,—пишут о сильнейших маратхских феодалах того времени индийские исследователи Кинкэд и Параснис,—так это о собственном возвышении при дворе и расширении своих ленов за счет соседей»¹. Если отдельные феодалы думали о собственном возвышении и ради этого шли сами на службу в Ахмеднагар, Биджапур и державу Моголов

¹ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, London, 1918, p. 132.

и поставляли туда войска маратхских ватандаров, то перед маратхскими феодалами, как классом, объективно стояли две основные задачи: добиться безраздельного господства над собственным народом (а этого можно было достигнуть только в борьбе с мусульманскими феодалами Ахмеднагара, Биджапура и Могольской державы) и насильственно приблизить торжество крупного феодального землевладения. Эти взаимосвязанные и тесно переплетавшиеся задачи требовали создания своего маратхского феодального государства. Только организовавшись в государство, местные феодалы могли завоевать независимость Махараштры, создать надежную защиту своих классовых интересов против «внутреннего врага» в изменившихся условиях классовой борьбы, ускорить торжество крупного феодального землевладения и военно-ленной системы и, наконец, облегчить себе возможность широких внешних завоеваний. Но развитие этой тенденции не было прямолинейным и простым. Оно происходило в сложных взаимоотношениях маратхских феодалов с маратхским крестьянством, являвшимся основной силой освободительной борьбы.

Борьба за независимость Махараштры была обусловлена не только стремлением маратхских феодалов создать свое государство, но и выступлением народа, в первую очередь крестьянства. Оно подвергалось тяжелому гнету «своих» и мусульманских феодалов. Оно оказалось перед угрозой физического истребления в результате внутренней феодальной анархии и опустошительных войн султанов Ахмеднагара, Биджапура и Моголов, развернувшихся на территории Махараштры, и, наконец, нашествия Моголов во второй половине XVII в.² Нашествие

² О характере этих опустошений можно судить по истории Пуны. На протяжении каких-нибудь пяти лет этот город и его округа дважды подвергались нашествиям. В 1631 г. военачальник биджапурского шаха Мурар Джагдео Пандит взял Пуну и повелел сжечь город с землей. Чтобы никто здесь не селился, территория разрушенного города была вспахана плугом в запряжке ослов. В 1636 г. округ Пуны был вновь опустошен могольскими войсками под командованием Шах-Земана. Оставшиеся в живых горожане и крестьяне бежали в горы. В Пуне устроили свои логовища волки и другие дикие звери. Чтобы вновь заселить город, Дададжи Конандев, управитель джагира Шаху, отца Шиваджи, издал каул (грамоту), предоставлявшую вернувшимся горожанам ряд льгот (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, London, 1929, p. 26; D. R. Gadgil, *Poona. A socio-economic survey*, pt 1, Poona, 1945, p. 7).

могольских полчищ при Аурангзебе имело некоторые черты, отличавшие его от тех завоеваний, которым неоднократно и раньше подвергалась Махараштра. Эта разница заключалась как в природе самого завоевания, так и в тех изменениях, которые именно к этому времени открыто обнаружались в экономической и общественной жизни Махараштры. Нашествие Моголов несло маратхскому народу еще более невыносимый гнет и жестокую эксплуатацию, чем господство Биджапура и Ахмеднагара; оно происходило под флагом непримиримой религиозной войны мусульман против «неверных» индусов; это было нашествие чужеземцев с севера, посягавших на религиозные верования, на бытовой уклад и на культуру маратхов; оно не могло не задеть патриотических чувств народа и не дать толчок его пробудившемуся единству. В дальнейшем, когда могольские феодалы встретили невиданное в тогдашней Индии сопротивление (невиданное именно потому, что оно приняло народный характер), Аурангzeb предал Махараштру огню и мечу, уничтожая все живое на пути своих полчищ³. Однако эти репрессии только подлили масла в огонь; они ожесточили и закалили маратхов, но не могли сломить их. Развернув под руководством передовых представителей своего феодального класса (одновременно многие маратхские феодалы помогали чужеземным завоевателям) беспощадную войну против Моголов (на некоторых этапах борьба преимущественно имела партизанский характер), маратхи боролись за свое существование как народа, за независимость, за самую возможность своего национального развития. В глубоких народных корнях движения, в его патриотическом характере собственно и заключалась великая сила восстания, обеспечившая маратхам конечную победу после полувековой борьбы против более многочисленного и лучше вооруженного врага, имевшего в своем распоря-

³ Очевидец Мануччи следующим образом рисует опустошение Махараштры на заключительном этапе войны маратхов с Аурангзебом: «В марте месяце, в 1706 г. он [император] отступил к городу Аурангабаду (бывший Ахмеднагар), оставляя за собой земли этих провинций, лишенные деревьев и всходов злаков; их место заняли кости людей и выючных животных... Страна настолько опустошена и обезлюдела, что на протяжении 3—4 дней пути не встретишь огня в очаге или света в окошке» (N. Manucci, *Storia do Mogar or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. IV, London, 1908, p. 252).

жении все ресурсы слабеющей, но все еще огромной Могольской державы.

Историческое развитие также подготовило известные предпосылки объединения маратхского народа. Это был народ с большим историческим прошлым, с традициями борьбы за свою независимость, народ, издавна отличавшийся воинственностью⁴. Маратхи многие века были объединены в одно государство. Государства Чалукиев (до 758 г.), затем Раштракутов (до 973 г.), поздних Чалукиев (до 1189 г.) и, наконец, Ядава (до 1294 г.) имели сильное ядро маратхской народности и управлялись местными династиями. Маратхи внесли богатый вклад в развитие индийской культуры: маратхскими зодчими и ремесленниками были созданы вырубленные в скалах подземные храмы Эллары, являющиеся одним из выдающихся образцов индийской средневековой архитектуры; маратхским художникам принадлежит замечательная стенная роспись в пещерах Аджанты.

Маратхи в течение длительного времени сопротивлялись мусульманским завоевателям-феодалам, и только державе Бахманидов (1347—1490) удалось окончательно подчинить своей власти Махараштру. После распада султаната Бахманидов на его развалинах возникло пять мусульманских государств Декана: Голконда, Биджапур, Ахмеднагар и более мелкие Бидар и Берар. В 1574 г. Ахмеднагар поглотил Берар, а в 1619 г. Биджапур поглотил Бидар. Подавляющее большинство маратхского народа вошло таким образом в состав Ахмеднагара. В этом государстве наряду с персидским официальным языком государственных канцелярий также признавался маратхский язык⁵, что свидетельствовало о сохранении маратхами своей национальной самобытности. Еще в X—XII вв. были созданы первые памятники литературы на древних формах современного маратхского языка⁶. «Живые разговорные языки Индии, — отмечает советский индолог А. М. Дьяков, — не были

⁴ Большой материал, основанный на первоисточниках, собран в книге индийского ученого Дж. Саркара: J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, Calcutta, 1919, pp. 4—19.

⁵ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 108.

⁶ А. М. Дьяков, *К вопросу о национальном составе населения Индии*, — «Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. I, М.—Л., 1947, стр. 247.

национальными языками и представляли скорее группы родственных диалектов. Они были главным образом разговорными языками, и существовавшая на них до XV в. литература была незначительна. Основным литературным языком индусов, на котором писались сочинения в области науки, религии, законодечения, был санскрит. В средневековой Индии санскрит играл ту же роль, что в средневековой Западной Европе латынь, а на Руси церковнославянский язык. Так же как в Западной Европе латынь в средние века знали почти исключительно монахи и лишь немногие светские люди, — в Индии санскрит был монополией ученых браминов — пандитов — и писцов из касты каястхов, которые обслуживали государственный аппарат⁷. Засилье санскрита, с одной стороны, а с другой — покровительство, которое мусульманские государи оказывали персидскому языку и письменности, в известной мере тормозили развитие литературы на маратхском языке. Значительный толчок ее дальнейшему развитию дало религиозно-реформаторское движение бхакти, первоначально отражавшее настроения городских ремесленников и торговцев, их протест против сословно-кастового строя и освящавшего этот строй ортодоксального индуизма. «Таким образом, в Индии, — пишет А. М. Дьяков, — городские ремесленники и торговцы выступили впервые на политическую арену. Их политическое пробуждение приняло форму реформаторского движения и дало первый толчок развитию литературы на народных языках Индии, заложив таким образом основы для превращения их в национальные языки»⁸.

Крупным представителем реформаторского движения в Махараштре явился выдающийся маратхский поэт Намдев, сын портного. Он жил в XV в. Его стихи призывали к отказу от кастовых различий и провозглашали равенство людей перед богом. Намдев нашел множество последователей и подражателей. Не случайно это были почти исключительно выходцы из низших каст, не исключая «неприкасаемых». Центром этого движения стал город Пандхарпур в низовье р. Бимы, откуда оно и получило название «пандхарпурского». Его основную идею современные индийские исследователи истории ма-

⁷ Там же, стр. 253.

⁸ Там же, стр. 256.

ратхов излагают следующим образом: «В глазах бога каста не имеет никакого значения, и всякая земная неправоспособность может быть преодолена любовью к Кришне и поклонением ему»⁹. Так в завуалированной мистической форме реформаторы выражали свой протест против сословно-кастового неравенства и феодальных привилегий. Главными представителями и защитниками этих взглядов были люди из народа. Среди наиболее крупных деятелей пандхарпурской школы необходимо отметить Чокхамела (махар), Савата (мали, или садовник), Рака и Гора (горшечники), Нахари (золотых дел мастер), Рохидаса (дубильщик)¹⁰. Множество маратхов совершали паломничество в Пандхарпур и чутко прислушивались к слову этих проповедников. Среди них большое влияние приобрел Экнатх (1548—1608), долгие годы проповедовавший в Махараштре. Брахман по происхождению, он за еретические взгляды был исключен из касты, а его поэмы были публично потоплены в р. Годавари. Он перевел на маратхский язык Бхагават Пурану (около 20 тыс. стихов). По словам профессора Эдвардса, «он не обращал внимания на нападки привилегированного жречества и смело выступал с проповедями против каст и других ограничений общественных прав, не санкционированных священными книгами индусов». За перевод этих книг на маратхский язык — «язык шудр» — его судил трибунал брахманов в Бенаресе, но до конца своей жизни Экнатх не оставлял борьбы против мертвого языка санскрита, каст и привилегий жречества¹¹. Однако маратхские религиозные реформаторы окончательно не порвали с ортодоксальным индуизмом, а выступали лишь за его «очищение»; они не были и противниками сословно-кастовой системы как таковой, а вы-

⁹ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 107.

¹⁰ Ibid. — Прав Дж. Саркар, когда он утверждает, что «это религиозное возрождение было делом народа, масс, а не высших классов. Во главе его стояли святые из среды плотников, горшечников, садовников, лавочников, цирюльников и даже махаров, гораздо чаще, чем из среды брахманов» (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 12). Но Саркар глубоко ошибается, когда сводит все реформаторское движение к «религиозному возрождению». Религиозным оно было только по форме.

¹¹ J. Grant-Duff, *History of the Mahrattas*, vol. I, Oxford, 1921. Introduction by prof. Edwards, pp. LXVI—LXVII.

сказывались лишь за известное смягчение ее; провозгласив принцип равенства людей перед богом, они не пошли дальше, не сделали революционного вывода о необходимости установления равенства в отношениях между людьми на земле. Таким образом, они примыкали к более умеренным течениям реформаторского движения бхакти и стояли несравненно ближе к Тулси Дасу, чем к вождям и пророкам революционных антифеодалных выступлений сектантов (сатнами в Индостане, сикхи в Пенджабе, санияси в Бенгалии)¹². В проповедях и поучениях более поздних маратхских реформаторов Тукарама и Рам Даса, являвшихся современниками, а в известной мере и вдохновителями освободительной борьбы маратхов (известно, что Тукарам и в особенности Рам Дас оказали большое влияние на Шиваджи; Рам Дас был гуру, или религиозным руководителем, Шиваджи), отчетливо выступают две тенденции. С одной стороны, они стремятся придать освободительной борьбе народа ярко выраженный религиозный антимусульманский характер. Рам Дас следующим образом описывал Махараштру под властью мусульман: «Святые места были разрушены; жилища брахманов осквернены. Вся земля была потрясена. Религия покинула людей»¹³. С другой стороны, у Рам Даса звучит мотив защиты существующего сословно-кастового строя. Пусть всякая каста исполняет религиозный закон, а государь будет действовать согласно этому закону — таков смысл поучений Рам Даса, содержащихся в его письме на имя Шиваджи¹⁴. Постепенно социальный протест уступает у Рам Даса место примирению с существующими порядками.

Такое развитие религиозно-реформаторского движения в Махараштре в конечном счете обуславливалось особенностями социально-экономического строя маратхов, характером классовой и освободительной борьбы того

¹² Об умеренном и революционном течении в движении бхакти см.: И. М. Рейснер, *Тулси Дас. «Рамаяна»*, — «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 12.

¹³ С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 194.

¹⁴ «Пусть государи следуют религии государей. Пусть кшатрии следуют религии кшатриев» (С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 185). Очевидно, этот же принцип: каждая каста следует своему религиозному закону — лежал в основе отношения Рам Даса к сословно-кастовой системе в целом.

времени. Здесь нужно прежде всего учесть следующие две особенности социально-экономической структуры маратхского общества: во-первых, слабость городских элементов и, во-вторых, некоторые особенности феодальной эксплуатации маратхского крестьянства со стороны «своих» феодалов. Слабость маратхской городской торгово-ремесленной прослойки лишала реформаторское движение сколько-нибудь прочной опоры в городе¹⁵. В то же время на формах эксплуатации маратхских крестьян со стороны «своих» феодалов (в той мере и степени, в какой эти последние еще окончательно не оторвались от общины, не обособились от нее) лежал известный патриархальный отпечаток, вуалировавший сущность этих отношений¹⁶. Это обстоятельство тормозило классовую борьбу крестьян Махараштры против «своих» феодалов. Наконец — и это самое важное, — не они, а мусульманские феодалы-завоеватели были главными угнетателями и эксплуататорами маратхских кре-

¹⁵ Саркар указывает, что в результате мусульманских завоеваний маратхи в XIV в. потеряли свои города на Кистие и Годавари и были оттеснены в западную часть Декана, в малодоступные предгорья Гхатов (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 12; J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, p. 14). В этом, по-видимому, лежала одна из причин слабости маратхского торгово-ремесленного элемента, сказывавшаяся и долгое время спустя. Вторая, и притом главная, причина заключалась в том, что общественное разделение труда между городом и деревней находилось у маратхов на более низком уровне, чем у других, более развитых в социально-экономическом отношении народов Индии (например гуджаратцев, телугу, бенгальцев и т. д.).

¹⁶ Большое значение имело то обстоятельство, что крестьяне и маратхские феодалы принадлежали к одной и той же земледельческой касте кунби. А. М. Дьяков указывает: «Маратхские феодалы все принадлежали к земледельческой касте маратхов, которая вместе с родственной им кастой кунби составляет большую часть маратхского крестьянства. Эти феодалы выросли из состава наследственных должностных лиц сельской общины, и в бытовом отношении их связь с общиной не порвалась. Вследствие малого развития городов, а следовательно, и малой степени общественного разделения труда, кастовое деление среди маратхов не достигло таких размеров, как у других народов Индии, и низшие касты не были столь принижены и забыты. Женщины маратхских крестьян принимали активное участие в полевых работах, и поэтому в Махараштре не было затворничества женщин» (А. М. Дьяков, *К вопросу о национальном составе населения Индии*, стр. 296—297). Несмотря на отдельные неточности (каста маратхов представляла подразделение касты кунби), А. М. Дьяков правильно отмечает некоторые особенности социально-экономического строя маратхов в XVII в.

стьян. Все это объясняет нам причины слабости социального протеста и даже его отсутствия в проповедях поздних представителей (Рам Дас) религиозно-реформаторского движения маратхов. Но было бы неправильным вообще отрицать на этом основании положительное значение реформаторского движения. Оно первоначально внесло известную демократическую струю в маратхскую культуру, содействовало развитию литературы на маратхском языке, пропагандировало (пусть в религиозной форме) патриотические чувства, выступало с призывом борьбы за независимость — одним словом, способствовало росту сознания общности маратхов как народа и тем самым сыграло свою роль в подготовке некоторых элементов будущей общности маратхов как нации. Эта общность маратхов как народа, подготовленная историческим прошлым и получившая свое дальнейшее развитие в ходе антимогольской борьбы, уже не совмещалась с привычными и застойными кастовыми делениями. Каста находилась в вопиющем противоречии с общностью людей как народа, а тем более как нации. Для касты существуют только наследственно замкнутые, сословно-иерархические подчиненные друг другу группы людей, отгороженные одна от другой многочисленными запретами и ограничениями. Маратхские феодалы, выступившие руководителями освободительной борьбы народа, разумеется, стремились сохранить кастовый строй и свои собственные привилегии. Но в то же время качественно новое заключалось в том, что в изменившихся условиях местные феодалы оказались вынужденными не только терпеть, но даже поддерживать (разумеется, в расчете использовать его в своих интересах) реформаторское движение, утверждавшее, пусть в кривом отражении религиозной идеологии, единство маратхов как народа.

Вождем освободительной борьбы маратхского народа и основателем государства маратхов стал Шиваджи из дома Бхонсле. Возвышение этого дома представляет собой не случайное, а типическое явление. Многие другие маратхские феодалы, подобно Бхонсле, добились на службе у шахов Ахмеднагара и Биджапура и высокого положения, и обширных земельных пожалований, и большого богатства. Более того, и дед Шиваджи — Малоджи, и отец его — Шаху были в значительной мере обязаны успехом своей карьеры на службе у Ахмеднагара

тому обстоятельству, что они пользовались покровительством Джайпатрао Нимбалкара и Лакоджи Джадхаврао, влиятельных маратхских вельмож при дворе правителей Ахмеднагара Низам-шахов. Наличие крупных маратхских вельмож в составе ахмеднагарской знати и их покровительство своим соплеменникам облегчили последним продвижение к самым высоким должностям в государстве (Шаху сдню время был главнокомандующим всеми вооруженными силами Ахмеднагара). Следовательно, в Ахмеднагаре не только низовые (патиль, кулькарни) и средние (дешмукхи и дешпанде) звенья администрации почти целиком находились в руках маратхских феодалов, но последние сверх того составляли в конце XVI — начале XVII в. весьма влиятельную прослойку высшей военной знати. Маратхским феодалам жилось совсем не так плохо в этом государстве, и только после военного разгрома Ахмеднагара Моголами и последующего раздела его территории в 1636 г. между Могольской державой и Биджапуром они решились всерьез взяться за оружие.

Бхонсле были кунби по касте и являлись наследственными патиями деревень Хингани Беради и Дивилгаон в округе Пуна. В середине XVI столетия патилем этих деревень был Бабаджи Бхонсле, прадед Шиваджи. Его сыновья Малоджи и Витоджи поступили в войска ахмеднагарских шахов, видимо, в поисках дополнительного дохода. Малоджи, начав военную службу простым воином, сделал блестящую карьеру, которой он в значительной мере был обязан влиянию Нимбалкара и Джадхаврао. В конце концов он женился на дочери Нимбалкара и получил от Низам-шаха ранг пятитысячника и титул раджи. В джагир Малоджи были даны Пуна и Супа, т. е. тот самый округ, где было расположено наследственное патильство дома Бхонсле. В 1594 г. от брака Малоджи с дочерью Нимбалкара родился Шаху, будущий отец Шиваджи.

В царствование императора Акбара (1556—1605) держава Моголов в своей экспансии в сторону Декана пришла в столкновение с Ахмеднагаром. В результате войн 1596—1600 гг. Моголы завладели столицей этого государства городом Ахмеднагаром и захватили значительную часть его территории, населенной главным образом маратхами. Изгнанные из Ахмеднагара Низам-шахи перенесли свою столицу в Даулатабад и, действуя

в союзе с правителями Биджапура Адил-шахами, пытались дать отпор Моголам. В ослабленном Ахмеднагаре все больше проявлялся феодальный сепаратизм. Возрастали сила и могущество маратхских феодалов, и они, используя обстановку, в зависимости от личной выгоды, переходили от службы Ахмеднагару на службу Биджапуру, а затем Моголам, всякий раз добиваясь расширения своих джагиров и повышения ранга. Шаху Бхонсле не представлял в этом отношении исключения. В 1620 г. он унаследовал пунский джагир своего отца. Вскоре он породнился с давним покровителем дома Бхонсле — ахмеднагарским вельможей Лакоджи Джадхаврао. Шаху взял себе в жены его дочь Джиджа Баи. В 1627 г. от этого брака родился Шиваджи Бхонсле, будущий государь маратхов. В своем джагире Шаху правил самостоятельно, совершенно не считаясь с приказами Низам-шахов. В конце концов против мятежного Шаху была направлена карательная экспедиция, очевидно, довольно крупная, потому что во главе ее был поставлен Сабаджи Анант (видимо, тоже маратх), главнокомандующий ахмеднагарскими войсками. Анант разбил воинов Шаху, но не добился его покорности. Шаху немедленно перешел на сторону Биджапура и в течение двух лет (1628—1630) сохранял свой джагир в Пуне в качестве одного из крупных военачальников Адил-шаха. В военных операциях Шаху проявил себя мужественным до дерзости военачальником, прекрасно умевшим использовать преимущества маратхской легкой конницы против малоподвижных и неповоротливых войск Моголов. В 1630 г. по повелению Низам-шаха был убит Лакоджи Джадхаврао, тесть и покровитель Шаху. В ответ Шаху предпринял несколько опустошительных набегов на территорию Ахмеднагара и Биджапура. Но у него явно не хватало сил, чтобы бороться с этими двумя государствами. В 1631 г. биджапурский военачальник Мирар Джагдео Пандит разбил войска Шаху, сравнял с землей Пуну и опустошил ближайшую округу. Тогда Шаху перешел на сторону Моголов и до 1633 г. оставался у них на службе со своим контингентом маратхской конницы.

Между тем наступали последние дни Ахмеднагара. Это государство оказалось не в состоянии сопротивляться новому вторжению Моголов и было завоевано ими в 1633 г. Однако после падения столицы государства Дау-

латабада и капитуляции правительства Низам-шаха Моголы неожиданно встретили серьезное сопротивление со стороны маратхов. Это антимогольское движение, пользовавшееся негласной поддержкой Биджапура, опасавшегося разделить участь Ахмеднагара, возглавил Шаху Бхонсле. 12 тыс. маратхских воинов из числа расформированных войск Ахмеднагара составляли ядро его вооруженных сил. Но Шаху не решился открыто действовать от имени маратхов. Он выступал в качестве всесильного регента при малолетнем царевиче из династии Низам-шахов, которого он провозгласил в 1633 г., после падения Даулатабада, государем. Он захватил все владения Низам-шаха от Пуны и Чакана до Балагхата и районов, прилегающих к Джуннару, Ахмеднагару, Сагомнеру и Назику, и в течение трех лет (1633—1636) правил именем султана, набирая войска, занимая крепости и округа¹⁷. Сосредоточив превосходящие силы против Биджапура, Моголы заставили его правителя отказаться от поддержки Шаху и подписать в 1636 г. договор о разделе владений Ахмеднагара между державой Моголов и Биджапуром. По этому договору к Моголам отошла северная Махараштра, а Биджапур получил центральную, южную и юго-восточную части страны: Паренда, Шолапур, Ахмеднагарский Конкан до побережья и центральнодеканские округа Налдурга, Калиани и Бидар. Обеспечив себя таким образом от вмешательства Биджапура, Моголы бросили все свои силы против Шаху и разгромили его. Он выдал Моголам марионетку Низам-шаха, очистил ряд занятых им городов и крепостей, распустил большую часть своих войск (их численность достигала более 20 тыс. человек) и вернулся на службу Биджапуру, где продолжал начальствовать над крупным отрядом маратхской конницы. Сохраняя свой пунский джагир (кстати, Моголы основательно опустошили его в 1636 г.), Шаху в 1637 г. получил новые значительные пожалования в завоеванном Биджапуром Карнатике. Шаху и его контингент сыграли решающую роль в победоносном завершении этого похода, и Адил-шах в благодарность предоставил Шаху огромный джагир, включавший округа Колар, Дуд, Балапур и Сира. Таким образом, Шаху

¹⁷ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 119; G. S. Sardesai, *New history of the Marathas*, vol. I, Bombay, 1946, pp. 60—62.

превратился в одного из крупных джагирдаров Биджапура и занимал в этом государстве большие военные должности. В свой пунский джагир Шаху больше не приезжал, управляя им через вакила.— брахмана Дададжи Конандева.

В Пуне прошли детство и юношеские годы Шиваджи. Он воспитывался здесь под присмотром своей матери Джиджа Баи, поселившейся отдельно от мужа после того, как Шаху взял себе вторую жену из маратхского феодального дома Мохите. Джиджа Баи и Дададжи Конандев внушали Шиваджи традиционные представления ортодоксального индуизма. Грамоте его так и не научили. Охота и военное дело были любимыми занятиями Шиваджи, как и любого знатного маратхского юноши. Вместе с горцами Мавала (они составляли часть войск, несших охрану джагира) Шиваджи по неделям пропадал в горах, великолепно изучив все проходы и тропинки Западных Гхатов. Но основной школой Шиваджи была война. С юных лет он участвовал в бесконечных стычках, засадах, неожиданных нападениях, осадах и ночных налетах, которыми изобиловала междоусобная война маратхских феодалов. Это была война жестокая и коварная, сочетавшая применение оружия с хитростью и дипломатией, война, не признававшая ни родственных чувств, ни жалости к побежденным. Брат восставал на брата, сыновья на отца, сосед на соседа, как это видно из хроники феодальных домов Джагдал и Джедхе, опубликованной Сеном¹⁸. В этих междоусобицах сильные феодальные дома пожирали более слабые и становились еще сильнее, расширяя свои владения и увеличивая число войск. Владения крупных маратхских феодалов — Савантов в Савантвади (Ангрия и побережье Конкана), Море в Джавли — стали превращаться в настоящие государства.

В борьбу за создание своего княжества вступает и 19-летний Шиваджи. Помимо незаурядных личных качеств: ума, хитрости, воли, замечательного организаторского таланта и задатков выдающегося полководца, он располагал рядом объективных преимуществ. Влияние его отца при биджапурском дворе гарантировало Шиваджи, во всяком случае на некоторое время, от

¹⁸ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, Calcutta, 1925, pp. 30—34.

всякого вмешательства со стороны властей Адил-шаха. Под умелым управлением Дададжи Конандева Пуна и ее округ несколько оправились от последствий войн с Моголами и Биджапуром. Шиваджи, таким образом, имел постоянный источник средств для содержания своих войск. Наконец, он располагал в отцовском джагире надежным контингентом закаленных воинов, ходивших во многие битвы и походы под знаменами Шаху и всецело преданных дому Бхонсле. Шиваджи вскоре пополнил ряды своих войск, состоявших главным образом из горцев Мавала, маратхов и немаратхов (рамоши и других племен). В 1646 г. он в результате неожиданного нападения захватил крепость Торну.

После того как Шиваджи согласился платить Биджапуру за Торну и окружающие земли более высокий налог-ренту, чем прежний владелец, она была признана частью джагира Шаху. В Торне Шиваджи захватил значительные деньги (около 1 млн. рупий) и на полученные средства построил крепость Раджгад. В 1647 г. умер Дададжи Конандев, завещав Шиваджи «защищать брахманов, коров и индусов от посягательств неверных». Таким образом, 20-летний Шиваджи фактически стал хозяином большей части джагира своего отца. Но чтобы полностью подчинить себе эти владения, ему оставалось добиться покорности или изгнать двух сильных вассалов Шаху — Пхарангаджи Курсалу (он держал крепость Чакан) и Баджи Мохите (он владел крепостью Супа). Баджи Мохите был братом второй жены Шаху. Чакан Шиваджи захватил, подкупив киладара (коменданта) крепости крупной денежной суммой. Против Баджи Мохите была применена не сила, а хитрость. Под предлогом религиозного праздника он прибыл с многочисленной свитой в гости к Баджи Мохите, а затем, когда его люди оказались внутри крепости, неожиданно напал на хозяина и овладел Супа и ее округом. Несколько позже были отняты земли и крепость Катана у их владельца — мусульманского феодала Мауляны Ахмада. Тем самым Шиваджи положил начало распространению своей власти на Северный Конкан, который и был подчинен им в ближайшие годы. В 1650 г. он присоединил к своим владениям сильную крепость Пурандхар с прилегающими землями. На этот раз он также применил хитрость. После смерти владельца Пу-

рандхара Налоджи Нилаканта Наика разгорелся спор о наследстве между его сыновьями. Шиваджи сумел убедить сыновей покойного Нилаканта, что лучше всего покончить дело миром, а арбитром пригласить самого Шиваджи. Явившись в качестве арбитра в Пурандхар, он ввел своих людей в крепость, овладел ею и лишил незадачливых сыновей Нилаканта их наследственных земель и богатства. В 1650 г. он был уже настолько силен, что вынудил раджу Саванта признать себя вассалом, выплачивать в качестве дани $\frac{1}{2}$ всех налогов Южного Конкана и по первому требованию выставлять в войска Шиваджи отряд из 3 тыс. воинов. Особенно упорно отстаивал свою самостоятельность Чандра Рао Море, князь Джавли, один из крупных маратхских феодалов, пользовавшийся значительным влиянием при биджапурском дворе. Море неоднократно жаловался Адилшаху на самовольные захваты и мятежные действия Шиваджи, а когда биджапурские власти задумали «устранить» этого непокорного раджу, подослав к нему тайного убийцу, то Море дал последнему приют в своих владениях и оказывал ему помощь в подготовке намеченного покушения. Но оно не удалось. Шиваджи вскоре отплатил Море. В 1655 г. посол Шиваджи Рагхунатх Баллал Корде явился к Чандра Рао Море и во время переговоров вероломно убил его, а скрывавшийся по соседству Шиваджи воспользовался возникшей сумятицей и ворвался в Джавли со своими войсками. Здесь он захватил большие сокровища, накопленные домом Море, в течение восьми поколений правившим княжеством Джавли. Взятие Джавли отдало под власть Шиваджи значительную часть округа Сатара и открыло ему удобный путь для дальнейшего проникновения на юг. Таким образом, за какие-нибудь десять лет (1646—1655) Шиваджи, пользуясь слабостью Биджапура и действуя больше хитростью и подкупом, чем грубой силой, создал себе компактное владение, настоящее государство, охватывавшее северо-западную часть маратхского Деша (Пуна и Сатара), Мавал, Северный и Южный Конкан (последний на основе вассальной зависимости). Это владение, национально однородное по составу населения, и стало ядром будущего маратхского государства. За эти же годы Шиваджи сумел объединить вокруг себя ряд способных представителей маратх-

ских феодалов, ставших его преданными помощниками и проводниками его политики. В числе их следует назвать братьев Танаджи и Данаджи Малузаре, Есальджи Наика (начальник пехоты), Нетаджи Пелкара (начальник конницы), Бахарджи Наика (начальник разведки), Моро Тримбак Пингла (будущий пешва, или главный министр у Шиваджи). За малым исключением, все они были выходцами из среды мелких и средних маратхских феодалов, принадлежа к родам наследственных дешмукхов, дешпанде и патилей.

Уже тогда Шиваджи оплачивал своих военных и гражданских чиновников не раздачей земель в джагиры, а денежным жалованием. После присоединения Джавли он учредил регулярное управление, организовал восемь ведомств и во главе их поставил в качестве министров своих ближайших помощников и советников¹⁹.

По данным Саркара, постоянное войско Шиваджи к этому времени насчитывало 20 тыс. человек, в том числе 10 тыс. конницы (из них 7 тыс. баргиров, т. е. воинов, которые получали лошадей и оружие от казны)²⁰.

Шахи Биджапура были неспособны расправиться с этим маратхским вождем и положить конец расширению его владений. Чтобы остановить Шиваджи, Адилшах в 1648 г. бросил в тюрьму Шаху, кстати, совершенно не причастного к самовольным действиям сына. При помощи искусного дипломатического маневра Шиваджи отвел опасность, угрожавшую жизни его отца. Он обратился от своего имени и от имени Шаху с просьбой о покровительстве к царевичу Мурад Бакишу, могольскому наместнику в Декане. Мурад Бакиш охотно отозвался на эту просьбу, объявив Шаху лицом, находящимся под защитой падишахов Дели, и предложил Шаху и Шиваджи высокие назначения на службе Вели-

¹⁹ Их было восемь: 1) пешва, или главный министр, 2) аматья — заведующий финансовым ведомством, 3) сачив — государственный хроникер, 4) мантри — заведующий государственной и королевской почтой, 5) суманта — заведующий ведомством по сношениям с другими государствами, 6) сенapati, или главнокомандующий, 7) пандит, или церковный глава, 8) ньяджиш, или главный судья (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 50; C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, p. 273).

²⁰ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, p. 31. — Саркар считает, что к 1655 г. Шиваджи располагал 40 замками и крепостями.

кого Могола: первому обещал ранг восьмитысячника, второму — пяти тысячника. Но Шиваджи, добившись своей главной цели — выступления Мурад Бакша в защиту Шаху перед биджапурскими властями, вовсе не хотел поступать на службу к императору Шах Джахану²¹. Поэтому, надолго затянув переговоры с царевичем Мурад Бакшем, он в конце концов отклонил его предложения и в то же время сумел сохранить добрососедские отношения с могольскими властями в Декане.

В эти годы Шиваджи не выступал ни в защиту индусов от гнета мусульман, ни в качестве поборника независимости Махараштры. Его непосредственным врагом главным образом были соперничавшие маратхские феодалы, а не Моголы или Биджапур. Однако в дальнейшем столкновение Шиваджи с этими государствами было неизбежным. К этому вела политика самого Шиваджи, стремившегося к расширению своих владений, а это было возможным лишь за счет территорий в первую очередь Биджапура (как более слабого государства), а затем Могольской державы. К этому также вела политика Моголов, начавших в середине XVII в. новое наступление на юг с целью окончательного завоевания Декана. Наконец, даже Биджапур, при всей своей слабости, также не мог дольше терпеть, чтобы Шиваджи присоединял к своим владениям кусок за куском биджапурскую территорию. В столкновении этих трех сил — Моголов, Шиваджи и Биджапура — огромное значение имела позиция маратхского народа. Борьба развертывалась на территории Махараштры, и народные массы были не только объектом, но и действующим лицом этой борьбы. Раздел в 1636 г. Ахмеднагара между Биджапуром и державой Моголов был вместе с тем разделом Махараштры. Он ухудшил не только положение маратхских феодалов, но и народа, и притом более всего на территориях, отошедших к Моголам. Шаху вряд ли мог бы в кратчайший срок собрать для отпора Моголам 20 тыс. маратхского войска и в течение трех лет успешно вести борьбу с сильнейшим противником, если бы не сочувствие народа. По-видимому, именно после раздела 1636 г. выступ-

²¹ Продержав Шаху до 1653 г. в заключении, биджапурские власти в конце концов отпустили его на свободу и разрешили жить в его южном джагире. Значительной роли в дальнейших политических событиях Шаху не играл.

ления маратхов против могольских и биджапурских феодалов впервые приобретают массовый характер. В этих условиях созданное Шиваджи маратхское княжество неминуемо становилось и базой, и плацдармом, и центром притяжения сил, выступавших против мусульманских поработителей. Шиваджи привлекал симпатии не только как маратх (его соперники-феодалы тоже были маратхи), но главным образом как человек, который сумел положить конец феодальной анархии и установить внутреннюю безопасность в основанном им государстве, который стремился к объединению Махараштры и проводил централизаторскую политику. Далеко не маловажное значение имела строжайшая дисциплина, установленная с самого начала в войсках Шиваджи. За фураж и продовольствие солдаты расплачивались деньгами, грабеж и мародерство сурово наказывались, за вытоптанный при прохождении войск посев правительство либо немедленно уплачивало крестьянам особую компенсацию (так называемую паймали), либо предоставляло им соответственно скидку при уплате налога текущего года. В своем приказе по войскам Шиваджи с исключительной краткостью и остротой разъяснил политический смысл этих мероприятий: «Иначе ваше пребывание станет для (крестьян) более невыносимым, чем присутствие Моголов»²². Как достаточно дальновидный политик, Шиваджи, конечно, учитывал ненависть маратхского народа к мусульманским феодалам-завоевателям и стремился использовать эти чувства в своих интересах. Патриотическая готовность народа на большие жертвы в борьбе за независимость родины должна была помочь Шиваджи установить свое господство над всей Махараштрой и не только над ней. В дальнейшем он неоднократно апеллировал к маратхам во имя защиты религии индуизма от господства «неверных» му-

²² Что же касается военной стороны, то Шиваджи вполне резонно разъяснял своим войскам: «Если вы спалите стог с сеном, разжигая возле него свои лагерные костры, то вы не достанете фуража, даже если вы обезглавите крестьян или подвергнете пыткам каркунов (налоговых чиновников). Ваши лошади подохнут от голода, и конница не сможет продолжать свое движение вперед». Приказ Шиваджи был издан в 1676 г. в лагере под Чиплуном (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 164—165). Этот приказ полностью опубликован Сардесаи (G. S. Sardesai, *New history of the Marathas*, vol. I, pp. 276—279).

сульман, призывал народ к борьбе с Моголами не на жизнь, а на смерть. Начиная с 1657—1658 гг. Шиваджи стремился занять руководящую роль в освободительной борьбе маратхов против Моголов и Биджапура.

Используя участие маратхских крестьян в борьбе за независимость родины, Шиваджи создал невиданную в тогдашней Индии военную организацию. Она значительно облегчила маратхам победу над противниками, далеко превосходившими их численностью и материальными ресурсами. В основу комплектования войска Шиваджи положил рекрутскую повинность, а не наемничество. Каждая сельская община под руководством старшины выставляла определенное количество воинов из числа крестьян-мирасдаров²³. После жатвы они являлись на сборные пункты на своих низкорослых деканских лошадях и с собственным оружием. Эти войска рекрутского набора назывались «силахдар» — буквально: «имеющий (свое) оружие».

Только свою гвардию Шиваджи снабжал конями и оружием из казны. Гвардия называлась «хасс-пага», а воин, сражавшийся на казенном коне и казенным оружием, звался «баргиром» (термин персидского происхождения — буквально: «несущий груз, бремя»).

Маратхи обычно выступали в поход после полевых работ, и это прежде всего объяснялось крестьянским составом их войска. Привыкшие к лишениям, не обремененные громоздким обозом, прекрасно знакомые с местностью и пользовавшиеся сочувствием населения, маратхи обладали огромной подвижностью и появлялись почти всегда неожиданно для врага²⁴. Их легкая конница, вооруженная длинными бамбуковыми копьями, проникала далеко в тыл противника, действовала на его путях сообщения.

Маратхи выработали военную тактику, отличавшуюся от могольской. Используя свое основное преимущество, которое заключалось в наличии легкой и чрезвычайно подвижной конницы, маратхи избегали столкновения

²³ Патиль ручался за правильное исполнение каждым воином своих обязанностей и соблюдение им дисциплины (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 225—226).

²⁴ «Во многих деревнях Декана крестьяне собирали оружие и лошадей и присоединялись к маратхам в их набегах» (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, Calcutta, 1924, p. 443).

с превосходящими силами врага. Они стремились предвзительно измотать противника и навязать ему бой в наиболее выгодных для себя условиях. Для этой цели они либо прибегали к притворному отступлению, заманивая противника в глубь страны, либо окружали его на марше кольцом своих конных отрядов. Эти подвижные мелкие отряды не оставляли на пути движения врага ни продовольствия, ни фуража. Они перехватывали его обозы, почту, фуражиров, уничтожали оставших солдат и постоянно тревожили его главные силы внезапными нападениями и налетами конницы, которая действовала в рассыпном строю и исчезала столь же стремительно, как появлялась. Лишенный фуража, продовольствия, топлива для приготовления пищи, а иногда и воды (маратхи заваливали и отравляли колодцы), противник оказывался блокированным в собственном лагере, одинаково неспособным продолжать наступление или начать отход²⁵. Добивая ослабевшего врага, а также при осаде крепости маратхи использовали пехоту и артиллерию. Кроме пушек, они располагали особыми станками для пуска боевых ракет. Последние причиняли большие потери врагу, но точность прицела была очень невелика. Ракеты часто попадали в маратхские войска. Хотя пехотинцы и артиллеристы составляли гарнизоны крепостей, эти роды войск не были в почете у маратхов. Правда, Шиваджи уделял большое внимание подготовке пехоты, но при его преемниках она снова пришла в упадок.

Воины в быту немногим отличались от своих командиров: на привале седло одинаково служило изголовьем для тех и других, похлебка из проса являлась их общей пищей. Губернатор Пондишери Мартен, наблюдавший в 1677 г. войско Шиваджи в походе, так описывает его: «Лагерь Шиваджи лишен какой бы то ни было помпы и не обременен багажом или женщинами. На весь лагерь только две палатки, да и то из одного слоя материи: одна для самого Шиваджи, другая для его министра. Кавалеристы Шиваджи обычно получают плату в размере двух

²⁵ О тактике маратхов, в частности о том, что они отравляют колодцы, много интересного сообщает Мануччи, сопровождавший в качестве врача старшего сына Аурангзеба во время войны в Декане (N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. II, London, 1907, pp. 256—257).

пагод в месяц. Все лошади принадлежат ему, и он содержит для них конюхов. Обычно маратхи имеют трех лошадей на каждого двух всадников, что увеличивает скорость, с которой передвигается Шиваджи. Этот вождь щедро оплачивает своих шпионов, что весьма способствует его завоеваниям, благодаря правильной информации, доставляемой шпионами»²⁶. Маратхское войско было организованной силой, в нем поддерживалась суровая дисциплина, существовала стройная иерархия командиров, прекрасно была поставлена разведка²⁷. Ей Шиваджи придавал большое значение и не жалел денег на оплату своих лазутчиков и шпионов. Однородный национальный состав и патриотическая идея борьбы за родину придавали маратхским войскам значительную сплоченность и стойкость в бою. В то же время в войсках Шиваджи существовали глубокие социальные различия. Если командиры были в основном представлены феодалами, то рядовой состав был почти целиком из крестьян.

²⁶ «Indian historical records commission, proceedings of meetings», vol. IV, [S. 1.] [S. a.], p. 25.

²⁷ Эльфинстон, который писал во времена, когда маратхи были серьезным военным противником Ост-Индской компании, и лично участвовал в англо-маратхской войне 1817 г., следующим образом отзывался об армии Шиваджи: «Вместо правил главаря бандитов мы, к собственному удивлению, обнаруживаем систему более четкую и метолическую, чем у Моголов. Войско, как пешее, так и конное, было сформировано из единообразных подразделений, которыми руководила иерархия офицеров начиная с командира десятка, вплоть до главы 5 тыс. солдат, выше которого не было другого начальника, кроме генерала, назначенного командовать отдельной армией. Эти офицеры не были феодальными вождями, но слугами правительства, назначенными во главе солдат, набранными и оплачиваемыми агентами того же правительства» (M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, p. 616). Данные Эльфинстона были уточнены последующими исследованиями индийских ученых, прежде всего Саркзара. Низшим подразделением в маратхском войске командовал хавалдар, имевший под своим начальством 25 солдат; джумладар командовал 125 солдатами. Ему подчинялось 5 хавалдаров. Тысячник (хазари) начальствовал над 1250 солдатами и имел в своем подчинении 10 джумладаров. Наиболее крупным подразделением был отряд конницы в составе 6250 солдат во главе с пятитысячником (панчхазари). Все эти офицеры регулярно получали денежное жалованье от казны (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 351; S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 143). Тавернье, много путешествовавший по Индии того времени, сообщает на основании своих личных наблюдений: «Его (Шиваджи) силы так хорошо служат ему, потому что они всегда очень хорошо оплачиваются» (J. B. Tavernier, *Travels*, vol. I, London, 1925, p. 148).

Вооруженную борьбу против Моголов и Биджапура Шиваджи сочетал с искусной дипломатией, используя и разжигая противоречия между деканскими султанатами Биджапуром и Голкондой, с одной стороны, и державой Великого Могола — с другой. В зависимости от обстоятельств вождь маратхов выступал то в качестве союзника Моголов против Биджапура, то, наоборот, в качестве союзника Биджапура и Голконды против падишаха Дели. Таким образом Шиваджи удавалось взаимно ослаблять своих противников.

Однако в решающую минуту вождь маратхов всегда становился на сторону Биджапура против более могущественной и агрессивной Могольской державы, понимая, что полное уничтожение государства Адил-шахов даст Моголам возможность бросить все свои силы против Махараштры.

В 1653 г. царевич Аурангзеб был назначен могольским наместником (субадаром) Декана, что было связано с подготовкой дальнейшего наступления на Биджапур и Голконду. В 1656 г., когда разразилась кратковременная война (она продолжалась три месяца) между державой Моголов и Голкондой, Шиваджи, слишком занятый устройством своих недавно завоеванных территорий в Северном Конкане, не мог сразу вмешаться в войну с Моголами. Он даже завел переговоры с Аурангзебом, предлагая свою помощь при условии, если император Дели признает за ним все его владения, включая Джавли. Но переговоры прекратились, когда Аурангзеб, воспользовавшись смертью правящего Мухаммед Адил-шаха, в 1656 г. напал на Биджапур. Шиваджи выступил на стороне Биджапура. Маратхская конница произвела несколько удачных набегов на тылы Моголов. Самому Шиваджи удалось штурмом взять Джуннар. Захваченная там добыча превышала миллион рупий. Но маратхи не успели по-настоящему развернуться, когда в сентябре 1657 г. Биджапур заключил мир. Шиваджи пришлось посылать послов к Аурангзебу и смиренно просить прощения за свои набеги на Моголов. Аурангзеб сделал вид, что верит в искренность раскаяния Шиваджи, и даже написал ему дружеское письмо. Разгорелась междоусобная война (1658—1659) сыновей Шах Джахана за престол, и Аурангзебу было не до Шиваджи. Зато мусульманские феодалы Биджапура, временно освобожденные от угрозы

могольского нашествия, решили использовать эту передышку, чтобы раздавить Шиваджи.

В 1658 г. в Махараштру вторглось сильное биджапурское войско под командой Афзал-хана. В 1659 г. он отправил своим послом к Шиваджи брахмана Кришнаджи Бхаскара, поручив ему вызвать вождя маратхов для мирных переговоров в Партабгарх. Однако Бхаскар сочувствовал борьбе маратхов и сообщил Шиваджи, что готовится предательство, что Афзал-хан задумал изменнически убить его во время встречи. Тогда Шиваджи скрытно подвел маратхские войска к Партабгарху, потом спокойно отправился на свидание и сам убил Афзал-хана. Маратхи внезапно напали на лагерь биджапурцев и одержали полную победу над войском Афзал-хана, совершенно дезорганизованным гибелью своего командующего²⁸.

Тяжелая война с Биджапуром продолжалась до 1661 г. с переменным успехом. Особенно трудно стало маратхам в 1660 г., когда наряду с войной против Биджапура им пришлось вести войну с Моголами. Аурангзеб, окончательно утвердившись на престоле в 1659 г., немедленно отрядил против Шиваджи Шаиста-хана — одного из приближенных вельмож и своего родственника (дядю по матери) с сорокатысячным войском. В 1660 г. биджапурцы взяли крепость Панхалу на юге Махараштры, а Моголы — Чакан на севере. Однако союз Биджапура и Моголов против маратхов не был прочным. В 1661 г. Шиваджи удалось заключить мир с Биджапуром, сохранявший за маратхским вождем большую часть его владений. Теперь они также включали узкую и длинную (более 200 км с севера на юг) полосу маратхского побережья Конкана от Калманы до португальских владений в Гоа.

Важнейшие порты на этом побережье оставались в руках португальцев, а также правителей Джанджиры, смелых морских разбойников, обладавших сильным флотом и носивших звание наследственных адмиралов Биджапура (впоследствии, с 1670 г., они перешли на службу к Моголам). Все же захват береговой полосы Конкана

²⁸ Захваченная Шиваджи добыча включала 65 слонов, 4 тыс. лошадей, 1200 верблюдов, 2 тыс. тюков тканей и более миллиона рупий в звонкой монете и драгоценностях (J. Sarkar, *History of Aurangzeb*, vol. IV, p. 40).

позволил маратхским феодалам обзавестись своим флотом и приобщиться к пиратству и морской торговле²⁹.

Между тем над Махараштрой нависла грозная опасность. После окончания междоусобной войны за престол и утверждения Аурангзеба у власти Могольская держава с новой силой возобновила наступление на Декан. Война маратхов с Моголами продолжалась до 1665 г. Первоначально Моголам удалось вторгнуться в сердце Махараштры, занять и опустошить Пуну, но вскоре маратхи нанесли серьезное поражение могольскому командующему Кар Талеп-хану. Он был окружен в Конкане и, бросив лагерь и обоз, откупился от плена крупной денежной суммой. Тем не менее могольские гарнизоны продолжали прочно удерживать северную и центральную часть страны. Шаиста-хан устроил свою ставку в Пуне и лично занял дворец Шиваджи под свою штаб-квартиру. В 1663 г. Шиваджи с тысячей маратхских удальцов ночью незаметно пробрался в могольский лагерь в Пуне и внезапно напал на ставку Шаиста-хана. Последний успел выпрыгнуть из окна и отделался ушибами да двумя отрубленными пальцами на руке (их отсек сам Шиваджи, когда Шаиста-хан цеплялся за подоконник), но его сын и ближайшие приближенные были перебиты маратхами. Шиваджи и его спутники без потерь выбрались из лагеря Моголов, где воцарилось смятение. В 1664 г. Шиваджи во главе четырехтысячного отряда маратхской конницы совершил дерзкий налет на Сурат, богатейший порт Индии³⁰. Не-

²⁹ О развитии маратхского флота и его действиях против Моголов интересный материал дает индийский историк Р. Мукерджи (R. Mookerji, *Indian shipping*, London, 1912, pp. 238—239).

³⁰ Сурат посетил в 1696 г. Семен Маленький, посланец русского царя к падишаху Аурангзебу. Со слов сопровождавшего его крепостного человека, записанных десятью годами позднее: «Бендер-Сурат (т. е. порт Сурат. — И. Р.) город каменный, немалый и людный» (Цит. по кн.: «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I. СПб., 1871, стр. 217, «Сказка человека Рижского обер-инспектора Исаева Андрея Семенова о путешествии, совершенном им в Персию и Индию с торговым человеком гостиной согни Семеном Маленьким»). По свидетельству Мануччи, «Сурат самый большой порт в Индии... сюда прибывают в большом числе корабли из различных частей Европы, Персии, Аравии, Мекки, Бассоры (Басры), Малабарского и Коромандельского побережья, Масулипатта (Масулипаттама), Бенгала, Сиамы, Ачина, Кведды, Маладивских (островов), Малакки, Батавии, Манилы, Китая и многих других частей света» (N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. I, London, 1907, p. 61). В Сурате располагались

задолго до этого начальник разведки Шиваджи, Бахарджи Наик, в одежде факира тайно посетил Сурат и детально ознакомился с обстановкой³¹. Налет был удачным. В течение четырех дней (6—10 января 1664 г.) Шиваджи совершенно безнаказанно грабил город. Только артиллерии отстояли свои фактории от нападения маратхов. Город, насчитывавший более 200 тыс. жителей и приносивший Аурангзебу 12 лакхов рупий в год одними торговыми пошлинами, был разграблен и на две трети сожжен. Маратхи подвергли горожан, в первую очередь купцов, жестоким пыткам, чтобы те открыли, где спрятаны их богатства. Шиваджи взял в Сурате огромную добычу. «Шива отворачивается от всего, кроме золота, серебра, драгоценных камней», — отмечали английские очевидцы³². Примечательно, что могольские войска, посланные оборонять Сурат от маратхов, прибыли туда через семь дней после того, как Шиваджи, ограбив город, благополучно ушел на юг. Разграбление крупнейшего порта Индии маратхами не только нанесло большой ущерб могольской казне, но было ударом по престижу империи. Поэтому Аурангзеб в 1665 г. послал против маратхов раджу Джай Сингха, испытанного раджпутского полководца, неоднократно успешно вы-

французская, английская, голландская фактории, турецкое и армянское подворья. Город не был укреплен. Его особое значение для Моголов заключалось, во-первых, в том, что отсюда многие индийские мусульмане отправлялись морским путем на паломничество в Мекку, и, во-вторых, в том, что могольская знать сама была участницей морской торговли Сурата. Об этом совершенно ясно говорил Тавернье: «Прибыв в Сурат, чтобы сесть здесь на корабль, вы найдете здесь изобилие денег. Ибо для могольской знати главная торговля состоит в том, чтобы помешать свои деньги для выгодного оборота (спекуляции) на корабли, отправлявшиеся (отсюда) в Ормуз, Бассору (Басру) и Мочу и даже на Бантам, Ачин и Филиппины» (J. B. Tavernier, *Travels*, vol. I, p. 31). От налета маратхов на Сурат пострадал богатейший купец Индии Бахарджи Бора. Его состояние превышало 8 млн. рупий. Сам он успел бежать, но из его дворца маратхи в течение нескольких дней вывезли монету, ткани, драгоценную утварь и т. д. (B. Bhargava, *Indigenous banking in ancient and medieval India*, Bombay, 1935, pp. 31—32). Красочное описание разграбления маратхами богатств Бахарджи Бора (европейцы переделали его имя в Вирджи Бора) дает Саркар (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, p. 55).

³¹ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 205.

³² J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 100.

полнявшего самые ответственные военные и дипломатические поручения делийского двора. Вопреки своей обычной практике никому не доверять (из опасения восстания) единоличного командования войсками, Аурангзеб на этот раз предоставил Джай Сингху исключительные полномочия, соединив в его руках власть административную (наместничество Декана) и военную (командование войсками). Джай Сингх стоял во главе лучших частей могольского войска и, кроме того, был в изобилии снабжен деньгами для подкупа маратхских феодалов. Ему действительно удалось привлечь на свою сторону обиженный Шиваджи дом Море, князей Джавли, а также других представителей маратхских феодалов, пострадавших в результате централизаторской политики Шиваджи. Джай Сингху, кроме того, удалось сорвать подготовлявшийся антимогольский союз Биджапура и Махараштры. В военном отношении он также добился крупных успехов.

Отгнав маратхские войска, Моголы приступили к осаде двух сильнейших крепостей Шиваджи — Пурандхара и Синггарха, вбивая таким образом клин между северной и южной Махараштрой. Каждый успех могольских войск был куплен большими жертвами. Повсюду маратхи оказывали ожесточенное сопротивление. Даже небольшими замками и фортами Моголам удавалось овладевать лишь после долгой осады и многократных приступов. Крестьяне окружающих деревень с риском для жизни доставляли продовольствие в осажденные крепости и нападали на могольские тылы³³. Однако Джай Сингх располагал по крайней мере тройным численным перевесом над войсками Шиваджи. Поэтому могольский полководец имел возможность запретить маратхские гарнизоны в крепостях и в то же время организовать многочисленные подвижные отряды. Они пресекали всякую попытку Шиваджи выручить осажденные крепости. В этих условиях вождь маратхов принял предложение Джай Сингха о мирных переговорах. Под стенами осажденного Пурандхара Шиваджи согласился на тяжелые условия мира. Молодое маратхское государство сохранялось, но оно было надолго обессилено. По Пурандхарскому договору

³³ Многочисленные примеры см. у Саркара (J. Sarkar, *History of Aurangzeb*, vol. IV, pp. 64—72).

1665 г. Моголы присоединили около $\frac{4}{5}$ владений Шиваджи, приносивших доход в 4 лакха хун (золотых), а ему оставили на правах джагира $\frac{1}{5}$ территории с доходом в 1 лакх хун. Моголы приобретали 23 маратхских крепости, а Шиваджи сохранил только 12. Сын Шиваджи Самбхаджи поступал на службу к Моголам и получал ранг пятидесятника. Джагиры от Моголов получили также многие маратхские феодалы, не исключая ближайших соратников Шиваджи (например, его начальник конницы Нетаджи Пелкар). Наконец, Шиваджи обязывался выставить десяти тысячный контингент маратхской конницы на стороне Моголов в предстоящей войне с Биджапуром. Но поход Джай Сингха на Биджапур в 1665 г. окончился полной неудачей. Моголы отступили в беспорядке. Нетаджи Пелкар немедленно перешел на сторону биджапурцев. Положение осложнялось для Моголов и тем, что Биджапур заключил союз с Голкондой. В этой обстановке Джай Сингх, опасаясь, что Шиваджи последует примеру Нетаджи Пелкара, стремился удалить его из Махараштры. «Теперь, когда Адил-шах (Биджапур) и Кутб-шах (Голконда) объединились во зло, необходимо всеми средствами завоевать сердце Шивы и послать его в северную Индию, чтобы удостоиться аудиенции у Вашего Величества», — доносил Джай Сингх Аурангзебу в 1666 г.³⁴

Шиваджи, видимо, поверив обещаниям лстивого раджпута, сулившего ему щедрые милости Аурангзеба, с небольшой свитой отправился к могольскому двору. Но здесь он встретил оскорбительный прием, а когда резко выразил свое недовольство таким приемом, то был заключен под стражу во дворце, отведенном маратхам под Агрой. Подкупом и хитростью Шиваджи с помощью местных жрецов-брахманов удалось вырваться из плена. Переодетые факирами Шиваджи и его спутники после долгих мытарств (за их поимку Аурангзеб назначил высокую награду) вернулись в конце 1666 г. на родину.

Молодое маратхское государство, лишенное $\frac{4}{5}$ своей территории и большинства крепостей, совершенно опустошенное войной и последовавшим за ней голодом, было не в силах немедленно возобновить борьбу с Моголами. Маратхи нуждались прежде всего в передышке. Поэто-

³⁴ J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 138.

му Шиваджи стремился сохранить мир с императором Аурангзебом. В этом были заинтересованы и сами Моголы. Основные военные силы Могольской державы были отвлечены на северо-западную границу Индии угрозой персидского вторжения и начавшимся в 1667 г. крупным восстанием афганских племен. Поэтому возобновление войны с маратхами (во всяком случае пока не будет покончено с афганским восстанием) никак не входило в расчеты делийского правительства. Пользуясь посредничеством царевича Муаззама, нового могольского наместника в Декане, сменившего Джай Сингха после неудачи его похода на Биджапур, Шиваджи заключил в 1668 г. нечто вроде мира, вернее перемирия, с делийским правительством. Основные его статьи сводились к следующему: Моголы признают Шиваджи раджей; сын Шиваджи Самбхаджи остается на службе у Моголов с отрядом маратхской конницы. Самбхаджи присваивается ранг пятитысячника и жалуются в Бераре джагир на содержание его контингента. Моголы возвращают Шиваджи часть захваченной территории (Пуна, Супа, Чакан), но сохраняют свои гарнизоны в крепостях. В случае войны Моголов с Биджапуром Шиваджи обязывается принять участие в этой войне на стороне Могольской державы³⁵. Сравнительно выгодные условия этого соглашения были связаны с заступничеством царевича Муаззама перед Дели. Дело в том, что Шиваджи задобрил Муаззама и его ближайшего советника — раджу Джесвантх Сингха крупной взяткой. Кроме того, Муаззам и Джесвантх Сингх шли на сближение с вождем маратхов в пику Делир-хану, настаивавшему на возобновлении войны. Делир-хан давно был в непримиримой вражде с Муаззамом и в особенности с Джесвантх Сингхом, и именно поэтому Аурангзеб назначил этого рохилкхандского вельможу военачальником в Декан, чтобы тот служил противовесом Муаззаму. Последнему, впрочем, как и другим своим сыновьям, Аурангзеб совершенно не доверял и каждую минуту ждал восстания.

Шиваджи использовал передышку, чтобы провести ряд преобразований и укрепить свою власть над Махараштрой. В 1670 г. маратхи возобновили военные дейст-

³⁵ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 224; J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, p. 198.

вия против захватчиков-Моголов. С короткими перерывами эта война продолжалась почти сорок лет — до смерти Аурангзеба в 1707 г.

После 1670 г. в военной тактике маратхов обнаруживаются существенные перемены. Не ограничиваясь более оборонительной борьбой на своей территории, Шиваджи решительно переносит военные действия во владения Могольской державы. В течение 1670—1680 гг. (до смерти Шиваджи) маратхская легкая конница под начальством самого Шиваджи и плеяды его ближайших военачальников (Моро Тримбак Пингла, Рао Мохите, Анаджи Датта и др.) предпринимала дерзкие набеги и глубокие рейды на Берар, Гуджарат, Кхандеш, Баглану и другие области империи Великого Могола. Переход маратхов в наступление заставлял Аурангзеба держать крупные силы в перечисленных провинциях и областях, оказавшихся под ударами противника. Это крайне затрудняло операции Моголов в самой Махараштре, приносило Шиваджи огромную добычу и давало ему, таким образом, возможность вести войну за счет врага и на его территории. За короткий срок маратхи добились значительных успехов. Ряд обстоятельств благоприятствовал им. Могольские войска в Декане были заметно ослаблены переброской лучших частей в Индостан на усмирении афганцев и джатов. Среди могольских начальников царили раздоры и взаимная вражда, отсутствовала всякая согласованность действий, не было единого плана операций. Даудхан враждовал с Делир-ханом, Делир-хан ненавидел царевича Муаззама, а тот платил ему лютой враждой. В 1670 г. между Муаззамом и Делир-ханом началась настоящая междоусобная война. Муаззам даже обратился к Шиваджи с призывом оказать ему вооруженную помощь для разгрома войск «мятежника» (Делир-хана) ³⁶. В конце концов Аурангзеб прекратил эту междоусобную войну могольских феодалов, но несомненно, что маратхам она была как нельзя более к стати. В 1670—1671 гг. Шиваджи вернул себе крепости Кандаду (при ее штурме погиб Танаджи Малузуре, один из давних и испытанных военачальников Шиваджи), Пурандхар и Махули. В том же 1670 г. маратхская конница под начальством Шиваджи совершила вторичный набег на Сурат. Гра-

³⁶ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, pp. 181—182.

беж города на этот раз дал Шиваджи добычу ценностью в 6—7 млн. рупий. Моголы опять не приняли никаких мер к обороне Сурата, и маратхи встретили сопротивление только со стороны иностранных купцов, с оружием в руках защищавших свои фактории. В течение 1670 г. Шиваджи в открытом бою разбил под Диндори войска могольского военачальника Дауд-хана. В конце этого же года маратхская конница совершила удачный набег на Бидар и Баглану. В конце 1671 г. Моголы под начальством своего нового командующего Бахадур-хана предприняли большое наступление в Махараштре. Делир-хан взял Пуну и приказал вырезать все мужское население старше девяти лет. Но скоро Моголам пришлось отступить. Шиваджи нанес им сильный удар не в самой Махараштре, а на вражеской территории. В январе 1672 г. в бою под Салхиром (окрут Баглана) маратхи во главе с Шиваджи разбили 25-тысячное могольское войско. Его командующий Икласхан и свыше 30 высших начальников были взяты в плен. Маратхам досталось 125 слонов, 6 тыс. лошадей и весь лагерь врага. В том же 1672 г. маратхи предприняли набеги на Гуджарат, Берар и Телингану. Маратхское войско под командованием пешвы Моро Тримбак Пингла завоевало два княжества в стране Коли: Джавхар и Рамнагар. Захваченная добыча превышала 2 млн. рупий. Оба княжества были присоединены к владениям Шиваджи. Теперь маратхи могли непрерывно угрожать Сурату. С присоединением Джавхара и Рамнагара граница маратхского государства проходила в каких-нибудь 100 км от этого беззащитного и богатого города. Шиваджи немедленно обратился к губернатору Сурата с требованием выплаты дани в размере 4 лакхов рупий, угрожая вновь разграбить город. «Я требую в третий и последний раз, — писал Шиваджи, — уплаты чаутха или четвертой части дохода государя по вверенному Вам управлению. Поскольку Ваш государь вынуждает меня содержать войско для защиты моего народа и моей родины, то естественно, что это войско должны оплачивать его (Великого Могола) подданные»³⁷. Губернатор Сурата воспользовался случаем, чтобы самому обобрать горожан. Он взыскал с них 45 тыс. рупий, чтобы нанять 500 всадников и 3 тыс. пехотинцев для обороны города против Шиваджи, и немедленно присвоил собранные средств-

³⁷ Ibid., p. 200.

ва. Налеты маратхов и вымогательства могольских властей привели к массовому бегству купцов и ремесленников из Сурата. Бомбей, куда английская Ост-Индская компания перенесла свою факторию из Сурата, стал быстро расти и богатеть за счет последнего.

В 1672 г., в связи с восстаниями джатов и афганцев, Аурангзеб отозвал на север царевича Муаззама с большей частью его войск. Исполнять обязанности могольского наместника в Декане остался Бахадур-хан (1673—1677). В его распоряжении находились незначительные вооруженные силы. В том же 1672 г. умер Али Адил-шах Биджапурский. Ему наследовал малолетний Сикандер, являвшийся не более как марионеткой в руках соперничавших феодальных клик. Государственный аппарат развалился. Некогда могущественное государство находилось на краю гибели. Что же касается маратхов, то они теперь чувствовали себя достаточно сильными и уверенными, чтобы, продолжая войну с Моголами, одновременно начать боевые действия против Биджапура. Ближайшей целью Шиваджи было отторгнуть от Биджапура земли, населенные маратхами, и пополнить свою казну грабежом вражеской территории. В 1673 г. Шиваджи изгнал биджапурцев из Сатары и Панхалы. Однако наступление маратхов дальше на юг было отбито биджапурским военачальником Бахлोल-ханом. Это не помешало Шиваджи в том же 1673 г. вторгнуться в западные области Биджапура. Только грабеж богатых портовых городов дал Шиваджи десятки миллионов рупий.

Афганское восстание между тем разрасталось. В апреле 1674 г. Аурангзеб должен был лично отправиться на северо-западную границу Индии. Для одновременной войны с маратхами у Могольской державы явно не хватало сил. Да и, кроме того, могольские, так же как и биджапурские, вельможи вовсе не стремились к решительной развязке — командование войсками давало им большую власть и доходы. Они вели, как утверждали современники-европейцы, «политическую войну» в Декане, затягивая, когда это представлялось им выгодным, осаду крепостей и взятие городов⁸⁸.

⁸⁸ Об этом писали все путешественники, мало-мальски знакомые с положением дел в державе Моголов. Еще Бернье отмечал, что могольские эмиры меньше всего хотят быстрого окончания войны,

Многие могольские военачальники охотно принимали взятки от Шиваджи, выдавали ему планы военных операций, а в некоторых случаях нарочно стремились поставить под удар маратхов своих соперников и конкурентов при получении милостей Аурангзеба — других могольских сановников и командиров³⁹. Аурангзев в свою очередь не доверял своим вельможам, постоянно разжигал их взаимную вражду и никому не давал единоличной власти над войсками. Нельзя забывать о самом главном: Моголы вели войну в чужой стране, чье население ненавидело их как феодальных захватчиков да вдобавок как захватчиков-мусульман, враждебных религии индуизма. Военная организация и военная тактика Моголов, о чем уже говорилось выше, намного уступали маратхским. Тяжелая и малоподвижная конница Моголов, еще годившаяся для действия на открытых равнинах, была совершенно непригодна для военных операций в горнолесистой Махараштре⁴⁰. Наконец, могольское вой-

для них «нет ничего приятнее, как стоять во главе армии и повелевать, чувствуя себя маленьким царьком вдали от двора. Поэтому доздалась пословица, что Деккан — хлеб и жизнь солдат Индостана» (Ф. Бернье, *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*, М.—Л., 1936, стр. 179). Интересные данные о «политической войне» могольской знати приводит Саркар. В письме президента Бомбейского Совета английской Ост-Индской компании от 16 сентября 1673 г. сообщается: «Полное уничтожение Шиваджи не входит в их (могольской знати) планы, ибо умары (мн. от эмир) ведут за счет короля политические войны (political wars) для собственной выгоды и совершенно не собираются действовать решительно, чтобы окончить войну» (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, p. 202).

³⁹ Мануччи сообщает любопытный факт из деятельности знатного могольского военачальника Зулфикар-хана. Он был сыном главного вазира Могольской державы Асад-хана. Зулфикар-хан, желая погубить своего соперника — другого могольского начальника Али Мардан-хана, действовавшего весьма решительно и энергично, изменнически поставил маратхов в известность о планах Али Мардан-хана и помог маратхам заманить в засаду и взять в плен этого хана (N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. III, London, 1907, p. 273).

⁴⁰ Как известно, главным родом войск Моголов была тяжелая конница, обычно снабженная оборонительным оружием (кольчуги, латы). «Даже почва, покрытая кустарником, была для нее неблагоприятна, тогда как горы и овраги еще больше затрудняли ее движение. Горная местность была для нее чрезвычайно неблагоприятна, и одетые в кольчуги всадники (Моголов) совершенно не годились для партизанской войны. В свои лучшие дни они никогда не были в состоянии проникнуть к патанам в их горные трущобы, а

ско было как бы привязано к своим лагерям-городам и обладало крайне ограниченной способностью маневрировать. Не удивительно, что маратхи наносили удар за ударом по могольским и биджапурским войскам (те были еще хуже могольских), непрерывно расширяя границы владений Шиваджи.

6 июля 1674 г. в крепости Райгарх Шиваджи в присутствии своих победоносных войск и 50 тыс. брахманов торжественно провозгласил себя независимым государем Махараштры, или чхатрапати⁴¹.

В последние годы своего царствования Шиваджи продолжал искусное дипломатическое маневрирование между Могольской державой, Биджапуром и Голкондой, используя их взаимную вражду для расширения собственных владений. Сначала он добился (1675) временного перемирия у могольского наместника Бахадур-хана, в свою очередь готовившегося напасть на Биджапур. Затем он заключил союз с Голкондой для совместного вторжения во владения Биджапура на равнине Карнатика и на плато Майсура. Прельстив шаха Голконды разделом будущих завоеваний и добычи, Шиваджи добился того, что маратхи получили разрешение двинуться на Карнатик через территорию Голконды, а их военные расходы оплачивались за счет последней. Кампания на юге продолжалась в 1677 и 1678 гг. Во главе 60-тысячного войска Шиваджи завоевал и разграбил западный Карнатик⁴², занял маратхскими гарнизонами важнейшие

в дни своего упадка они были беспомощны, как дети, против подвижных маратхов» (W. Irvine, *The army of Indian Moghuls*, London, 1903, p. 229). Совершенно те же соображения раньше высказывал Эльфинстон (M. Elphinstone, *The history of India*, p. 659).

⁴¹ Ч х а т р а п а т и — буквально: «имеющий зонт», который считался знаком власти. Брахманы за соответствующую мзду сфабриковали Шиваджи родословную, согласно которой он причислялся к касте кшатриев, а его происхождение выводилось от одного из древнейших раджпутских княжеских родов. Ни один из индийских ученых не принимает всерьез эту фальшивую родословную, только Кинкэд и Параснис сочли возможным присоединиться к указанной версии о происхождении Шиваджи (С. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 112).

⁴² Территория, завоеванная Шиваджи в Карнатике, по исчислениям маратхского хрониста Сабхасада, приносила ежегодный доход в 20 лакхов хун (золотых). Служащие английской Ост-Индской компании считали, что этот доход равен 550 тыс. фунтов стерлингов в год (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, pp. 217—218).

крепости в стране (Джинджи, Веллор и др.) и с огромной добычей благополучно вернулся в Махараштру. Шах Голконды оказался одураченным — Шиваджи и не думал делиться с ним своей добычей и завоеваниями. Союз маратхов и Голконды был разорван.

После разрыва союза с Голкондой Шиваджи вошел в дружбу с Биджапуром, где могольские войска тем временем одержали успехи и даже приступили к осаде столицы этого государства. Шиваджи оказал биджапурцам действительную помощь вооруженной силой и продовольствием, не упустив случая снова расширить свои владения за счет территории этого государства на плато Майсура (1679—1680). Моголы вынуждены были снять осаду Биджапура и отступить. Государство Шиваджи в результате его завоеваний стало распространяться за пределы страны маратхов — Махараштры. Оно включило ряд областей, населенных тамилами и каннара (северную и южную Каннару, Карнатик и т. д.).

Как умный и дальновидный представитель феодального класса Махараштры, Шиваджи не мог не считаться с вооруженным маратхским крестьянством, вынесшим всю тяжесть освободительной борьбы на своих плечах.

Придя к власти и сосредоточив в своих руках обширный фонд государственных земель в результате истребления или изгнания мусульманской феодальной верхушки, Шиваджи стал вести централизаторскую политику. Он опирался на новую гражданскую и военную знать (среди нее было много выходцев из числа патилей и общинной верхушки), получавшую денежное содержание непосредственно из казны. В этих условиях дешмукхи и дешпанде стали носителями феодальной неурядицы и анархии, выступавшими против установленных Шиваджи порядков. Поэтому Шиваджи урезал земли и доходы дешмукхов и дешпанде и целиком устранил их от сбора налога, поручив это своим чиновникам, которые получали денежное вознаграждение из казны.

Были урезаны права и некоторых патилей. Многие замки патилей и дешмукхов были разрушены. Вот что рассказывает об этом маратхский хронист Сабхасад: «Раджа (Шиваджи), завоевав Деш, разрушил бастионы, замки и укрепления. В сильных крепостях он расположил собственные гарнизоны. Ничего не было оставлено в руках мирасдаров (этим термином Сабхасад

обозначает патилей, дешмукхов и других маратхских феодалов. — И. Р.). Покончив с этим, Шиваджи запретил мирасдарам брать что-либо по собственному усмотрению с крестьян, будь то в порядке откупа налогов или в качестве владельцев инамов. Шиваджи установил точный размер платежей, причитающихся заминдарам (здесь — синоним дешмукхов. — И. Р.) зерном и деньгами в соответствии с продукцией деревни. Заминдарам запрещалось строить укрепленные замки, им надлежало строить дома и жить в них»⁴³. Мероприятия Шиваджи ослабили прослойку наследственных маратхских феодалов, но не уничтожили ее⁴⁴.

Одновременно был проведен земельный кадастр, что также устранило ряд злоупотреблений при сборе налогов. Эти мероприятия дали возможность снизить налог-ренту с 50 — 60% крестьянского урожая (как это было при Моголах) до 30 — 40% его.

Доходы государства между тем не только не снизились, но даже повысились за счет сокращения числа феодальных посредников, стоявших раньше между казной и тяглым крестьянством. Шиваджи урезал прежде всего земельные владения, доходы и права дешмукхов и дешпанде, целиком устранив их от управления страной и сбора поземельного налога. Стремление Шиваджи создать крепкую власть и прекратить феодальную усобицу в своем тылу прежде всего диктовалось потребностями военной борьбы, но в то же время встречало поддержку крестьянства, более всех страдавшего от внутренних войн маратхских феодалов.

Шиваджи воздерживался от раздачи земли в лены, предпочитая выдавать своим военачальникам и чиновни-

⁴³ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 39.

⁴⁴ В державе пешв у маратхов окончательно складывается своя военно-ленная система. Ведущей прослойкой феодального класса становятся крупные феодалы, князья — сардары, владельцы огромных военных ленов — саринджамов. Многие из них были выходцами из патилей и наряду с новоприобретенными титулами продолжали именовать себя патилиями наследственных деревень. Так, Синдия, став правителем Гвалиура, продолжал титуловать себя патилем деревеньки Канеркхери, которой когда-то владели его предки (T. D. Broughton, *Letters written in a Maratta camp during the year 1809*, London, 1813, p. 253). Однако материальную базу в державе пешв составлял обширный военный лен-саринджам, а не ватан патилиа или дешмукха.

кам денежную оплату⁴⁵. Он отменил наследственность должностей и откуп налогов. Таким образом. Шиваджи удалось создать относительно крепкое государство и политически объединить народ маратхов. Это было прогрессивным явлением в истории Индии.

«Мараты стали таким образом уже народом, управляемым независимым монархом», — отмечал Маркс⁴⁶.

Однако при наличии политического объединения маратхов у них отсутствовала экономическая общность. Махараштра по-прежнему дробилась на общины, в значительной мере сохранившие свой изолированный и самодовлеющий характер. Созданная Шиваджи относительно крепкая государственная власть имела положительное значение как в деле организации отпора завоевателям-Моголам, так и потому, что она насильственно ускорила установление у маратхов более высокой формы феодального строя — военно-ленной системы. Препятствием для торжества военно-ленной системы у маратхов было, с одной стороны, феодальное землевладение мусульманских завоевателей, а с другой — полупатриархальные формы феодального землевладения маратхских

⁴⁵ Современные маратхские историки Кинкэд и Параснис указывают: «Шиваджи не предоставлял земельных пожалований своим знати. Он управлял своими территориями при помощи платных чиновников камависдаров, махалкаров и субхадаров. Они могли быть уволены в любое время и действительно увольнялись в случае неспособности или неповиновения. Они собирали налоги, причитающиеся с крестьянства, и вносили их в королевскую казну. Из казны Шиваджи выплачивал своим чиновникам и военным регулярное жалованье» (С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. I, p. 273). Относительно размеров поземельного налога эти же историки сообщают: «Шиваджи был достаточно умен, чтобы понимать, что легкое обложение есть секрет больших налоговых доходов. Если в соседних государствах крестьянин был рад, если мог отделаться уплатой 50% урожая, то Шиваджи никогда не требовал более 2/5 валового урожая» (ibid., p. 274). Шиваджи исходил из того, что «правительство брало 1/3, оставляя крестьянину 2/3 валового урожая», — свидетельствует Бомбейский справочник («*Gazetteer of the Bombay presidency*», vol. XVIII, pt 2, p. 321). Характерно, что ближайшие помощники Шиваджи, его министры и военачальники — пешва Моро Тримбак Пингла, начальник конницы Нетаджи Пелкар, главнокомандующий Рао Мохите, наместник Запада Анаджи Датта — не стали основателями крупных феодальных домов и княжеств (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 42—44).

⁴⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, М., 1947, стр. 37.

ватандаров. Изгнав или истребив мусульманских джагирдаров и отобрав их джагиры в казну, урезав землевладение маратхских ватандаров (дешмукхов и дешпанде), Шиваджи сосредоточил в своих руках обширный фонд государственных земель, причем сидевшие на этих землях тяглые крестьяне подвергались непосредственной налоговой эксплуатации со стороны фиска и его чиновников. Основное значение этого мероприятия именно в том и заключалось, что, уничтожив джагиры крупных мусульманских феодалов и урезав ватаны маратхских феодалов, Шиваджи объективно «расчистил» почву для той формы феодального землевладения, торжество которой было подготовлено всем экономическим развитием маратхского общества — военно-ленной системы.

Шиваджи принадлежит почетное место в истории маратхов как вождю их героической и победоносной борьбы за независимость родины. Память о нем доныне живет в сознании народа. В маратхском фольклоре сложились десятки песен и сказаний о Шиваджи.

Когда замечательный маратхский демократ Васудев Балвант Пхадке поднимал в 1879 г. народ на восстание против английских колониалистов и «своих» ростовщиков и помещиков, он призывал его бороться столь же смело и решительно, как это делал Шиваджи. Другой маратхский демократ и борец против империализма, Бал Гангадхар Тилак (1856—1920), в своей знаменитой речи на массовом празднестве, устроенном в память Шиваджи в 1897 г., ссылаясь на пример борьбы Шиваджи с Моголами, звал маратхов на восстание против английских работодателей: «Если воры проникли в наш дом и у нас нет сил прогнать их, то не следует ли без колебания запереть за ними двери и сжечь их живьем? Бог не отдал Индию чужеземцам в дар, увековеченный на таблицах прочной меди. Махараджа (Шиваджи. — *И. Р.*) стремился изгнать чужеземцев с земли своих отцов, но он не был повинен в корыстолюбии... Возвысьтесь же над уголовным законом, подымитесь в чистую высь Бхагавадгиты и тогда судите о деяниях великих людей»⁴⁷. В то же время и Тилак, и в меньшей мере Пхадке стремились идеализировать Шиваджи, скрыть классовую сущность его деятельности и, наконец, поставить религиозный мо-

⁴⁷ «Times of India», 10.IX.1897, p. 248.

мент чуть ли не на первое место в маратхской освободительной борьбе XVII—XVIII вв. Эта освободительная борьба протекала под руководством маратхских феодалов. В отличие от народа, который преследовал одну благородную и патристическую цель — освободить родину от гнета чужеземцев, Шиваджи и его класс стремились не только изгнать Моголов, но прочно подчинить народ господству «своих», отечественных, эксплуататоров-феодалов. Если народу были чужды какие-либо захватнические стремления, то Шиваджи и его класс с самого начала использовали освободительную войну как средство военного грабежа и личного обогащения. Более того, еще при Шиваджи справедливая и освободительная война маратхского народа стала превращаться в захватническую войну маратхских феодалов, направленную к завоеванию и ограблению соседних народов Индии.

Используя свое войско, лучшее в тогдашней Индии, Шиваджи превратил дело внешнего грабежа в тонко продуманную, детально организованную систему, где все было предусмотрено, начиная с разведки, кончая строгими правилами раздела добычи. Военная слабость Моголов открывала перед Шиваджи неограниченные возможности.

Под страхом смертной казни маратхам запрещалось брать женщин с собой в набег, равно как уводить пленниц. До выступления в поход на каждого воина и командира составлялась опись, где точно обозначалось все принадлежавшее ему имущество. На границе владений Шиваджи были установлены крепкие заставы и заслоны, где возвращавшееся войско подвергалось тщательному обыску и всякого, пытавшегося утаить часть добычи, ждало суровое наказание.

В походе строго запрещалось обижать жрецов-брахманов или брать их в заложники для получения выкупа. Других ограничений не было. Остальное население подвергалось разграблению. Разведчики и шпионы заранее засылались по пути намеченного маршрута движения войска, затем они представляли маратхским военачальникам точный список наиболее состоятельных людей округа⁴⁸. Намеченные жертвы подвергались беспощадным пыткам.

⁴⁸ Мануччи указывает: «Он [Шиваджи] имел столь бдительных шпионов, что был осведомлен о месте, где тот или другой человек из страха перед ним закапывал свои сокровища» (N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 231).

кам, пока не отдавали скрытых сокровищ. Но и простой народ страдал от опустошительных набегов маратхов. При Шиваджи маратхские войска трижды грабили Сурат, богатейший порт западного побережья, вторгались много раз в Южную Индию и Карнатик. Эти походы и набеги давали огромную добычу. За счет ограбления целых областей и городов Индии в Махараштре развивалась торговля, начали быстро расти города.

К концу правления Шиваджи маратхские феодалы начали переходить от прямого грабежа к более сложной системе взимания дани. Под угрозой разграбления того или иного города или области войска Шиваджи облагали жителей данью в размере $\frac{1}{4}$ части ежегодного сбора налога. При условии своевременной уплаты этой дани (чаутха) местному населению гарантировалась безопасность от дальнейших маратхских налетов. Для наблюдения за сбором чаутха маратхи оставляли на местах нескольких своих представителей. Обычно это были брахманы или каястхи (каста писцов), хорошо знакомые с налоговым делом.

Так завоевательные походы Шиваджи закладывали основу распространения господства маратхских феодалов на соседние области Индии.

В последние годы правления Шиваджи его государство включило Каннару. Ее прибрежные области давали прекрасный перец и другие пряности, шедшие на вывоз. Прочно утвердившись на Малабарском побережье, маратхи овладели здесь многими портами, построили торговый и военный флот. Были случаи, что маратхи перебрасывали свои войска морем, высаживали десанты, блокировали португальские гавани с суши и с моря одновременно.

**СКЛАДЫВАНИЕ КРУПНОГО ФЕОДАЛЬНОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ У МАРАТХОВ.
ВТОРОЙ ЭТАП ИХ БОРЬБЫ С МОГОЛАМИ
(1680—1707)**

После смерти Шиваджи в 1680 г. началась междоусобная борьба за престол между его сыновьями — старшим Самбхаджи и младшим Раджа Рамом (они были от разных матерей). Кандидатуру 16-летнего Раджа Рама выдвигали его мать Сурабаи, любимая жена Шиваджи, и Анаджи Датта — один из крупных маратхских военачальников, наместник западных областей. Раджа Рам был провозглашен государем в Райгархе, столице государства, а фактическая власть перешла в руки Сурабаи и Анаджи Датта. Большинство маратхских сановников и военачальников признали Раджа Рама своим государем. Но его не признала армия. Она предпочитала видеть раджей не 16-летнего юношу, которым помыкает мать, а Самбхаджи. Последний был смелым до безрассудства и прошел большую военную школу под руководством своего покойного отца. Войска перешли на сторону Самбхаджи, и он, не встречая сопротивления, овладел столицей и короновался маратхским государем. Раджа Рам был заточен в крепости, Сурабаи предана мучительной смерти, более ста выших сановников и военачальников, в том числе многие ближайшие приближенные Шиваджи, казнены¹.

Самбхаджи отличался необузданным характером, действовал под влиянием минуты и был рабом своих страстей. Поссорившись с отцом, он перешел на сто-

¹ Самбхаджи при встрече с Мануччи рассказывал ему, что лично обезглавил 30 маратхских сановников, и демонстрировал итальянскому врачу меч, которым совершил эту казнь (N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. II, London, 1907, p. 233).

рону Моголов, в течение двух лет сражался в их войсках против маратхов, и только незадолго до своей смерти Шиваджи помирился с ним, и Самбхаджи вернулся в Махараштру. «Самбхаджи был жестокий и развратный князь», — характеризовал его Маркс². До конца своего правления Самбхаджи не простил высшим маратхским сановникам и военачальникам, что в дни междуцарствия они в своем подавляющем большинстве были на стороне Раджа Рама. Последующие заговоры и восстания маратхских феодалов усилили его глубокое недоверие к ним. Самбхаджи сделал своим ближайшим советником и приближенным не маратха, а канауджского брахмана из рода, издавна состоявшего на службе дома Бхонсле. Этот брахман был удостоен титула кави-кулеш (царь поэтов), который и стал его собственным именем. Кави-кулеш пользовался неограниченным доверием Самбхаджи, на нем фактически лежало управление государством. Что же касается самого Самбхаджи, то, за исключением коротких перерывов, когда он лично руководил войсками в походе, новый государь маратхов уделял свое основное время охоте, вину и гарему.

В первые годы правления Самбхаджи для маратхского государства создавалась относительно благоприятная внешняя обстановка. Аурангзеб был занят подавлением восстания в Раджпутане, восстания тем более опасного, что к раджпутам присоединился мятежный царевич Акбар, младший сын Аурангзеба. Акбар провозгласил себя падишахом, держал двор в Раджпутане, который мог стать центром всех сил, враждебных Аурангзебу. Не удивительно, что могольский государь отозвал все лучшие войска из Декана и бросил их в Раджпутану. Наместником в Декане с 1680 г. стал царевич Муаззам. Он имел мало войск, к тому же они бездействовали во время маратхских набегов на могольские провинции, за что сам наместник получал щедрые дары от Самбхаджи.

В январе 1681 г. 20-тысячный отряд маратхской конницы совершил удачный набег на Кхандеш и разграбил столицу этой провинции Барханпур. Три дня продолжался грабеж. Добыча была настолько велика, что маратхи

² К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, М., 1947, стр. 38.

брали только драгоценные камни, золото и серебро. Муазам, по сговору с маратхами, дал им возможность благополучно вернуться домой, не опасаясь преследования. В дальнейшем продолжались налеты маратхов на могольский Декан, но основные силы Самбхаджи были заняты на морском побережье. В течение двух лет (1680—1682) он вел кровопролитную и неудачную войну против Сиди, феодалов, владевших островом Джанджира. Поскольку маратхский флот оказался слабее флота Сиди, он не мог обеспечить высадки войск Самбхаджи на острове, и все попытки маратхов овладеть этой скалистой твердой стоили огромных жертв и закончились полной неудачей³. Как истинный деспот, Самбхаджи согнал 50 тыс. крестьян, чтобы насыпать дамбу поперек пролива, отделявшего Джанджиру от материка. Но гигантская работа по постройке дамбы была прервана наступлением превосходящих сил Моголов, вторгшихся глубоко в Махараштру несколькими колоннами под общим руководством самого Аурангзеба (1682).

Моголы подавили восстание в Раджпутане. Мятежный Акбар с жалкими остатками войска (у него оставалось 300 всадников) бежал в Декан и после долгих мытарств нашел приют и покровительство у маратхского государя (1681). За Акбаром в Декан немедленно последовал Аурангзеб. Разгром маратхов и захват мятежного Акбара приобретали для него такое же политическое значение, какое раньше имело подавление восстания раджпутов.

В ходе борьбы с Моголами, вторгшимися в пределы Махараштры, быстро стало обнаруживаться падение силы и крепости маратхского государства, основанного Шиваджи. Корень зла заключался в росте феодального сепаратизма, что одинаково проявлялось в области гражданского управления, налогового дела и военной организации. Вместо того чтобы действовать по общему плану, выработанному их государем, маратхские военачальники стали воевать на свой собственный страх и риск, все меньше считаясь с указаниями Самбхаджи. Вместо того чтобы сдавать всю военную добычу в казну и оттуда получать свою долю, как это было установлено при Шива-

³ По данным Саркара, маратхи только во время одного штурма в июле 1682 г. потеряли более 3,5 тыс. убитыми. Под Джанджирой Самбхаджи уложил цвет маратхских войск (J. Sarkar, *History of Aurangzeb*, vol. IV, Calcutta, 1919, p. 267).

джи, маратхские военачальники самовольно распоряжались захваченной добычей. Одновременно отмечалось резкое падение дисциплины в маратхских войсках. Вместо постоянного войска стали действовать отдельные отряды и соединения. Чиновники стремились утаить от казны и присвоить себе налоги, собранные ими с крестьян. Во многих частях страны вспыхивали восстания феодалов, добивавшихся полной самостоятельности. В дальнейшем многочисленные представители маратхской знати порывают с Самбхаджи и переходят на службу к Моголам. Подобное явление отмечалось и раньше, но в правление Самбхаджи оно получает гораздо большее распространение, чем в предшествующие годы.

В чем заключалась основная причина роста феодального сепаратизма в государстве маратхов?

Как уже указывалось, Шиваджи сосредоточил значительный фонд государственных земель в своих руках и на средства, полученные от налоговой эксплуатации сидевшего на этих землях тяглого крестьянства, содержал целую иерархию военных и гражданских чинов. Это были настоящие феодалы, они жили за счет прибавочного продукта, создаваемого крестьянами, но извлекали его не путем непосредственной эксплуатации крестьянства, а получали свою долю через казну, которая сама собирала налог-ренту при посредстве общегосударственного налогового аппарата. Бенефиций (джагир) еще до Шиваджи приобретал растущий удельный вес в землевладении маратхских феодалов. Земельно-налоговые преобразования Шиваджи и создание значительного фонда государственных земель приблизили торжество военно-ленной системы у маратхов. Оставалось только превратить иерархию военных и гражданских чинов, сложившуюся при Шиваджи и получавшую свою долю прибавочного крестьянского продукта через налоговый аппарат феодального государства, в иерархию феодальных землевладельцев, которые непосредственно эксплуатировали бы тяглых крестьян, сидевших на этих землях. Этот процесс «соседания на землю», своеобразной «территориализации» военно-чиновничьей иерархии маратхов вел к созданию военно-ленной системы, усиливая в то же время раздробленность и феодальный сепаратизм в маратхском государстве и подготавливая его конечный распад. В силу некоторых особенностей исторической обстановки (на-

шествие Моголов и борьба маратхского народа против них) далеко не во всех случаях представителям военнo-чиновничьей иерархии удалось прямо и непосредственно превратиться в феодальных землевладельцев. Решающим для такого захвата земли нередко было наличие достаточной военной силы в руках захватчика. А обстановка в Махараштре, пылавшей огнем освободительной борьбы против Моголов, сложилась такая, что представители военно-сановной иерархии, созданной Шиваджи, отнюдь не были монополистами, единственно распоряжавшимися военной силой. В самом деле, страна подвергалась чужеземному нашествию именно в тот период, когда постоянная армия и единый чиновничий аппарат, созданные Шиваджи, стали распадаться, когда военно-сановная иерархия начала превращаться в иерархию феодальных землевладельцев, но еще не превратилась в таковую. В этих условиях отпор Моголам первоначально имел стихийный характер, вся тяжесть этого отпора непосредственно легла на плечи народа. Маратхские крестьяне-мирасдары, привычные к ношению оружия и тяготам походной жизни, формировали отряды для отпора Моголам. Но дело, конечно, не ограничивалось отдельными партизанскими действиями или местной самообороной. В ходе длительной многолетней борьбы с Моголами постепенно сколачивались отряды солдат-профессионалов, для которых война превращалась в основное занятие. Огромное разорение мирасдаров в результате войны, страстное желание отомстить ненавистным могольским захватчикам, надежда на богатую добычу давали приток свежих сил в эти отряды. В них скоро выделились свои кадры постоянных командиров во главе с начальниками-сардарами. Многие из них были выходцы из феодального класса, бывшие командиры Шиваджи, люди опытные в военном деле, но некоторые были обязаны своим возвышением лишь собственным выдающимся качествам и выбились в сардары из среды простого народа ⁴. Реальная военная сила оказалась в значительной мере сосредоточенной в руках этих маратхских военачальников.

⁴ Так, Малхар Рао Холкар, будущий князь Индура, происходил из пастухов. Ранаджи Синдия, будущий правитель Гвалиура, хотя и был из обедневшего патильского рода, в юности исполнял обязанности слуги. Из пастухов равным образом происходил Пиладжи Гэквар (или Гэквад), основатель династии раджей Бароды.

сардаров. Они, конечно, думали не только об изгнании чужеземцев-Моголов за пределы Махараштры, но и о захвате земель, богатств, военной добычи. Основную массу маратхских вооруженных сил составляли мирасдары, однако руководство оставалось либо непосредственно за феодалами, либо за начальниками, вышедшими из народа, но неминуемо и скоро воспринявшими облик, интересы и политику этих феодалов. Всякий маратхский удалец, обладавший конем и копьем, стремился теперь стать главарем самостоятельного вооруженного отряда. Сегодня этот отряд сражался с Моголами на самой территории Махараштры, завтра предпринимал удачный набег в глубь Индостана, послезавтра участвовал в междоусобной борьбе маратхов. В стране водворялась подлинная анархия. Но из нее рождались новые феодальные порядки.

Многие удачливые военные предводители маратхов, разбогатевшие на внешнем и внутреннем грабеже, становились влиятельными феодалами, захватывали обширные земли как в самой Махараштре, так, в особенности, за ее пределами — в соседних областях Индии. Сам Самбхаджи поощрял эту практику. Постоянно нуждаясь в средствах (ввиду развала государства налоги перестали поступать радже), он за небольшую плату щедро раздавал жалованные грамоты на земли в самой Махараштре и даже в могольских провинциях Индии⁵. Эти пожалования имели номинальный характер, поскольку и в том и в другом случае лицу, получившему грамоту, еще оставалось самое главное — фактически захватить (вернее, завоевать) «пожалованную» ему раджей землю. Но нельзя не видеть, что санады раджи придавали некое законное юридическое основание земельным захватам и завоеваниям маратхских феодалов. Уже по этому одному Самбхаджи был нужен маратхскому феодальному классу.

Становление крупного феодального землевладения происходило в Махараштре в условиях жестокой воору-

⁵ «Со времен Самбхаджи необходимость поддержать первенство раджи путем широкой раздачи жалованных грамот, закреплявших за каждым удачливым маратхским вождем территории, на которых он сумел утвердиться, повела к губительным последствиям как для единства маратхов, так и для их ресурсов как нации» (J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, Oxford 1921, pp. 438—439). Такие пожалования давались маратхским феодалам и на право сбора дани — чаутха.

женной борьбы за землю между различными маратхскими военными предводителями. Что же касается сельских общин, то многие из них предпочитали теперь добровольно отдаваться под покровительство сильного сардара, способного защитить их безопасность среди общей неурядицы. Это было не чем иным, как рекомендацией своих прав и земель в пользу отдельных феодалов.

Многие маратхские сардары внешне отказывались от продолжения борьбы с Моголами и даже заявляли о своем полном подчинении Аурангзебу. «Их (маратхов. — И. Р.) вожди, владевшие землями, не теряя времени, изъявляли покорность Моголам и громче всех твердили о своем усердии и преданности, однако почти все они находились в связях с повстанцами, позволяли своим дружинникам действовать совместно с ними и даже тайком посылали отряды под командой своих родственников для участия в грабительских экспедициях»⁶. Двойственная и неустойчивая политика маратхских феодалов в отношении Моголов, распад государства Шиваджи и жестокая внутренняя усобица — все это значительно ослабило маратхов перед лицом внешнего врага.

Хотя Аурангзёб располагал большой армией, но во время кампании 1681—1683 гг. действовал против маратхов крайне нерешительно. «С ноября 1681 г. до апреля 1683 г. падишах не добился ничего значительного, несмотря на его огромные ресурсы», — правильно отмечает индийский историк Дж. Саркар⁷. Причиной этой нерешительности было недоверие могольского государя по отношению к своим сыновьям и военачальникам, которое усилилось после мятежа царевича Акбара. Аурангзёб опасался возникновения новых, еще более опасных мятежей и заговоров, поэтому он сосредоточил могольские силы в ближайшем соседстве со своей ставкой, держал своих военачальников на привязи, не давая никому из них ма-

⁶ M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, p. 657. — В 1682 г. Авджи Пандит изменил Самбхаджи и перешел на сторону португальцев. В 1683 г. к Моголам перебежал личный секретарь Самбхаджи — Кази Хайдар. Он вошел в милость к Аурангзебу и дослужился до верховного казия (кази-уль-кузат) Могольской державы. В 1684 г. к Моголам на службу перешли следующие военачальники: Падамджи, Анкоджи, Малхар Рао, Субхан Чанд и многие другие. В 1685 г. против Самбхаджи подняли восстание дешму-кхи Сунда и Кудала (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, pp. 287, 298).

⁷ Ibid., p. 262.

ло-мальски самостоятельного задания, и проявлял бесполезную мнительность.

Таким образом, в течение почти двух лет могольские полчища топтались на месте. Самбхаджи и на этот раз не сумел использовать предоставившуюся передышку. Вместо того чтобы подготовить удар против Моголов, вождь маратхов продолжал бесполезную и кровопролитную войну на морском побережье. Правда, Самбхаджи заключил в 1682 г. мир с Сиди Джанджиры, мир, не принесший ему ровно никаких выгод и приобретений. Но уже в следующем, 1683 г. Самбхаджи на радость Моголам ввязался в войну с португальцами. Аурангзеб подстрекал португальцев к энергичному выступлению против маратхов, надеясь тем самым ослабить обоих противников и наложить свою руку на их владения. Однако португальцы оказались не в состоянии противостоять маратхам. В 1683 г. пешва Моро Тримбак Пингла взял у португальцев богатый порт Чаул. В этом же году португальский вице-король, выступивший из Гоа во главе всех наличных сил, потерпел жестокое поражение под стенами Понда и с трудом укрылся в Гоа с деморализованными остатками своих войск. Вслед за этим Самбхаджи предпринял решительный штурм Гоа и, вероятно, овладел бы столицей португальской Индии (ноябрь 1683 г.), если бы под стенами осажденного города не появилось сильное могольское войско, прибывшее под командованием царевича Муаззама на выручку португальцев. Маратхи, потерявшие под Гоа более 20 тыс. воинов, были вынуждены снять осаду. Что же касается экспедиции Муаззама в Савантвали и Южный Конкан, то она не дала Моголам значительных результатов. Муаззам, получив большую взятку от Самбхаджи, не предпринимал серьезных военных операций против маратхов и ограничился бессмысленным опустошением Южного Конкана и Савантвали. В результате этих опустошений могольские войска оказались в полной зависимости от подвоза продовольствия и фуража морским путем через Гоа⁸. Однако после неудачной

⁸ Английские купцы доносили из Сурата в Хугли 28 марта 1684 г. о действиях Муаззама: «он бросается то туда, то сюда, как захочет, не встречая большого сопротивления. Он не взял ни одной крепости, но разоряет страну, опустошает и сжигает все города, которые попадают ему на пути» (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. IV, p. 293).

попытки Муаззама внезапным нападением захватить Гоа португальцы прекратили всякий подвоз с моря. В могольском войске немедленно начался голод и мор. Лишь незначительные остатки 40-тысячного войска Муаззама сумели выбраться из Южного Конкана и пересечь на обратном пути перевалы Западных Гхатов.

К 1684 г. мятеж царевича Акбара пришел к концу; Акбар больше не получал никакой поддержки из Индостана и находился у маратхов на положении жалкого изгнанника, чьи советы и предложения Самбхаджи оставлял без всякого внимания. Почувствовав, что его власть несколько укрепилась, Аурангзеб в 1684—1685 гг. предпринял ряд серьезных наступлений против маратхов. Крупные войсковые соединения Моголов вторглись глубоко в Махараштру и заняли ключевые стратегические пункты в стране. Одновременно подвижные отряды Моголов рыскали по Махараштре, уводя население в плен и опустошая все на своем пути. По приказу Аурангзеба попавшие в плен маратхские командиры подвергались мучительной казни. Моголы вели войну на истребление. Аурангзебу удалось добиться некоторых успехов. Он вел войну на территории врага, занял несколько важных центров Махараштры: город Супа, порт Карвар и некоторые другие. В ряде сражений маратхские войска потерпели поражение. Самбхаджи не принимал почти никакого участия в борьбе с Моголами. Он вел войну с родственным Бхонсле маратхоким феодальным домом Ширке, по-прежнему предавался разврату и пьянству, оставив ведение государственных дел своему советнику брахману Кави-кулешу. Между тем Аурангзеб, ослабив и разбив, но не добив маратхов, снял свои войска из Махараштры и двинул их в решающее наступление на Биджапур. После 16-месячной осады под личным руководством могольского падишаха Биджапур в сентябре 1686 г. капитулировал, и последний Адил-шах Сикандер стал пленником Аурангзеба. В сентябре 1687 г. участь Биджапура разделила Голконда, и территории обоих деканских государств были присоединены к державе Великого Могола⁹.

⁹ По пятам за полчищами Моголов шел голод. Огромная армия Аурангзеба, насчитывавшая около 100 тыс. бойцов и 600—700 тыс. человек сопровождающих и лагерной прислуги, не считая сотен тысяч выючных животных, за короткий срок уничтожила различные запасы продовольствия и фуража в Декане, обрекая местное

Во время этих решающих событий Самбхаджи, по существу, оставался пассивным, оказав Биджапуру и Голконде лишь слабую и нерешительную помощь. Он не использовал ситуации и для того, чтобы смелыми действиями в тылу и на коммуникациях могольских войск, оперировавших против Биджапура и Голконды, поставить врага в безвыходное положение. Все возможности были упущены, инициатива предоставлена хитрому и жестокому врагу. Последствия не заставили себя долго ждать. Покончив с Биджапуrom и Голкондой, Аурангзеб в 1688 г. повернул свои полчища против маратхов, этих «горных крыс», как презрительно называл их могольский падишах. Пользуясь беспечностью Самбхаджи, пировавшего вместе с Кави-кулешем в одном из своих загородных дворцов вблизи Ратнагири, могольский военачальник Шейх-Низам, с отрядом отборной конницы скрытно двигаясь форсированным маршем, сумел незаметно подвести своих воинов к самому дворцу Самбхаджи и окружить его. Самбхаджи и его министры были захвачены в плен, доставлены затем к Аурангзебу и по приказу последнего подвергнуты зверской казни (11 марта 1689 г.). Вскоре после этого на милость Моголов капитулировала крепость Райгарх, столица государства. Здесь были взяты в плен вдовы Шиваджи и Самбхаджи, а также малолетний сын и наследник Самбхаджи Шаху. По приказу Аурангзеба Шаху воспитывался при могольском дворе вдали от своей родины. Он получил ранг семитысячника и пользовался покровительством падишаха, надевшегося в дальнейшем использовать Шаху как орудие своей политики в отношении маратхов.

Пленение и казнь государя, падение столицы — все это на первых порах вызвало смятение в рядах маратхов. Пользуясь этим, Аурангзеб одержал значительные успехи. К концу 1689 г. Моголы овладели Сингархом, Раджгархом, Виталгархом, Панхалой, Салхиром, Тримбаком,

население и самое себя на голод и вымирание. Хронист-современник передает следующее о голоде 1687 г.: «Начался голод. В городе Хайдарабаде реки, дома и площади были полны трупов. То же самое происходило в лагере императорских (могольских. — *И. Р.*) войск... Кос за косом (мера длины. — *И. Р.*) глаз встречал только мертвые тела. Непрерывные дожди постепенно удалили с них мясо и кожу. Через несколько месяцев, когда дожди прекратились, груды костей выглядели издалека, как куча снега» (цит. по кн.: J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, Calcutta, 1924, pp. 440—441).

т. е. всеми важными крепостями маратхов, кроме Сатары. Большая часть Махараштры была занята могольскими войсками. Непокоренными оставались глубинные малодоступные районы Центрального и Южного Конкана. Аурангзеб торжествовал победу. Казалось, что двадцатипятилетняя тяжелая война с маратхами закончилась их окончательным поражением. Аурангзеб был настолько уверен в полноте и прочности достигнутых успехов, что повелел оставить в Махараштре лишь незначительные силы могольских войск. Большая же их часть была направлена на покорение территории Биджапура и Голконды, где еще продолжались военные действия на окраинах и шло, притом далеко не гладко, установление могольских порядков. Действительность скоро показала, что надежды Аурангзеба на окончание маратхской войны оказались преждевременными.

Против Моголов снова поднялся народ. Прав индийский ученый Саркар, когда он пишет: «Трудности Аурангзеба только увеличились после исчезновения общего главы и центрального правительства у маратхов, ибо каждый маратхский начальник стал действовать со своим отрядом на собственный страх и риск, самостоятельно выбирая направление набега или место сражения. Война стала народной, и Аурангзеб не мог с ней покончить»¹⁰. Враг повсюду ждал Моголов — в каждом селении, в каждой хижине; враг неуловимый, потому что он был неотделим от народа: сегодня он как простой крестьянин был занят сбором жатвы, а завтра, вооружившись копьем, совершал налет по тылам Моголов; враг, прекрасно осведомленный, потому что народ тысячами глаз следил за каждым движением чужеземных полчищ; враг, который двигался необычайно быстро и всегда появлялся внезапно; враг, которому была известна каждая горная тропинка, каждая обходная дорога; враг, которому не надо было заботиться о снабжении, ибо любая деревня делилась с ним последними запасами; наконец, враг, обладавший большой стойкостью и выдержкой, ибо он сражался за свои дома и очаги, за спасение своего народа.

¹⁰ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, pp. 7—8.—Грант-Дафф также отмечает народный характер борьбы маратхов: «Если бы не дух, пробудившийся в маратхском народе, Аурангзебу, вероятно, удалось бы быстро подавить волнения» (J. Grant-Duff, *A history of the Marhattas*, vol. I, p. 352).

Что же касается маратхских феодалов, то грозная опасность, нависшая над страной, заставила их в какой-то мере забыть свои внутренние раздоры. Но решающее обстоятельство заключалось в том, что война с Моголами сулила богатую добычу, приобретение земли и богатства, в то время как служба Моголам больше не обещала никаких реальных выгод. В самом деле, Моголы гарантировали перешедшим на их сторону маратхским военачальникам богатые джагиры, но проходило очень много времени, прежде чем претендент на джагир после совершения многочисленных формальностей получал жалованную грамоту, вводившую его во владение землей. Дело заключалось не только в бюрократической медлительности и формализме, достигших крайних пределов в последние годы царствования Аурангзеба. Доходность джагиров быстро падала в связи с повсеместным торжеством откупной системы, постоянными войнами и огромным разорением крестьянства. Губительно действовало и то обстоятельство, что Аурангзёб предпочитал предоставлять джагиры на короткий срок: «Нет никакой надежды, — указывал современник Бхим Сен, — чтобы тот же джагир остался на следующий год за его владельцем. Когда джагирдар посылает сборщика в свой джагир, он первым делом получает с него аванс в виде займа. Этот сборщик, прибыв в деревню, в свою очередь опасается, как бы не нашлось другого человека, который дал бы джагирдару более значительный заем (чтобы заменить его). Поэтому он, не задумываясь, собирает ренту, применяя всевозможные притеснения... (в результате) крестьяне бросают земледелие, а джагирдары лишаются дохода»¹¹. Наиме-

¹¹ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 453. — Это было обычным явлением в последние годы царствования Аурангзеба. Тот же Саркар передает: «20 января 1696 г. падишах получил жалобы от кашмирских крестьян на то, что высокие вельможи, пожалованные джагирами в этой провинции, отдали сбор ренты на откуп купцам, которые прибегали к притеснениям и вымогательствам и таким образом разоряли крестьян. Аурангзёб немедленно распорядился отнять джагиры и передать эти земли в шахский домен. Тогда купцы пожаловались, что они предоставили вельможам крупные займы и ничего не получают обратно в случае отнятия джагиров. Падишах гневно ответил: „Спрашивайте ваши деньги с тех, кому вы их одолжили“» (ibid., p. 419). Но и на землях шахского домена начала распространяться та же разорительная для крестьян откупная система.

нее доходными считались деканские джагиры из-за полного опустошения Декана, а только на деканские джагиры и могли рассчитывать маратхские феодалы, состоя на службе у Моголов. Они не могли надеяться и на скольконибудь блестящую карьеру. Как для индусов, для них исключалось назначение на должности субадаров и фаудждаров. Высокомерные могольские вельможи смотрели на них, как на людей низшего сорта, недостойных милостей падишаха. Достаточно вспомнить тот оскорбительный прием, который встретил сам Шиваджи при могольском дворе. Наконец, для маратхских феодалов все явственнее и очевиднее становилась и военная слабость Могольской державы и ее финансовое банкротство. Аламгир («миродержец»), как горделиво титуловал себя с 1659 г. Аурангзеб, и после завоевания Биджапура и Голконды не оказался в состоянии погасить трехгодичной задолженности по уплате жалованья войскам. Могольская казна была по-прежнему пуста. Более или менее регулярно поступали налоги только от наместника Бенгалии Муршид Кули-хана¹². За счет этих средств Аурангзеб главным образом и вел войну в Декане. Но их не хватало даже на своевременную оплату войск. Как правило, жалованье войскам задерживалось на два-три года. Не удивительно, что щедрые обещания, которыми Моголы привлекли было маратхских феодалов на свою сторону, часто оставались на бумаге.

В создавшихся условиях война с Моголами оказывалась для маратхских феодалов делом куда более доходным и верным, чем сомнительные выгоды императорской службы. Аурангзеб уже не располагал достаточными возможностями для широкого и прочного подкупа маратхской верхушки, так же как и нужными силами, чтобы подавить сопротивление народа. Под интересами родины маратхский феодал прежде всего понимал свои собственные интересы, он не считал зазорным за высокую плату открыть Аурангзебу ворота той или иной крепости или заключить сепаратное перемирие с могольским военачальником, чтобы обеспечить безопасную перевозку захваченной у тех же Моголов военной добычи в свои вла-

¹² Муршид Кули-хан ежегодно пересылал Аурангзебу из налогов Бенгалии от 9 до 23 млн. рупий, не считая нескольких тысяч золотых монет (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 377).

дения¹³. Бывало и так, что борьба феодальных кланов в самой Махараштре принимала настолько острый характер, что их участники искали помощи и покровительства у Аурангзеба. Но ни часто повторявшиеся перебежки отдельных маратхских феодалов из одного лагеря в другой, ни их готовность продать свой меч тому, кто даст дорожку, не меняют того решающего факта, что огромное большинство этих феодалов с оружием в руках выступили против Аурангзеба, считая борьбу с ним своим кровным делом, ибо она сулила и власть, и богатство, и расширение земельных владений, и огромную военную добычу. Маратхские феодалы, используя подъем народной антимогольской борьбы, могли превратить, и на самом деле превратили, эти возможности в реальность.

Созданное Шиваджи маратхское государство фактически перестало существовать. Его подорвал внутренний распад и добило могольское нашествие. После казни Самбхаджи его младший брат Раджа Рам сумел бежать из осажденного Моголами Райгарха. Преследуемый по пятам войсками Аурангзеба, он с большими трудностями добрался до Джинджи, неприступной крепости в карнатских владениях, завоеванных в свое время Шиваджи. Здесь, вдали от родины, Раджа Рам в качестве государя маратхов держал свой двор, но никакой реальной властью не пользовался. Особой и именем Раджа Рама распоряжался на правах его регента и заместителя (пратинидхи) Прахлад Нирадж Равджи. Моро Тримбак Пингла сохранил пост пешвы, который он занимал при Шиваджи и Самбхаджи, но крупной роли не играл. Наместником в Махараштре оставался Рамчандра Нилаканта Бавдекар в должности аматья. Его соправителем считался Шанкараджи Малхар в должности сачива. На самом деле все это устройство имело фиктивный характер. Раджа Рам был номинальным государем, ибо от его имени распоряжался Прахлад Нирадж. В свою очередь власть последнего совершенно не распространялась на Махараштру, ограничиваясь Джинджи и карнатскими владениями. Наконец, и Рамчандра Нилаканта, и Шанкараджи Малхар действовали совершенно самостоятельно

¹³ Подкуп был основным средством, при помощи которого Моголы открывали себе ворота осажденных крепостей. Подобная практика получила особенно широкое распространение на последней стадии войны Аурангзеба с маратхами.

как друг от друга, так и от Раджа Рама и его регента, сидевших в далекой Джинджи. Было бы ошибкой рассматривать Рамчандра Нилаканту и Шанкараджи Малхара как агентов и представителей общегосударственной власти в Махараштре, ибо там не было такой власти. Наряду с Нилакантой и Шанкараджи борьбу с Моголами вели десятки и сотни маратхских военачальников, многие из которых располагали и более многочисленными отрядами воинов, и большим авторитетом, и большей фактической властью. В числе таких военачальников надо прежде всего назвать двух выдающихся маратхских вождей — Дхана Сингха Джадхава и Санта Гхорпаде, игравших ведущую роль в войне с могольскими завоевателями. В то же время Дхана и Санта были соперниками на пост сенапати (главнокомандующего). Это соперничество между ними в конце концов привело к настоящей междоусобной войне, завершившейся гибелью Санта Гхорпаде в 1697 г.

Фактически не маратхское государство, а маратхский народ вел войну с Моголами. Наряду с имевшими более или менее постоянную организацию войсками Санта, Дханы, Нилаканты и других крупных маратхских военачальников действовали многочисленные партизанские отряды. Вот что рассказывает об этом маратхский хронист: «Кроме войск, находившихся под командованием трех начальников (Дхана, Санта и Нилаканта. — *И. Р.*) — всего 60—70 тыс. конницы, — и 10-тысячного контингента самого государя, существовали бродячие отряды или банды численностью по 15—20 тыс. человек. Они собирали чаутх с провинций (могольских. — *И. Р.*), затем с боями пробивались обратно в Махараштру, разрушали посты Моголов, укрепляли собственные форты и стратегические пункты (наке джага). Укрепляясь в малодоступных местах, они располагали свои лагеря под защитой лесов и вырезали отдельные могольские отряды»¹⁴.

Но в этих условиях было бы глубоко неправильным отрицать всякое историческое значение сохранения у маратхов своего раджи, хотя бы в качестве номинального главы государства. Раджа Рам прежде всего оставался символом политического единства маратхов, символом того, что они борются за восстановление и возрождение своего независимого государства. Именно поэтому Ау-

¹⁴ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, pp. 196—197.

рангзеб придавал огромное значение взятию Джинджи и захвату маратхского государя, выделив для этой цели большие силы и одного из лучших своих военачальников — Зулфикар-хана. Бегство Раджа Рама в Джинджи было мастерским ходом Прахлада Нираджа. В результате Моголы оказались вынужденными дробить свои силы между Махараштрой и Карнатиком, что давало маратхам вполне реальные преимущества. Наконец, самое наличие маратхского государя и прямая санкция с его стороны (в виде назначения на должности, предоставления управления той или другой областью, награждения земельным пожалованием и т. д.) давали обличье законности всем действиям маратхских вождей и начальников.

Раджа Рам был номинальным государем: он жаловал в саринджам не принадлежавшие ему земли, так же как назначал своих правителей в области и округа, над которыми не имел и тени власти. Но для маратхских вождей и военачальников, располагавших вполне реальной военной силой, получение подобного назначения или пожалования было и стимулом, и предлогом, чтобы «на законном основании» отвоевать ту или иную провинцию у Моголов и превратить захваченную землю в свое владение на правах вассала Раджа Рама. Об этой практике упомянутый выше маратхский хронист рассказывает: «Все маратхские сардары являлись к радже в Джинджи, и он давал им титулы и начальствование над войсками, жаловал им различные округа, куда им надлежало отправиться (с войсками), разграбить страну и наложить чаутх. Они должны были отправиться туда, найти убежище в лесах и установить свою власть, подобно полигарам, избегая больших сражений и в то же время постоянно употребляя в дело воинов своего контингента... Таким образом, все его (Раджа Рама.—И. Р.) министры и военачальники были счастливы и стали процветать»¹⁵.

Начиная с 1692 г. инициативу захватывают маратхи. Они возвращают себе ряд крепостей в самой Махараштре, разбивают одного за другим нескольких круп-

¹⁵ Ibid., p. 194. См. также кн.: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, London, 1922, p. 79. — Полигар — первоначально мелкий феодал, державший землю и управлявший военно-полицейские функции в окранных округах государства Виджаянагар. После падения Виджаянагара (1565) полигары превратились в независимых владетелей своих полигарств.

ных могольских военачальников, предпринимают удачные рейды и набеги на тылы Аурангзеба, вторгаются в Бerrar, Биджапур, Голконду и другие области Могольской державы, повсюду захватывая добычу и взимая чаутх с населения. В 1693 г. подошедший из Махараштры во главе сильного войска Санта Гхорпаде заставил могольского полководца Зулфикар-хана снять осаду Джинджи. Многие маратхские феодалы, перешедшие раньше на сторону Моголов, снова отвернулись от них (Нима Синдия, Манкоджи Ромухре, Нетаджи Мане и др.). В 1695 г. силы маратхов под начальством Санта Гхорпаде разбили войска могольского военачальника Насим-хана, а несколько позже — Рустам-хана. Успехи маратхов подрывали военный престиж Моголов, ослабляли державу Аурангзеба и тем самым поощряли к выступлению против нее всех недовольных. Более того, между маратхскими вождями и другими враждебными Моголам силами начинает устанавливаться контакт и даже некоторое сотрудничество. При обороне Джинджи и своих карнатских владений Раджа Рам (вернее, его регент Прахлад Нирадж) действовал заодно с местными индусскими полигарами и представителями мусульманской знати Декана, не покоровшимися Аурангзебу. Одновременно маратхи вступили в тесный союз с Пидиа Наиком, владельцем Вагингеры, вождем племени берадов и бывшим вассалом Биджапура, продолжавшим оказывать сопротивление Моголам. Отправляясь в рейд по могольским тылам, маратхи оставляли свои семьи и имущество в Вагингере под защитой Пидиа Наика. В свою очередь и Санта, и Дхана, и другие маратхские вожди стали широко привлекать в свои войска берадов, славившихся по всей Южной Индии как превосходные солдаты-пехотинцы. Прирожденные охотники и меткие стрелки, берады были вооружены длинноствольными мушкетами и отличались стойкостью в бою. В тесном контакте с маратхами действовал раджа Чатра Сал Бундела, поднявший в Бунделкханде восстание против Моголов. Впоследствии маратхские вожди и Чатра Сал не раз предпринимали совместные набеги на Мальву. Этот своеобразный союз маратхских вождей и других недовольных Моголами феодалов, главным образом индусов, облекался в религиозную форму защиты индуизма от гонений Аурангзеба.

К маратхам присоединялись и феодалы, и крестьяне различных соседних народностей Индии. «Крестьяне многих деревень Декана, — сообщает в своем исследовании Саркар, — собирали оружие и лошадей и присоединялись к маратхам в их набегах, а также укрывали в своих домах маратхские семьи от врага на время, пока мужчины ходили в набеги. На местах также создавались подвижные отряды (для налетов и набегов), которые давали многим занятие и открывали наиболее храбрым из крестьян путь к славе и богатству»¹⁶. Нет никаких сомнений, что огромные опустошения деканской войны разорили и выбили из колеи десятки тысяч крестьян, не оставляя им других средств существования, кроме грабежа или нищенства. Это вполне понятно. Но интерес сообщения Саркара заключается в том, что он указывает на симпатии деканских крестьян к маратхам, хотя, если бы дело шло только о грабеже и набегах, они с тем же успехом могли присоединяться к полчищам Моголов. В объяснении этого факта нельзя ограничиваться явлениями религиозного порядка: дескать, крестьяне-индусы становятся на сторону маратхов потому, что те подняли знамя защиты индусов от гонений Аурангзеба. Причина лежала глубже и, на наш взгляд, заключалась в следующем: могольский фиск и могольские джагирдары были основными эксплуататорами и угнетателями крестьянства Декана. В своих налетах и рейдах на деканские субы Могольской державы маратхи грабили города, грабили и сельскую округу. Но маратхи не только грабили. Они наносили удар за ударом могольскому господству, ослабляли военную организацию Моголов, их управленческий и налоговый аппарат, что открывало местному крестьянству более благоприятные возможности для отпора вымогательству и поборам могольских джагирдаров и сборщиков налогов¹⁷. Поэтому, надо полагать, деканское крестьянство предпочитало поддерживать маратхов, а не их противников Моголов в ходе этой долголетней войны. Отноше-

¹⁶ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 443.

¹⁷ Свидетельство могольского хрониста Хафи-хана прямо подтверждает это соображение: «Сильные старшины отдельных деревень, действуя по сговору с маратхами, сооружали небольшие форты и отказывались платить налоги императорскому правительству, в чем они пользовались поддержкой маратхских войск» ([Khafi Khan] *The Muntakhab-ul-lubab of Khafi Khan*, vol. II, Calcutta, 1874, p. 518).

ние крестьянства в свою очередь имело немаловажное значение для конечного исхода моголо-маратхской войны. Перевес явно склонялся на сторону маратхов.

Лично наблюдавший ход событий Мануччи отмечал, что «маратхи, действуя более решительно, чем раньше, разорвали и грабили города, населенные пункты и деревни (в могольском тылу. — И. Р.). Они захватывали и увозили все, что можно было найти, приостанавливая подвоз денег и продовольствия, находившихся на пути к королевскому войску. Королевские войска из-за небрежности, робости или осторожности начальников, не предпринимали ничего, чтобы помешать маратхам. Таким образом, королевское войско страдало столько же от голода, как от участия в боях»¹⁸.

Среди могольской знати продолжалось разложение: Могольские правители и джагирдары в Декане предпочитали откупаться от маратхов, уплачивая им чаутх, чем воевать с ними. В некоторых случаях могольские военачальники, разумеется, оговорив свою долю в будущей добыче, открывали дорогу маратхским набегам и рейдам. В других случаях за крупную взятку, полученную от маратхов, они затягивали на месяцы и даже годы осады крепостей, которыми можно было овладеть в течение нескольких дней. Именно так обстояло дело с осадой крепости Джинджи, где укрывался Раджа Рам. Как уже говорилось, против него был послан один из крупнейших могольских военачальников Зулфикар-хан. «Если бы он хотел, — сообщает индийский хронист Бхим Сен, современник этих событий, — он мог бы взять эту крепость в тот же день, как подошел к Джинджи. Но его тайная политика состояла в том, чтобы, затянув осаду, сохранить армию и собственное вознаграждение и в то же время избежать назначения на ответственную должность в новой кампании»¹⁹. В конце концов в 1698 г. Зулфикар-хан, «почувствовав, что ему грозит немилость Аурангзеба, дал вождю маратов возможность бежать, а потом без труда взял крепость штурмом»²⁰.

¹⁸ N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. III, London, 1907, p. 183.

¹⁹ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 106.—Об этом же говорил Мануччи (N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. III, p. 271).

²⁰ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии...*, стр. 40.

Продолжались бесконечные раздоры и несогласия среди могольских царевичей и военачальников. В могольском лагере под Джинджи дело дошло до открытого столкновения между Зулфикар-ханом и царевичем Кам Бахшем. Опасаясь заговора сыновей и сепаратистских выступлений знати, сам Аурангзеб не доверял никому, кроме шпионов, и натравливал своих сыновей и вельмож друг на друга. Только под личным руководством престарелого падишаха могольские войска были еще способны к активным действиям. За медленно передвигавшимися, тяжелыми на подъем полчищами Моголов подвижные маратхские отряды — по образному выражению современника — смыкались, как вода за веслом. Где бы ни располагал Аурангзеб свой укрепленный город-лагерь, в ближайшем соседстве с ним вызываясь устраивали свою стоянку войска маратхских вождей²¹. По существу, Моголы владели в Махараштре только крепостями и укрепленными лагерями, где располагались их гарнизоны и войска, фактически находившиеся в окружении маратхских сил. От недостатка продовольствия, сопровождавшегося голодом и мором, а равно от постоянных налетов маратхов могольские войска несли тяжелые потери. Мануччи исчисляет их в 100 тыс. воинов и сопровождавших, а также в 300—400 тыс. вьючных животных в год²². Только несогласие маратхских вождей мешало им общим решительным натиском покончить с врагом.

После взятия Джинджи Раджа Рам вернулся на родину, где вскоре умер (1700). С его смертью междоусобица среди маратхов вспыхнула с новой силой. Старшая жена Раджа Рама, энергичная, волевая Тара Баи, провозгласила раджей своего 10-летнего сына Шиваджи. Притязания Шиваджи III на престол поддерживала влиятельная группа маратхских феодалов: Дхана Джадхав, Рамчандра Нилаканта, Парашурам Тримбак и т. д. Другая клика группировалась вокруг второй жены Раджа Рама — Раджас Баи, которая стремилась обеспечить престол своему сыну Самбхаджи II, находивше-

²¹ По свидетельству Хафи-хана, «они (маратхи) грабили караваны на расстоянии 10 косов от императорской армии и даже разграбили хлебный базар при лагере самого падишаха» ([Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 518).

²² N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. IV, London, 1908, pp. 96—97.

мусья в могольском плену. Тара Баи в конце концов удалось добиться признания Шиваджи III раджей. Историограф Аурангзеба Хафи-хан приписывает большое значение деятельности Тара Баи, ставшей регентшей (совместно с Парашурамом Тримбаком) при малолетнем и слабоумном Шиваджи III: «Она взяла в свои руки командование военачальниками, заботу о благосостоянии страны и разорении могольской территории. Она делала необходимые приготовления для отправки войск, предназначенных опустошать шесть суб (могольского) Декана вплоть до Сиронджа и Мандесора в Мальве; она сумела завоевать сердца всех маратхских начальников. Таким образом, все усилия Аурангзеба против маратхов кончались неудачей до последних лет его правления»²³. Несомненно, Тара Баи пользовалась большим авторитетом и играла более активную политическую роль, чем ее покойный супруг Раджа Рам. Но Хафи-хан явно преувеличивает ее значение. В непосредственном распоряжении Тара Баи было несколько крепостей, небольшое количество войск и весьма ограниченные материальные ресурсы. Что же касается крупных маратхских сардаров, то они продолжали действовать на свой собственный страх и риск, мало считаясь с приказами регентов, исходивших от имени Шиваджи III²⁴. Так или иначе, междоусобная борьба за престол, разразившаяся после смерти Раджа Рама, ослабила маратхов перед лицом последнего большого наступления Моголов, начавшегося в 1699 г. под личным командованием Аурангзеба.

На рубеже XVII и XVIII вв. в основных и главных чертах заканчивается процесс складывания крупного феодального землевладения у маратхов. Махараштра фактически распалась на владения отдельных маратхских вождей, или сардаров (Гхорпаде, Джадхав, Бавдекар, Атоле, Повар и т. д.). Наряду с маратхскими сардарами, по большей части превратившимися в крупных феодалов в ходе войны с Моголами, разумеется, продолжали существовать маратхские феодальные дома более раннего происхождения. Последние еще во времена Шиваджи

²³ [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 516.

²⁴ Бхим Сен писал о маратхах того времени: «Среди маратхов не видно большого единства. Всякий называет себя сардаром и самостоятельно отправляется в набеги и на грабеж» (цит. по кн.: J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 198).

признали свою зависимость от него, как, например, Саванты в южном Конкане, Англии на побережье Аравийского моря²⁵.

Складывание крупного феодального землевладения и огромное разорение мирасдаров, составлявших до этого времени ядро маратхских войск, не могло не вызвать изменений в военной организации и тактике маратхов. В 1704 г. Мануччи, хорошо осведомленный и внимательный наблюдатель, отмечал: «Эти маратхские вожди и их войска действуют в настоящее время с полной уверенностью, ибо они внушают страх могольским военачальникам и запугивают их. Сейчас они (маратхи. — И. Р.) располагают артиллерией, мушкетами, луками и стрелами, а также слонами и верблюдами для перевозки своего багажа и палаток... Короче говоря, они передвигаются, как войска Моголов, и снаряжены так же, как они»²⁶. Сообщение Мануччи имеет большое историческое значение. У сардаров Махараштры по образцу Моголов появились и палатки, и роскошная лагерная утварь, и слоны, и верблюды для перевозки всего этого добра и, стало быть, соответственное число лагерьной прислуги, погонщиков вьючного скота, носильщиков и кули. Маратхский лагерь, куда во времена Шиваджи не допускались женщины, а число сопровождавших (небойцов) было строго ограничено, превращался в обычный индийский военный городок-лагерь с его базарами, баядерками, бесчисленными мастерскими ремесленников и лавками купцов; лагерь, где число прислуги и сопровождавших в 5—10 раз превышало число бойцов. Само собой понятно, что указанная перемена не могла не снизить подвижность и маневренность маратхских войск, что раньше столь выгодно отличало их от могольских. Но этим далеко не ограничивалось ее значение. Если во времена Шиваджи маратхские войска главным образом комплектовались на основе своеобразного рекрутского набора, если в разгар народной войны с Моголами они состояли по большей части из партизанских отрядов добровольцев, то в начале XVIII в. вооруженные силы маратхских сардаров все

²⁵ О территориальном делении Махараштры на отдельные феодальные владения в этот период см. в кн.: C. A. Kincaid and D. B. Parashis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 79.

²⁶ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. III, p. 505.

больше пополняются наемниками. Маратхское войско превращается в войско наемников-профессионалов и постепенно теряет и свое прежнее национальное единство, и свой крепкий крестьянский костяк мирасдаров, которых война только на время отрывала от земледельческого труда. Мы вправе предполагать, что в основе складывавшейся военной иерархии маратхских вождей, при которой войска более крупных из них (Дхана Джадхава, Санта Гхорпаде и других) составлялись из многочисленных отрядов, приводимых под их знамена более мелкими подручными вождями (иначе нельзя себе представить, каким образом Дхана в краткий срок собирал 60—80-тысячную армию), лежала иерархия феодального землевладения. Зависимость мелкого феодального владельца от более крупного и сильного определяла их взаимное положение и в военной иерархии маратхских сардаров и начальников. Кто имел больше земли и больше дохода с нее, тот мог нанять и большее количество воинов для участия в набегах и рейдах на владения Великого Могола, тому и доставалась львиная доля добычи. С другой стороны, более могущественные сардары в целях увеличения своих военных сил надеялись своих подручных начальников земель в лен²⁷. Главным условием этого держания было несение военной службы. Ленник содержал на доходы своего лена определенный контингент наемных воинов и выступал с ним в поход по первому требованию сюзерена.

Наступление, начатое в 1699 г. Моголами в Махараштре, не дало положительных результатов. Операции их войск сводились к многомесячному стоянию под стенами маратхских крепостей. Из них только Торна была взята штурмом, в остальных Моголам удавалось лишь подкупать киладаров и за взятку получать от них ключи крепостных ворот. Именно так Моголы овладели Сатарой, Парли, Панхалой, Виталгархом (Кельной), Сингархом (Конданой) и Раджгархом. Впрочем, это были эфемерные успехи, ибо буквально на завтра после отхода главных сил Аурангзеба маратхи вновь занимали свои крепости, не встречая сопротивления со стороны слабых гарнизонов, оставленных здесь Мого-

²⁷ Многочисленные примеры, относящиеся к концу XVII—началу XVIII в., см. в кн.: C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, pp. 141—144.

лами. Аурангзебу приходилось начинать все сначала, что он и делал со свойственным ему маниакальным упорством.

Во время осады Сатары могольская армия находилась в окружении полевых войск маратхов. В ожидании осады гарнизон Сатары сжег траву и посевы на 20—30 км в окружности. Моголы испытывали острый недостаток в продовольствии и фураже. Фуражиры могли выступать из лагеря только под защитой крупных соединений конницы. Одно из них было разгромлено маратхами всего в пяти километрах от лагеря, причем начальник этого отряда Иклас-хан был убит. Силы Дхана Джадхава, Рануджи и других маратхских вождей непрерывно тревожили могольские войска. Когда голод и усталость в лагере Моголов достигли крайнего предела, киладар за взятку в 20 тыс. рупий сдал Сатару Аурангзебу²⁸. Буквально та же история повторилась под стенами Парли. За время этих двух осад Моголы потеряли половину людей и большинство вьючных животных. Почти все верблюды пали. Слонов оставалось всего несколько. Огромные палатки-дворцы могольской знати и их роскошную лагерную утварь не на кого было грузить, и все это пришлось сжечь. У многих джагирдаров не оставалось верховых лошадей, и они брели пешком, увязая в грязи. Скорость передвижения отступавшей армии Аурангзеба не превышала 3—4 км в день. Расстояние в 90 км до главной ставки Аурангзеба в Бхушнагаре было пройдено за 35 дней. В дополнение ко всем несчастьям в октябре 1700 г. наводнение неожиданно залило могольский лагерь, причинив Моголам тяжелые потери. Почти весь 1701 год Аурангzeb простоял под стенами Панхалы. И здесь Моголы, осаждавшие крепость, в свою очередь оказались в окружении маратхских полевых войск и терпели постоянный недостаток в продовольствии и фураже. Несмотря на личное присутствие Аурангзеба, продолжались распри и несогласия между могольскими военачальниками, исключавшие самую возможность правиль-

²⁸ Моголы умели не только давать, но и брать взятки. Во время осады царевич Азам, сын Аурангзеба, за соответствующую мзду пропускал в осажденную Сатару маратхские обозы с продовольствием (С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 100).

ного ведения осады. В конце концов подкупленный Моголами киладар открыл им ворота Панхалы. В 1702 г. Аурангзеб в течение шести месяцев осаждал Кельну. На Зулфикар-хана была возложена задача отгонять и преследовать маратхские летучие отряды, мешавшие осаде. После нескольких месяцев непрерывных преследований, маршей и контрмаршей всадники Зулфикар-хана остались без лошадей и превратились в пехотинцев. Не осталось у него и вьючных животных для обоза. Не лучше обстояли дела у самого Аурангзеба. Он уложил под стенами Кельны больше 6 тыс. воинов, но ничего не добился. Моголов и на этот раз выручила взятка. Кельна капитулировала в июне 1702 г., когда в Махараштре уже начались муссонные дожди. Преследуемые по пятам маратхами, Моголы медленно отходили в Панхалу. На то, чтобы покрыть расстояние в 60 км, им понадобилось ровно 35 дней! Не было палаток, не было вьючного скота, не было продовольствия, не было топлива для разжигания костров и приготовления пищи. Даже для Аурангзеба не находилось палатки. Люди гибли тысячами. Лишь жалкие остатки совершенно деморализованного могольского войска добрались до Панхалы. Кампания 1704 г. по своим плачевным результатам для Моголов ничем не отличалась от военных действий двух предшествовавших лет. В 1705 г. Аурангзеб после длительной осады взял Вагингеру, столицу Пидиа Наика, вождя берадов. Но это была полупобеда, потому что Пидиа Наик с помощью подошедших многочисленных отрядов маратхов сумел благополучно вывести из Вагингеры не только свои войска, но и столичных жителей. Аурангзебу достался пустой город.

Пока Аурангзеб с огромной затратой материальных и людских ресурсов продолжал ставшую совершенно бессмысленной войну в Махараштре, буквально мостя костями людей и вьючных животных пути и дороги Декана, маратхи проникали все дальше в глубь могольской территории. В 1699 г. маратхская конница впервые переправилась через Нарбаду и вторглась в Мальву. В 1703 г. 50-тысячный отряд маратхской конницы под начальством Нимаджи Синдия в течение 3—4 месяцев опустошал Мальву и Берар. Всякая связь между императорской ставкой и Индостаном была прервана. В 1706 г. последовал налет 80-тысячной маратхской

кавалерии во главе с Дхана Джадхавом на Гуджарат. Маратхи сначала уничтожили войска могольского субадара и взяли его самого в плен, а затем собрали чаутх со всей провинции, не встречая никакого сопротивления. Одновременно они вторглись в Кхандеш, Берар, Аурангабад и другие области могольского Декана. Маратхские набеги, крестьянские восстания, рост феодального сепаратизма привели к тому, что дороги стали небезопасными и торговля полностью прекратилась. «Наступило время, когда даже императорская почта доставлялась в отдаленные места переодетыми шпионами, ибо для обычных курьеров не хватало конвоя. Под конвоем перевозились только правительственные грузы и личное имущество сановников; передвижение торговых караванов стало невозможным»²⁹.

Империя распадалась. Не прекращались волнения на афганской границе. В Раджпутане и Бунделкханде шла вооруженная борьба с Моголами. В Пенджабе грозно поднималась крестьянская война сикхов. В столичном округе Агра — Дели могольские власти были не в силах подавить восстания джатов. В Бенгалии и Гуджарате происходили сектантские движения (в первой — санияси, во второй — бохров), враждебные могольскому государству. Отмечались и многочисленные хлебные бунты в городах. Одновременно усиливался феодальный сепаратизм. Местные субадары (за исключением немногих) перестали отчислять Аурангзебу положенную долю провинциальных доходов, ссылаясь на громадное падение поступлений. Джапирдары в свою очередь отказывались выставлять положенные воинские контингенты для службы падишаху. Окруженный со всех сторон маратхскими отрядами, Аурангzeb был в значительной мере предоставлен собственным силам. Он получал из Северной Индии все меньше денег и людей, а временами, и притом надолго (на 4—6 месяцев), вообще терял всякую связь с Индостаном. В таких условиях нельзя было продолжать войну с маратхами, и это наконец понял сам Аурангzeb. Преследуемый превосходящими силами маратхов, он начал медленный отход на север, к Ахмеднагару. Его здоровье быстро слабело. Последние дни жизни Аурангзеба были омраче-

²⁹ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. V, p. 444.

ны новыми успехами маратхов и раздорами между его сыновьями, готовившимися начать войну за престол. Перед смертью он понял, что все усилия его пятидесятилетнего царствования — спасти державу Моголов и укрепить господство крупных мусульманских феодалов над Индией — окончились полной неудачей. «Я не знаю, кто я и что я делал», — писал Аурангзеб своему сыну Азаму. И дальше: «Драгоценная жизнь ушла неизвестно на что... Все солдаты чувствуют себя беспомощными и беспокойными подобно мне, трепещущему, как ртуть, перед последним расставанием»³⁰ Со смертью Аурангзеба (20 февраля 1707 г.) ускорился распад державы Великого Могола. Она более не представляла угрозы для Махараштры и, наоборот, сама стала объектом захватнических войн маратхских феодалов. Так, в начале XVIII в. разгромом Моголов и изгнанием их из Махараштры окончилась полувековая освободительная борьба маратхского народа против чужеземных завоевателей. Эта победа, равно как завершение процесса складывания крупного феодального землевладения и военно-ленной системы, открыла новую страницу в истории маратхов.

³⁰ Ibid., pp. 259—260.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СИКХОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—НАЧАЛЕ XVIII в.

Наиболее крупным из крестьянских выступлений в Индии конца XVII — начала XVIII в. было восстание сикхов в Пенджабе. Причины, толкнувшие пенджабское крестьянство на восстание, кроются в том общем кризисе, который переживало в конце XVII — начале XVIII в. могольское государство. Сущность этого кризиса, как указывалось выше, заключалась в интенсификации феодальной эксплуатации, вызванной в значительной степени проникновением товарно-денежных отношений в деревню. Как близлежащая к столичному району провинция, Пенджаб, так же как район Дели — Агра, наиболее часто подвергался различным экстраординарным поборам, что увеличивало остроту классово-вой борьбы.

Однако крестьянское антифеодальное направление далеко не сразу приобрело в сикхизме преобладающее значение. С одной стороны, господство феодалов и суровая феодальная эксплуатация крестьян препятствовали развитию простого товарного хозяйства в деревне, что суживало возможность крестьянского производства на рынок. С другой стороны, произвол и насилия феодалов в отношении торгово-ремесленного люда городов лишали горожан элементарной гарантии жизни и имущества, одного из решающих условий буржуазного приобретения. Господство феодалов было основным препятствием для развития новых производственных отношений, эпизодические элементы которых отмечаются в Индии с XVI столетия.

Первоначальный сикхизм отражал чаяния и настроения городских слоев и притом не плебейства, а более зажиточных торговцев, ремесленников и ростовщиков. Они тоже страдали от феодального произвола, их

жизнь и имущество не были в безопасности; они прятали свои богатства и зачастую ходили в отрепьях, дабы не привлекать опасного внимания могольских властей. Отсюда оппозиционные настроения, зародившиеся среди этой прослойки горожан (своеобразных предшественников буржуазии), отсюда и критическое их отношение к существовавшим феодальным порядкам и протест против них. Вместе с тем эти слои горожан были в какой-то мере связаны с господствующей феодальной верхушкой, зачастую выступая в качестве ростовщиков, откупщиков налогов и купцов, пособниками и соучастниками феодальной эксплуатации¹. Отсюда половинчатость, нерешительность антифеодального протеста зажиточной городской торгово-ростовщической прослойки, отсюда эклектизм и противоречивость идеологии первоначального сикхизма, являвшиеся выражением слабости этих предшественников индийской буржуазии, выступавших в оппозиции к феодальному строю, но в то же время отказывавшихся от подлинно революционной борьбы против него. Только могучий подъем начавшегося значительно позже крестьянского движения увлек за собой горожан в общий поток антифеодальной борьбы, изменил состав участников секты, ее идеологию, самые цели и характер выступлений сикхов.

Сикхизм возник в начале XVI в. как секта индуизма. Его родиной был Пенджаб (северо-запад Индии).

¹ Довольно много данных о «сотрудничестве» торгово-ростовщической верхушки с могольской знатью на почве совместных торговых операций, различных откупов и монополий приводит индийский ученый Д. Пант (D. Pant, *The commercial policy of the Moguls*, Bombay, 1930, p. 182). Эти же факты можно в изобилии найти у европейских путешественников, побывавших в Индии в XVII в. Самым прибыльным делом было ростовщичество. Это подметил еще Пельсерт: «В Агре самые богатые люди—это те, кто главным образом занимается отдачей денег в рост, — дело, не являющееся порочащим для индусов, а только для мусульман (хотя, по правде, они достаточно часто им занимаются); верная прибыль от ростовщительства превосходит доходы предприимчивого купца» (F. Pelsaert, *Jahangir's India*, Cambridge 1925, pp. 28—29). Участие в феодальных монополиях (например, по скупке индиго), откуп налогов, ростовщические операции, внешняя торговля, а несколько позже финансирование грабительских феодальных войн и скупка добычи—таковы были основные источники накопления крупного торгово-ростовщического капитала в Индии в XVII в. (см.: B. Bhargava, *Indigenous banking in ancient and medieval India*, pp. 29—31, 148).

Основатель этой секты, первый гуру сикхов (гуру — духовный руководитель или учитель, сикх — буквально: ученик) — Нанак (1469—1538) был сыном мелкого купца, сам торговал хлебом, а затем служил у наместника Пенджаба Даулат-хана, заведя складом зерна². Что касается учеников Нанак, то первые достоверные известия рисуют их религиозный, профессиональный и сословно-кастовый состав следующим образом: «...он (Амар Дас, третий гуру сикхов; был главой секты в 1550—1574 гг. — И. Р.) рассаживает всех своих

² Ср. L. R. Krishna, *Les sikhs. Origine et développement de la communauté*, Paris, 1933, pp. 27—28. — Л. Р. Кришна считает Нанак кхатрием по касте, купцом по своему социальному положению. То, что Нанак был торговцем и происходил из касты кхатриев, подтверждает и Файз Мухаммед в своем «Светоце истории». По утверждению этого автора, отец Нанак был богатым человеком (ماحب ثروت). См. работу Файз Мухаммеда: سراج: بیض محمد، التواریح، جلد اول سنه ۱۹۳، صفحه ۳۲. (далее — Файз Мухаммед, *Светоц истории*). Более подробная биография Нанак, составленная в духе жития святых, приводится в книге Маколиффа (M. A. Macauliffe, *The Sikh religion. Its gurus, sacred writing and authors*, vol. I, Oxford, 1909) Маколифф приписывает Нанак кшатрийское происхождение, стараясь «облагородить» основателя секты. На самом деле он был выходцем из пенджабской торгоровщицеской касты кхатри (کھتریان), что и послужило удобным предлогом причислить его к кшатриям. Современник сикхских восстаний конца XVII—начала XVIII в. Хафи-хан определенно указывает на наличие в составе секты кхатриев. Он писал, что большая часть сикхов «была из племени джатов (جئات)، а меньшинство — из кхатри Пенджаба (کھتریان) и других подонков племени неверных» ([Khafi Khan], *The Muntakhab-ul-lubab of Khafi Khan*, vol. II, Calcutta, 1874, p. 765). Когда Банда, вождь сикхского восстания (1710—1715 гг.), был захвачен в плен, то именно кхатри (کھتریان), тайные члены секты из числа богатых делийских купцов, пытались спасти его жизнь, внося крупный выкуп вазиру Моголов Амин-хану (ibid., p. 76). Ирвин категорически утверждает: «Все гуру принадлежали к тому или другому подразделению кхатри, которые в настоящее время сосредоточиваются главным образом в Пенджабе... Этимологически наименование „кхатри“ несомненно произошло от второй, или воинской, варны четырех подразделений Ману—кхатриев; однако в течение многих поколений кхатри являлся не солдатом, но банкиром (вернее, менялой или ростовщиком. — И. Р.), мелким торговцем или писцом на правительственной службе. Канцелярии Могольской империи были полны ими» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, Calcutta, 1921, p. 82). О происхождении Нанак Ирвин пишет: «Имя его отца было Калу, он был кхатри и принадлежал к подразделению Беди, а по роду занятий был пагвари, или деревенским писцом» (ibid., p. 73).

последователей в ряд и заставляет их вкушать пищу из своей кухни, не считаясь с кастой, независимо от того, являются ли они джатами, бродячими певцами, мусульманами, брахманами, кшатриями, торговцами, мещанинами, сторожами или плотниками»³. О том, что большинство сектантов составляли джаты, указывал в начале XVIII в. Хафи-хан⁴.

Джаты — основная земледельческая каста Северо-Западной Индии. Огромное большинство джатов — крестьяне⁵. Очевидно, уже при первых гуру в составе сикхов были крестьяне, но, как можно судить на основании приведенного выше свидетельства очевидца-совре-

³ Из жалобы пенджабских брахманов, поданной падишаху Акбару на действия третьего гуру сикхов Амар Даса. Цит. по работе Маколиффа (M. A. Macauliffe, *The Sikh religion. Its gurus, sacred writing and authors*, vol. II, Oxford, 1909, p. 105).

⁴ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 765.

⁵ Относительно джатов Пенджаба Иббетсон пишет: «С экономической и административной точки зрения он (джат. — И. Р.) является по преимуществу земледельцем, крестьянином и плательщиком налога в этой провинции» (D. Ibbetson, *Outlines of Panjab ethnography*, Calcutta, 1883, p. 222). Это подтверждают и более поздние данные: «Джат обязательно является земледельцем, в особенности же в этой части Индии (речь идет о Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции. — И. Р.), и на вопрос о кастовой принадлежности он так же часто ответит: крестьянин, как и джат, ибо в этом смысле оба эти наименования употребляются как синонимы» (H. A. Rose, *A glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West frontier province*, vol. I, Lahore, 1919, p. 13). Этот же автор пишет о джатах центрального Пенджаба: «Эти суровые, крепкие крестьяне, обладающие большой независимостью и предприимчивостью, а также высоким земледельческим мастерством, представляют в целом едва ли не лучших земледельцев всей Индии» (ibid., p. 229). Так оно и было, пока английские колонизаторы не превратили огромное большинство джатов в лишенных земли нищих издольщиков и пауперов. Разбросанные на значительных пространствах Северо-Западной Индии, джаты не обладали национальной общностью, говорили на различных языках: в Раджпутане — на раджастхани, в Пенджабе — на пенджаби, а в Северо-Западной пограничной провинции и в Белуджистане многие местные джаты говорили на пушту и белуджском языках. Ирвин следующим образом определяет границы расселения джатов: «Район, который они занимают, был бы обрисован линией, проведенной на восток от реки Инда так, чтобы включить часть Синда вместе со всем Марваром и Меваром в Раджпутане, а затем по Чамбалу и Джамне, захватывая часть верхнего двуречья Джамны — Ганга, вплоть до Музаффарнагара, пересекая отсюда границу Карнала и следуя далее на север до предгорий Гималаев... Во всей этой обширной области джаты составляют основу земледельческой общины» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, pp. 82—83).

меңника, основную массу ранних последователей Нанак все же составляли обитатели городов — мелкие торговцы и ремесленники. Именно на почве индийского города, в среде его торгово-ремесленного населения, возникло в позднее средневековье то религиозно-реформаторское течение бхакти⁶, чьим непосредственным продолжением и развитием являлся сикхизм. Академик А. П. Бараников считает ткача Кабира (1440—1518), одного из ведущих деятелей бхакти, учителем и вдохновителем Нанак⁷. Вместе с тем сикхизм испытал влияние ислама, в частности суфийских течений. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что в священной книге сикхов Ади грантхе (Изначальная книга), или Грантх сахибе (Господин-книга), составленной при гурӯ Арджуне (1581—1606), наряду с гимнами гурӯ сикхов содержатся многочисленные произведения Кабира и других учителей бхакти, а также стихи и поучения суфийских шейхов, в том числе шейха Фарид⁸. Влияние религиозных орденов ислама, широко распространенных среди

⁶ А. М. Дьяков пишет о движении бхакти: «Движение это было движением городских ремесленников и торговцев, движением тех слоев, из которых выросла буржуазия Индии. Среди виднейших деятелей этого движения, виднейших поэтов этого направления, было очень мало браминов, а наиболее влиятельные его деятели были выходцами из среды низших, ремесленных каст и даже из среды неприкасаемых» (А. М. Дьяков, *Национальный вопрос и английский империализм в Индии*, М., 1948, стр. 62). Б х а к т и — преданность, любовь к богу.

⁷ Тулси Дас, *Рамаяна*, М.—Л., 1948, стр. 13. — Характерно, что о Нанаке, так же как о Кабаре, передают легенду, что после его смерти между индусами и мусульманами возник спор, по какому религиозному обряду хоронить покойного, и тогда останки Нанак чудесно превратились в груды цветов. Половину их индусы предали сожжению, а другую половину мусульмане похоронили в земле (Н. А. Rose, *A glossary...*, vol. I. p. 681).

⁸ Влияние суфиев на развитие сикхизма, по вполне понятным соображениям, всячески выпячивают и преувеличивают представители мусульманской феодально-ортодоксальной историографии. В характеристике упомянутого Файз Мухаммеда сикхизм представляется чем-то вроде второго издания ислама. Этот автор сводит роль Нанак к тому, что тот «перевел на пенджабский язык учение и науку нации ислама» (Файз Мухаммед, *Светоч истории*, т. I, стр. 32). В то же время замечание Файз Мухаммеда, что отношения между сикхским гурӯ и его учениками представляют близкую параллель с практикой религиозных орденов ислама, заслуживает всяческого внимания.

мусульманского населения Индии, по-видимому, сказалося и на внутренней организации секты сикхов.

Нельзя забывать, что в Пенджабе, где около половины населения принадлежало к числу мусульман, а остальные придерживались индуизма, трудящиеся массы обеих религиозных общин жили в самой тесной и постоянной связи, мало чем различаясь между собой в быту и по культуре. У сикхов Пенджаба ничем не ограниченная власть гуру над телом и душой его последователей почти не отличалась как от практики индуизма (полное подчинение ученика своему духовному учителю), так и от отношений, которые существовали между мусульманским шейхом, или муршидом, и его учениками или мюридами. «В их (сикхов. — И. Р.) словопотреблении гуру равнозначно муршиду (مرشد), и на языке Пенджаба мюрид (مريد) называется сикхом»⁹, — верно подметил анонимный афганский хронист конца XVIII в. Действительно, всякий член секты был обязан слепо повиноваться гуру сикхов. Ади грантх ставит следующие требования перед каждым сикхом: «Стать учеником — это значит как бы стать мертвым... ученик должен быть терпеливым, преданным, обладать духом мученика, освободиться от предрассудков и страха. Он должен быть подобен купленному за деньги рабу, готовым нести ярмо любой работы, способным послужить на пользу его гуру»¹⁰. Как передает тот же источник, Нанак, испытывая своего ученика и будущего преемника Лахину, заставлял его выполнять самые нелепые и бессмысленные работы и даже питаться мясом трупов. «Лахина повиновался приказам гуру, не рассуждая, нужно ли это, или не нужно»¹¹.

Ади грантх ставит Лахину в пример и образец всем сикхам. Правильная организация и полное подчинение власти гуру являются существенным, но далеко не един-

⁹ «Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkah-i Sikhan». An English translation with introduction and notes by S. Banerjee, Calcutta, 1942. — Банерджи датирует этот источник 1783 г. и приписывает его авторство афганскому шаху Тимуру (1773—1793 гг.).

¹⁰ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion. Its gurus, sacred writings and authors*, vol. IV, Oxford, 1909, p. 245.

¹¹ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...* vol. II, p. 26.

ственным отличием, выделявшим сикхов среди остальных течений бхакти.

Идеология раннего сикхизма, подобно другим течениям бхакти, отличалась внутренней противоречивостью и носила печать электизма. Так, например, гуру сикхов разделяли представление ортодоксального индуизма о майе, т. е. о нереальности, иллюзорности существующего мира. Гуру Арджун высказывался о майе совершенно в духе правоверного брахмана, провозглашая, что майя в радости и в горе; майя в небесах и в аду; майя в богатстве и бедности; майя в семейной жизни и в убежище отшельника; майя в касте, в занятиях и в поведении человека¹². Учение о майе было одним из главных рычагов идеологического воздействия эксплуататоров-феодалов на массы трудящихся: раз все иллюзия, то бедность, гнет, эксплуатация — тоже иллюзия, и всякая борьба против социального зла тем самым объявлялась бесполезной и ненужной.

Одно из противоречий сикхизма заключалось в том, что, принимая учение о майе, гуру сикхов одновременно выступали с критикой феодального гнета и призывали людей не мириться со своей жалкой судьбой. Ади грантх говорит о том, что «правители — несправедливы, а их вельможи — мясники, которые держат нож у горла людей»¹³; о том, что правители «везде угнетатели. Забор, вместо того чтобы обрадовать поле, уничтожает посев»¹⁴. Другое глубокое противоречие идеологии сикхов заключалось в том, что они принимали учение о карме, о сансаре, о 8 400 000 перевоплощениях всякой души; о том, что человек рождается в высокой или низкой касте в зависимости от греховности или благодетельности своего прежнего существования, о том, что социальное положение людей определяется их заслугами или проступками в их прежних воплощениях, — и в то же время выступали против кастовых делений и за равенство людей. Противоречие тем более разительное,

¹² М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. II, pp.139—141.— Совершенно так же, по представлению Тулси Даса, вражда и дружба, соединение и разлука, рай и ад, жизнь и смерть, благо и зло одинаково представляются порождением майи, иллюзиями (ср.: Тулси Дас, *Рамаяна*, стр. 456).

¹³ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. I, p. 191.

¹⁴ *Ibid.*, p. 193.

что именно закон кармы и учение о перевоплощении душ являются важнейшим идеологическим обоснованием сословно-кастовой системы индусского феодального общества. На основе учения о перевоплощении душ каждый из девяти сикхских гуру, следовавших за Начанком, объявлялся новым земным воплощением его души, «подобно тому как огонь передается от светильника к светильнику»¹⁵. Вместе с этим сикхи провозглашают равенство людей перед богом, осуждают касту и кастовое деление. Позднейший сикхский вероучитель Бхай Гурдас писал о том же Нанаке, что он «слил воедино четыре варны, провозгласил духовное равенство между королем и нищим, учил их уважать друг друга»¹⁶.

В противовес ортодоксальному индуизму, учившему, что спасение лежит в знании священного закона, доступного лишь высшим кастам, и его исполнении (т. е. в слепом подчинении низших каст высшим), сикхизм, подобно другим течениям бхакти, провозглашал всех людей равными перед богом, а спасение доступным всем людям. Пусть в замаскированной, заумно-религиозной форме, но тем самым провозглашался антифеодальный принцип равенства людей. Раз они равны перед богом — значит, они равны между собой. Это была революционная идея, хотя ранние сикхи, подобно Кабиру, еще не делали из нее далеко идущих выводов, лишь частично переносили этот принцип на отношения людей между собой в производстве, в общественной жизни, не призывали к насильственной борьбе за уничтожение феодальных порядков и установление равенства людей не перед богом, а между собой, здесь, на земле.

Первоначальный сикхизм являлся сугубо мирным течением, отвергавшим насильственную борьбу. «Не сражайтесь другим оружием, только словом божьим», — учил Нанак¹⁷. Ему вторил гуру Арджун, наставляя сикхов: «Не имей ни к кому враждебности» и «Будь песком под ногами всякого»¹⁸. Когда могольские власти

¹⁵ J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs from the origin of the nation to the battles of the Sutlej*, Oxford, 1918, p. 368.

¹⁶ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 242.

¹⁷ Ibid., p. 45.

¹⁸ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion. Its gurus, sacred writing and authors*, vol. III, Oxford, 1909, pp. 190, 191.

забрали себе жирпич, приготовленный сикхами для облицовки пруда около основанного Арджуном города Тар-Тарана, этот гуру заклинал своих последователей воздержаться от всякого насилия или враждебности к могольским феодалам. Именно по указанному случаю он восхвалял перед сикхами непротивленческую «мудрость» шейха Фарида и всячески рекомендовалим следовать по его пути. Последний же учил: «Фарид, отвечай добром на зло, не давай места гневу в своем сердце»¹⁹ — и дальше: «Смирение — моя палица; а мой обоюдоострый меч — сознание, что я песок под ногами всех и каждого из людей»²⁰.

Сикхизм звал подчиняться властям и выполнять их приказы. Еще Нанак объявил, что власть завоевателя Бабура, основавшего в 1526 г. династию Великих Моголов в Индии, идет от бога²¹. Нанак же учил: «Если правитель пустит в обращение деньги, сделанные из кожи, то подданные бессильны и обязаны принимать их»²². Не удивительно, что могольские падишахи, сначала Бабур, а в особенности Акбар, покровительствовали гуру сикхов, предоставляя им земельные пожалования (видимо, союргали) и освобождая сикхов от уплаты некоторых налогов. Покровительство со стороны Акбара было обусловлено и тем, что призыв сикхских гуру к сближению мусульман и индусов и отказу их от религиозной нетерпимости целиком соответствовал политическим видам этого выдающегося могольского государя.

При всем том сикхизм не был пестрой эклектической мешаниной, смесью различных внешних влияний и заимствований. Сикхизм был не только продолжением, но и развитием идей бхакти, он имел свое собственное лицо. От других течений бхакти сикхов отличал

¹⁹ Ibid., p. 29.

²⁰ Ibid., p. 88. — Сравни это высказывание с поучением гуру Амар Даса. На вопрос учеников, долго ли сикхам терпеть гнет Моголов, этот гуру ответил: «Терпите всю вашу жизнь, ибо религия добра запрещает месть, нет лучшего ощущения, чем терпение; высшее счастье в терпении, нет долга более высокого, чем прощение, нет более острого оружия, чем снисходительность».

²¹ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. I, p. 117.

²² М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 133. — Деньги из кожи — деньги, сделанные из кожи священного для индусов животного — коровы.

строгий монотеизм, отказ от сложной обрядности и почитания каких-либо внешних форм божества. Сикхи отвергали всякого рода паломничество к «святым местам», религиозные убеждения сикхов носили определенный отпечаток пуританизма. Сикхи отвергали равным образом необходимость духовенства, выступающего в качестве монопольного посредника между человеком и божеством. Ни «живые боги» — брахманы, ни представители мусульманского духовенства не пользовались ни малейшим авторитетом или признанием в глазах этих сектантов. Гуру сикхов начиная с Нанака сурово осуждали пристрастие к роскоши, продажность и лицемерие как мусульманского духовенства, так и брахманского жречества, клеймили мулл и брахманов, как обманщиков и корыстолюбцев. Еще одна важная черта сикхизма заключалась в решительном осуждении всякого ухода от мира и жизни, во имя спасения через отшельничество, умерщвление плоти. Ади грантх указывает: «Лучше вести жизнь семейного человека, помогающего другим, чем облечься в одежду аскета»²³. И в другом месте: «Благодаря лицемерной набожности и аскетизму человек остается ограбленным на этой стороне (т. е. в этом мире. — *И. Р.*)»²⁴. Сикхизм первоначально также выступал против многих варварских обычаев и суеверий индуизма: сожжения вдовы на погребальном костре мужа (сати), умерщвления младенцев женского пола, практиковавшегося в знатных брахманских и раджпутских семьях, а в особенности же против отверженного состояния низших, «неприкасаемых» каст²⁵.

Сикхизм с самого своего возникновения выступал за уравнивание в общественных правах всех вступающих в секту, а успешное развитие антифеодальной борьбы сикхов в XVIII в. имело своим результатом некоторое улучшение как экономического, так и общественного положения низших каст Пенджаба. Самый образ верующего сикха времен Нанака и первых гуру рисуется

²³ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. II, p. 37.

²⁴ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 158. — Сравни также М. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 265: «Тот, кто отказывается от родителей, чтобы совершать покаяния в лесу, не найдет спасения».

²⁵ Об отрицательном отношении первоначального сикхизма к сати и к умерщвлению новорожденных девочек см.: Н. А. Rose, *A glossary...*, vol. 1, p. 682.

нам в виде мирянина, доброго семьянина, правильно исполняющего свои обычные обязанности и занятого торговлей или ремеслом. Во многих образах и сравнениях, охотно и часто употреблявшихся сикхскими гуру, чувствуется что-то от прилавка. По-видимому, эти образы действительно зародились в торговой среде. Так, гуру Арджун утверждает, что «жизнь без бога подобна торговле без денег»²⁶. В другом месте Али грантха мы читаем: «Те обладают действительным богатством и являются истинными купцами, кто ведет дела с богом и чей товар — святое имя бога»²⁷. Участникам этой торговли, разумеется, обещаются и соответственные блага.

Самый состав участников сектантского движения (главным образом горожане, торговцы, ростовщики, ремесленники), равно как его идеология, убеждают нас, что ранний сикхизм выражал интересы торгово-ремесленных слоев пенджабского города. Выступления сикхских гуру против брахманов и мулл, против касты, против сословно-кастовой иерархии и привилегий наносили удар за ударом по идеологическим основам феодального строя и подрывали его. Именно эта сторона учения сикхов и привлекала к ним широкие круги обездолченных и эксплуатируемых города и деревни. Их, разумеется, не удовлетворяло провозглашенное сикхами равенство людей перед богом, они искали равенства на земле, подымались на борьбу против светских и духовных феодалов. Ранний сикхизм осуждал и дискредитировал феодальные порядки и в этом смысле сыграл большую положительную роль. Однако первые сикхские гуру, видимо отражая интересы зажиточных, собственнических слоев горожан, оставались решительными сторонниками классового мира. Из арсенала индуизма они сохранили про запас столь полезные и испытанные в деле обмана и одурманивания масс идеи майи и кармы, они призывали своих последователей к смирению и подчинению властям и проповедовали мир-

²⁶ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 148. — Гуру Амар Дас на вопрос одного из сикхов (последний был по профессии ростовщиком): «Что мне делать для спасения души?» — ответил: «Открыть меняльную лавку в Дели». Этот диалог приведен в кн.: T. Singh and G. Singh, *A short history of the Sikhs*, vol. I, Bombay, 1950, p. 25.

²⁷ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 186.

ные, ненасильственные пути для достижения поставленной задачи. Дальнейшее развитие идеологии сикхов определялось главным образом подъемом массовой антифеодальной борьбы крестьян и ремесленников в конце XVII в.

Прежде чем перейти к этим событиям, необходимо кратко остановиться на важнейших моментах истории сикхов до этого времени.

Уже при втором гуру — Ангаде, или Дахне (1538 — 1552) сикхи отказались от использования непонятного народу санскрита в качестве письменного литературного языка. Санскрит был заменен живым, разговорным пенджаби. Для него был составлен особый алфавит — гурмукхи, имевший 35 букв в отличие от 52-буквенного санскритского алфавита. Значение этой реформы наглядно выясняется из следующей дискуссии между учеными брахманами и сикхским вероучителем Гурдасом. На утверждение пандита о преимуществах санскрита перед «грубым» разговорным языком Гурдас ответил: «Гуру пользовались разговорным языком для того, чтобы передать свои мысли людям. Санскрит же всего только язык жрецов. Живой разговорный язык предшествовал санскриту и унаследует ему»²⁸. На возражение брахманов, что санскрит — язык божественного происхождения, сикх ответил: «Бог не имеет тела и не может разговаривать. Санскрит не им создан. Санскрит можно найти только в книгах, и поэтому он — мертвый язык. Это дерево, которое больше не приносит плодов, в противоположность живому языку, который является деревом, приносящим плоды. Люди любой касты могут читать на этом языке, не то, что на вашем санскрите, изучение которого вы запрещаете женщинам и людям низких каст»²⁹.

При ближайших преемниках Нанак секта получила строгую организацию. По месту своего жительства сикхи разделились на 22 территориальных округа, во главе которых были поставлены уполномоченные от гуру, так называемые масанды. Главной обязанностью масандов был сбор с каждого сикха части его ежегодного дохода (обычно $\frac{1}{4}$) в пользу гуру. «Подобно тому

²⁸ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 136.

²⁹ Ibid.

как император Акбар управлял своей империей при посредстве наместников областей, так гуру Амар Дас разделил сикхскую духовную империю на 22 округа», — отмечает английский исследователь Маколифф³⁰. Пользуясь земельными пожалованиями и налоговыми льготами от могольской власти, собирая значительные доходы с членов секты, гуру сикхов превратились в богатых и влиятельных духовных феодалов. Их местопребыванием стал город Амритсар с его великолепным «золотым храмом». Амар Дас превратил власть гуру в наследственную в своем роде и таким образом явился основателем династии сикхских духовных властителей. Уже при одном из ближайших преемников Амар Даса — Арджуне был провозглашен принцип божественности гуру, увеличивавший их и без того огромную власть над членами секты. «Знайте, что бог и гуру одно и то же», — этот стих, занесенный Арджуном в Ади грантх, в дальнейшем истолковывался в том смысле, что гуру является живым воплощением бога³¹. Арджун располагал значительными доходами. Часть их он распределил между своими братьями. Предоставив некоторые налоги, а также ренту с городской недвижимости брату Притхия, а таможенные сборы одного из кварталов Амритсара — второму брату Махадеву, себе Арджун оставил сбор, поступающий гуру от членов секты³². Арджун также участвовал в торговле лошадьми, закупая их в Афганистане и Средней Азии для продажи в Индии³³. Гуру сикхов, располагавшие тысячами дисциплинированных последователей, имевшие в своем распоряжении несколько городов (Амритсар, Тар-Таран и др.) и обширные земли, не говоря о крупных денеж-

³⁰ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. II, p. 151. — Более мелкими подразделениями сикхов управляли так называемые меора, в свою очередь находившиеся в подчинении у масандов. Так в секте сложилась целая иерархия: гуру — масанды — меора. См. об этом: Н. А. Rose, *A glossary...*, vol. I, pp. 682—683. Об обязанностях масандов см.: [Khafi Khan], *The Muntakhab-ul-lubab...*, vol. II, p. 761.

³¹ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 285.

³² М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 2.

³³ «Арджун не зарекался и от других средств приобрести богатство и влияние; он отправлял своих последователей в зарубежные страны, чтобы они проявили себя столь же энергично в торговле, сколь они тверды в вере; вероятно, его сделки как купца были обширны, хотя они и ограничивались покупкой лошадей в Туркестане» (J. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 52).

ных средствах, становились важной политической силой в Пенджабе. Во время усобицы, разразившейся в Индии после смерти Акбара, Арджун оказал поддержку мятежному царевичу Хосрову, восставшему против своего отца — нового падишаха Джахангира. Когда восстание было подавлено, Джахангир вызвал Арджуна к себе, наложил на него денежный штраф в 2 лаха рупий и приказал ему изъять из Ади грантха все места, враждебные ортодоксальному исламу и индуизму. Гуру ответил отказом и был подвергнут пытке, во время которой умер³⁴. Перед смертью Арджун завещал своему преемнику Хар Говинду: «Пусть он воссядет на трон в полном вооружении и содержит такую армию, которую только возможно будет иметь на все его средства, пусть он во всем следует образу действий предшествующих гуру, за исключением ношения оружия, которое настоящим вменяется сикхам в обязанность»³⁵. Тем самым Арджун покончил с мирной, непротифленческой политикой Нанака и призвал сикхов к оружию.

Гуру Хар Говинд (1606—1645), приняв наименование «истинный государь» (Саха падишах), сосредоточил в своих руках всю полноту светской и духовной власти, в знак чего носил у пояса два меча. Он объявил: «Я должен изменить установления сикхов и защищать своих последователей с оружием в руках»³⁶. Доносчик Чанду сообщал императору Джахангиру следующее о мятежных действиях Хар Говинда: «Его предшественники сидели на подушках, он же восседает на троне. Он носит оружие, называет себя справедливым государем, принимает подношения, подобно падишаху, содержит войско из тысячи молодых храбрецов и никого не признает»³⁷. Современники оставили описание выступления этого гуру на охоту: его сопровождали множество загонщиков, большая саита, ручные леопарды, гончие собаки и охот-

³⁴ Сикхская традиция изображает дело так, что Арджун был отпущен из Дели и тайно исчез, совершая омовение в р. Рави (M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 100; J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 53; «History of the Sikhs or translation of the Sikhan de Raj de Vikhia, translated and edited by Major Henry Court», Lahore, 1888, p. 21).

³⁵ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. III, p. 99.

³⁶ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 145.

³⁷ Ibid., p. 10.

ничьи соколы всех видов. Он держал 700 лошадей, имел охрану из 300 всадников и полусотни мушкетеров³⁸. Хар Говинд даже располагал собственной артиллерией. Растущая независимость сикхского владыки и его недвусмысленные притязания на светскую власть вызвали недовольство Моголов. Хар Говинд был в 1612 г. вызван ко двору Джахангира. Но ему удалось опровергнуть возводимые на него обвинения, ссылаясь на высказывания прежних гуру о мирном характере секты. Хар Говинд также указывал, что для сикхов высшей властью является бог, предусмотрительно умолчав о нововведении Арджуна, провозгласившего тождество бога с гуру. Некоторое время Хар Говинд состоял на службе у Моголов, участвовал в военных походах Джахангира, но потом впал в немилость и был заключен в гвалиурскую тюрьму. Незадолго до смерти этого императора Хар Говинду удалось добиться освобождения. Его высказывания против власти Моголов стали приобретать все более откровенный характер. Когда один императорский чиновник присвоил лошадь, предназначавшуюся в подарок Хар Говинду, последний разразился гневной тирадой: «В эти дни стоит туркам (Моголам.—И. Р.) увидеть доброго коня, хороший меч или еще что-нибудь подходящее, как они без дальнейших церемоний захватывают их себе»³⁹.

В среде сикхов происходил двоякий процесс. Верхушка секты — не только сам гуру, но и крупнейшие из его управителей-масандов — превратилась в настоящих владетельных феодалов, по всему образу своей жизни мало отличавшихся от могольской знати. Неминуемым следствием этого феодального перерождения был рост самостоятельности и самоуправства масандов, присваивавших себе значительную часть доходов, собранных для гуру. Несколько позже гуру Говинд Сингх (1675 — 1708) в следующих выражениях клеймил действия масандов: «Они заходят в дом сикхов, чтобы принимать наркотик; они часто находятся в обществе баядерок; они бахвалятся, что гуру создание их рук, что они ему не слуги и даже не желают смотреть на

³⁸ J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 56.

³⁹ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, pp. 39, 49, 78.

него. Они допускают всякого рода произвол; они присваивают подношения, предназначенные для гуру, и совершают многие другие бесчинства»⁴⁰. Среди крупных масандов и даже ближайших родственников гуру было немало предателей и изменников движения, переходивших на сторону врага и помогавших впоследствии Моголам громить сикхов. Разумеется, услуги этих предателей щедро вознаграждались могольской властью.

Но перерождение верхушки отнюдь не означало перерождения сектантского движения в целом. Именно с середины XVII в. под влиянием хозяйственного упадка и политического кризиса, охватившего к этому времени всю Индию, тысячи и десятки тысяч обездоленных крестьян и ремесленников Пенджаба пополнили собой ряды сектантов. Они представляли широкую народную, антифеодальную струю в движении, они привносили в него накопившуюся веками ненависть к угнетателям-феодалам и беззаветную готовность к борьбе. Секта сикхов неминуемо стала объединяющим центром всех сил, враждебных Моголам. «Во время пребывания гуру (Хар Говинда. — И. Р.) в Хартампуре, — сообщает сикхская хроника, — приходило множество людей и становилось под его знамена... они хвастали, что стоит гуру отдать приказ, как они в течение дня возымут Лахор и Дели»⁴¹. Кто были эти люди? Мы располагаем рядом свидетельств очевидцев-современников. Афганец Паинда-хан прекрасно знал жизнь сикхов. Он был молочным братом гуру Хар Говинда, затем изменил сикхам и перешел на сторону Моголов. В первом же сражении Хар Говинд убил его в одиночном бою. Паинда-хан следующим образом описывал участников секты и состав войск Хар Говинда: «Хромые, калеки, слепые, немые, глухие, больные, старики, лентяи, бедняки, люди ни к чему не пригодные, — вот кто собирается вокруг него. Цирюльники, крестьяне, бродячие торговцы-разносчики, лавочники, бродячие музыканты, ткачи и подобные люди, непривычные к ношению оружия, составляют то, что он называет своим войском»⁴². Это

⁴⁰ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion. Its gurus, sacred writing and authors*, vol V., Oxford, 1909, p. 28.

⁴¹ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 99.

⁴² Ibid., p. 197.

описание, разумеется, пронизано яркой классовой ненавистью к простому народу.

Лекарь Ратан Чанд свидетельствовал, что войско сикхов «состоит только из странствующих певцов, цирюльников, прачек, медников и тому подобных»⁴³.

При Хар Говинде сикхи стали на путь вооруженной борьбы с властью Моголов. Решающее значение в этом повороте имел не только конфликт гуру сикхов с Моголами на почве претензий первых на полноту духовной и светской власти, но прежде всего глубокое изменение самого характера движения, все более ярко и отчетливо приобретающего антифеодалную направленность⁴⁴. С 1628 по 1634 г. могольские наместники Пенджаба предприняли не менее четырех карательных экспедиций против сикхов. Это была настоящая война, в которой с обеих сторон участвовали десятки тысяч воинов. Высокий моральный дух сикхов, сочувствие местного населения, в первую очередь крестьянства, прекрасное знание обстановки — все это позволило Хар Говинду нанести ряд поражений лучше вооруженным и более многочисленным войскам Моголов. Переход сына гуру Дир Мала и некоторых других представителей сикхской верхушки на сторону Моголов не мог остановить движения, приобретающего широкий размах. Именно в этой борьбе сикхи обретали невиданные раньше качества: стойкость, сплоченность, боевое товарищество, умение стоять друг за друга. «Под руководством Хар Говинда сикхи сильно выросли в числе; налоговая политика Арджуна и военная система его сына превратили их как бы в государство в государстве», — отмечает Каннингхем⁴⁵.

Преемник и сын Хар Говинда Тег Бахадур во время междоусобной борьбы сыновей Шах Джахана оказал поддержку царевичу Дара-Шикоху и тем навлек на себя гнев его противника Аурангзеба. Став пади-

⁴³ Ibid., p. 107.

⁴⁴ Явно идеалистическую точку зрения, сводившую усиление сикхского движения к конфликту между гуру и могольскими падишахами, занимал английский ученый Эльфинстон, перу которого принадлежала первая относительно полная история Индии: «Этот акт тирании (казнь Арджуна Моголами. — И. Р.) превратил сикхов из безобидных кветистов в фанатичных воинов» (M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, p. 677).

⁴⁵ J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 59.

шахом, Аурангзеб пытался разгромить сикхов, проводя сложную политику подкупа и раскола их верхушки и суровых репрессий против массы сектантов. Аурангзебу даже удалось выступить посредником и судей при решении вопроса, кому из родственников покойного Хар Говинда быть гуру, и он приложил все усилия, чтобы не допустить к этой должности Тег Бахадура, непримиримого врага Моголов. Тег Бахадур (1664—1675) все же получил признание рядовых членов секты, но не верхушки. Он долгое время скитался за пределами Пенджаба, сумел заручиться покровительством раджи Джайпура, состоявшего на службе у Моголов, и сопровождал его в нескольких военных походах. Вернувшись на родину, он обосновался в малодоступном горном районе верховьев Сатледжа (г. Анандпур) и начал совершать налеты на замки и владения могольских джигирдаров. Аурангзеб предлагал Тег Бахадуру свою милость и прощение при условии, что тот откажется от содержания войска и будет заниматься только спасением души, но гуру сикхов не сложил оружия⁴⁶.

В своих поучениях Тег Бахадур разоблачал насильнический и грабительский характер власти Аурангзеба и предвещал неминуемый конец его державе⁴⁷. Захваченный в плен, он из делийской тюрьмы объявил сикхам, что прибыл в этот мир свергнуть Моголов. В другом обращении он писал своим последователям перед казнью: «Если я не положу здесь свою жизнь, то империя Великого Могола в Индии может еще долго про-

⁴⁶ Этот фирман могольского падишаха на имя Тег Бахадура приводится в кн. «*Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkah-i Sikhani*», р. 4.— Аурангзеб писал: «Если, как в прежние времена, подобно бедным факирам секты Нанака, вы будете мирно жить в углу (в неизвестности), вам не будет (причинено) вреда. Наоборот, милостыня, достаточная для вашего содержания как факира, будет предоставлена вам из государственного казначейства, как это делается в отношении других групп людей, занятых вознесением молитв... Но вы должны удалить лошадей и оружие, которые вы собрали в вашем доме богослужения».

⁴⁷ Вот одно из его высказываний: «Тот, кто всякими средствами, находящимися в его власти, захватывает богатство и не имеет сострадания к бедным, обнаружит, что его держава и достоинство ежедневно клонятся к упадку. Аурангзеб имеет теперь недобрые намерения и стремится уничтожить религию индусов. В опьянении гордостью он прибегает к насилию и произволу... его держава и достоинство в дальнейшем погибнут» (M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 375).

держаться; но поскольку ее государи совершили неслыханное беззаконие, я уничтожу их и все их потомство»⁴⁸. Это было открытое объявление войны Моголам и призыв к свержению их власти над Индией. В 1675 г. гуру Тег Бахадур был казнен⁴⁹. В лице его сына и преемника Говинда Сикхи нашли замечательного руководителя в своей дальнейшей борьбе.

15-летний Говинд был в 1675 г. провозглашен гуру и признан преобладающим большинством сектантов. Опасаясь преследования со стороны имперских властей, Говинд оставался в крепости Анандпуре, горной твердыне своего отца. В юношеские годы он уделял много времени охоте и воинским упражнениям, но одновременно хорошо изучил персидский язык (впоследствии он слатал стихи не только на родном пенджаби, но и на фарси) и усвоил учение сикхов. С конца 80-х годов гуру Говинд начал собирать войско и готовиться к борьбе с Моголами. Для этой цели сикхи создали себе, кроме Анандпура, еще несколько крепостей, которые служили им опорными базами. Такими базами являлись Пайтна в долине Кирда и Чамкаур, расположенный ниже по течению р. Сатледжа, у выхода ее на равнину. Окрестных мелких индуcских раджей, чьи княжества располагались в предгорьях Гималаев, Говинд пытался привлечь на свою сторону против Моголов, но они оказались ненадежными союзниками. Впоследствии они помогали Моголам в борьбе с сикхами и доносили Аурангзебу на Говинда: «Он объединил четыре варны в одну и обладает множеством последователей... он обещал поддержать нас всеми своими силами в случае, если мы подыдем восстание против императора»⁵⁰. В свои войска Говинд брал и мусульман; так, например, имеются сведения, что одно время на службе у него состояло до 500 афганских наемников во главе с неким Бхикан-ха-

⁴⁸ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 382.

⁴⁹ По сикхским преданиям, Тег Бахадур, чтобы избежать пыток, решил ускорить свою смерть, объявив, что обладает заговором неуязвимости, и, надев на шею шнурок с заклинанием, предложил палачу ударить его мечом. Палач с одного удара отрубил ему голову. Надпись на амулете Тег Бахадура гласила: «сар дия, сирр надия» («голову отдал, тайну не отдал»).

⁵⁰ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. IV, p. 121. — Ирвин называет в числе противников Говинда горных раджей Хиндура, Кахлура и Нахана (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, p. 85).

ном. Но эти наемники, всегда готовые к измене, отнюдь не составляли ядра сикхского войска. В основном оно рекрутировалось из сектантов или из людей, которые сочувствовали сикхам, были им идейно близки. Классовый и профессиональный состав этих людей мало изменился по сравнению с временами Хар Говинда и Тег Бахадура. «Его (Говинда. — И. Р.) последователи, — указывал Раджа Бхим Чанд, — носильщики, цирюльники, рыбаки, прачки, подметальщики и подобные нестоящие люди»⁵¹.

Могольские командиры отзывались о сикхских солдатах, как о «разношерстном сброде, никогда не видавшем войны и готовом обратиться в бегство при первом выстреле»⁵². Тот же современник с презрением характеризует воинов Говинда, как «подонков общества, даже не знающих, как держать меч»⁵³. Во время битвы при Пхангани могольские военачальники упрекали своих солдат, что те «не могут справиться со скопищем крестьян»⁵⁴. Брахман Кешо говорил о сикхах, как о «банде людей низких каст»⁵⁵. Все эти отзывы исходили из феодального лагеря и проникнуты яркой ненавистью к сектантам⁵⁶. Но тем не менее они являются ценным свидетельством в том смысле, что подтверждают крестьянско-ремесленный состав сикхского войска, да и самой

⁵¹ Ibid., p. 9.

⁵² M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 30. — Состав последователей Говинда хроника «Хакикат-и Бина ве Урудж-и Фирке-и Сикхан» характеризует следующим образом: «Многие земледельцы, бедные люди и воры этого района (имеется в виду Лахор. — И. Р.) вступали в ряды его последователей. Кхатрии, джаты, плотники, кузнецы, крестьяне, торговцы зерном, купцы — все приходило к нему и восклицали: я становлюсь сикхом» («*Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkah-i Sikhan*», p. 6). Фостер в своем «Путешествии из Бенгалии в Петербург» указывает, что в сикхизм более всего обращались представители земледельческих каст Пенджаба — джаты и гуджары. Наблюдения Фостера относятся к 1782 г. (G. Foster, *Voyage du Bengal à Petersbourg*, vol. III, Paris, 1800, p. 41).

⁵³ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 34.

⁵⁴ Ibid., p. 40.

⁵⁵ Ibid., p. 65.

⁵⁶ Эту ненависть к сикхам целиком воспринял чиновник Ост-Индской компании Принсеп. В его книге, представляющей собой сводку английских официальных донесений, славные бойцы Говинда характеризуются как разбойники с большой дороги, грабившие деревни и города Пенджаба (H. T. Prinsep, *Origine et progrès de la puissance de sikhs dans le Penjab, et histoire du maha-radja Ranjit Singh*, Paris, 1836, p. 19).

секты. Артиллерией Говинда ведал Рам Сингх, ремесленник из Бенареса; в схватках с Моголами особенно отличались кондитер Лал Чанд и крестьянин Хари Сингх, раньше никогда не бравшиеся за оружие. И даже Маколифф, толковавший историю сикхов в интересах сикхских князей и их английских покровителей, признает, что «10-й гуру превратил тех, кто раньше рассматривались как подонки общества, в воинов, чье мужество и верность никогда не изменяли их вождям»⁵⁷. Но и здесь Маколифф игнорирует подъем классовой антифеодальной борьбы, который воодушевил воинов Говинда на славные дела.

В соответствии с новой обстановкой — а в последней четверти XVII в. она характеризуется огромным обострением классовых противоречий между крестьянством и феодалами во всей Индии, а в Пенджабе в особенности — меняется и идеология сикхизма, приобретаая более боевой воинствующий характер и открыто выраженную антифеодальную направленность. Прежде всего необходимо отметить, что гуру Говинд подверг весьма суровой критике учение о ненасилии, призывая сикхов к решительной борьбе с феодалами.

Так, например, Говинд говорил: «Утверждая свои притязания в этом мире, грабь злодеев, уничтожай того, кто причиняет зло». В ответ на это один из присутствовавших масандов выступил с возражением, ссылаясь на известное высказывание Шейха Фарида о ненасилии, вошедшее в состав Ади грантха. Обращаясь к Говинду, этот представитель верхушки сикхов заявил: «Отец, надо принимать время таким, какое оно есть, и быть удовлетворенным нынешним черным веком. Если кто-нибудь бросит в тебя кирпичом или куском грязи, смиренно прими это». В ответ Говинд выступил со следующим поучением: «Если кто-нибудь бросит в тебя куском грязи или кирпичом, гневно отвечай ударом камня». И дальше: «Наступило царство зла. В нем правят злодеи... Они должны быть наказаны. Прощение и мягкость лишь поощряют их к дальнейшим беззакониям»⁵⁸. В одном из своих обращений Говинд указывал: «Мы разрушим угнетательское царство Моголов; тогда я дам

⁵⁷ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 60.

⁵⁸ Весь этот диалог см.: М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 228.

всю страну от Лахора до Пешавара моим сикхам»⁵⁹. Обетованное царство должно быть завоевано в решительной вооруженной борьбе с богатыми и знатными, прежде всего с крупными мусульманскими феодалами, составлявшими ведущую прослойку господствующего класса в Могольской державе. «Я превращу вас из шакалов в титров, — обещал Говинд сектантам, — мои сикхи уничтожат угнетателей — афганцев и Моголов — и будут править в мире. Я буду убивать соколов с помощью воробьев»⁶⁰. Эта же мысль о том, что униженные и оскорбленные бедняки (воробьи в одном случае, шакалы в другом) научатся справляться со знатью (ее символизирует образ сокола), проводится Говиндом и в его знаменитом письме к падишаху Аурангзебу: «Оставайтесь в воображаемой безопасности, но берегитесь, ибо я научу воробья сбросить орла на землю»⁶¹. Во многих случаях Говинд подчеркивал, что в настоящее время сикхи бедны, но в будущем их ждут власть и богатство. Эти блага должны быть завоеваны в борьбе, и Говинд стремился воспитать в сикхах мужество и другие боевые качества: «...всякий член секты не должен бояться лягза оружия, но ему следует быть всегда готовым для битвы и для защиты своей веры»⁶². И в другом месте: «Лишь храбрым принадлежит небесное блаженство. Если человек гибнет на поле брани, пусть умирает лицом к врату»⁶³. Сам бог сикхов двозвонится «истребителем тиранов» и уподобляется мечу, кинжалу, мушкету и топору в этой борьбе⁶⁴. В резких выражениях 10-й гуру сикхов выступает против мулл и брахманов, как прислужников знатных и богатых: «Они предлагают священную пищу и кормят ею своих последователей, если те богаты. Если же они видят человека, лишенного богатства, то они в ответ на все просьбы ничего не дают ему и даже не показывают своего лица. Эти чудовища грабят людей и никогда не воздают хвалы Верховному Существо»⁶⁵. И далее: «Брахманы, как во-

⁵⁹ Ibid., pp. 13—14.

⁶⁰ Ibid., p. 99.

⁶¹ J. Malcolm, *Sketch of the Sikhs*, London, 1812, p. 47.

⁶² M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 223.

⁶³ Ibid., p. 20.

⁶⁴ Ibid., p. 328.

⁶⁵ Ibid., p. 323.

роны (над падалью) витают над деньгами, они дерутся, как собаки над костью или как коршуны из-за рыбы»⁶⁶. Ортодоксальный ислам и индуизм, каждый на свой лад, освящали и защищали феодальный строй и эксплуатацию, и вполне понятно, почему гуру Говинд с такой страстью обрушивается на мулл и брахманов.

Вместе с тем антифеодальные выступления самих сикхов были облечены в отсталую религиозно-мистическую форму. Иначе и быть не могло, поскольку во времена средневековья наиболее общим синтезом феодального строя, по словам Энгельса, была церковь, что влекло за собой «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности». Энгельс отмечал, что «...при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»⁶⁷. И в этом отношении между средневековой Европой и Индией на рубеже XVII и XVIII вв. не было существенной разницы.

Таким образом, революционность и историческая прогрессивность антифеодальной борьбы крестьян и ремесленников, возглавленной сикхами, никоим образом не может отождествляться с отсталой мистикорелигиозной формой, в которую эта борьба облекалась в сознании ее непосредственных участников. Однако при всей своей антифеодальной направленности сикхизм и при Говинде оставался религией со своим богом, со своим культом, с верой в сверхъестественные силы, и это впоследствии только помогло феодальным элементам отчасти вытравить из сикхизма его боевое антифеодальное содержание, отчасти же «по-своему» перетолковать, вернее перелицевать и извратить, основные положения Говинд Сингха.

С 1687 г. сикхи в союзе с мелкими индусскими горными раджамы возобновили открытую борьбу с Моголами. Первая военная экспедиция делийцев во главе с Алиф-ханом окончилась неудачей. Вторая экспедиция

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, изд. 2, стр. 360—361.

под командой Диливар-хана равным образом не повеле-
к занятию Анандпура, несмотря на переход Бхим Чан-
да и других раджей на сторону Моголов. Классовая
солидарность сблизила индусских и мусульманских
феодалов в борьбе с общим врагом. Призывая других
индусских раджей примкнуть к союзу против сикхов,
раджа Аджмир Чанд указывал: «О раджи, сикхи явля-
ются не только моими врагами, они являются общими
врагами всех (подразумевается феодалов. — И. Р.)»⁶⁸.
Однако ни совместные действия могольского войска и
индусских раджей, ни осада ими Анандпура не смогли
выбить сикхов из их горных твердынь. Одновременно
могольские власти предприняли суровые преследования
всех сикхов в Пенджабе и других частях Индии.

Такова была обстановка, когда гуру Говинд
в 1699 г. внес серьезные изменения в идеологию сикхиз-
ма и в самую организацию секты. Эти изменения своди-
лись к окончательному разрыву с ортодоксальным
индуизмом и его идеологическими устоями: учением о
перерождении душ, об иллюзорности существующего ми-
ра, о безропотном подчинении религиозному закону,
освящавшему кастовый строй и привилегии феодалов и
духовенства. На большой сходке, в присутствии свыше
20 тыс. сектантов, под Анандпуром Говинд провозгла-
сил, что высшая духовная и светская власть, сосредото-
ченная до этого времени в руках «живых богов» —
сикхских наследственных гуру, переходит целиком в
руки хальсы, или общины сикхов. «Отныне хальса —
это гуру, и гуру — это хальса»⁶⁹. В знак полного и
окончательного разрыва с верованиями, обрядами и ус-
тановлениями ортодоксального индуизма члены хальсы
должны были принимать особое крещение: их окропля-
ли водой, взболтанной обоюдоострым кинжалом. Ха-
рактерно, что в числе первых пяти сикхов, принявших
крещение из рук Говинда, четверо были из низших каст
и только один из высшей, кшатрийской, касты⁷⁰. Каж-

⁶⁸ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V. p. 127.

⁶⁹ Ibid., p. 244.

⁷⁰ Мак Грегор приводит их имена и занятия: Дия Сингх —
кшатрий из Лахора, Сабит Сингх — цирюльник, Хаммат Сингх —
носилищик из Пури, Бхарам Сингх — крестьянин-джат из Хастемпу-
ра и Мохун Сингх — красильщик из Дварки (W. L. MacGregor, *The
history of the Sikhs containing the lives of the gooroos, the history*

дый сикх должен был отречься от дхармы, кармы, варны и племени, признавать только узы братства, связывавшие его с другими членами секты. По свидетельству лазутчика Моголов, Говинд обратился к сикхам со следующей речью: «Пусть индусы четырех варн, имеющих различные правила поведения, оставят их, станут братьями и примут общую форму поклонения [богу]. Пусть никто не считает себя выше другого. Пусть люди четырех варн примут мое крещение, едят из одного блюда и не чувствуют друг к другу ни отвращения, ни презрения»⁷¹. Часть сектантов, главным образом выходцы из кшатрийских каст и брахманов, немедленно покинула собрание и отказалась от сикхизма, большинство же присутствовавших, принадлежавших к числу низших каст, с восторгом приветствовали нововведения гуру Говинда. Для сикхов устанавливался ряд внешних различий, резко выделявших их среди индусов и мусульман: они должны были отпускать длинные волосы и бороду, носить штаны особого покроя, иметь при себе три стальных предмета: кинжал, гребень и браслет на руке. Каждому сикху присваивалась рыцарская приставка Сингх (лев), ранее представлявшая привилегию людей военно-дворянской касты раджпутов.

Преобразования Говинда были непосредственно продиктованы запросами военной борьбы и необходимостью создать из сикхов сплоченную, боевую организацию, не знающую внутренних различий племени, касты и сословия. Но эта военная борьба была прежде всего антифеодальной борьбой крестьян и ремесленников, что наложило свой решающий отпечаток на нововведения последнего гуру сикхов.

Один из сикхских певцов этого времени, Гурдас, в следующих выражениях оценивает результаты преобразований Говинда:

«Возникла раса Сингхов, которые носят голубую одежду,
«Которые повторяют имя Бога и убивают враждебных Моголов.
«Никто не мог им противостоять, и начальники Моголов бежали,
«Раджи, короли и эмиры — все превращались в пыль
под ногами Сингхов. (сикхов),

of the independent sirdars or misals and the life of the great founder of the Sikh monarchy maharaja Ranjit Singh, vol. I, London, 1846, p. 76).

⁷¹ M. A. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, pp. 93—94.

«Хорошо сделано! Хорошо сделано, Говинд Сингх!
«Ты был и гуру (учителем) и сикхом (учеником)

в одном лице!»⁷².

Сам Говинд неоднократно подчеркивал общественное равенство людей, указывая, что все люди — члены одной касты, что все люди одинаковы. Таким образом, можно утверждать, что Говинд Сингх порвал с феодальной идеологией индуизма, провозгласил общественное равенство людей, отменил касты, упразднил неограниченную власть прежних гуру, объявил носителем этой власти хальсу — демократическую общину сикхов⁷³ — и, наконец, упразднил полуфеодальную опеку сикхских управителей-масандов над рядовыми членами секты. Для феодальной Индии конца XVII и начала XVIII в. это было огромным шагом вперед. На этом этапе своего развития сикхизм стал знаменем и организационной формой антифеодальной борьбы крестьян и ремесленников Пенджаба⁷⁴. Сектанты были застрельщиками этой борьбы, но к ним присоединились многочисленные крестьяне и ремесленники из числа мусульман и индусов. Их прежде

⁷² Ibid., p. 258. — Малькольм передает эту песню Гурдаса своими словами: «Ни один сардар не мог устоять против него (Говинда. — И. Р.) в битве ...и были ли это раджи-индусы или мусульманские владыки, они одинаково превращались в пыль в его присутствии» (J. Malcolm, *Sketch of the Sikhs*, p. 118). Он же передает следующее высказывание гуру Говинд Сингха: «Если смешать вместе брахманов, кшатриев, вайшиев и шудр, все станут одного цвета» (ibid., p. 29).

⁷³ Ладжвант Рама Кришна правильно отмечает, что именно в это время произошел разрыв сикхов с ортодоксальным индуизмом: «До учреждения хальсы, или религиозной демократии, сикхи никогда не рассматривались как отделенные от индуизма». Она же пишет о религии Говинда: «Это скорее религия, утверждающая народные права, чем религия смирения, любви и терпимости» (L. R. Krishna, *Les sikhs...*, pp. 103, 129).

⁷⁴ Индийский ученый Саркар, останавливаясь на причинах присоединения крестьян Пенджаба к сектантам, пишет: «Сикхи считали своим религиозным долгом во всем помогать человеку своей веры. И вот, когда крестьянам жилось очень тяжело, они отращивали волосы и бороду, восклицали „Акалы! Акалы!“ („бессмертный“, эпитет бога. — И. Р.) и принимали веру гуру Говинда. Другие сикхи приходили им на помощь, и таким образом их религия быстро распространилась по Пенджабу. Чем больше правители разоряли крестьянство, тем быстрее увеличивалось число сикхов». (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, Calcutta, 1932, p. 426).

всего привлекала провозглашенная сикхами идея равенства, направленная всей своей силой против кастово-сословных привилегий, против бесправия трудящихся, а главное — против монополии феодалов и феодального государства на землю.

«Идея равенства, — указывал В. И. Ленин, — выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества... При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»⁷⁵.

Сикхи во главе с Говиндом неоднократно отбивали соединенные силы Моголов и индусских раджей, подступавших к Анандпуру. Наконец, в 1705 г. против сикхов выступили войска двух могольских субадаров Дели и Лахора под общим начальством Вазир-хана. Огромной армии Моголов на этот раз удалось овладеть Анандпуром и другими крепостями сикхов. Ни один из сикхов не сложил оружия, не запросил пощады. Они пали в бою, в том числе два старших сына самого Говинда. Два его малолетних сына были захвачены врагами и, по зверскому приказу Вазир-хана, живыми замурованы в стену. Самому Говинду удалось скрыться с помощью местных крестьян, укрывших его от преследований Моголов.

До 1707 г. Говинд продолжал руководить действиями партизанских отрядов сикхов. После смерти падишаха Аурангзеба он счел возможным заключить нечто вроде перемирия с новым могольским государем, Бахадур-шахом, и даже принять от него джагир. Силы Говинда были, видимо, надломлены. Он подыскал себе энергичного преемника в лице крестьянина Банды и завещал ему: «захватывать и убивать могольских наместников, духовных лиц и сановников и сделать все для разрушения Мо-

⁷⁵ В. И. Ленин, *Сила и слабость русской революции*, — Сочинения, т. 12, изд. 4, стр. 316—317.

гольской державы»⁷⁶. В 1708 г. Говинд Сингх пал под ножом убийцы-афганца, вероятно, подосланного Моголами. Но борьба продолжалась с неслыханным ожесточением.

Свирепые преследования и пытки обрушились на сикхов. За ними охотились, как за дикими зверями. Могольские власти обещали высокую награду за каждого убитого сикха. «Всякий увидавший кого-либо за этой секты пусть не ведет его в тюрьму, но убивает, дабы не ушел живым», — гласил фирман Бахадур-шаха⁷⁷.

Однако преследования властей не могли запугать сикхов, объединивших вокруг себя массы крестьян и ремесленников. В конце 1709 г. Банда появился в Пенджабе. Он выдавал себя за Фатх Сингха, сына последнего⁷⁸ гуру Говинд Сингха, принял титул истинного государя (Сача падишах) и объявил, что «пришел покарать Моголов и восстановить справедливость»⁷⁹. «Вскоре 70 или 80 тыс. людей, подобно белым муравьям или саранче, собрались со всех сторон»⁸⁰. К повстанцам присоединились «многие из озлобленных индусов низших каст»⁸¹. Вооруженные силы Банды достигали 5 тыс. всадников и 8 тыс. пехоты. В мае 1710 г. он разбил Вазир-хана и взял Сирхинд. В этом городе сикхи захватили богатую добычу на сумму около 20 млн. рупий и множество вооружения. Огромное состояние дивана Вазир-хана Садж Ананда было конфисковано. Вазир-хан, убийца детей гуру Говинда, был предан мучительной казни. «Теперь сикхи присвоили себе всю власть. Некий Бар Сингх, человек низкого происхожде-

⁷⁶ М. А. Macauliffe, *The Sikh religion...*, vol. V, p. 235. — В литературе существует версия, которая приписывает Банде раджпутское происхождение. Так, Рама Кришна утверждает, что Банда — уроженец пригималайского княжества Панч, догра-раджпут по происхождению, примкнувший затем к индусскому ордену байраги (L. R. Krishna, *Les sikhs...*, p. 136). Английский справочник «Сикхи» считает Банду уроженцем Декана, который примкнул к секте байраги и якобы вел образ жизни аскета («Sikhs», p. 18). Думается, что все эти попытки скрыть крестьянскую природу Банды и приписать ему происхождение раджпута и добродетели аскета являются последующим мифотворчеством, исходящим от жреческо-феодалных кругов.

⁷⁷ Файз Мухаммед, *Светоч истории*, т. I, стр. 35.

⁷⁸ Говинд Сингх считается последним гуру сикхов, так как он пердал функции и прерогативы гуру хальсе.

⁷⁹ [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 651.

⁸⁰ Ibid., p. 651.

⁸¹ Ibid., p. 652.

ния, уроженец Хайбатпур Патти в Бари Доабе был назначен субадаром, или правителем Сирхинда»⁸². О характере власти, устанавливаемой победившими сикхами, В. Ирвин рассказывает следующее: «Во всех округах, занятых сикхами, произошла полная и поразительная ломка прежних обычаев. Стоило только низкорощенному кожевнику или дубильщику, низкому из низких в индийском представлении, покинуть дом и присоединиться к гуру (Банде. — *И. Р.*), как через небольшой промежуток времени он возвращался на родину в качестве правителя, имея на руках приказ о назначении. Как только он появлялся в границах (деревни. — *И. Р.*), высокорожденные и богатые выходили ему навстречу и провожали до дому. Здесь они стояли перед ним, почтительно сложив ладони, ожидая его приказаний»⁸³. Непосредственным следствием восстания был захват земли феодалов повстанцами, в первую очередь сектантами-сикхами: «В старых (английских. — *И. Р.*) налоговых отчетах много упоминаний об упадке, если не о полном исчезновении раджпутской земельной знати (*gentry*) в тех округах, где бесспорно преобладали сикхи»⁸⁴. Во время похода Банды на Сирхинд деревня добровольно снабжала сикхов продовольствием. «Однако Банда брал самое необходимое, а все излишки продовольствия и деньги распределял между бедняками»⁸⁵.

После захвата Сирхинда сикхам был открыт путь на Дели. В могольской столице царил растерянность. Однако, встретив сопротивление Сардар-хана и других местных феодалов, выступавших против сикхов во главе набранных ими войск, Банда предпочел двинуться в Пенджаб. Теперь сикхи вооружились пушками, захваченными в Сирхинде. Для защиты от могольской конницы и для действия против укрепленных пунктов они соорудили крытые платформы, передвигавшиеся на колесах. С этих платформ сикхские мушкетеры могли поражать врага, сами находясь под прикрытием дощатых стен»⁸⁶.

⁸² W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, p. 97.

⁸³ *Ibid.*, pp. 98—99.

⁸⁴ H. A. Rose, *A glossary...*, vol. I, p. 42.

⁸⁵ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 41.

⁸⁶ «Сикхи имели с собой пушки, взятые из Сирхинда, а также свои дощатые платформы, мешки, набитые землей для возведения укреплений, свинец и порох» ([Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 651).

Следующим крупным успехом Банды было взятие Сахаранпура. Фаудждар Али Мухаммед-хан вместе с войсками могольского гарнизона в панике бежал в Дели, и это облегчило сикхам штурм города. Затем сикхи в числе 80 тыс. осаждали Джалландар, но после двадцатидневных боев были отбиты. Крупные бои между повстанческой армией Банды и силами фаудждара Султанпура Шамс-хана разыгрались у Султанпура в Джалландарском двуречье Пенджаба. Как сообщается об этом в «Мунтахаб-ул-лубаб», силы Шамс-хана в основном состояли не из могольских войск, а из отрядов, набранных местными заминдарами-индусами⁸⁷. Борьба феодалов

⁸⁷ «Шамс-хан с 4 или 5 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты, вооруженной мушкетами, пиками и другим оружием всякого рода, которыми они уже давно владели или только что приобрели, выступали (против Банды. — И. Р.) в сопровождении заминдаров. Знатные люди племен, крестьяне и ремесленники, главным образом ткачи, выступили вперед, смело жертвуя жизнью и имуществом для отпора неверным» ([Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 652). Вполне очевидно, что основная роль в организации вооруженных отрядов для расправы с сикхами принадлежала феодалам, как мусульманам, так и индусам. На это прямо указывает Ирвин, сообщая о силах Шамс-хана, что они «частично состояли из старых (могольских. — И. Р.) войск, частью же из вновь набранных заминдарами людей» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, p. 99). Еще более поучительны данные, сообщаемые тем же автором о лахорском ополчении, созданном для борьбы с сикхами. Его организаторами были два крупных мусульманских феодала: Мухаммед-Таки (родственник главного вазира в царствование Шах Джахана — Садуллы-хана Алами) и Муса Бек Лохани (судя по имени Лохани, афганец по происхождению). Участником ополчения был также Махабат-хан Карал, заминдар из Фаридабата. Лохорские купцы жертвовали деньги на снаряжение ополчения (ibid., p. 103). Картина довольно ясная: заминдары, ханы, знать кочевых племен, («знатные люди племен», по свидетельству Хафи-хана), может быть, богатые откупщики и ростовщики — вот кто были инициаторами и руководителями тех вооруженных отрядов, которые были сформированы в Султанпуре, а затем в Лахоре для подавления сикхов. Зеленое знамя ислама стало удобным орудием в руках этих мусульманских феодалов при расправе с их внутренними врагами. Возможно, что Хафи-хан говорит правду, и некоторое число обманутых мусульманских крестьян и ремесленников действительно вступили в антисикхский блок. Но вряд ли это было общим явлением, ибо, несмотря на религиозное обличье, в Пенджабе шла классовая война крестьян с феодалами. В этом отношении весьма важно помнить, что сикхи выступали не только против мусульманских феодалов, но и против индусских раджей и землевладельцев-раджпутов, о чем было сказано выше. Сардар Гурдиал Сингх сообщает, что многие индусские раджи Пенджаба приняли участие в борьбе с сикхами (گوردیال سنگھ صاحب بابائندہ جی، امرتسر، صفحہ 147).

против сикхов принимала открытую форму классовой войны, и пенджабские заминдары, спасая себя и свои владения от поднимающейся волны крестьянского возмущения, спешно формировали вооруженные отряды. В дальнейшем этим отрядам местных феодалов принадлежала едва ли не решающая роль в боях с сикхами под Султанпуром, а затем под Лахором. Шамс-хану и отрядам местных феодалов удалось нанести сикхам поражение и отогнать их от Султанпура. Все же повстанцы были настолько сильны, что сохранили в своих руках крепость Рахун (в непосредственной близости от Султанпура). Между тем Банда с основными силами повстанческой армии подступил к Лахору. Сикхам не удалось взять окруженную крепкими стенами столицу Пенджаба, но они опустошили ее окрестности и во время вылазки нанесли несколько серьезных поражений войскам Сайида Аслам-хана, субадара Лахора⁸⁸. В том же 1710 г. Банде удалось взять Карнал. Хафи-хан горько сетовал

(Сардар Гурдиал Сингх, *Сахиб Баба Банда джи*, Амритсар, [б. г.], стр. 147).

⁸⁸ Неудача, постигшая попытку Банды овладеть Лахором, объясняется не только отсутствием у сикхов осадной артиллерии. В самой секте к этому времени произошел раскол. Умеренные видимо торгово-ростовщические элементы, выступили с осуждением насильственной борьбы против могольских феодалов и отказались подчиниться «узурпатору» Банде, обвиняя его в том, что он якобы извратил учение прежних гуру сикхов. Вопрос о религиозно-догматической стороне аргументации этих раскольников, объявивших себя «тат хальсой» (чистой общиной), нуждается в дополнительном изучении, но политический смысл их изменнических действий вполне очевиден. В решающую минуту борьбы они не только призывали к отказу от сопротивления Моголам, но в ряде случаев попросту помогали властям делийского падишаха. Так, во время боев за Лахор «чистые» сикхи выдали субадару Сайид Аслам-хану заговор сторонников Банды, которые собирались открыть ворота повстанческой армии (L. R. Krishna, *Les sikhs...*, p. 152). Роз приводит любопытные факты, как «чистые» сикхи помогали Моголам оборонять Лахор от Банды и повстанческой армии (H. A. Rose, *A glossary...*, vol. I, p. 700). Сардар Гурдиал Сингх передает следующее о соглашении «тат хальсы» с могольским шахом: «Шах предоставил тат хальсе джагир, приносивший 5 тыс. руий дохода, а также обещал, что в Пенджабе индусов больше не будут притеснять, а равно не будет производиться никакого вмешательства властей в дела религии. Тат хальса обещала не оказывать никакой помощи Банде, навсегда отказывалась от претензий на какой-либо округ Пенджаба и обязывалась оказывать поддержку субадару Лахора, когда тот сочтет это необходимым» (Сардар Гурдиал Сингх, *Сахиб Баба Банда джи*, стр. 156).

по поводу этих успехов сикхов: «В течение 8 или 9 месяцев, на расстоянии двух-трех дней пути от Дели и вплоть до окрестностей Лахора все города и приметные населенные пункты были разграблены этими нечестивыми негодяями, раздавлены под их ногами и разрушены ими»⁸⁹.

Восстание сикхов приобретало настолько опасный характер, что на подавление его в конце 1710 г. выступил сам падишах Бахадур-шах, сопровождаемый своим вазиром Муним-ханом и субадарами Аллахабада, Дели и Ауда. К могольской карательной экспедиции также присоединились отряды джатского вождя Чурамана. Решающее сражение произошло 5 декабря 1710 г. под Садхаура. Войска Банды, насчитывавшие до 30—40 тыс. конницы и множество пехоты, дрались с большим мужеством, но после ожесточенной и кровопролитной битвы потерпели поражение. Моголы учинили жестокую расправу над пленными сикхами. Их подвешивали за волосы к ветвям деревьев и оставляли так умирать, подвергали всякого рода пыткам. Банда с остатками своих войск заперся в крепости Лохгархе, расположенной в предгорьях Гималаев к северу от Садхаура. Самому Банде вскоре после осады удалось бежать из крепости. После взятия Лохгарха в руки Моголов попал торговец табаком, кхатрий по касте, Гуляб Сингх, который, чтобы облегчить бегство вождя сикхов, облачился в его одежды и выдавал себя за Банду⁹⁰.

Несмотря на взятие Моголами Лохгарха, а затем в 1711 г. Сирхинда, сикхское восстание продолжалось. Весной 1711 г. Банда, укрывавшийся в предгорьях Гималаев от преследования Моголов, покинул свое убежище и вновь появился в Пенджабе. Ему удалось собрать 20 тыс. войска. Сикхи разгромили отряды Шамс-хана, фаудждара Султанпура, а затем заняли города Батал и Каланур в двуречье Бари. Однако летом 1711 г. могольский командующий нанес Банде ряд серьезных ударов и снова оттеснил сикхские отряды в горы. Могольские карательные отряды сжигали целые деревни и продавали их жителей в рабство. С особенной жестокостью действовал могольский военачальник Рустам Дил-хан⁹¹.

⁸⁹ [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 652.

⁹⁰ Ibid., p. 669.

⁹¹ О зверствах Рустам Дил-хана см. W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, p. 119.

Междоусобная война за престол сыновей Бахадур-шаха, а затем восстание Фаррух Сийяра против Джахан-дар-шаха отвлекли внимание Моголов от событий в Пенджабе и дали сикхам некоторую передышку. Военные действия против сектантов временно прекратились. Банда вновь занял Садхаура и восстановил укрепления Лохгарха. После воцарения Фаррух Сийяра субадаром Пенджаба был назначен Абд-ус-Самад-хан, а его сын Закария-хан получил пост фаудждара Дхамму. Основной задачей Абд-ус-Самад-хана было подавление сикхского восстания. Для этой цели в помощь ему был направлен из Дели Камр уд-дин-хан со значительным войском. Осенью 1713 г. могольские войска взяли Садхаура и Лохгарх. В течение 1714 г. сикхи уклонялись от решительного сражения с войсками Абд-ус-Самад-хана и вели против них партизанскую войну. Банда даже подступил к Лахору и сжег его пригороды. Преследуемый войсками противника, вождь сикхов в апреле 1715 г. отошел с 10-тысячным войском к Гурдаспуру, расположенному в 60 км к северо-востоку от Амритсара, и был здесь окружен соединенными силами Абд-ус-Самад-хана, Закария-хана и Камр уд-дин-хана. Даже враждебный сикхам Хафи-хан отмечает их исключительный героизм в боях под Гурдаспуром: «Неверные сражались столь бешено, что почти осилили армию ислама; они снова и снова проявляли величайшую дерзость. С обеих сторон множество (людей) было убито; но в конце концов могольская доблесть одержала верх, и неверные были загнаны в свою твердыню»⁹².

Осада Гурдаспура продолжалась 9 месяцев (апрель—декабрь 1715 г.). Сикхи, не имея артиллерии, мастерили самодельные пушки, выжигая стволы деревьев и стягивая их железными обручами⁹³. Гарнизон Гурдаспура постоянно предпринимал смелые вылазки, мешая осадным работам врага. Моголам пришлось построить вокруг сикхской твердыни высокую стену со рвом, чтобы полностью отрезать сикхов от связи с остальным Пенджабом⁹⁴. Только голод заставил сикхов сдаться. По

⁹² [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 670.

⁹³ W. Irvine, *The army of the Indian Moghuls. Its organisation and administration*, London, 1903, p. 128.

⁹⁴ Подробности об осаде Гурдаспура см. в кн.: W. Irvine, *Later Mughals*, pp. 312—315.

приказу Абд-ус-Самад-хана большинство сикхов было перебито на месте, а их отрубленные головы набиты сеном и посланы в подарок Фаррух Сийяру. Банда и сикхские начальники были отправлены в Дели и там преданы мучительной казни⁹⁵.

В чем были причины поражения крестьянской войны 1710—1715 гг. под руководством Банды? Прежде всего в том, что крестьянство было разьединено и раздроблено самими условиями производства. Крестьянская война, поднятая сикхами в Пенджабе, осталась изолированным, местным явлением, не перекинулась на другие части страны, не приобрела общеиндийского размаха. Этому мешала феодальная раздробленность индийского полуострова, самодовлеющий характер сельских общин, многочисленные кастовые и религиозные деления, глубокие различия в экономическом и культурном разви-

⁹⁵ В плен были взяты только начальники сикхов. С веревками на шее, со скованными ногами, с бумажными колпаками на головах их отвезли в Дели. При въезде в могольскую столицу пленных сикхов заставили держать жопы, на которые были надеты отрубленные головы их товарищей. Лицо Банды зачернили, чтобы он выглядел «сущим шайтаном». Все сикхи были подвергнуты мучительной казни. Сыну Банды отрубили голову на коленях отца, а самого Банду медленно разорвали на части раскаленными щипцами (Файз Мухаммед, *Светоч истории*, т. I, стр. 35). Хафи-хан сообщает об исключительном мужестве сикхов: они спорили друг с другом, кому первому идти на казнь. Ни один из сикхов (а их было привезено в Дели 740 человек) не захотел купить жизнь ценой отречения от веры. Попытка тайных членов халсы — богатых делийских ростовщиков — за большую взятку Амин-хану спасти Банду не увенчалась успехом ([Khaifi Khan], *The Muntakhab-ul-lubab...* vol. II, p. 761; «*Nakikat-i Bina wa Uruj-i Firkah-i Sikhan*», p. 7). Из 1600 сикхов, взятых в плен под Гурдаспуром, ни один не оказался изменником. Руководящая роль в подавлении крестьянской войны 1710—1715 гг. в Пенджабе принадлежала лахорскому субадару Абд-ус-Самад-хану. Выходец из Бухары, он происходил из рода Абдуллы Ахрара — шейха религиозного ордена накшбендие. Абд-ус-Самад выдвинулся во время междоусобной войны за престол между сыновьями Бахадуршаха. За расправу с сикхами делийское правительство щедро наградило этого палача: он получил мансаб (ранг) шеститысячника, слонов, лошадей, множество украшений и драгоценностей, жемчужное ожерелье и обширные земельные пожалования в Пенджабе (N. K. Sinha, *Rise of the Sikh power*, Calcutta, 1946, p. 5). Синха называет Абд-ус-Самад-хана «Альбой войны сикхов за независимость», совершенно игнорируя социальный характер событий. Если уж прибегать к историческим аналогиям, то Абд-ус-Самада было бы правильнее сравнивать не с Альбой, а с усмирителем крестьянской войны в Германии в XVI в. Трухзесом.

тии отдельных индийских народностей и, наконец, отсутствие тесных экономических связей между различными частями Индии. Все это исключало самую возможность общеиндийской крестьянской войны. Характерно, что даже джаты района Агра — Дели, на протяжении второй половины XVII в. неоднократно подымавшие восстания против могольских феодалов, приняли во главе со своим вождем Чураманом позорное участие в карательной экспедиции Бахадур-шаха против сикхов. С другой стороны, нельзя не видеть, что, хотя в Пенджабе в 1710—1715 гг. шла война классов, а не религий, она облекалась в религиозную оболочку, и это обстоятельство наложило свой отпечаток на ход событий. Сикхам удалось завоевать значительное влияние среди индусских трудящихся, но нам ничего не известно о массовом и активном участии крестьян и ремесленников-мусульман в событиях 1710—1715 гг. Поскольку главным врагом пенджабского крестьянства были крупные мусульманские феодалы и их глава Великий Могол, понятно, что в области идеологической борьбы воинствующий сикхизм Банды направлял свои главные удары против ислама, религии и знамени этих феодалов. Резкая антимусульманская направленность всей пропаганды сикхов, а равно разрушение ими мечетей и казни мулл и духовных мусульманских феодалов наряду со светскими после захвата пенджабских городов Сирхинда, Карнала и других задевали религиозные и бытовые предрассудки трудящихся мусульман, вызывали в иных случаях враждебность к сикхам. Неспособность сикхов повести за собой широкие массы трудящихся мусульман ослабляла движение в целом. Наконец, изменническая деятельность «чистых» сикхов, перешедших на сторону врага, в известной мере дезорганизовала сикхское движение и облегчила Моголам кровавое подавление крестьянской войны в Пенджабе.

Сикхским вождям, и прежде всего Банде, нельзя отказать в смелости и решительности. Они умели сочетать действия партизанского характера с ударами по основным силам врага и захватом городов. Но, начав восстание против Моголов, Банда не смог сохранить инициативу в своих руках, а этого можно было добиться, лишь смело развивая наступление и организовав весной 1710 г. поход на Дели, когда враг находился в состоянии расте-

рянности и неподготовленности. Крестьянская ограниченность помешала сикхам и Банде перенести военные действия за пределы родной земли, а это в свою очередь дало Моголам передышку и время для подготовки контрнаступления в декабре 1710 г.

Восстание сикхов было временно подавлено. Но оно еще больше расшатало и подорвало основы господства феодалов в Пенджабе и нанесло Могольской державе удар огромной силы.

Сила и размах крестьянского движения в Пенджабе были прежде всего связаны с тем, что в этой части Индии и в аграрных отношениях (родовая община), и в сознании трудящихся сохранились значительные пережитки общинно-родового строя⁹⁶. Свободолюбивый и деятельный пенджабский крестьянин не был феодально-придавленным существом, которое безропотно гнуло шею перед всеми владыками. Вместе с тем население этой пограничной области Индии, неоднократно подвергавшееся нашествиям, исторически прошло большую военную школу и хорошо умело владеть оружием. Наконец, дополнительным источником широты и массовости движения явилось то обстоятельство, что изменение торговых путей и упадок индийской караванной торговли через Афганистан лишили средств существования многочисленных ремесленников Пенджаба, ранее работавших на экспорт⁹⁷. Обездоленные ремесленники и горожане приняли заметное участие в восстаниях сикхов.

⁹⁶ На пережитки родовой общины в Пенджабе указывает М. М. Ковалевский (М. М. Ковалевский, *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения*, М., 1879, стр. 78). Даже Баден-Пауэлл, проповедующий во всех своих работах, что в Индии собственно не было деревенских общин, развитие же сразу началось не с коллективной, а с частной собственности на землю, и тот признает, что «во всем Пенджабе в наибольшей степени привлекает внимание преобладание деревенских общин и тот факт, что они по большей части хорошо сохранились» (В. Н. Baden-Powell, *Land systems of British India*, vol. II, Oxford, 1892, p. 609). Еще в 80-х годах прошлого века, т. е. после того как англичане тридцать с лишним лет хозяйничали в Пенджабе, здесь и в области аграрного строя, и в области обычного права живо чувствовались сильные пережитки родо-племенных отношений. На рубеже XVII—XVIII вв. эти пережитки, разумеется, были значительно сильнее и крепче (С. L. Tupper, *Punjab customary law*, vol. II, Calcutta, 1881, pp. 1—10).

⁹⁷ На северо-западе Индии важнейшим торгово-ремесленным центром был Лахор. Здесь вырабатывались тонкие полотняные тка-

Разгром 1715 г. сильно ослабил сикхов. В правление Абд-ус-Самад-хана (1713—1726) преследования сектантов продолжались с большой энергией и жестокостью. За отрубленную голову сикха власти платили награду в 20 рупий; доносчик, открывший местопребывание сикха, получал половину его имущества, вторая половина поступала в казну. Для подавления сикхов Абд-ус-Самад-хан сформировал особые летучие конные отряды, набранные из выходцев из Средней Азии и отличавшиеся высокой подвижностью. Опираясь на 20-тысячное хорошо оплачиваемое войско, сформированное почти исключительно из узбеков, Абд-ус-Самад-хан правил железной рукой, пользуясь фактической самостоятельностью от делийского правительства. Но его мероприятия по подавлению сикхов не ограничивались одним террором. Понимая всю опасность нового взрыва крестьянского недовольства, Абд-ус-Самад-хан стремился не доводить феодальной

ни, разноцветные шелка, ковры, оружие, палатки, седла, обувь (N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. II, London, 1907, p. 424). Торгово-промышленная деятельность Лахора была тесно связана с экипировкой войск, караванов и экспортной торговлей через Афганистан. На это указывал ряд европейских путешественников, посетивших Индию в начале XVI в., в частности Терри (см. «Hakluytus Posthumus or Purchas, his piligrimes containing a history of the world in sea voyages and land travels by Englishmen and others by Samuel Purchas», vol. XI, Glasgow, 1909, p. 14). Об этом же писал в своем дневнике в 1617 г. Томас Рое, посол английского короля Якова I при дворе падишаха Джахангира («Hakluytus Posthumus or Purchas, his piligrimes containing a history of the world in sea voyages and land travels by Englishmen and others by Samuel Purchas», vol. IV, p. 431), а также Ричард Стил (ibid., p. 129). По описанию этих путешественников прекрасную сводку дает Н. М. Гольдберг в работе «Русско-индийские отношения в XVII веке» («Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. II, М.—Л., 1949, стр. 135—136). Лахор представляется огромным и богатым городом. Но, как уже указывалось, его процветание было тесно связано с сухопутной, караванной торговлей через Афганистан, последняя же в XVII в. приходила в глубокий упадок в связи с ростом морской торговли Индии. Уже голландец Пельсерт, живший в Индии с 1620 по 1627 г., отмечал начавшийся упадок Лахора (F. Pelsaert, *Jahangir's India*, p. 30). В дальнейшем большое восстание афганских племен на северо-западной границе Индии (1667—1672 гг.) и закрытие в связи с этим падишахом Аурангзебом границы для торговли окончательно подорвали значение Лахора и оставили десятки тысяч его трудолюбивых ремесленников без работы. Индийский ученый Саркар относит фирман Аурангзеба о закрытии афганской границы к 1666 г. (J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. III, Calcutta, 1916, p. 113).

эксплуатации до крайности, предпринял некоторые шаги к восстановлению разрушенной оросительной сети, заселению обезлюдивших деревень и городов⁹⁸. Эта политика проводилась в интересах пенджабских феодалов, но она была вызвана крестьянской войной 1710—1715 гг. и являлась косвенным признанием могучего напора восставших масс, надолго внушивших страх феодалам.

Как передают источники, о сикхах в течение нескольких лет было мало слышно. Хроника «Хакихат-и Бина ве Урудж-и Фирке-и Сикхан» сообщает: «В результате преследований сикхи, срезав свои длинные волосы, растворились в народе и скрывались (от властей. — И. Р.), занимаясь земледелием»⁹⁹.

Это свидетельство источника еще раз вскрывает глубокие народные корни и крестьянский состав участников сикхского движения. Но не все сикхи отказались от внешних различий, предписанных гуру Говинд Сингхом, и вернулись к своим обычным занятиям — земледелию, ремеслу и торговле. Часть сектантов не сложила оружия. Скрываясь в недоступных местах: в предгорьях Гималаев, в лесах Лахи Джангал (округ Бхатинда), в степной части Пенджаба, — они продолжали партизанскую войну против могольских властей, против местных мусульманских и индусских феодалов. Окончательно подавить это партизанское движение сикхов не смог ни Абд-ус-Самад-хан, ни сын его, Закария-хан, правивший Пенджабом с 1726 по 1745 г.

Это было чрезвычайно важно для дальнейшей судьбы движения. Сикхи сохранили свои опорные базы в малодоступных частях Пенджаба, они сохранили кадры наиболее решительных и непримиримых борцов, продолжавших войну с Моголами, и, наконец, они по-прежнему пользовались поддержкой народа. Можно предполагать, что во многих городах и селах Пенджаба действовали тайные организации сикхов, имевшие связь с партизанами-сикхами. Эти последние делились на отряды — джатха — под начальством выборных командиров. Среди

⁹⁸ Об экономических мероприятиях Абд-ус-Самад-хана, а затем его сына Закария-хана мельком говорит Синха (N. K. Sinha, *Rise of the Sikh power*, p. 5).

⁹⁹ Мак Грегор также пишет о «растворении сикхов в народе» (W. L. MacGregor, *The history of the Sikhs...*, vol. I, p. 106).

командиров таких отрядов в начале 30-х годов XVIII в. наибольшую известность приобрели повар из Фаизалапура Капур Сингх и его помощник Джасса Келал, принадлежавший к касте, наследственно занимавшейся перегонкой спирта и изготовлением опьяняющих напитков¹⁰⁰. Уже в 1733 г. Капур Сингх стремился объединить отдельные партизанские отряды — джатхи — и создать дал хальса, или войско сикхской общины. Вскоре под его руководством объединилось 8 партизанских джатха. Это объединение приняло наименование «будха дал» (старая армия) в отличие от другого объединения, куда входили пять отрядов, известного под названием «таруна дал» (молодая армия). Сикхское движение начало вновь набирать силу¹⁰¹.

Что же касается «чистых» сикхов (тат хальса), то им в награду за измену первоначально разрешалась легальная деятельность. Однако в 1723 г. Абд-ус-Самад-хан по приговору казия, снабженному соответственной ссылкой на шариат, объявил о всеобщей конфискации имущества «чистых» сикхов в возмещение тех убытков, которые мусульмане потерпели во время событий 1710—1715 гг. В дальнейшем власти в своей политике репрессий и преследований сектантов не проводили особой разницы между «чистыми» сикхами и последователями Банды.

Подъем сикхского движения, начавшийся в середине 30-х годов, получил дальнейшее развитие во время персидского нашествия 1738—1739 гг. В противоположность трусливо капитулировавшему Закария-хану, сдавшему Надир-шаху Пенджаб и получившему от него утверждение в своей прежней должности субадара Лахора, сикхи выступили против чужеземных завоевателей¹⁰².

¹⁰⁰ Роз в своем справочнике определяет занятие членов касты келал как изготовление и продажу опьяняющих напитков (Н. А. Rose, *A glossary...*, vol. I, p. 707). Каннингхем называет Джассу Келала пивоваром или лицом, занимающимся перегонкой спирта (J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 95).

¹⁰¹ N. K. Sinha, *Rise of the Sikh power*, p. 7. — Этот автор, исходя из дословного понимания слова будха (старый) и таруна (молодой), считает, что указанные объединения различались лишь возрастным составом своих воинов. Надо думать, что деление на будха дал и таруна дал имело и политическую сторону.

¹⁰² J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 92; J. Malcolm, *Sketch of the Sikhs...*, p. 86.

Отряды сикхов нападали на тылы персидских войск, уничтожали фуражиров, отбивали пленных и разграбили обоз Надир-шаха на его обратном пути из Дели. Многие представители пенджабских эксплуататорских классов бежали в горы, спасаясь от грабежей персов, в особенности когда стало известно о побойще, учиненном Надир-шахом в Дели. Немало этих беглецов попало в руки партизан-сикхов. Отобранное у них имущество составило основу богатства некоторых сикхских вождей. Но гораздо более важно было то, что нашествие Надир-шаха ослабило относительно крепкую власть Закария-хана и вместе с тем привело к разорению многих пенджабских крестьян, у которых завоеватели по пути своего следования отбирали продовольствие, угоняли скот, отнимали последнее достояние. Тяжелая контрибуция, которую Закария-хан выплатил персидскому шаху, в конечном счете тоже была переложена на плечи пенджабского райята. Рост крестьянского недовольства, с одной стороны, полный упадок авторитета как Великого Могола в Дели, так и его наместника в Лахоре, проявивших позорную слабость и бездеятельность при обороне Индии против чужеземных завоевателей, — все это создало исключительно благоприятные условия для дальнейшего подъема сикхского движения.

Сикхи построили свою крепость Далвал на р. Рави. Отсюда конные отряды сикхов совершали набеги до самых пригородов Лахора. Они даже облагали побором в свою пользу жителей Аминабадского округа, расположенного к северу от столицы Пенджаба. Но после кровопролитных боев повстанцы были выбиты из Аминабада правительственными войсками. Пленные сикхи были доставлены в Лахор и казнены. Место их казни до сих пор известно под названием «Шахид Хандж» (место мученичества)¹⁰³. К этому времени отмечаются серьезные перемены во внутреннем устройстве общины и ее военной организации. Принцип выборности командного состава в сикхских отрядах отходит в прошлое. Все большую власть забирают сикхские военачальники, или сардары. Для них устанавливаются и внешние знаки различия: тяжелая золотая цепь на тюрбане, золотые браслеты на руках. Сардары используют свою власть для

¹⁰³ J. D. Cunningham, *A history of the Sikhs...*, p. 93.

захвата добычи, увеличения своего богатства и влияния. Для этого открываются многие возможности. Сикхи совершают налеты на владения мусульманских феодалов и индусских раджей, подвергают их имущество разграблению. Они облагают контрибуциями население городов. Наконец, за свое покровительство и защиту они взимают с населения сельских округов особый сбор в пользу хальсы — так называемый ракхи — в размере $\frac{1}{8}$ урожая¹⁰⁴. Военная добыча, контрибуции и доходы ракхи отчасти шли на общие нужды общины, на сооружение крепостей, приобретение оружия, на пособия семьям сикхов, павших в бою, и т. д. Остальное распределялось между дал хальса — сикхским войском, причем сардары получали большую долю, чем подчиненные им командиры отрядов, а командиры получали больше, чем конные воины; последним доставалось больше, чем воинам-пехотинцам. В сикхском войске укрепились дисциплина и организованность, но оно стало превращаться из партизанских отрядов крестьян и ремесленников в организацию воинов-профессионалов, постепенно отрывавшихся от народа и все больше подчинявшихся власти своих начальников-сардаров. Захват сикхами отдельных крепостей и создание вокруг них территориальных плацдармов для дальнейшей борьбы против своих врагов-феодалов было вместе с тем процессом дальнейшего возвышения сикхских сардаров, ибо при разделе земли сикхи руководствовались тем же принципом, что и при разделе добычи¹⁰⁵. Единой армии хальсы, по существу, не было. Сардары собирались на особые съезды, вырабатывали общие планы операций, договаривались о взаимной поддержке, но единственным начальником своих войск оставался каждый отдельный сардар¹⁰⁶. Над ним не было никакой высшей власти. Правда, рядовые члены секты с полной откровенностью высказывали свое мнение о дей-

¹⁰⁴ Роз переводит «ракхи» как «цена защиты» (Н. А. Rose, *A glossary...*, vol. I, p. 707).

¹⁰⁵ Подробные данные о принципах, на основе которых сикхи производили раздел земли, приводит в своей работе Хари Пам Гупта (Н. R. Gupta, *A history of the Sikhs from Nadir Shah's invasion to the rise of Ranjit Singh (1739—1799)*, vol. I, Simla, 1952, p. 243).

¹⁰⁶ Съезды сикхских вождей этого времени назывались «гуруматта» и обычно открывались общей трапезой, в которой участвовали и рядовые члены секты. Последняя гуруматта состоялась в 1805 г.

ствиях сардаров, последние перед принятием решения ставили вопрос на обсуждение всех сикхов, но самое решение сардар принимал единолично и единолично проводил его в жизнь¹⁰⁷. Все эти изменения во внутренней жизни секты и в организации сикхского войска — дал хальса — можно объяснить началом процесса феодализации сикхской верхушки, началом превращения сардаров в землевладельцев, для которых владение землей становилось источником феодальной эксплуатации. В то же время движение сикхов в целом продолжало играть положительную роль. Сикхи решительно выступали против чужеземных завоевателей Пенджаба, сначала персов, а затем афганцев. Они продолжали героическую борьбу против главных врагов крестьянства — мусульманских джагирдаров и индусских раджей. Именно поэтому пенджабские крестьяне и ремесленники продолжали сочувственно относиться к сикхам и оказывать им помощь, что было решающим в дальнейших успехах сектантов. К началу 40-х годов XVIII в. сикхи становятся в Пенджабе силой, с которой вынуждены считаться и феодалы. Уже в 1740 г. правитель джалландарского Доаба Адинэ-бек вступает в тайные сношения с сикхскими сардарами и принимает на себя оплату их отрядов. Сардары в свою очередь обязываются не нападать на округ, которым правил Адинэ-бек¹⁰⁸. В 1745 г. умер субадар Закария-хан. После его смерти началась борьба за власть над Пенджабом между его сыновьями Яхия-ханом и Хаятуллой-ханом (последний известен также как Шах-Наваз-хан). Эта междоусобная война содействовала дальнейшему усилению сикхов: «Когда бы Яхия-хан ни посылал войска против сикхов, Шах-Наваз-хан не только извещал об этом сикхов через своих эmissаров, но старался

¹⁰⁷ Автор «Хакикат-и Бина ве Урудж-и Фирке-и Сикхан» чрезвычайно верно подметил, что демократическая организация сикхов изживала себя, а подлинным носителем власти становился сардар: «Если для переговоров прибывает вакил от имени какого-либо сардара, уважаемые сардары сначала не вступают с ним в переговоры. В первый день в каком-нибудь месте расстилается ковер, и сикхи, придя толпой, садятся на него вместе с сардарами. Каждый присутствующий высказывает свое мнение... Что сардар хочет сказать сам, он говорит ночью в своем доме шепотом вакилу. После нескольких встреч обеих сторон предложение принимается» («Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkeh-i Sikhan», pp. 23—24).

¹⁰⁸ N. K. Sinha, *Rise of the Sikh power*, p. 10.

разложить войска Яхия-хана. Таким образом, Шах-Наваз-хан тайно помогал сикхам, а временами даже открыто поощрял их, лишь бы сорвать планы своего брата Яхия-хана»¹⁰⁹. Когда же Шах-Наваз-хан победил своего брата и утвердился в Пенджабе, он обрушил жесточайшие репрессии на сикхов. Но последние не были сломлены. В борьбе с новыми чужеземными завоевателями Пенджаба — афганцами — сикхам по праву принадлежит решающая роль.

¹⁰⁹ Ibid., p. 12; ср. «Hakikat-i Bina wa Uruj-i Firkeh-i Sikhan», p. 20.

ВОССТАНИЕ ДЖАТОВ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в. И ОБРАЗОВАНИЕ ДЖАТСКОГО КНЯЖЕСТВА

Вторым значительным народным движением, поднявшимся в Индостане в конце XVII — начале XVIII в., были восстания джатов в непосредственной близости к основным центрам Могольской державы — столичным городам Дели и Агра.

В столичных провинциях (субах) Акбарабад (Дели) и Шахджаханабад (Агра) джаты главным образом сосредоточивались в следующих трех районах: на равнине северного и центрального двуречья Джамны и Ганга (округа Сахаранпур, Музаффарнагар, Мирут, Буландшахр и Алигарх); на равнине по правому берегу Джамны, где джатские селения тянулись на запад до границ Мевата и раджпутского княжества Джайпур; к югу от Агры джаты занимали часть двуречья Джамны и Чамбала¹.

¹ О расселении джатов см.: «The Imperial gazetteer of India», vol. II, London, 1885, p. 372; vol. X, 1886, p. 45; J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, Calcutta, 1934, p. 421; H. A. Rose, *A glossary of the tribes and castes of the Punjab and N. W. frontier province*, vol. I, Lahore, 1919, pp. 15—17. — Значительное число джатов сосредоточивалось в нынешнем штате Уттар Прадеш. По переписи 1891 г., их насчитывалось 728 102 человека, причем в округах Мирут и Алигарх было более 100 тыс. джатов в каждом. «Джаты занимают высокое место среди земледельцев провинции», — сообщает В. Крук (W. Crook, *The tribes and castes of the North Western provinces and Oudh*, vol. III, Calcutta, 1896, p. 35). По данным другого источника (F. S. Growse, *Mathura: a district memoir*, ptpt 1—2, Allahabad, 1874, pp. 12—17, 24—36, 40—59, 89—104), в паргане Кози джаты составляли большинство собственников в 37 из 61 деревни; в паргане Чата — в 7 из 11; в паргане Махабан — в 82 из 103. В округе Хисар (Пенджаб) джаты владели 316 деревнями («Gazetteer of the Hissar district», Lahore, 1884, p. 83). В округе Рохтак (Пенджаб) джаты составляли 58% крестьян. В их владении находилась подавляющая часть земли («Gazetteer of the Rohtak district», Lahore, 1884, p. 57).

В экономическом отношении вся эта область была одной из наиболее развитых в тогдашней Индии. К юго-западу от Агры с центром в Байане располагался район производства индиго, находившего спрос не только в Индии, но далеко за ее пределами.² Сюда съезжались как индийские купцы, так и агенты голландской, английской и французской Ост-Индских компаний. Скупкой индиго занимались приезжие купцы-армяне. Здесь побывал в самом конце XVII в. купец гостиной сотни Семен Маленький, закупивший груз индиго и тканей для вывоза в Россию³. Агра и ее округа также славились производством замечательных хлопчатобумажных тканей искусной ручной работы. Они главным образом шли на потребление знати и двора Моголов и на экспорт за границу. Изготовлением этих тканей занималось крестьянство окрестных деревень⁴.

Район Дели — Агра лежал на скрещении важнейших торговых путей, шедших с запада (Афганистан, Пенджаб) на восток (долина Ганга) и с юго-запада (Декан и Малабарское побережье) на север (Индостан). Агра и Дели были соединены между собой большой императорской дорогой и поддерживали оживленные торговые связи со многими частями Индии. С одной стороны, феодальная знать столичных городов предъявляла большой спрос на предметы роскоши, с другой стороны, их многочисленное население нуждалось в различных продовольственных продуктах⁵.

² О торговле индиго и ее значении см. в кн.: F. Pelsaert, *Jahangir's India*, London, 1925, pp. 15—18; J. Tavernier, *Travels*, vol. II, London, 1925, p. 426. — Краситель вырабатывался не только в городах и местечках Байан и Чханва, Бассовар и Хишдаун, но и в 56 деревнях, расположенных в этой округе. Вторым центром производства индиго был Саркедж в Гуджарате. Но индиго Байаны считался лучшим в Индии.

³ Характерно, что Семен Маленький покупал индиго непосредственно в деревне. «Деревня Хурджи здесь покупала краски лавр» («Сказка человека Рижского обер-инспектора Исаева Андрея Семенова о путешествии, совершенном им в Персию и Индию, с торговым человеком гостиной сотни Семеном Маленьким», — «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I, СПб., 1871, стр. 219).

⁴ См. N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. II, London, 1907, p. 424.

⁵ Необходимо также учесть наличие массы наемных войск в Дели и Агре, снабжавшихся через рынок. В Дели гарнизон превышал 100 тыс., в Агре был меньше. Бернье рассказывает о Дели, что здесь было большое количество лавок и рынков, где продавались

Все это не могло не оказать своего влияния на развитие товарно-денежных отношений, захватывавших и джатское крестьянство.

Скупщики и торговцы обычно закабалили производителей индиго и деревенских ткачей посредством денежных авансов, так называемых дадан, беспощадно эксплуатируя крестьян⁶. Таким образом, джаты страдали не только от феодальной эксплуатации, но и от хищнической деятельности скупщиков, торговцев и ростовщиков. Близость к столичным городам Моголов несла и другие тяготы джатскому крестьянству. На постройку и ремонт дворцов, мечетей и крепостей Моголы сгоняли десятки тысяч крестьян, используя их бесплатный принудительный труд. Наконец, Дели и Агра были военными центрами Моголов: отсюда совершалось непрерывное движение войск, главным образом на юго-запад полуострова, где Моголы вели длительные войны сначала против деканских султанатов, а затем против маратхов. Войска нещадно грабили крестьян на своем пути, отнимая у населения продовольствие, скот и даже разрушая целые деревни. Джатским деревням приходилось особенно часто выдерживать нападения этой «саранчи». Очевидец Мануччи отмечал, что крестьянам, «помимо всех этих тягот (он перечисляет различные виды феодальной эксплуатации.—И. Р.), приходится претерпевать и другие невзгоды, ибо, когда проходят солдаты, они грабят все, на что можно наложить руку — скот, запасы продовольствия, сена, соломы. Они разрушают дома, чтобы раздобыть топливо, они грузят на плечи крестьян свой багаж и ударами заставляют их нести его»⁷. Крестьянство района Дели—Агра подвергалось более интенсивной эксплуатации, феодальный гнет был здесь невыносимее, чем во многих других областях Индии; противоречия между крестьянами и феодалами достигли здесь исключительной напряженности.

рис, овощи, зерно, фрукты, масло, мясо, живая птица, сладости и другое продовольствие ([F. Bernier], *«Voyages de François Bernier contenant la description des états du Grand Mogol, de l'Hindustan, du Royaume de Kashmire etc»*, vol. II, Amsterdam, 1669, pp. 24—25).

⁶ О системе денежных авансов (дадан) см.: J. Tavernier, *Travels*, vol. II, p. 32; W. H. Moreland, *India at the death of Akbar*, London, 1920, p. 185.

⁷ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 452.

Основной формой эксплуатации оставался налог-рента, всей своей тяжестью ложившийся на крестьян-общинников. Ремесленники и слуги общины вообще не платили поземельного налога. Земельные участки должностных лиц общины обычно освобождались от этого налога. Пришлые крестьяне, являвшиеся временными держателями общинной земли, не были членами общины, не имели права участвовать в решении общинных дел, но зато платили поземельный налог в уменьшенном размере (кроме налога, они, само собой разумеется, платили ренту общине или отдельным общинникам, у которых арендовали землю) и не были связаны круговой порукой по своевременной и полной выплате налога в казну. Другим было положение основного отряда тяглого крестьянства — крестьян-общинников. Именно полноправные общинники несли всю тяжесть налогового тягла. В случае неуплаты ренты-налога власти захватывали их имущество и скот, а крестьянских жен и детей продавали в рабство. Общинники были связаны круговой порукой, и это было дополнительным источником их разорения. Если земля оставалась необработанной в случае бегства, болезни или смерти владельца, причитавшийся с нее налог раскладывался на остальных членов общины. С другой стороны, у общинников было что защищать. Они были наследственными владельцами своих наделов пахотной земли. Каждый надел имел особое наименование и переходил из поколения в поколение в пределах одной и той же семьи. Общинник обладал полным сознанием своих прав и лишался земли только в исключительных случаях (например, в случае участия в восстании); даже длительное отсутствие не вело к прекращению его права на наследственную землю.

Джатская община была соседской, но внутри нее сохранились некоторые остатки родовых делений. Справочник дистрикта Рохтак сообщает о джатской деревне: «Деревня состоит из главных подразделений, обычно именуемых панах, и вторичных подразделений, называемых тхаль. Эти внутренние подразделения возникли в силу множества различных причин: по числу сыновей или жен основателя деревни или его выдающегося потомка; по числу представителей различных племен, обосновавшихся в данной деревне; из-за ссоры ме-

жду семьями или в силу ошибок, допущенных налоговым чиновником. Каждый панах и тхаль имеет своего старшину. Если это крупный панах, то он имеет несколько старшин и делится на несколько тхалей, если небольшой, то возглавляется одним старшиной. Почти такое же значение, как старшины, имеют главы тхалей (тхальдары), которые вместе со старшинами образуют совет общины или панчаят»⁸. По нашему убеждению, панах есть остаток родовой общины, а тхаль — остаток большой семьи патриархально-семейной общины. Панах у джатов может быть сближен с канда в афганской общине, с тарафом — в пенджабской и махалем — в персидской, а тхаль — с маратхским тхалем и афганским брака-кором.

Как уже указывалось, джаты были одной из наиболее многочисленных земледельческих каст северозападной Индии и в большинстве принадлежали к числу полноправных крестьян-общинников. Они считались хорошими солдатами-пехотинцами, и Моголы в отдельных случаях привлекали их в качестве наемников в свои войска. Военное дело не считалось зазорным для джатов, и некоторые исследователи даже считают возможным называть их военно-земледельческой кастой⁹. Во всяком случае, не приходится отрицать, что джаты обладали некоторыми военными навыками. Это обстоятельство весьма пригодились им в ходе восстаний против феодалов.

Сословно-кастовая группа джатов не была однородной. С одной стороны, она делилась на ряд кастовых

⁸ «Gazetteer of the Rohtak district», p. 72.—По данным Вильсона, в районе Агра — Дели в общине имелись следующие слуги и ремесленники: лохар (кузнец), бархал (плотник), жумхар (гончар), дхоби (прачка), наи (цирюльник), кахар (носильщик), сагга (водонос), дарзи (портной), дом (музыкант), дхуния (прессовальщик хлопка), чипи (клеящий ткани), ранг-рези (красильщик), дханук (посыльный), хакроб (уборщик), чамар (скорняк), даураха (проводник), брахман (жрец). Общинные слуги и часть ремесленников принадлежали к числу «неприкасаемых» и именовались «камин» (H. H. Wilson, *A glossary of judicial and revenue terms and of useful words occurring in official documents relating to the administration of the government of British India*, Calcutta, 1940, p. 83).

⁹ А. М. Дьяков, *К вопросу о национальном составе населения Индиш*, — «Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. I, М.—Л., 1947, стр. 326.

подразделений, одни из которых занимали более высокое, другие более низкое положение в кастовой иерархии. В ряде случаев браки между различными внутрикастовыми подразделениями джатов исключались, и джаты более «высокого происхождения» смотрели сверху вниз на остальных членов касты. Были среди джатов и «неприкасаемые», находившиеся на положении униженных изгоев¹⁰.

Индийский ученый Саркар подчеркивает разницу между теми джатами Пенджаба, которые стали участниками движения сикхов, и джатами Агры—Дели, которые не порвали с кастой и остались в лоне правоверного индуизма: «Джаты, принявшие религию гуру Говинда, сплотились в подлинное братство. Это внутреннее единство отсутствовало у джатов-индусов, среди которых существовали бесчисленные мелкие различия религиозно-сектантских и семейно-родовых групп в составе одной и той же касты, создавая почти такое же деление, как между брахманами и шудрами. Так, например, джаты Мирутской области разделялись на две ветви—хелов и дже, которые не вступали между собой в браки, причем первые презирали вторых, как людей менее чистой крови»¹¹.

В классовом отношении джаты также не были однородны. «Неприкасаемые» джаты фактически являлись полурабами, полукрепостными, прикрепленными к общине и обслуживающими ее. Наибольшие выгоды от их эксплуатации, разумеется, извлекали не рядовые общинники, а верхушка. Так же как у маратхов, в джатской общине высшие должностные лица находились в привилегированном положении. Старшина, его помощник и писец имели освобожденные от налога участки земли и вознаграждались определенным отчислением с общей суммы собранной ренты-налога. Они являлись низовым звеном феодального налогового аппарата, пользуясь соответственной административной и судебной властью над своими односельчанами¹². Кроме того,

¹⁰ W. Crook, *The tribes and castes...*, pp. 31—32.

¹¹ J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 422. См. также: «Gazetteer of the United provinces», vol. VII, Mutra—Allahabad, 1911, p. 10.

¹² «Gazetteer of the Rohtak district», p. 78.

общинная верхушка облагала крестьян и ремесленников общины традиционными поборами и повинностями в свою пользу. Взятые в отдельности, они не были велики (несколько снопов с каждого крестьянского поля, две-три вязанки топлива с деревенского сторожа, пара обуви в год с башмачника), но в совокупности они давали изрядный доход. Свои освобожденные от налога участки земли (они были больше обычного крестьянского надела и, вероятно, включали земли более высокого качества) общинная верхушка либо сдавала за плату или из доли урожая держателям из пришлых крестьян, либо привлекала к обработке «неприкасаемых». И старшина, и его помощники, и писец стремились превратиться, а в некоторых случаях превратились, в маленьких феодалов¹³. В то же время джатская верхушка была тесно связана с жизнью общины, еще не обособилась от нее и по своей касте принадлежала к тем же джатам, что и основная масса крестьян-общинников. За своевременную выплату поземельного и других государственных налогов, за поставку положенного числа людей в порядке бегара, за снабжение фуражом и продовольствием проезжих чиновников и проходивших войск в первую очередь отвечали старшина и другие должностные лица общины. Отвечали всем своим имуществом и даже головой. Общинная верхушка, как и трудовые крестьяне, подвергалась пыткам, поркам, насилию и грабежу со стороны могольских сборщиков налогов и военных властей. Немудрено, что старшины принимали видное участие в восстаниях джатского крестьянства, выступая в качестве его «естественных» вождей и руководителей. Но это не значит, что цели крестьян и общинной верхушки совпадали. Одни поднимались против феодального строя, расшатывая самые его основы, другие стремились устранить могольскую знать и могольскую налоговую систему, превратиться из маленьких феодалов в крупных и самим захватить власть.

¹³ В начале XVII в. из числа джатов выделились отдельные феодальные дома. Их представители назначались Моголами правителями округов и получали обширные джагиры (см. «Gazetteer of the United Provinces», vol. VI, Aligarh, pp. 78, 93—94; vol. XVI, Moradabad, p. 92; vol. XIV, Bijnor, pp. 98, 109, 115; vol. VII, Muttra, p. 124).

Первое восстание джатов началось в 1669 г., в округе Матхура на правом берегу Джамны. Во главе восставших стоял джат по имени Гокла. Восстание быстро разрасталось. Повстанцы одержали ряд побед. Тогда могольские власти попытались подкупить вождя повстанцев, предложив ему джагир и полное прощение в случае перехода на их сторону. Гокла отверг это позорное предложение и продолжал борьбу. В конце концов могольскому военачальнику Хассан Кули-хану удалось разбить повстанцев: «Они бились до полудня, когда, будучи не в состоянии больше сопротивляться, многие из джатов перебили своих женщин и бросились на мечи Моголов с бешенством отчаяния»¹⁴. Но это поражение не положило конец борьбе. Гокла принял еще один бой с Моголами.

Это было кровопролитное сражение: Моголы потеряли 4 тыс. солдат убитыми, повстанцы — 5 тыс.; 7 тыс. повстанцев попали в плен, в том числе и Гокла. Каратели учинили над ними зверскую расправу. «Это было чисто аграрное восстание»¹⁵, — замечает по поводу событий 1669 г. индийский ученый Саркар.

В 1671—1672 гг. произошло второе восстание, опять на правом берегу Джамны, но на этот раз значительно западнее, на самых границах Мевата, в округе Нарнауле. Оно известно как восстание сатнами, по имени возглавившей его религиозной секты сатнами, или мунда.

Хафи-хан, современник событий 1672 г., следующим образом объясняет значение первого названия: «В духе своих религиозных убеждений они облагородили себя наименованием „доброе имя“, что является значением сат-нам»¹⁶. Ирвин в своей комментарии к «Истории Могола» Мануччи переводит «мунда» как бритый, что, очевидно, указывало на внешний признак, выделявший сектантов среди остального населения¹⁷. О классовом и кастовом составе сектантов источники дают следующие сведения.

¹⁴ J. Sarkar, *History of Aurangzib*, vol. III, Calcutta, 1916, p. 334.

¹⁵ Ibid., p. 335.

¹⁶ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab of Khafi Khan»*, vol. II, Calcutta, 1874, p. 252.

¹⁷ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 167.

Хафи-хан указывает: «Эти люди одеваются подобно факирам, но они тем не менее занимаются земледелием и торговлей, хотя их торговля имеет малый оборот»¹⁸. В другом месте Хафи-хан сообщает, что повстанцы были земледельцами в округах Нарнаул и Меват. Другой источник, «Маасир-и Аламгири», характеризует повстанцев как «банду жалких и кровавых возмутителей, плотников, подметальщиков, золотых дел мастеров, дубильщиков кожи и других существ, внушающих отвращение, хвастунов и негодяев всякого рода»¹⁹. Следует помнить, что подметальщик и дубильщик принадлежали в индийской деревне к числу «неприкасаемых» каст. Следовательно, в восстании 1672 г., в отличие от восстания 1669 г., приняли участие не только крестьяне-общинники, но самая приниженная и угнетенная прослойка деревни — «неприкасаемые». Это подтверждает и Мануччи. Он говорит об участниках восстания как о «людях низкой касты»²⁰. Если свести в общую картину данные Хафи-хана, Саки Мустаидд-хана и Мануччи, то получается, что сектанты (они же повстанцы) состояли из крестьян, мелких торговцев, общинных слуг и ремесленников. Они принадлежали к низшим кастам, включая «неприкасаемых».

Основной движущей силой, разумеется, было крестьянство. Об этом говорят сами обстоятельства начала восстания. Приводим свидетельство Хафи-хана: «В то время, когда Аурангзеб возвратился из Хасан Абдалли (после афганской кампании. — И. Р.), как-то около Нарнаула произошло столкновение между членом этой секты, занятым земледельческим трудом, и солдатом, сторожившим урожай (солдат, очевидно, представлял интересы налоговых властей или местного джагирдара. — И. Р.). Солдат проломил палкой голову сатнами. Тогда собрались несколько членов секты и так избили солдата, что он упал замертво. Когда известие об этом достигло шиккдара (налогового чиновника), то он собрал своих людей и послал их арестовать упомянутых сатнами. Между тем собралось множество сатнами. Они напали

¹⁸ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 252.

¹⁹ Саки Мустаидд-хан, *Маасир-и Аламгири* (цит. по английскому переводу в кн.: Н. Elliot and J. Dawson, *The history of India as told by its own historians*, vol. VII, London, 1877, p. 185).

²⁰ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 167.

на людей шиккдара, одолели их, нескольких ранили и отняли у них оружие»²¹.

Другую версию начала восстания передает Мануччи: «Когда Аурангзеб вернулся в Дели (после афганской кампании. — И. Р.), эти люди (речь идет о джатах. — И. Р.) отказались платить налог. Поэтому он был вынужден направить против них войско и избрал для этой цели начальника по имени Мултафат-хан...» Далее рассказывается о судьбе этой карательной экспедиции: «Они (джаты. — И. Р.) сражались с таким отчаянием, что разгромили силы Мултафат-хана и взяли его в плен»²². Таким образом, начало восстания в представлении Мануччи связывается со столкновением между могольскими властями и джатским крестьянством на почве сбора поземельного налога. Важно и то, что Мануччи считает именно джатов основными участниками восстания.

О самой секте сатнами мы знаем очень мало. По словам Хафи-хана, сектантам не дозволялось приобретать богатство иначе, как законным образом. Если кто пытался обижать или угнетать их, применяя насилие или используя свою власть, они этого не терпели. Многие из них имели и вооружение²³. Отсюда можно сделать вывод об антифеодальном характере деятельности секты (сектанты выступают против насилия и притеснений феодалов и могольских властей), но нельзя составить сколько-нибудь ясного представления о самой идеологии сатнами. Движение с самого начала имело массовый характер. Мануччи определяет число его участников в 25 тыс. человек²⁴. В «Маасир-и Аламгири» сообщается, что «они собрались неожиданно, подобно тому как белые муравьи появляются на земле или саранча падает с неба»²⁵. Затем приводятся более конкретные данные: «Скопище в 5000 человек собралось в окрестностях Нарнаула и подняло открытое восстание»²⁶.

Фаудждар Нарнаула Кар Талеп-хан оказался не в состоянии подавить восстание. Сначала он послал против сатнами значительные силы пехоты и конницы, но

²¹ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 252.

²² N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, pp. 223—224.

²³ [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 252.

²⁴ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 167.

²⁵ Цит. по кн.: H. Elliot and J. Dawson, *The history of India...*, p. 186.

²⁶ Ibid., p. 187.

они были разбиты и обращены в бегство. Второй раз Кар Талеп-хан собрал еще более крупное войско. Оно включило не только его собственных солдат, но отряды окрестных феодалов. Во главе этих сил выступил фаудж-дар лично, но был разгромлен и вынужден бежать. Сатнами захватили Нарнаул и ряд других городов. Они устанавливали свое управление, размещали везде гарнизоны и военные посты, стали собирать налоги. Восстание продолжало стремительно разрастаться. Не ограничиваясь обороной, сатнами предприняли смелый поход на Дели, чтобы нанести удар в сердце Могольской державы. «Аурангзеб посылал одно войско за другим, чтобы усмирить восстание, но все эти войска терпели поражение и рассеивались»²⁷. Повстанцы, по-видимому, овладели большей частью равнины на правом берегу Джамны и приблизились к Дели на расстояние 16—17 косов (60—70 км). «Слухи о поднятой ими сумятице докатились до Дели, где стал ощущаться недостаток зерна, и горожане были очень встревожены и обеспокоены»²⁸. Повстанцам начали приписывать сверхъестественную, чудодейственную силу: «Передавали, что мечи, сабли и пули были бессильны против этих людей, в то время как каждая выпущенная ими против императорской армии стрела или пуля поражала двух-трех солдат»²⁹. Могольский двор был охвачен паникой. Великие раджи и испытанные военачальники не решались вступать в бой с сатнами. В конце концов Аурангзебу удалось снарядить против них еще одно сильное войско, располагавшее довольно многочисленной артиллерией. Саки Мустаидд-хан рассказывает следующее о решающей битве, происшедшей на юго-западных подступах к Дели: «Императорские войска вступили в бой, повстанцы не дрогнули и, хотя они совершенно не были снабжены настоящими орудиями войны, хорошо использовали имевшееся у них оружие. Они сражались с доблестью прежних повстанцев (для хрониста-мусульманина «повстанец» в данном случае синоним индуся. — И. Р.), чьи дела отмечены в истории, и народы Индии называют эту битву Махабхаратой из-за большой потери (боевых. — И. Р.) слонов в течение этого решающего дня. Герои ислама стреми-

²⁷ [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 253.

²⁸ Ibid., p. 254.

²⁹ Ibid., pp. 253—254.

тельно нападали и обагрили свои сабли кровью этих отчаянных людей. Битва была ужасна... В конце концов враг был сломлен и бежал, его преследовали и убивали. Лишь немногие остались в живых. Полная победа увенчала усилия императорских военачальников, и эти области были очищены от присутствия отвратительных еретиков»³⁰. Как видно, даже придворный хронист Аурангзеба в описании битвы невольно отдал должное исключительному героизму и мужеству повстанцев. Можно думать, что в разгроме сатнами решающее значение имело превосходство вооружения Моголов—наличие артиллерии и боевых слонов.

О дальнейшей деятельности секты сатнами (после 1672 г.) ничего не известно. В следующих джатских восстаниях участие сатнами не отмечается. Руководителями новых восстаний выступают не просто крестьяне (как Гокла) и не сектанты (как сатнами), а джатские старшины: старшина деревни Сансани Раджа Рам (1686), его брат Чураман (1721) и, наконец, Бадап Сингх (1756), основатель фактически самостоятельного джатского княжества.

Третье по счету крупное восстание джатов началось в 1686 г., когда основные силы Моголов под личным руководством Аурангзеба стояли под стенами Биджапура, готовясь окончательно уничтожить Биджапурский султанат. Мануччи рассказывает об этих событиях следующее: «Если в прежних случаях они (крестьяне области Агра. — И. Р.) удовлетворялись тем, что отказывались платить налоги, то на этот раз они нанесли величайшее оскорбление дому и династии Тимур Ленга. Пользуясь тем случаем, что Аурангзеб был занят на Декане под Биджапуром, они доказали, что совершенно не считаются ни с его могуществом, ни с его политикой, ни с его правителями. Они подготовили и успешно осуществили очень смелое предприятие. Давно недовольные налоговыми требованиями правителей и фаудждаров, они собрались в большом числе и подступили к мавзолею Акбара, этого великого завоевателя. Против живого Акбара они ничего не могли сделать, но они обрушили свою месть на его гробницу. Сломав большие бронзовые ва-

³⁰ Саки Мустаидд-хан, *Маасип-и Аламгири* (цит. по кн.: Н. Elliot and J. Dawson, *The history of India...*, p. 186).

рота мавзолея, они начали грабеж. Они разграбили золотые и серебряные плиты и драгоценные камни (облицовки) и разрушили все, что не могли унести. Вытащив кости Акбара, они гневно бросили их в огонь и сожгли»³¹. Повстанцы, возглавленные Раджа Рамом, перерезали дорогу между Дели и Агрой, нападали на города, уничтожали могольские войска и могольских налоговых чиновников.

На усмирение джатов был послан один из виднейших могольских вельмож — Бахадур-хан, молочный брат императора, но это оказалось весьма трудной задачей. «Будучи храбрым человеком, этот начальник признал, что ничего не в состоянии сделать против упорства этих свирепых чудовищ. Поэтому он призвал (на помощь) внуков раджи Джай Сингха и много других раджей, чтобы по крайней мере вынудить крестьян к отступлению. Большого он не был в состоянии добиться без того, чтобы не причинить тяжелых потерь своему войску, и без того, чтобы полностью не разорить страну. Но даже этого было не так легко добиться... Он сумел заставить их отступить, не пытаясь что-либо предпринять против них сверх этого»³². Мануччи не был очевидцем этих событий; он в эти годы находился на юге Индии, и его рассказ неточен. В июле 1688 г. Моголы взяли опорный пункт джатов — местечко Сансани, сильно укрепленное повстанцами. Но в основном Мануччи прав: карателям не удалось подавить восстание. В руках повстанцев оставалась значительная территория на правом берегу Джамны, куда ни могольские войска, ни сборщики налога не имели доступа. Раджа Рам погиб раньше — не в боях с Моголами, а во время междоусобной стычки среди самих джатов. Вождем стал его родной брат Чураман. На освобожденной от Моголов территории каждая джатская деревня окружалась стенами и изгородями из колючих растений, превращаясь в маленькую крепость. Кроме того, сам Чураман укрепил несколько за-

³¹ N. Manucci, *Storia do Mogor...*, vol. II, p. 320. — Ирвин в своем комментарии к Мануччи приводят интересные выдержки из хроник современника этих событий Ишар Даса («Фатухат-и Алам-гири»), где говорится, что первое нападение на Сикандра было отбито местным могольским фаудждаром Мир-Абул Фазлем и лишь в результате второго нападения Раджа Рам и его джатские отряды овладели городом и разграбили гробницу Акбара (ibid).

³² Ibid., p. 321.

хваченных повстанцами городов, окружил их рвами и толстыми земляными стенами.

На этот раз повстанцы продержались пять лет, и только в 1691 г. Моголы восстановили здесь свою власть, но ненадолго. Сам Чураман сумел спастись и в 1705 г. поднял новое восстание. События 1686—1691 гг. весьма поучительны. Они показали ослабление Моголов и возросшую силу сопротивления джатского крестьянства. Моголы оказались не в состоянии справиться с повстанцами и призвали на помощь раджпутских раджей и феодалов: раджу Джайпура Джай Сингха, раджу Амбера Биши Сингха и др. Местные раджпутские землевладельцы также выступили против джатов. Саркар указывает: «Раджпуты вечные враги джатов». Это правильно в том же смысле, как дворянство является врагом крестьян. Сам Саркар наглядно раскрывает классовую сущность этой вражды. «Занятие страны (областей Матхуры и Агры. — И. Р.) джатами могло бы осуществиться только за счет существующей более высокой землевладельческой прослойки, и поэтому оружие каждого заминдара — раджпута или гуджара — было обращено против сил джатов»³³.

Мелкие раджпутские феодалы, ещё сохранившие свои значительно урезанные мусульманскими феодалами владения в области Матхура — Агра, очевидно, соединились с могольской властью в общей борьбе против джатских восстаний, угрожавших не только власти крупных могольских феодалов, но и им самим. Что же касается князей соседней Раджпутаны, а прежде всего джайпурского раджи Джай Сингха, чьи земли непосредственно граничили с районами джатских восстаний, то они, надо полагать, были весьма заинтересованы в том, чтобы поскорее усмирить джатов, и оказали в этом деле значительную военную помощь Моголам.

Изменение в характере руководства джатскими восстаниями было уже отмечено нами. Во главе восстания стояли теперь старшины деревень. Изменилась и тактика повстанцев: они стремились укрепиться в определенном районе, создать здесь свои крепости, как бы отделиться от Могольской державы. Уже в ходе восстания 1686—1691 гг. выступает тенденция к образованию

³³ J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 423.

своего самостоятельного джатского княжества, явно отвечающая интересам джатской верхушки.

О следующем джатском восстании, 1705 г., известно очень немного. Мануччи лишь бегло упоминает о нем: «В это время (1705 г. — *И. Р.*) его величество получил известие, что крестьяне провинции Агра восстали. Они разграбили предместья города (очевидно, Агры. — *И. Р.*) и закрыли дороги в этой части Индии»³⁴. Во главе повстанцев стоял Чураман; опорным пунктом восставших служило, как и прежде, местечко Сансани, к западу от Матхуры. В октябре 1705 г. Моголы взяли штурмом Сансани и разрушили его. Но джатские восстания не прекратились. Они, если можно так выразиться, становятся хроническим явлением. Под руководством Чурамана джаты вели непрерывную борьбу против могольских властей и джагирдаров. Под влиянием джатов оказалась значительная часть правобережья Дамны. В отвоеванных районах они строили свои крепости и укрепленные пункты. Главной крепостью Чурамана стала Тхун. Дальнейшее ослабление Могольской державы, ее неудачи в войне с маратхами, рост феодального сепаратизма и народного недовольства (здесь на первом месте надо поставить борьбу сикхов в Пенджабе) создали весьма благоприятную обстановку для выступлений джатов. Их неожиданные налеты на города и замки, организация засад на основных дорогах области Дели—Агры, нападения их партизанских отрядов на могольские войска приводили в смятение и замешательство их врагов. Во время междоусобной войны сыновей Аурангзеба за престол джаты после битвы при Джаджау (18 июня 1707 г.) успешно напали на отступавшие войска царевича Азама, убили множество солдат и захватили богатую добычу³⁵.

Еще более дерзко и решительно действовали джаты во главе с Чураманом во время войны за престол (1720), когда Мухаммед-шах выступил против всесильного временщика Сайида Абдуллы-хана. В день Хасанпурской битвы (13 ноября 1720 г.) джаты напали на лагерь Мухаммед-шаха, ворвались в него, нанесли существенный урон Моголам и захватили часть личного имущества самого падишаха. Вытесненные из лагеря, они

³⁴ N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. IV, London, 1908, p. 242.

³⁵ W. Irvine, *The army of the Indian Moghuls*, London, 1903, p. 258.

тем не менее повторили свое нападение, но на этот раз были отбиты. Когда войска Мухаммед-шаха схватились с силами Сайида Абдуллы-хана, джаты напали на тылы обоих противников и захватили крупную добычу³⁶.

Утвердившись на престоле, Мухаммед-шах в 1723 г. направил против Чурамана и джатов крупные военные силы во главе с раджей Джайпура Джай Сингхом, незадолго до того назначенным субадаром Агры. Основное ядро этих войск составляли раджпутские контингенты самого Джай Сингха. В борьбе против джатов Джай Сингх сочетал войну с искусной дипломатией, сея раздоры и разногласия в джатской верхушке³⁷. Он обещал отдельным джатским главарям земельные пожалования и высокие посты в случае перехода на сторону Моголов. На их сторону перешел младший брат Чурамана — Бадан Сингх. С помощью этого предателя Джай Сингх в 1723 г. взял джатскую твердыню Тхун. Город был разрушен до основания, и по приказу победителя его развалины были вспаханы ослами, чтобы на этой земле никогда больше не селились люди. Сам Чураман покончил жизнь самоубийством. Джай Сингх провозгласил вождем джатов Бадан Сингха³⁸ «Собранные и объединенные Чураманом джатские отряды, избежавшие истребления на поле битвы, разошлись по домам и были вынуждены перековать свои мечи на плуги... Деятельность Раджа Рама и Чурамана не оставила никакого следа, и их преемнику пришлось начинать все с самого начала»³⁹. Такая оценка восстания джатов, данная Саркар, на наш взгляд, неправильна. Джатские восстания не прошли бесследно ни для державы Моголов, ни, тем более, для крестьянства столичной области. Они были новым ударом по господству феодалов как мусульманских, так и индусских (раджпутских), они подрывали самые основы Могольской державы. Особое значение их заключалось в том, что они создавали непосредственную угрозу главному военному и политическому центру этого государства — его столице Дели. Что же касается крестьянства, то, став на путь решительной вооруженной борьбы с феода-

³⁶ Ibid., pp. 247, 250. См. также [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab...»*, vol. II, p. 930.

³⁷ M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, pp. 695—696.

³⁸ F. S. Growse, *Mathura: a district memoir*, p. 23.

³⁹ J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 426.

лами и всей их системой принуждения (войско, налоговый аппарат и т. д.), оно в результате этой борьбы надломило силы своих врагов и облегчило собственное положение. Если не все крестьянство столичного района Дели—Агры, то значительная часть его, принимавшая героическое участие в антифеодальной борьбе на равнине по правому берегу Джамны, на более или менее продолжительные сроки вообще избавлялась от феодальной эксплуатации в тех районах, из которых удавалось изгнать могольские войска, могольских сборщиков налога, а заодно с ними и мелких раджпутских феодалов. В результате карательных экспедиций Моголам удавалось ненадолго восстанавливать старые порядки, но эта реставрация была временной и непрочной. Новое восстание сметало их с большей легкостью, чем предыдущее. Наши источники весьма неполны, отрывочны, но все же создается определенное впечатление, что с конца XVII в. многие джатские районы правобережья Джамны фактически освободились от господства Моголов. Аурангзеб, конечно, был в состоянии уничтожить отдельные опорные пункты восстания, наносить отдельные, иногда даже крупные, поражения отрядам крестьян, учинять жесточайшие расправы над джатами, но Моголы были совершенно бессильны брать с боем каждую деревню, укрепленную и защищавшуюся крестьянами, оказывавшими отчаянное вооруженное сопротивление. Крестьяне поняли, что их спасение лежит в борьбе, поняли, что врага можно побеждать, и в этом была огромная сила джатских восстаний. Надо думать, что в результате этой антифеодальной борьбы, несмотря на тяготы и опустошения войны с Моголами, материальное положение джатского крестьянства не ухудшилось, а, наоборот, значительно улучшилось, ибо крестьяне больше не платили чудовищный налог-ренту, крестьян больше не подвергали пыткам и поркам, их жен и детей больше не продавали в рабство.

В то же время восстаниям джатов были присущи свои большие слабости. Если можно предполагать (хотя вопрос требует дальнейшего изучения), что восстание 1669 г. под руководством Гокла и восстание сатнами 1672 г. охватывали все крестьянство, включая все кастово-сословные группы деревни, в том числе и «неприкасаемых», то в дальнейшем каста становится своеобраз-

ной формой или оболочкой крестьянского движения. Джаты поднимаются на борьбу именно как члены определенной, наследственно замкнутой кастовой группы. Это одно создавало препятствие сколько-нибудь прочному объединению самих джатов, которые были разъединены внутри бесчисленными перегородками подкастовых делений, и в особенности объединению джатов с остальным крестьянством, не говоря о деревенских «неприкасаемых». Но если каста отделяла джатов от остального крестьянства и препятствовала сплочению их самих в целях антифеодальной борьбы, то эта же каста создавала видимость единства между рядовыми общинниками и эксплуататорской верхушкой общины. Надо думать, что в прямых интересах феодализировавшейся общинной верхушки джатов было навязать движению указанную кастовую форму, которая облегчала эксплуататорским элементам подчинение рядовых общинников своему руководству и влиянию. В этом сказалась не только, если можно так выразиться, классовая линия эксплуататорской верхушки, но огромная сила индийской общины с ее хозяйственной замкнутостью, традиционным разделением ремесла и земледелия внутри нее и, наконец, осквернявшими ее остатками рабства, притом таких его форм, в которых община выступала в качестве своего рода коллективного рабовладельца. Своеобразной надстройкой над этим базисом являлась система сословно-кастовых различий внутри общины с ее делением на более высокие касты полноправных общинников (те же джаты), общинников неполноправных, различные ремесленные касты и «неприкасаемых» слуг. Антифеодальная борьба джатов была целиком направлена против «внешних врагов», стоявших за пределами общины, но совершенно не затрагивала общины как таковой. В этом, пожалуй, заключался дополнительный источник слабости джатских восстаний. На их гребне, как мы увидим дальше, возвысились «свои», джатские феодалы, выросшие из самой деревенской общины и органически связанные с ней. Если до 1723 г. джатские старшины еще не противопоставляли себя открыто общине, не порывали с ней окончательно связи, не располагали особой вооруженной силой и принудительным аппаратом власти, то в дальнейшем создается джатское феодальное княжество, а Бадан Сингх — наи-

более выдающийся из представителей джатской верхушки — становится его раджей, или государем. Нет никаких сомнений, что самая война с Моголами обогатила джатскую верхушку (военная добыча), увеличила ее авторитет и власть, дала ей возможность приступить к созданию отрядов из всецело преданных и зависимых людей, своеобразных дружин, явившихся ядром феодального войска будущих джатских раджей.

После гибели Чурамана наибольшее влияние среди джатов приобрел Бадан Сингх, являвшийся, подобно прежним вождям джатов, деревенским старшиной. Но его политика резко отличалась от политики его предшественников⁴⁰. Он стал джатским вождем при помощи Моголов, получив власть в награду за предательство. Бадан Сингх прежде всего стремился заручиться защитой и покровительством субадара Агры раджи Джай Сингха, давнего врага джатов. Последний был в свою очередь заинтересован в прекращении войны с джатами и мирном соглашении с их вождем, что значительно укрепило бы положение самого Джай Сингха как могольского правителя. Он сначала предоставил Бадан Сингху звание тхакура (в индусской феодальной иерархии тхакур занимает второе место после раджи), а затем и титул браджа-раджи как правителю священной для ортодоксальных индусов Матхуры. Кроме того, Джай Сингх поручил Бадан Сингху охрану императорской дороги между Дели и Агрой. Дальнейшее ослабление Могольской державы и покровительство Джай Сингха облегчили Бадан Сингху создание самостоятельного джатского княжества. Он завел постоянное войско, вооружил джатскую пехоту мушкетами, создал конницу, сформировал артиллерию. В своих владениях он построил ряд крепостей (Диг, Кумбхар, Вер и Баратпур). Окруженные глубокими рвами и толстыми земляными стенами, на которых стояло множество пушек, они являлись одними из сильнейших в тогдашнем Индостане. Сам Бадан Сингх вел себя, как раджа, окружил себя двором, завел обширный гарем. Характерно, что тридцать из его многочисленных сыновей были назначены деревенскими старшинами во владениях отца. Что же

⁴⁰ События, связанные с возвышением Бадан Сингха, изложены в труде Саркара: J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, pp. 427—434.

касается охраны императорской дороги Дели — Агра, то Бадан Сингх воспользовался этим поручением, чтобы дочиста ограбить местность по обеим сторонам дороги. Часть добычи, разумеется, перепала и рядовым джатским воинам. Саркар сообщает, что джаты снимали повсюду двери, окна, обдирали мраморную облицовку дворцов и доставляли все это в свои строящиеся крепости и укрепленные деревни. Что же касается внутренней политики Бадан Сингха, то, только начав налаживать аппарат государственного принуждения, он не имел ни силы, ни возможности для того, чтобы сразу взвалить на плечи свободолюбивого джатского крестьянства большие феодальные тяготы. Но как раджа он, разумеется, не мог терпеть самовластия и независимости джатских старшин. Тех, кто покорялся ему, он оставлял на своих местах, а оказывавших сопротивление беспощадно карал и заменял своими ставленниками. Так, по словам Саркара, «Бадан Сингх превратился из заминдара в мелкого раджу, достаточно сильного, чтобы устрашать соседей и заставить повиноваться подданных»⁴¹. Еще при жизни Бадан Сингха дела княжества перешли в руки сына его любимой жены Сурадх Мала. Он расширил свои владения за счет соседних территорий.

В условиях дальнейшего распада Могольской державы в джатском княжестве, где внутренние противоречия между феодальной верхушкой и массой крестьянства еще не достигли большой остроты, в результате полувековой борьбы с Моголами улучшилось положение не только джатов, но и всего крестьянства района Агра—Дели.

⁴¹ Ibid., p. 429.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЖАВЫ ПЕШВ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ МАРАТХСКИХ ФЕОДАЛОВ (1707 — 1747). РАСПАД ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКОГО МОГОЛА

Двухлетняя междоусобная война сыновей Аурангзеба за престол закончилась в январе 1709 г. и привела к дальнейшему ослаблению державы Моголов. Вышедший победителем из борьбы с братьями Бахадур-шах (1707—1712) думал снискать благоволение крупных феодалов неслыханно щедрой раздачей им денежных подарков и земельных пожалований (последних за счет земель шахского домена). Но эта политика окончательно опустошила государственную казну и резко сократила доходы шахского домена, непосредственно поступавшие на содержание делийского двора и центрального правительственного аппарата¹. В результате возросли могущество и самостоятельность крупных феодалов при одновременном падении авторитета и власти делийского правительства. Война с маратхами была больше не под силу Моголам. Но оставались дипломатические средства. В 1710 г. Бахадур-шах повелел отпустить на родину Шаху, сына Шиваджи. Этим Моголы рассчитывали усилить раздоры среди маратхов (кроме Шаху, за престол боролись еще два претендента: Шиваджи III и Самбхаджи II) и получить в лице Шаху, воспитанного при делийском дворе, проводника своей политики в Махараштре. Шаху охотно признал себя вассалом Великого Могола и принял от него джагир. В своих письмах на имя падишаха он униженно именовал себя «верным рабом» падишахов Дели, даже

¹ При Бахадур-шахе от Могольской державы отпали княжества Раджпутаны. «...С этого времени (1708 г. — И. Р.) Раджпутана фактически освободилась от императорского вмешательства» (Р. Kennedy, *A history of the Great Moghuls*, vol. II, Calcutta, 1911, p. 163).

не титулуясь раджей, а просто заминдаром (землевладельцем). Но соблюдение этих пустых церемоний отнюдь не мешало маратхским феодалам с благословения того же Шаху грабить и захватывать одну область Могольской державы за другой. В дальнейшем маратхские феодалы сознательно облекали свою политику окончательного разрушения Могольской державы и завоевания всей Индии во внешнюю форму действий «верных рабов» падишаха Дели, якобы пекущихся об укреплении его власти. В своем письме от 1740 г. на имя Балладжи Баджи Рао, третьего пешвы из династии Бхат, Шаху сжато, но метко определил сущность этой политики: «Сохранить Могольскую державу и в то же время завоевать всю Индию»². Здесь необходимо отметить, что в период освободительной борьбы маратхов их государи, начиная с Шиваджи и кончая Раджа Рамом, никогда не признавали себя «рабами» Великого Могола, не принимали от него ни титулов, ни джагиров, а, наоборот, всячески старались подчеркнуть, что являются самостоятельными и независимыми государами. Таким образом, эта перемена объяснялась не только ослаблением Великого Могола, постепенно превратившегося в марионетку сил, боровшихся за господство над Индией (маратхи, афганцы, англичане), но и изменением самого характера войны маратхов.

Вскоре после возвращения Шаху на родину между ним и Дауд-ханом Пани, выступавшим от имени могольского наместника в Декане Зулфикар-хана, было заключено негласное перемирие, признававшее за маратхами право взимать чаутх и сардешмукхи (добавочный 10%-ный сбор) с 6 областей Могольского Декана: Аурангабада, Берара, Кхандеша, Зафарабада (Бидар), Биджапура и Хайдарабада (Голконда). Это соглашение не только предоставило маратхам около половины всех налоговых доходов Декана, но по существу оформляло своеобразный моголо-маратхский кондоминиум в этой части Индии. Вслед за различными разрядами маратхских налоговых чиновников, наблюдавших за сбором чаутха, сардешмукхи и рахдари (таможенные пошлины), в Декане появились маратхские гарнизоны и

² C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, London, 1922, p. 273.

таможенные заставы и, наконец, маратхские субадары, являвшиеся соправителями и соперниками могольских. Соглашение Шаху и Дауд-хана имело прежде всего политическое значение, ибо оно придавало обличье «законности» маратхской экспансии в Декане и вместе с тем было ярким свидетельством полного бессилия делийского правительства. Его непосредственное значение было невелико, поскольку огромное большинство маратхских феодалов не признавали Шаху своим государем и действовали в сношениях с могольскими властями Декана совершенно самостоятельно. Такую же сепаратистскую политику вели и могольские субадары в Декане. Их согласие платить чаутх маратхам или отказ от уплаты такового определялись не приказами из далекого Дели, а реальным соотношением сил в данное время и в данном месте. Таким образом, моголо-маратхская война фактически продолжалась, только нападающей стороной выступали теперь маратхские феодалы.

В одном отношении расчет делийского правительства действительно оправдался: возвращение Шаху обострило междоусобную борьбу феодальных клик Махараштры. Тара Баи, мать Шиваджи III, правившая его именем, обосновалась в Колхапуре и призывала маратхских сардаров скорее подчиниться власти Моголов, чем признавать своим государем Шаху. Этому совету, в частности, последовал Чандрасен Джадхав, назначенный главнокомандующим (сенапати) после смерти своего отца Дхана Сингх Джадхава в 1710 г. Против Шаху равным образом выступала феодальная клика, поддерживавшая Раджас Баи и Самбхаджи II. Фактически власть Шаху первоначально распространялась на Сатару и несколько горных крепостей, в дальнейшем ему подчинились Торна, Раджгарх и Синхгарх. Между тем Раджас Баи удалось хитростью захватить свою соперницу Тара Баи и Шиваджи III и заключить их в крепость (1712). В том же году между Раджас Баи и Шаху было заключено нечто вроде перемирия на основе взаимного невмешательства во владения друг друга.

Как уже указывалось, Махараштра к этому времени распалась на ряд самостоятельных феодальных княжеств и владений, враждовавших между собой. Так, Канходжи Ангрия подчинил себе Сагаргад, Хандери,

Раджкот, Колабу и превратился в могущественного князя Конкана, обладавшего сильным флотом и значительным войском. Он вел успешную морскую войну с англичанами и Сиди, владетелями Джинджры. В Савантвали продолжали распоряжаться раджи Саванта. Долину Патана захватил сардар Патанкар. Супой владел Дамаджи Тхорат. Он действовал, как сущий разбойник, и грабил, не разбирая врагов и друзей. К северу от Сатары распоряжался владетель Катава брахман Кришна Рао. Значительную часть долины Годавари подчинили себе сардары Атоле. Как в самой Махараштре, так и за ее пределами обширные земли были захвачены сардарами Ханде Рао Дабхаде, Удаджи Поваром, Нилакантом Бавдекарм и многими другими. Создание обширных, относительно компактных феодальных владений подготовило почву для дальнейшего развития маратхской государственности на основе крупного феодального землевладения и в интересах его носителей — сильнейших маратхских сардаров. Став хозяевами обширных земель, они были теперь объективно заинтересованы в прекращении бесконечных усобиц, разорявших страну, и в создании такой государственной власти, которая явилась бы политической организацией господствовавшего феодального класса прежде всего для целей внутреннего и внешнего грабежа.

Интересы маратхских сардаров нашли своего наиболее яркого и последовательного выразителя в лице Баладжи Вишванатха Бхата, назначенного в 1713 г. пешвой при радже Шаху. Баладжи Вишванатх был брахманом по касте, уроженцем Конкана, где дом Бхат наследственно владел дешмукхством Шривардхана и Харикара. Помимо того, что представители рода Бхат выполняли обязанности дешмукхов, они являлись управителями храмов Шривардхана, а именно храмов Лакшми-Нараян, Сомаджи, Бахари и Калашри³. Эту высокодоходную должность род Бхат занимал с 1648 г. и до английского завоевания Махараштры.

Таким образом, Баладжи Вишванатх происходил из знатного и богатого маратхского феодального дома. Однако благосостояние дома Бхат пошатнулось, когда

³ С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 146.

Сиди в конце XVII в. завоевали Шривардхан. Братья Бхат — Джаноджи и Баладжи — были заподозрены завоевателями в тайных сношениях с Ангрией. Джаноджи был ими умерщвлен, а Баладжи удалось бежать. Найденные документы говорят, что начиная с 1696 г. Баладжи Вишванатх числился на службе у Раджа Рама и занимал ряд административных должностей в Пунском и Даулатабадском округах. Он принадлежал не к военной, а к служилой маратхской знати, хотя впоследствии проявил себя и как способный военачальник. От Раджа Рама Баладжи Вишванатх перешел на службу к Шаху и стал его доверенным лицом. Именно Баладжи сумел подстрекнуть Раджас Баи к захвату Тара Баи, а потом добиться временного примирения Раджас Баи и Шаху. Ему также удалось подчинить власти Шаху владения Кришна Рао из Кхатава, но его попытка расправиться с Дамаджи Тхоратом окончилась полной неудачей. Баладжи попал в плен к этому рыцарю-разбойнику и был выкуплен раджей Шаху за весьма дорогую цену. Назначением пешвой в 1713 г. Баладжи Вишванатх был обязан удачному исходу своего посольства к Канходжи Ангрии. Незадолго перед тем раджа Шаху пытался подчинить Ангрию военной силой и послал против него своего пешву Баха Рао Пингла. Могущественный конканский князь разбил войска пешвы, а его самого взял в плен. На выручку был послан Баладжи Вишванатх, который сумел добиться почетного и выгодного соглашения с Канходжи Ангрией. Последний не только заключил мир и отпустил пленных, но признал Шаху своим сюзереном. Шаху назначил Канходжи наследственным адмиралом (сархел) маратхского флота и утвердил его во владении 25 крепостями и окружающими землями Конкана. Можно предполагать, что уступчивость Ангрии была обусловлена трезвым и реальным расчетом, что ему выгоднее иметь Шаху не врагом, а союзником в предстоящей войне с Сиди и англичанами. В связи с заключением соглашения с Ангрией маратхская традиция приписывает новому пешве следующие слова, обращенные к радже Шаху: «Пусть государь вместо денежного содержания дает своим вельможам пожалование земель и разрешит им действовать в своих владениях скорее в качестве вассальных правителей, чем в качестве чиновников,

находящихся у него на жалованье»⁴. Этот принцип и был положен в основу отношений, установившихся в дальнейшем между раджей Шаху, с одной стороны, маратхскими князьями и сардарами — с другой. Поэтому у маратхских ученых есть известное основание считать соглашение 1713 г. датой рождения маратхской конфедерации. Вскоре после окончания дела с Ангрией пешва Баладжи Вишванатх разбил Дамаджи Тхората и занял его владения (крепость Пурандхар и город Сасвад с округой) на правах ленника раджи Шаху. В дальнейшем в лен пешве была также дана крепость Лохгад с сельской округой. Постепенно Баладжи Вишванатх стал превращаться в одного из крупных маратхских феодальных землевладельцев и фактического руководителя политики раджи Шаху. Но Баладжи Вишванатх встречал упорное сопротивление пратинидхи (регента-заместителя государя) Парашурама Тримбака, также пользовавшегося значительным влиянием при дворе Шаху. Следовательно, к этому времени пешва еще не подчинил раджу своему безраздельному влиянию, а сам раджа Шаху еще не был признан большинством маратхских сардаров государем и сюзереном.

Основу вассальных отношений, устанавливавшихся между раджей и маратхскими сардарами, составляла военно-ленная система. В начале XVIII в. военный лен, или саринджам, стал господствующей формой землевладения маратхских феодалов⁵. «Вся страна была по-

⁴ Цит. по кн.: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 155.

⁵ Явно неправильное определение саринджам дает «Справочник Бомбейского президентства»: «Освобожденная от налогов земля, жалуемая правительством без обязательства службы» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, Poona—Bombay, 1885, p. 356). Сен попросту отождествляет саринджам и джагир: «Саринджам, или военный джагир» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, Calcutta, 1925, p. 269). Эту же точку зрения разделяет и Сайкс: «Держание земли в качестве саринджам включает условие военной службы. Самый термин персидского происхождения и означает обстановку, приспособление, что указывает на то, что земли (саринджамы) предназначены покрыть расход на снаряжение. По существу саринджам тождествен с военным джагиром» [W. H. Sykes, *On the land tenures of the Dekkan*, — «Journal of the Royal Asiatic society», vol. II, London, 1835, p. 218] (далее: «JRAS»). «Всадник саринджами, — цитирует тот же автор Грант-Даффа, — это воин, которого джагирдар выставил для несения государственной службы» (ibid., p. 218—219). Саринджам преиму-

делена между джагирдарами на условиях военного держания», — утверждает Сен⁶. Если формально саринджам давался временно и условно, то фактически он был наследственным землевладением, во всяком случае, поскольку речь идет о крупнейших маратхских сардарах, непосредственных вассалах раджи Шаху. Все эти Ангрии, Атоле, Повары, Бхаты, Джадхавы, Тримбаки, Дабхаде, Бхонсле и т. д. передавали свои владения по наследству — от отца к сыну. Отнять их можно было открытым применением военной силы, затеяв с вассалом настоящую войну и подавив его вооруженное сопротивление. Так, например, в 1731 г. пешва Баджи Рао (второй в династии Бхат) разбил в сражении при Дабхаи сенапати Тримбак Рао Дабхаде (сам Тримбак Рао пал на поле боя) и после этого отнял половину саринджамов дома Дабхаде в Мальве и Гуджарате. Несколько позже тот же пешва наголову разбил силы другого маратхского сардара — Удаджи Чавана — и отнял его саринджам. Но это были события чрезвычайного порядка, обычно же крупные маратхские сардары наследственно передавали от отца к сыну свои владения (добавим: и свои должности)⁷. Таким образом, крупный маратхский саринджам с самого начала был фак-

тически (но не исключительно) военный лен. Бывали случаи, когда саринджам предоставлялся не только за военную, но и за гражданскую службу. Об этом совершенно недвусмысленно говорят документы. Так, в 1785—1786 гг. «Джаван Рао получил ватан и саринджам должности суманта вместе с обычной почетной одеждой» [см. «Peshwas diaries» (цит. по кн.: S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 188—189)]. Приведенный документ свидетельствует, что саринджам жаловался за гражданскую службу. Но он интересен также тем, что говорит о существовании наряду с личными саринджамами должностных, связанных с занятием определенной должности и, видимо, жаловавшихся лишь на время ее отправления.

⁶ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 439.

⁷ Так, должность пешвы стала наследственной в роду Бхат, должность сенапати — в роду Дабхаде, должность сена сахиб суба (наместника западных областей) — в роду Бхонсле, должность пратинидхи — в роду Тримбак, должность сархел (адмирала) — в роду Ангрия и т. д. Первоначально существовала разница в отношении пешв династии Бхат к старым сардарам, являвшимся непосредственными вассалами раджи и равными по положению (но не по объему власти) самому пешве, и таким сардарам, как Синдия и Холкар, которые были непосредственными вассалами пешвы и именовали себя его слугами. Впоследствии, когда Синдия и Холкар превратились в самостоятельных князей, эта разница исчезла.

тически наследственным владением, и в этом его главное отличие от джагира, который вплоть до начала XVIII в. оставался в государстве Моголов держанием, как правило, не переходившим от отца к сыну. Чтобы отнять у крупнейшего могольского джагирдара его джагир, даже во времена Аурангзеба было достаточно одного приказа падишаха, и обычно дело обходилось без применения вооруженной силы.

По-видимому, сильный маратхский сардар пользовался в своем лене и большим объемом прав, чем могольский джагирдар. Во всяком случае Сен утверждает: «Во времена пешв как старые, так и новые феодальные бароны пользовались в своих ленах суверенными правами, хотя пешва имел прерогативу назначать их главных чиновников. Диваны (главы финансово-налогового ведомства. — И. Р.) Гэквада, Холкара и Синдии всегда назначались пешвой, хотя все они претендовали на неограниченное осуществление суверенных прав. Так, например, Джадхав Рао утверждал: „Управление Малеганоном, где мы живем, всегда принадлежало нам. Саркар (правительство) не имеет над ним власти”»⁸. Далее Сен приводит подобное же обращение Повара к пешве⁹. Во всяком случае, представляется бесспорным, что владелец саринджама был гораздо теснее связан со своим леном (разумеется, в том случае, если этот лен находился в самой Махараштре, а не где-нибудь за ее пределами), чем могольский джагирдар. В отличие от могольского джагирдара маратхский феодал принадлежал к тому же народу, а часто к той же касте, что и его подданные, он рассматривал свой саринджам как свое постоянное владение; нередко здесь же помещалась его укрепленная резиденция, где он проводил большую часть времени. В этом одна из причин, почему маратхские пешвы никогда не располагали над своими вассалами тем объемом власти, которым в лучшую пору своей державы пользовались могольские падишахи над джагирдарами. Можно утверждать, что степень политической децентрализации в державе пешв была относительно больше, чем в государстве Великого Могола в период его расцвета.

⁸ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 206—207.

⁹ Ibid., p. 207.

О размерах маратхских саринджамов трудно составить сколько-нибудь точное представление. Некоторые из них, вроде саринджама Ангрии в Конкане, Повара в Дхаре или Гэквада в Гуджарате, ничем не уступали княжеству средней руки и фактически уже были или стали самостоятельными государствами. Но это вряд ли типичное явление, и указанные данные не дают ответа, было ли ленное землевладение большинства маратхских феодалов крупным или нет.

Сен приводит список ведущих маратхских сардаров второй половины XVIII в. В этом списке фигурируют 15 сардаров, причем о каждом из них сообщается, сколько всадников он должен был содержать за счет доходов своего саринджама, и как велик был этот доход. На первом месте стоит Малхар Рао Холкар. Доход его саринджама равнялся 9500 тыс. рупий в год, и он выставял 22 тыс. всадников на службу пешвы. Ананда Рао Повар имел доход в 4500 тыс. рупий и содержал 15 тыс. всадников. Пратинидхи имел доход в 1400 тыс. рупий и выставял контингент в 5 тыс. всадников. Два сардара выставяли по 3 тыс. всадников каждый, доход одного из них (Патвардхана) равнялся 1100 тыс. рупий, а другого (Растиа) — 2100 тыс. рупий. Далее следует один владелец саринджама, обязанный содержать отряд в 1500 всадников (доход 650 тыс. рупий), другой — обязанный содержать 1200 всадников (доход 750 тыс. рупий), третий — обязанный содержать 1000 всадников на доход 450 тыс. рупий. Остальные семь владельцев саринджамов имели каждый доход меньше 450 тыс. рупий (самый низкий доход равен 60 тыс. рупий), а число всадников, которых обязаны содержать владельцы этих ленов, колебалось от 150 до 800¹⁰.

Данные о доходности саринджамов дают некоторую, правда весьма отдаленную, возможность составить представление об их земельной площади. Как известно, доход саринджама исчислялся на основе поступлений поземельного налога-ренты. Во времена пешв в Махараштре пахотная земля облагалась фиксированным денежным налогом, ставки которого варьировались в зави-

¹⁰ Один — 800, один — 700, два по 300, один — 150 (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 452).

симости от качества почвы от 2 рупий с бигха лучшего чернозема до $\frac{3}{4}$ рупии с бигха худшей земли. По выборочным данным «Справочника Бомбейского президентства», в первой половине XVIII в. средний размер ренты-налога колебался в пределах от 1 до 2 рупий с бигха обработанной земли или 3 рупии с 1 *га*¹¹. Во второй половине XVIII в. размер поземельного налога увеличился примерно вдвое, что было прежде всего связано с революцией цен, захватившей к тому времени и Индию. В 1772—1773 гг. земли высшего качества облагались в размере 5 рупий с бигха, а худшего — в размере 3 рупии с бигха¹². Поэтому средний размер налога-ренты для этого времени надо принимать не за одну, а за две рупии с бигха, или за 6 рупий с *га*. Исходя из этой цифры, можно составить некоторое представление о земельной площади (только обработанной земли, не считая пустошей, угодий, лесов, оросительных сооружений и т. д.), которая входила в состав саринджам. Крупные (но не крупнейшие) саринджамы с доходом 1 млн. рупий должны были иметь не менее 160 тыс. *га* земли, а самый маленький (он приносил владельцу 60 тыс. рупий в год) охватывал 10 тыс. *га*. Таким образом, хотя средний маратхский саринджам и уступал по своим размерам среднему могольскому джагиру, он, безусловно, представлял крупное феодальное владение¹³.

Различие заключалось не только и не столько в самих размерах лена. У Моголов преобладание крупного землевладения в форме джагиров совмещалось с отсутствием развернутой феодальной иерархии. Как известно, $\frac{1}{8}$ обрабатываемых земель Могольской державы составляли земли шахского домена (халисе), а $\frac{7}{8}$ были розданы в джагиры. Последние почти целиком сосредоточивались в руках каких-нибудь пятисот крупнейших джагирдаров, державших эти обширные владения непосредственно от падишаха. Джагирдары содержали за счет доходов своих джагиров наемные войска, но от

¹¹ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 323.

¹² S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 286.

¹³ Сайкс в своей работе сообщает, что в начале XIX в. в державе пешв существовали многочисленные саринджамы. В одном округе Пуна под саринджамы была 81 деревня. К сожалению, Сайкс не приводит никаких данных о размерах этих саринджамов (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRAS», vol. II, 1835, p. 219).

себя земли не раздавали и вассалов не имели. «Одной из характерных особенностей системы джагирдарства в Могольской империи, — пишет К. А. Антонова в своей монографии, — (в отличие, например, от периода VII — XV вв.) было отсутствие иерархии вассальной зависимости. Каждый джагирдар, крупный или мелкий, был подчинен непосредственно центральной власти, от нее получал свое земельное пожалование и только ей был обязан военной службой»¹⁴. В противоположность могольской системе у маратхов сложилась феодальная иерархия. Так, например, Баладжи Вишванатх, формально являвшийся не более как министром и вассалом-ленником раджи Шаху, в свою очередь имел вассалами Вишванатха Бхата, Мехендале и Амбаджи Тримбака Пурандаре, которые держали свои саринджамы непосредственно от пешвы¹⁵. Дамаджи Тхорат получил крепость Супа с округой в саринджам от Рамчандра Нилаканта Бавдекара, который в свою очередь являлся вассалом и ленником Раджа Рама¹⁶. О существовании феодальной иерархии говорит и тот факт, что иногда во владениях маратхских князей отмечается наличие феодалов, которые признавали себя вассалами не данного князя, а его соперника. Договор между маратхским государем Шаху и колхапурским раджей, заключенный в январе 1730 г. в Варне, содержит в статье 8-й особое постановление, что они взаимно обязываются не иметь ленников на территории друг друга¹⁷. Сен приводит конкретный пример, отчетливо выявляющий наличие феодальной иерархии у маратхов в конце XVIII в. Главой этой иерархии продолжал считаться раджа из дома Бхонсле, от него в качестве вассала и ленника держал свои владения пешва; Синдия, князь Гвалиура в свою очередь формально являлся ленником и вассалом пешвы; от Синдии на правах его вассала и ленника держал свой саринджам маратхский сардар Ханде Рао Хари; наконец, последним звеном этой цепи

¹⁴ К. А. Антонова, *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.)*, М., 1952, стр. 80.

¹⁵ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 207.

¹⁶ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Marathu people*, vol. II, pp. 142—143.

¹⁷ Ibid., p. 201.

являлся европейский авантюрист Джордж Томас, получивший свой лен в качестве вассала от сардара Ханде Рао Хари. «Пешвы, — пишет Сен, — полагались главным образом на феодальные силы и разделили всю маратхскую державу на определенное число военных джагиров. Сардары, или феодальные бароны, в свою очередь передали часть своих ленов в держание некоторым из своих фаворитов или подчиненных, требуя от них взамен несения военной службы. Результатом явилось развитие феодальной иерархии со всеми сопровождающими ее бедствиями»¹⁸. Не входя в существо объяснений Сена, который идеалистически ставит процесс развития маратхской военно-ленной системы в зависимость от доброй воли пешв, «полагавшихся главным образом на феодальные силы», важно отметить, что наличие развернутой феодальной иерархии в маратхском обществе XVIII в. представляется для нашего автора совершенно бесспорным.

В жалованных грамотах (санадах) на владение саринджамом на его владельца возлагались следующие обязанности: содержать за счет доходов своего лена определенное число конных воинов для службы радже. В санаде указывалось не только число этих воинов, но и размер их оплаты (обычно от 200 до 300 рупий в год). Жалованная грамота равным образом возлагала на владельца саринджамы как общую ответственность за гражданское управление территорией своего лена, так и заботу о состоянии сельского хозяйства¹⁹. Формально владельцу саринджамы предоставлялось пользование налогом-рентой с определенной территории. Более того, самый сбор поземельного налога осуществлялся чиновниками общегосударственного фиска, мамлатдарами и камависдарами, которые не были подчинены владельцу саринджамы. Такова была теория. На самом деле, саринджамдар располагал огромной властью над крестьянством своего лена, облагал его сверх законных налогов многочисленными поборами и повинностями, пользовался принудительным трудом общинных крестьян, ремесленников и деревенских слуг и так или иначе ста-

¹⁸ S. Sen. *Administrative system of the Marathas*, p. 439.

¹⁹ Так, Сен излагает содержание санада на имя Махипата Рао Кавде, датированного 1762—1763 гг. (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 453).

вил под свой контроль местный налоговый аппарат. Если саринджам жаловался за пределами Махараштры, то его владелец освобождался от уплаты чаутха, но был обязан вносить сбор сардешмукхи²⁰.

Раздробленность и феодальная анархия, столь характерные для маратхского общества конца XVII в., сменяются в начале XVIII в. некоторой политической консолидацией на основе окончательного торжества военной системы и установления вассальной иерархии феодальных землевладельцев²¹.

Наиболее ярким и последовательным представителем интересов маратхских сардаров, заинтересованных в создании своего государства, выступал пешва Баладжи Вишванатх Бхат. В 1715 г. ему удалось добиться у ряда влиятельных маратхских феодалов (прежде всего у Ангрии) признания их вассалами Шаху и в то же время в значительной мере подчинить этого государя своему влиянию. Дальнейшее возвышение Баладжи Вишванатха было в немалой степени связано с его ролью организатора грабительских, захватнических войн маратхских феодалов. Внешняя обстановка складывалась в этом отношении чрезвычайно благоприятно.

В державе Моголов продолжался дальнейший развал и распад. После смерти Бахадур-шаха в 1712 г. делийским престолом по своему усмотрению распоряжались различные борющиеся друг с другом феодальные клики. Новый государь — слабоумный Джахандар-шах был креатурой главного вазира Зулфикар-хана, главы так называемой иранской группировки. Царствование Джахандар-шаха оказалось недолговечным. В 1713 г. индостанская феодальная клика, возглавляемая двумя влиятельными вельможами (один из них был субадар

²⁰ J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, Oxford, 1921, pp. 450—451.

²¹ К. Маркс, характеризуя феодальную собственность, указывает: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура... была ассоциацией, направленной против поработанного, производящего класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — Сочинения, т. 3, изд. 2, стр. 23). Подавление и грабеж своего крестьянства и захватнические войны (внешний грабеж) — в этом собственно и заключались две основные функции державы пешв, государства, прежде всего служившего интересам крупных маратхских землевладельцев-феодалов.

Бихара, другой — Аллахабада) — братьями Хусейном и Абдуллой, сайидами из Бара, подняла восстание и свергла Джахандар-шаха. Вместо него братья-сайиды посадили на делийский престол своего ставленника Фаррух Сийяра (1713—1719 гг.)²².

В качестве наиболее ярких и характерных показателей углубления кризиса Могольской державы надо отметить следующее.

В Пенджабе продолжалась настоящая крестьянская война под руководством секты сикхов. В столичной области Дели — Агра не утихали восстания джатов. В связи с дальнейшей раздачей и расхищением земель шахского домена, а также потому, что субадары провинций переводили все меньше средств в Дели, шахское правительство испытывало хронический недостаток средств. Полученные суммы целиком уходили на увеселения шаха, на раздачу его фаворитам и фавориткам, а на содержание войска денег не находилось. Даже шахская гвардия (шахвала-и ахди) годами не получала жалованья²³. Единый налоговый аппарат, который когда-то

²² Сайиды из Бара были привилегированной сословной группой, представители которой занимали видные должности (главным образом военные) на службе Великого Могола. Поселение сайидов Бара располагалось в восточной части двуречья Ганга и Джамны (Доаб), на полпути между Мирутом и Сахаранпуром. Как сообщает Ирвин, еще со времен Акбара «люди этого клана сайидов прославились как военачальники и благодаря своему мужеству приобрели традиционное право вести авангард императорского войска» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, Calcutta, 1921, p. 202).

²³ В течение 11 месяцев своего правления Джахандар-шах истратил больше 20 млн. рупий на содержание своей фаворитки Лал Кунвар, роздал огромные деньги в подарок ее родственникам, сжег все запасы топленого и растительного масла столицы на многочисленные иллюминации, но войскам, включая гвардию, не заплатил ни одной рупии. Когда началось восстание сайидов из Бара и Джахандар-шаху надо было выступать в поход, то для оплаты солдат в ход были пущены все средства: «Золотые сосуды, собранные во дворце со времен Акбара, были сломаны и использованы, равно как куски золота и серебра, которые удалось найти в императорских мастерских. Историк Варид видел это собственными глазами. Далее были изъяты вещи, отделанные драгоценными камнями, а затем и самые драгоценные камни; потом были удалены ковры, драпировки и дорогие одежды. Поскольку все еще была нехватка, были сломаны потолки дворцовых помещений, облицованные плитками золота, и эти последние были розданы солдатам. Теперь ничего больше не оставалось. Тогда дворцовые склады были открыты, и их содержимое пошло вместо денег на оплату войск. Собралась

давал центральному правительству возможность контролировать и держать в узде своих джагирдаров, фактически развалился и перестал существовать.

Сложная система могольской налоговой администрации уступила место более простой и грубой системе. Прежде она основывалась на точном земельном кадастре, классификации пахотных земель по качеству почвы, способу орошения и характеру возделываемых культур, наличию налоговых списков, где по каждой деревне фигурировали имена отдельных крестьян, размер земли, которую они обрабатывали, бралось на учет каждое фруктовое дерево и т. п. Теперь на смену иерархии налоговых чиновников приходит откупщик, откуп налогов становится открытой и всеобщей практикой²⁴. Эта си-

топня, и возник беспорядок. Солдаты брали, что хотели, и не обращали внимания на писцов. В одно мгновение склады, полные добра, сохранившегося со времен императора Бабура, были опустошены» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. 1, p. 220). Что же касается соперника Джаханнар-шаха — Фаррух Сийра, то он доставал деньги на оплату своих войск грабежом купеческих караванов и взысканием насильственных контрибуций с городского купечества. Так, он ограбил на 3 млн. рупий караван, следовавший из Дели в Бенгалию; взыскал с фактории нидерландской Ост-Индской компании в Патне 5 лакхов рупий; ограбил караван некоего кхатрия Сурат Синга и т. д. (ibid., pp. 211—212). При шахе Фаррух Сийре войска оплачивались так же плохо, как при его предшественнике. Достаточно указать, что в 1715 г. 8 тыс. солдат делейского гарнизона подняли бунт, требуя выплаты просроченного жалованья (см. кн. [Khafi Khan], *«The Muntakhab-ul-lubab of Khafi Khan»*, vol. II, Calcutta, 1874, pp. 769—771).

²⁴ Ирвин в своей монографии указывает, что раджа Ратан Чанд, «всесильный диван, или финансовый управитель, при временщиках-сайидах, сдавал поземельный налог-ренту на откуп. «Сбор налогов сдавался Ратан Чандом тому, кто даст больше. В результате уменьшался сбор налогов как на землях шахского домена, так и на пожалованных землях» (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. II, p. 335). Через несколько лет (1725 г.) была предпринята попытка покончить с откупной системой на землях халисе, но она окончилась полной неудачей. И. П. Минаев указывает, что накануне британского завоевания откупная система получила всеобщее распространение в Индии. Он писал об откупщиках следующее: «перед началом британского владычества они стали походить более на самостоятельных владельцев и союзников слабого мусульманского правительства, нежели на его простых сборщиков податей» [И. П. Минаев, *Очерки Цейлона и Индии (из путевых заметок русского)*, часть вторая, СПб., 1878, стр. 96]. Минаев имеет в виду бенгальских откупщиков-заминдаров, но его замечание полностью справедливо и в отношении откупщиков других частей Индии. Откуп существовал и в лучшие времена Могольской державы. Но тогда на откуп отдава-

стема становится господствующей не только на землях джагирдаров, но и на землях шахского домена. Откупная система разоряла крестьян, подрывала доходы государства и была невыгодна большинству джагирдаров. Но откуп давал возможность верхушке торгово-ростовщического капитала непосредственно и открыто прибавляться к феодальной эксплуатации, овладевать важными государственными должностями и самой превращаться в настоящих феодальных землевладельцев. Ряд обстоятельств объясняет нам, почему в это смутное время многие представители индусских торгово-ростовщических каст (именно они занимали господствующее положение в денежном обороте страны) превратились в раджей, заняли высшие должности в государстве, захватили богатые откупа и обширные джагиры. Ставшие обычным явлением дворцовые перевороты и междоусобные войны феодальных кланов создавали благоприятную обстановку для тех богатых торговцев и ростовщиков, которые связывали свою судьбу с той или иной борющейся феодальной группировкой и финансировали ее. Без денег нельзя было воевать, а денег, чтобы начать войну, не было ни у делийского правительства, ни у его противников. Таков был опыт междоусобных войн 1712, 1713, 1719 и 1720 гг.

В 1712 г. индусский ростовщик Самбха Чанд (по касте кхатри) иссудил крупные суммы денег Зулфикар-хану и после его победы стал диваном этого временщика, сосредоточив власть в своих руках. С гибелью Зулфикар-хана окончилась и карьера Самбха Чанда. Победа сайидов в 1713 г. была также победой финансировавшего их индусского торговца и ростовщика Ратан Чанда. Он стал диваном при Абдулла-хане, старшем из сайидов. По словам Хафи-хана: «Сайид Абдулла дал своему дивану, торговцу зерном по имени Ратан Чанд, титул раджи и ранг двухтысячника и облек его властью во всех прави-

лись внутренние таможи и ряд второстепенных сборов. Откуп фактически существовал на землях джагирдаров, поскольку они обычно получали под доходы своих джагиров авансы от представителей торгово-ростовщического капитала и за это препоручали последним управление джагиром. Это была широко распространенная, но незаконная практика. Даже в конце своего царствования Аурангзеб отнимал джагиры у тех джагирдаров, которые оказались повинными в подобном нарушении (J. Sarkar, *History of Aurangzeb*, vol. V, Calcutta, 1924, p. 419).

тельствственных и ведомственных делах. Этот человек (Ратан Чанд) не входил в рассмотрение какого-либо дела без того, чтобы не обеспечить тайным образом выгоды сайиду Абдулла-хану и лично себе»²⁵. В последующие годы влияние Ратан Чанда еще более увеличилось: «Его власть, — пишет тот же хронист, — распространилась на все гражданские и судебные дела, вплоть до назначения казиев и других судебных чинов. Все остальные сановники были оттеснены на второе место, и никто не брался за какое-либо дело, не имея документа за подписью Ратан Чанда»²⁶. Не только Ратан Чанд, но и другие индусы (видимо, также выходцы из торгово-ростовщических каст) получали джагиры во время господства временщиков-сайидов: «Индусы, евнухи и кашмирцы, — передает Хафи-хан, — путем хитрости, обмана и беззакония завладели мансабами (рангами. — И. Р.) и доходами джагиров»²⁷. Само собой разумеется, что очередная междоусобная война, покончившая в 1719 г. с господством братьев-сайидов, покончила с засильем Ратан Чанда и группировавшихся около него клиентов из числа индусских ростовщиков. Но каждая феодальная клика, если так можно выразиться, имела своего Ратан Чанда. Люди менялись, система оставалась. Слабеющие мусульманские властители Индостана не могли в изменившихся условиях держаться без того, чтобы не привлечь к соучастию в правлении феодалов-индусов и представителей индусской торгово-ростовщической верхушки²⁸. С другой стороны, огромное разорение страны, упадок городов и торговли создавали условия, при которых едва ли не единственным полем деятельности крупного торгово-ростовщического капитала оставался откуп налогов и финансирование феодальных войн. И то и другое в свою очередь влекло углубление разрухи и развала в державе Великого Могола.

²⁵ [Khafi Khan], «The Muntakhab-ul-lubab...», vol. II, p. 739, Ирвин сообщает, что Ратан Чанд был агарвала по касте, а значит, принадлежал к числу марвари (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. II, Calcutta, 1921, p. 291).

²⁶ [Khafi Khan], «The Muntakhab-ul-lubab...», vol. II, p. 843.

²⁷ Ibid., p. 775.

²⁸ Внешним выражением этого обстоятельства была отмена в правление Фаррух Сийара джизии — унижительной подушной подати на «неверных», прежде всего индусов.

Слабость делийского правительства обнаружилась и в отношениях с князьями Раджпутаны. Раздробленная на мелкие княжества и раздираемая вечной феодальной усобицей, Раджпутана не представляла сколько-нибудь серьезного противника. В своих «Хронологических выписках по истории Индии» Маркс отмечал: «...*раджпуты* были отличными воинами, но (они были) распылены; *единого раджпутского государства* никогда не существовало...»²⁹. Еще в царствование Аурангзеба раджпуты Марвара (Джодпура) во главе с Дурга Ласом, а затем раджей Аджит Сингхом вели длительную войну с Моголами (1679—1717). Во время междоусобной войны сыновей Аурангзеба за престол к Марвару присоединились силы джайпурского раджи Джай Сингха. В эту антимогольскую коалицию вступил также рана Мевара. В 1708 г. Бахадур-шах предпринял поход в Раджпутану, но ничего не добился³⁰. Моголы не решались на серьезную войну даже с раджпутскими князьями, да, кроме того, восстание сикхов требовало срочной переброски всех наличных сил в Пенджаб. Князья Джодпура, Джайпура и Мевара изъявили внешнюю покорность, но с этого времени стали фактически самостоятельными. В дальнейшем раджпутские князья выступают скорее не как вассалы, а как союзники могольских государей в борьбе с общими врагами — джатами и маратхами. Для Моголов этот союз представлял определенную выгоду. Раджпуты были индусами, и противопоставление их таким же индусам, как джаты и маратхи, вполне отвечало интересам мусульманских феодалов Индостана. С другой стороны, как ни слабы были раджпутские князья, они все же обладали собственными военными силами, что также устраивало Моголов. Как мы увидим дальше, делийское правительство все чаще стало прибегать к назначению раджпутских князей в те области государства, которые, как Мальва и Гуджарат, находились под непосредственной угрозой маратхского завоевания, пытаясь тем самым создать хотя бы непрочный раджпутский барьер, в какой-то мере преграждавший маратхам дорогу в собственно Индостан. К той же политике делийское прави-

²⁹ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии* (664—1858 гг.), М., 1947, стр. 49—50.

³⁰ A. Ch. Banerjee, *Rajput studies*, Calcutta, 1944, pp. 190—192.

тельство прибегало и в отношении джатов, используя для борьбы с Чураманом, вождем джатов, джайпурского раджу Джай Сингха.

Развал державы Моголов проявлялся и в том, что наместники областей все больше выходили из повиновения делийскому правительству. Стало обычным, что прежний субадар без боя не уступал своего места назначенному из Дели новому правителю. Оружие решало вопрос, кому из них быть субадаром³¹. Что же касается делийского правительства, то его деятельность была полностью парализована борьбой феодальных клик³².

³¹ Во время междоусобной войны 1719 г. индусский феодал Гирдхар Бахадур захватил после смерти своего дяди, субадара Аллахабада, управление этой областью и оказал решительное сопротивление назначенному из Дели субадару, пытавшемуся вступить в Аллахабад. Сайид Хусейн лично предпринял карательную экспедицию против Гирдхар Бахадура, но после долгой и безуспешной осады Аллахабада утвердил мятежного Гирдхара субадаром. В 1723 г. за область Ахмедабад происходила настоящая война между прежним субадаром Хамид-ханом и вновь назначенным Рустам Али-ханом. И тот и другой вели эту войну с помощью маратхских союзников. В конце концов маратхский вождь Пиладжи Гэквал, использовав взаимное ослабление сил Хамид-хана и Рустам Али, разбил и того, и другого и заложил основу господства маратхов над Гуджаратом ([Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, pp. 842—843, 970).

³² Наиболее крупными из этих клик были индостанская, среднеазиатская, или, вернее, узбекская, и иранская. Первая из них преимущественно объединяла мусульманских феодалов индийского происхождения или являвшихся отдаленными потомками переселенцев из других стран, для которых Индия давно стала родиной. Временщики-сайиды из Бара были наиболее сильными и влиятельными представителями индостанской группировки. Во время их господства (1713—1719 гг.) важнейшие должности в державе Моголов находились в руках этой клики.

К среднеазиатской группе принадлежали могольские феодалы, главным образом узбекского происхождения, сравнительно недавно переселившиеся в Индию и в известной мере державшиеся друг за друга. Особенно много выходцев из Средней Азии переселялось в Индию и поступало на службу Великих Моголов в царствование Аурангзеба, охотно назначавшего родовитых узбеков на высокие посты в государстве. Узбеки имели хорошую военную репутацию и были мусульманами суннитского толка — два обстоятельства, привлекавшие в них Аурангзеба. Усмиритель сикхов Абд-ус-Самад-хан был выходцем из Средней Азии. Главой этой группы считался Гази уд-дин Фируз Джанг, один из высших бухарских сановников, еще в 1669 г. поступивший на службу к Аурангзебу и ставший одним из первых вельмож его двора. После смерти Гази уд-дина в 1710 г. среди индийских феодалов среднеазиатского происхождения боль-

В 1715 г., когда младший из сайидов Хусейн Али выступил с войсками из Дели в Декан, падишах Фаррух Сийяр в тайных письмах подстрекал субадара Гуджарата Дауд-хана Пани напасть на Хусейна Али и обещал ему в случае победы всяческие высокие милости, в том числе наместничество всего Декана ³³.

Однако в решающей битве под Бурханпуром победа осталась за войсками сайида, и он издевательски пос-

шим влиянием стал пользоваться его сын Чин Клыч-хан. В последние годы царствования Аурангзеба он занимал должность субадара Берара. Опытный, хотя и не блестящий, военачальник, он имел за плечами долгие годы маратхской войны. Отличительной чертой Чин Клыч-хана были выдающиеся дипломатические способности и умение найти выход из самого, казалось бы, трудного положения. Он сумел, не принимая активного участия ни в одной из междоусобных войн за престол, тем не менее удержаться на высоких должностях и сохранить милость столь быстро сменявшихся в Дели правительств. После победы сайидов в 1713 г. он был назначен наместником всего Декана и облечен исключительными полномочиями (W. Irvine, *Later Mughals*, vol. I, p. 262). Но сайиды не без оснований опасались чрезмерного усиления Чин Клыч-хана и в 1716 г. сместили его с деканского наместничества, тем самым вызвав глубокую вражду этого вельможи.

Иранская клика главным образом состояла из индийских феодалов персидского происхождения, исповедовавших шиитский толк ислама. Главой этой группы считался Асад-хан, вазир падишаха Аурангзеба, а затем сын Асад-хана — Зулфикар-хан. Во время правления Джаханدار-шаха эта клика фактически стояла у власти. Смерть Джаханدار-шаха и смерть Зулфикар-хана сильно ослабили иранскую клику. Она снова подняла голову через десять лет, когда ее главой стал Саадат-хан, основатель династии аудских навабов.

³³ По стране передвигались полчища, уничтожая на своем пути посевы, пожирая подобно саранче запасы продовольствия, выламывая на топливо оконные рамы и двери, угоняя крестьянский скот. Как не вспомнить здесь более позднее описание индийской пехоты, принадлежащее английскому очевидцу конца XVIII в.: «Пехота состояла из множества людей, собранных вместе без всякого подобия порядка; некоторые из них имели мечи и щиты, но были совершенно неспособны противостоять атаке отряда конницы; другие несли фитильные ружья, которые даже при наилучшем порядке дают неверный огонь; некоторые были вооружены пиками, слишком длинными и слишком слабыми, чтобы принести какую бы то ни было пользу... Держать ночную охрану и грабить беззащитное население было основным занятием этих людей» (R. Orme, *Historical fragments of the Moghul empire*, [S. 1.], 1805, p. 417). Скорость движения этих полчищ в лучшем случае равнялась 10—11 км в сутки (см. W. Irvine, *The army of the Indian Moghuls*, London, 1903, pp. 220—222). По исчислению этого же автора, европейская артиллерия в XVII в. делала пять-шесть выстрелов в минуту, а индийская — один выстрел в 15 минут (ibid., p. 116).

лал в подарок Фаррух Сийяру отрубленную голову «мятежника» Дауд-хана Пани. Тем не менее Фаррух Сийяр и дальше продолжал тайно возбуждать к вооруженному выступлению против сайидов маратхских сардаров во главе с Шаху, а также князей Раджпутаны. При таких взаимоотношениях между шахом и его высшими сановниками (один из сайидов был главнокомандующим, другой—вазиром) государственное управление было парализовано. Старший из сайидов—вазир Абдулла Али-хан, оставшийся в столице, по полугоду и больше не занимался делами государства, отсиживаясь под охраной войск за стенами своего делийского дворца, ибо каждый день ожидал вооруженного нападения феодалов враждебной ему клики.

Все учащавшиеся династические войны в державе Моголов, не говоря о непрерывных вооруженных столкновениях между субадарами и бесчисленными феодальными мятежами, довершали разорение страны и развал государства. Эти войны не только отвлекали сотни тысяч людей от производительного труда, но поглощали все доходы государства и, опустошая плодороднейшие области Индии, подсекали крестьянское хозяйство—основной источник этих доходов.

В начале XVIII в. власть могольских падишахов превратилась в фикцию. Моголы были одинаково бессильны защитить страну от внешних врагов и обеспечить ее внутреннюю безопасность.

В условиях распада Могольской державы менялись ее отношения с маратхами. Маратхи не только вторгались все дальше в глубь могольской территории, но становились ценными военными союзниками феодальных клик, боровшихся между собой за власть в Дели. Это обстоятельство создавало маратхским сардарам возможность стать вершителями борьбы, а затем и фактическими хозяевами самого Великого Могола.

Раджа Шаху продолжал считаться вассалом падишахов Дели. В 1715 г. он даже получил повышение в ранге и был пожалован Фаррух Сийяром в десятитысячники. Но это пожалование ничуть не помешало тому же Шаху, действовавшему по настоянию пешвы Баладжи Вишванатха Бхата, выбросить последних могольских сборщиков налога и джагирдаров, еще оставшихся в отдельных районах Махараштры.

После неудачи деканского похода (1715—1717) Хусейн Али-хана маратхи еще больше осмелели. Сам Фаррух Сийяр всячески поощрял раджу Шаху и маратхских сардаров к выступлению против войск сайида Хусейна Али³⁴. Наиболее могущественным из маратхских сардаров, действовавших в ту пору в Кхандеше, был Ханде Рао Дабхаде. По данным Хафи-хана, Ханде Рао Дабхаде располагал 10-тысячным войском, построил ряд крепостей и фортов на пути из Сурата в Бурханпур. «Все караваны, которые следовали этой дорогой, были обязаны платить чаутх (چوتہ) т. е. четвертую часть стоимости собственности купцов и других людей, следовавших в караване. Если они соглашались платить, то проходили беспрепятственно; если нет, то подвергались ограблению; людей брали в плен и не отпускали, пока за каждого не был внесен выкуп»³⁵. Ханде Рао Дабхаде разбил одного за другим Зулфикар-бека и раджу Мухахим Сингха, двух военачальников, посланных против него сайидом Хусейном Али. После этой двойной победы над могольскими войсками раджа Шаху (продолжавший именовать себя «верным рабом» Великого Могола) немедленно назначил Ханде Рао Дабхаде своим главнокомандующим взамен изменника Чандрасена Джадхава. Война в Декане не принесла сайиду Хусейну Али-хану ни славы, ни добычи. Более того, продолжение этой неудачной войны ослабляло позиции индостанской клики в самом Дели и грозило ей потерей власти. Сайид Абдулла Али-хан с трудом держался в столице и слал к брату гонца за гонцом, умоляя Хусейна Али вернуться с войсками в Дели, лишить Фаррух Сийяра престола и подавить сопротивление врагов. Поэтому Хусейн Али поспешил вступить в мирные переговоры с пешвой Баладжи Вишванатхом, представлявшим интересы раджи Шаху, в то время как сам сайид выступал от имени падишаха Фаррух Сийяра. В 1717 г. обе стороны достигли соглашения.

Грант-Дафф следующим образом излагает его основные статьи:

1. Делнийское правительство подтверждает право

³⁴ «Низкая и глупая политика» — характеризует ее Грант-Дафф (J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 443).

³⁵ [Khafi Khan], *The Muntakhab-ul-lubab...*, vol. II, p. 778.

Шаху на чаутх и сардешмукхи шести суб Декана, включая Карнатак, Тричинополи, Танджур, Майсур.

2. Отказ Моголов от территории собственно Махараштры, какой она была в границах владений Шиваджи (так называемый сварадж). В обмен на возвращение территории, захваченной маратхами в Кхандеше, Моголы очищают Шинвер, который отходит к радже Шаху. Моголы также передают маратхам несколько крепостей, которыми они еще владели в Махараштре (Тримбак, Севнири и др.).

3. Делийское правительство признает за маратхами их недавние завоевания в Гондване и Бераре.

4. Мать Шаху и его семья, продолжавшие оставаться в могольском плену, подлежат возвращению на родину.

5. Шаху обязывается уплатить в казну Моголов 1 млн. рупий и выставить 15-тысячный контингент маратхской конницы на службы Великому Моголу, а фактически — временщикам-сайидам³⁶.

Следовательно, сайиду Хусейну Али удалось закончить неудачную войну в Декане и даже обеспечить себе сильного союзника для борьбы с Фаррух Сийяром и враждебными феодальными кликами. В то же время это соглашение фактически устанавливало решающее господство маратхов в шести субах Декана и открывало им самые широкие возможности дальнейшей экспансии за счет Могольской державы. На основании соглашения 1717 г. пешва и маратхские сардары не только посылали различные категории своих сборщиков налога на территорию могольского Декана, но держали там гарнизоны, сооружали крепости, ставили таможенные заставы и устанавливали собственную администрацию, неминуемо оттеснявшую на второй план местную власть. Совершенно прав Хафи-хан, когда он указывает, что в шести субах Декана «в налоговых и гражданских делах приказы и действия врага (т. е. маратхов. — И. Р.) преобладали над властью могольских фаудждаров и джагирдаров»³⁷. Да и как же иначе, раз «при настоящем положении вещей в каждом округе действуют три постоянных сборщика (чаутха, сардешмукхи и

³⁶ J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, pp. 445—446.

³⁷ [Khafi Khan], *The Muntakhab-ul-lubab...*, vol. II, p. 785.

рахдари, или таможенных пошлин. — И. Р.) раджи Шаху, с отрядами конных и пеших воинов, располагающихся при управлении, куда поступает земельный налог (сбор) саир и таможенные пошлины»³⁸. Доля маратхов, установленная соглашением 1717 г. в размере 35% с общего поступления поземельного налога и таможенных сборов (25% чаутх и 10% сардешмукхи), фактически была значительно больше. Дело в том, что маратхи получали свою долю не только с официально установленных ставок поземельного налога, но и с тех незаконных сборов (абвабов), которые джагирдары дополнительно взимали с райятов. Важнейшими из абвабов были сборы фаудждари, шиккдари и зиафат. Фаудждари и шиккдари шли военным и гражданским властям округа, а зиафат поступал самому джагирдару. Сбор сардешмукхи маратхские сборщики взыскивали не с джагирдаров, а непосредственно с крестьян, что открывало широкие возможности для насилия и вымогательства. Подробно излагая все эти обстоятельства, Хафи-хан приходит к заключению: «Они (маратхи. — И. Р.) получали почти половину всего налога, зарегистрированного в правительственных налоговых списках»³⁹. Вместе с тем доля маратхов в поземельном налоге шести суб Декана исчислялась на основании так называемого танка, или стандартного обложения, в то время как в начале, а тем более в середине, XVIII в. эти доходы упали более чем вдвое⁴⁰.

³⁸ Ibid., p. 781.

³⁹ Ibid., p. 784.

⁴⁰ По исчислению Ирвина (на основании рукописи «Мунтахаб-ат-Таварих» Джаг Дживан Даса), в 1707 г. поступления поземельного налога в державе Моголов равнялись 82 014 688 рупиям по 15 субам Индостана и 107 920 173 рупиям по шести субам Декана (см. N. Manucci, *Storia do Mogor or of Mogul India*, trans. by W. Irvine, vol. II, London, 1907, p. 4:6). За 60 лет перед тем (в 1650 г.) Абдел Хамид в своем «Бадшах-наме» исчислял доходы Могольской державы от поземельного налога на 1630 г. в 880 кро-ров дам, или 220 млн. рупий, из которых непосредственно поступала в казну $\frac{1}{7}$, остальное было роздано в джагиры и союргали (см. W. H. Moreland, *From Akbar to Aurangzeb*, London, 1923, p. 250). Чтобы сопоставить данные 1707 и 1630 гг., надо учесть, что Биджапур и Голконда вошли в состав Могольской державы после 1630 г. По данным «Мунтахаб-ат-Таварих», их налоговый доход равнялся: по Биджапуру — 58 987 501 рупия, по Хайдарабаду — 24 782 500 рупий, а всего 83 770 001 рупия. Если вычесть эту сумму из общего налогового дохода Могольской державы на 1707 г., мы

Маратхи сохраняли полную свободу действий в отношении Могольской державы и, в зависимости от обстоятельств, ссылались на нарушение договора 1717 г. Моголами для оправдания своих новых территориальных захватов или для шантажа и запугивания делийского правительства.

Успешный исход переговоров с Хусейн Али-ханом и заключение договора 1717 г., весьма выгодного всем маратхским сардарам, подняли в их глазах авторитет пешвы Баладжи Вишванатха. Вместе с тем эти события показали, что маратхские феодалы могут вести захватнические войны против Моголов более успешно, если они будут действовать не в одиночку, а как-то объединят свои усилия. Указанной цели — известной координации действий маратхских сардаров — а также созданию их общей заинтересованности на почве внешнего грабежа и территориальной экспансии служила выработанная Баладжи Вишванатхом и его чиновниками сложная система распределения доходов чаутха шести областей Декана. Впоследствии эта система стала применяться и при распределении доходов сардешмукхи. 25% всех доходов чаутха составляла под названием бапти (отцовская) доля раджи Шаху. Фактически бапти поступала не радже, а трем наиболее влиятельным маратхским

получим 106 104 862 рупии, т. е. в два с лишним раза меньше, чем в 1630 г. Исходя из уровня налоговых поступлений 1707 г. по шести субам Декана, приведенных в «Мунтахаб-ат-Таварих», доля маратхов (чаутх и сардешмукхи) должна была составлять 35% от 107 млн. рупий, т. е. 37 450 тыс. рупий. Но в этом подсчете совершенно не принято во внимание, что за десять лет, разделяющих 1707 г. от 1717 г., когда было заключено соглашение Хусейна Али с Баладжи Вишванатхом, Декан подвергся дальнейшему разорению в результате междоусобных войн Моголов и маратхских набегов, и, следовательно, налоговый доход страны значительно снизился, а это в свою очередь должно было повлиять на уменьшение абсолютного размера чаутха и сардешмукхи. И все же эти доходы от грабежа чужих земель, видимо, давали маратхским феодалам лишь немногим меньше, чем эксплуатация собственного крестьянства. По различным оценкам английских разведчиков и дипломата Эльфинстона, резидента Ост-Индской компании в Пуне, весь доход правительства пешвы, не считая чаутха и сардешмукхи, не превышал в начале XIX в. одного крора, или 10 млн. рупий. Эльфинстон дает наиболее точный и убедительный подсчет в своем донесении, написанном в декабре 1815 г. Он определял общий доход правительства пешвы в 9671 рупию. Донесение Эльфинстона опубликовано Сенем (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 344—346).

сановникам: пешве, пратинидхи и пант сачиву, которым был поручен ее сбор. 6% чаутха были наследственно пожалованы пант сачиву. Эта его доля называлась «сахотра». 3% чаутха были выделены в распоряжение раджи Шаху под названием «надгаунда». Раджа (а фактически пешва) по своему усмотрению жаловал доходы надгаунда в джагир различным маратхским феодалам. 66% чаутха жаловались в качестве джагира сардарам, в первую очередь тем, которые к этому времени фактически установили свое господство над той или иной частью могольского Декана. Часть чаутха (75%), оставшаяся после выплаты доли раджи (бапти), носила название «мукасса». Так стали называть и всю систему распределения чаутха, созданную Баладжи Вишванатхом⁴¹.

Политика пешвы Баладжи Вишванатха Бхата состояла прежде всего в том, чтобы под своим верховенством объединить маратхских феодалов для внешнего грабежа. Система мукасса отвечала указанной задаче, ибо она рассматривала доходы завоеванных земель в качестве общего достояния маратхских феодалов и гарантировала каждому из них его долю в этих доходах. Само собой разумеется, что пешве как главному организатору захватнических войн должно было принадлежать верховное командование войсками, общее направление внешней политики и, наконец, решающее слово при распределении саринджамов по системе мукасса. Таким образом, объединение маратхских феодалов на почве завоеваний имело своим внешним выражением рост авторитета и влияния пешвы Баладжи Вишванатха. Вместе с тем система мукасса не только служила средством создать известную общность интересов маратхских феодалов на основе грабительских экспедиций, но в какой-то мере ставила их под контроль со стороны пешвы, действовавшего именем раджи Шаху.

Как правило, саринджамы по системе мукасса предоставлялись чересполосно. Чаутх и сардешмукхи какой-либо области, района или даже деревни жаловались

⁴¹ См. об этой системе: S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 275—277; Grant-Duff, *A history of the Mahrathas*, vol. I, pp. 450—452; M. Elphinstone, *The history of India*, London, 1889, p. 700.

одновременно нескольким совладельцам. Интересы каждого из совладельцев обычно представлял отдельный чиновник-брахман, на обязанности которого лежали учет и получение доли его доверителя в налоговых доходах данной территории. Налоговый аппарат совладельцы оплачивали сообща, хотя в некоторых случаях он находился в непосредственном подчинении наиболее крупного из них. В одной и той же деревне бапти, сахотра, надгаунда, собственно мукасса и, наконец, сардешмукхи жаловались в саринджам или инам различным лицам⁴². Все это создавало невероятную путаницу при сборе налогов и служило почвой для постоянных трений между совладельцами доходов данной деревни, округа и области.

Пешва старался помещать соперничавших сардаров в одно владение, чтобы они мешали усилению друг друга. Каждый ревниво и подозрительно относился к успехам соперника. Отсутствие компактной территории у владельцев саринджамов препятствовало росту их самостоятельности. Чиновники-брахманы тщательно наблюдали за всей жизнью во владении и доносили пешве о всех незаконных действиях маратхских феодалов. Система мукасса была тем важнейшим средством, при помощи которого пешве до поры до времени удавалось контролировать и держать в узде своих вассалов. Вместе с тем пешва в известной мере определял направление внешней экспансии маратхских сардаров, намечая каждому из них тот или другой район как объект завоевания.

Между тем в Дели назревала новая вспышка междоусобной войны. Фаррух Сийяр подготовил заговор против братьев-сайидов. Падишах тайно встречался с недовольными вельможами Сарболенд-ханом, Чин Клыч-ханом, а также джайпурским раджей Джай Сингхом, предлагая им совместно выступить против вре-

⁴² «В результате этого сложного разделения и устройства разные лица имели различные притязания к одной и той же деревне» (J. Sarkar, *Shivaji and his times*, London, 1929, p. 227). Система мукасса с ее переплетением прав многочисленных совладельцев привела к повышению роли и влияния налоговых чиновников (обычно брахманов), которые одни и были способны разобраться во всех этих сложностях. Усиление служилого брахманского элемента в маратхской администрации было сознательной политикой пешвы, которые были сами выходцами из брахманов.

менщиков. Все шло хорошо, покуда эти вельможи питали надежду захватить в результате переворота высшие должности в государстве, но когда выяснилось, что Фаррух Сийяр прочит в вазирь своего нового фаворита Итикад-хана и думает облечь его полной властью, то Чин Клыч-хан и Сарболенд-хан отказались от дальнейшего участия в заговоре, не сулившим им существенных выгод. Что же касается раджи Джай Сингха, то он поспешил обо всем донести сайиду Абдулле. Стало очевидным, что если временщики хотят сохранить власть, то нужно покончить с падишахом, который непрерывно устраивает заговоры, направленные против них. Видимо, свою роль сыграло и то обстоятельство, что Фаррух Сийяр наотрез отказался утвердить договор 1717 г. с маратхами, столь выгодный сайидам. Сайид Абдулла-хан предложил своему младшему брату Хусейн Али-хану вернуться в Дели с войском. Хусейн Али-хан прежде всего постарался привлечь на свою сторону Чин Клыч-хана и Сарболенд-хана. Первому из них было обещано субадарство Мальвы и Гуджарата, второй был назначен субадаром Кабула.

Временщикам-сайидам удалось лишить Фаррух Сийяра последних возможных союзников. Осенью 1718 г. Хусейн Али-хан выступил из Декана на Дели. Большинство его войска составлял 12-тысячный контингент маратхской конницы под личным командованием Баладжи Вишванатха. После перехода Нарбады каждый маратхский всадник получал от Хусейн Али-хана оплату в размере 1 рупии в день. Пешва поддерживал сайидов, и это вполне понятно, ибо от их победы над Фаррух Сийяром зависела реализация договора 1717 г., столь важного для маратхских феодалов.

В феврале 1719 г. Хусейн Али-хан вместе со своими войсками и силами маратхского отряда вступил в Дели. Приближаясь ко дворцу Фаррух Сийяра, он приказал бить в литавры, что было привилегией одного падишаха. Фаррух Сийяр даже и не пытался оказать сопротивление и униженно просил пощады у братьев-сайидов. Но это не спасло его. Сначала он был ослеплен и взят под стражу, а через некоторое время задушен по приказу сайидов.

Воины маратхского контингента встретили враждебное отношение со стороны жителей Дели. Горожане

даже подняли против них восстание. Более тысячи маратхов пало в боях, разыгравшихся на улицах могольской столицы. Но Баладжи Вишванатх добился той цели, ради которой он принял участие в походе на Дели: новая марионетка сайидов, возведенный ими на престол падишах Рафи уд-Дараджат немедленно утвердил моголо-маратхский договор 1717 г., выдал пешве жалованные грамоты на чаутх и сардешмукхи шести областей и отпустил из Дели на родину семью раджи Шаху.

Вскоре после своего торжественного возвращения в Махараштру умер Баладжи Вишванатх Бхат (1720), основатель династии пешв. Должность пешвы перешла к Баджи Рао — 22-летнему сыну покойного Баладжи Вишванатха. Почти одновременно с Баладжи Вишванатхом умерли два наиболее влиятельных из маратхских сардаров его поколения — пратинидхи Парашурам Тримбак и сенапати Ханде Рао Дабхаде. Первому в качестве пратинидхи наследовал его сын Шрипат Рао Тримбак. Должность второго перешла по наследству к его сыну Тримбак Рао Дабхаде. Наследование важнейших должностей в государстве становилось у маратхов неписаным законом.

Не прошло и года со времени свержения Фаррух Сийяра, как в державе Моголов вспыхнула новая междоусобная война. Торжество братьев-сайидов оказалось недолговечным. После свержения Фаррух Сийяра указанная выше тенденция, направленная на привлечение к власти эксплуататорских прослоек индусов, проявилась в политике сайидов еще более отчетливо. Субадаром Аллахабада был утвержден индус Гирдхар Бахадур. Субадаром Ахмедабада (Гуджарата) и фаудждаром Сурата стал джайпурский раджа Джай Сингх. Субадаром Аджимира был назначен джодхпурский раджа Аджит Сингх. По этому поводу Хафи-хан недовольно отмечал: «В результате этих назначений два упомянутых раджи держали страну от местности, расположенной в тридцати косах от Дели, где начинались родные земли Джай Сингха (имеется в виду княжество Джайпур. — И. Р.) и вплоть до берегов моря у Сурата»⁴³. Такая политика правящей индоостанской клики возбуж-

⁴³ [Khafi Khan], «*The Muntakhab-ul-lubab...*», vol. II, p. 838.

дала враждебность других феодальных группировок, в частности наиболее могущественной из них — среднеазиатской. Правда, братья-сайиды сдержали обещание, данное ими Низам-уль-Мульку, феодалу из среднеазиатской клики: он стал субадаром Мальвы. Его родственник Хамид-хан вскоре получил назначение субадаром в Гуджарат. Вслед за Низам-уль-Мульком в Мальву потянулись многочисленные представители среднеазиатской феодальной клики, не рассчитывавшей на получение выгодных должностей и доходных джагиров в Индостане, покуда у власти в Дели оставались сайиды из Бара. Таким образом, Низам-уль-Мульк в качестве наместника Мальвы (а фактически и Гуджарата, поскольку его родственник Хамид-хан, действовавший там, был его подчиненным) становился центром притяжения всех феодалов, недовольных засильем индоостанской клики⁴⁴. Это было тем более опасно, что Низам-уль-Мульк поддерживал самую тесную связь с рядом влиятельных вельмож, прежде всего с Амин-ханом и его сыном Камр-уд-дином, державших его сторону при делийском дворе. Весной 1720 г. сайиды, опасаясь дальнейшего усиления Низам-уль-Мулька, сместили его с должности субадара и приказали явиться в Дели. В ответ Низам-уль-Мульк поднял восстание. В Индостане началась новая междоусобная война.

В отличие от событий 1719 г. маратхские сардары не смогли успешно использовать эту войну для нового расширения своих владений и доходов за счет слабеющей державы Моголов. Смерть пешвы Баладжи Вишванатха, последовавшая именно в это время, лишила их опытного руководителя, пользовавшегося большим авторитетом. Молодой пешва Баджи Рао был еще неопытен в делах и, конечно, не мог сразу заменить своего отца. Отсутствие единства среди маратхских сардаров усугублялось тем обстоятельством, что Низам-уль-Мульку еще в годы его первого наместничества в Декане (1713—1716) удалось переманить многих из маратхских феодалов на службу к Моголам, например Чандрасен Джадхава, Нима Синдия, Рамбха Нимбалкара и др. Они или их потомки выступали теперь на:

⁴⁴ На это прямо указывает Ирвин (*W. Irvine, Later Mughals*, vol. I, p. 405).

стороне Низама, в то время как раджа Шаху поддерживал сайидов из Бара. Как видим, в войне 1720 г. маратхи сражались против маратхов, обессиливая друг друга.

Низам-уль-Мульк разбил по отдельности двух военачальников (Дилавар-хана и Алам Али-хана), посланных против него из Дели. Тогда осенью 1720 г. на подавление мятежа выступил младший из сайидов Хусейн Али-хан. Он считал более безопасным держать нового Великого Могола Мухаммед-шаха при себе в лагере, чем оставлять его в Дели. Этот слабовольный шах был возведен сайидами на престол еще в сентябре 1719 г. Подобно Фаррух Сийяру, он интриговал против сайидов и через своих приближенных Амин-хана и Саадат-хана находился в тайных сношениях с Низам-уль-Мульком. Еще до встречи с силами Низама упомянутые вельможи нашли способ «устранить» Хусейн Али-хана. Один из сторонников среднеазиатской феодальной клики подал во время прогулки челобитную сайиду Хусейн Али-хану и, в то время как тот читал ее, смертельно ранил его кинжалом. Сразу же после этого (9 октября 1720 г.) в шахском лагере вспыхнула междоусобная борьба. Победа осталась за сторонниками Амин-хана и среднеазиатской клики. Вскоре Мухаммед-шах, соединившись с войском Низам-уль-Мулька, двинулся на Дели, куда и вступил 23 ноября 1720 г.

Попытка сайида Абдулла-хана оказать сопротивление не увенчалась успехом. В происшедшем сражении силы Абдулла-хана были разбиты, а сам он попал в плен, где через два года (в 1722 г.) умер, по-видимому от отравления. Война за престол 1720 г. знаменовала новую ступень в распаде державы Моголов, когда от нее стали отпадать целые обширные области. Наиболее могущественные из могольских субадаров теперь становились совершенно независимыми государями, а области, которыми они раньше управляли в качестве наместников падишаха Дели, превращались в самостоятельные княжества. Так, в период 1720—1724 гг. от Могольской державы отпали такие обширные области с многочисленным населением, как Бенгалия, включая Бихар и Ориссу, Ауд и Хайдарабад. Основателем династии аудских государей стал в 1720 г. последний могольский субадар Саадат-хан, а в Бенгалии — диван

Муршид Кули-хан, с 1707 г. бессменно управлявший этой богатейшей областью Индии. Государем Хайдарабада в 1724 г. стал Низам-уль-Мульк. Его потомки, унаследовавшие хайдарабадский престол, приняли титул низама, и это стало именем династии. В Пенджабе с 1713 г. фактически самостоятельно распоряжался палач сикхов субадар Абд-ус-Самад-хан. Пенджаб, хотя полностью и не отделился от Могольской державы, подобно Бенгалии, Ауду и Хайдарабаду, но по существу его подчинение делийскому правительству имело номинальный характер. Таким образом, междоусобная борьба феодальных клик за господство над Могольской державой после 1720 г. в значительной мере превратилась в борьбу между феодальными государствами, возникшими на ее развалинах. Взаимная борьба этих государств еще больше ослабляла мусульманских феодалов в Индостане и Декане (именно они стояли у власти в Хайдарабаде, Ауде, Бенгале, Пенджабе и Дели) и тем самым объективно облегчала дальнейшую экспансию маратхских пешв.

Особенно важное значение для внешней политики маратхов приобрело то обстоятельство, что между Низам-уль-Мульком, государем крупнейшего мусульманского княжества в Декане, и делийским правительством надолго установились враждебные отношения. Стараясь отвести маратхскую опасность от Хайдарабада, Низам-уль-Мульк даже поощрял пешву Баджи Рао к более энергичному наступлению на север, в сторону Индостана.

Более крупное политическое и военное значение уже в эти годы приобретают афганские переселенцы, так называемые рохиллы [буквально: горец (от *рох* 'гора')] ⁴⁵. Эмиграция в Индию была непосредственно связана с дальнейшим развитием феодальных отношений в афганском обществе. В Индию главным образом уходили рядовые члены афганских племен восточного ската Сулеймановых гор и правобережья Инда, предпочитавшие искать в Индии добычу и военную службу, чем оставаться на родине, где им грозил переход в разряд

⁴⁵ Для характеристики Рохилкханда (страны рохиллов) были использованы: J. Foster, *Voyage du Bengale a Pétersbourg* vol. III, Paris, 1800, pp. 87—324; J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, Calcutta, 1932, pp. 43—45.

зависимого крестьянства⁴⁶. В первой половине XVIII в. афганцы создали ряд новых поселений в Индии. Важнейшим из них являлся Рохилкханд (страна рохиллов) области к северо-востоку от Ганга, ограниченная на востоке р. Сан, на севере — предгорьями Гималаев, а на западе — Гангом. Он представлял собой как бы треугольник, опиравшийся основанием на предгорье Гималаев и обращенный острием на юг. Рохилкханд примыкал с запада к столичному району Дели — Агра, а с востока к Ауду, занимая весьма важное стратегическое положение. Природные условия также благоприятствовали рохиллам. В случае появления превосходящих сил противника они отступали с равнины в джунгли предгорьев Гималаев, откуда их было чрезвычайно трудно выбить.

Кроме Рохилкханда, чересполосно существовали и другие афганские колонии. Так, к востоку от этой территории еще в XVII столетии (в 1647 г.) один из ханов афганского племени даудзай основал город Шахджаханпур, а через несколько лет соорудил в 30 км к югу крепость Шахабад. В этом же районе афганцы-юсуфзай построили крепость Умрпур. Эти поселения афганцев не представляли территориального единства, а были взаимно разьединены и изолированы, больше тяготея к Ауду, чем к Рохилкханду. Дальше к югу, на правом берегу Ганга, сложилось афганское владение Фаррухабад, основанное Мухаммед-ханом Бангаш, могольским солдатом-наемником, ставшим затем крупным джагирдаром. Во время междоусобной войны Джаханدار-шаха и Фаррух Сийяра (1713) он встал на сторону последнего и получил в награду крупный джагир в этом районе. В честь нового шаха и назван основанный им в 1714 г. город Фаррухабад. В Фаррухабадском владении афганцы представляли численно ничтожную верхушку правящих феодалов, беспощадно эксплуатировавших местное крестьянство. Другое положение складывалось в Рохилкханде. Сюда афганцы переселялись в массе, сохраняя свое племенное деление и связи. Афганские эмигранты образовали здесь многочисленный слой мелких и средних феодалов, находившихся в вассаль-

⁴⁶ См. И. М. Рейснер, *Возникновение и распад Дурранийской державы*, — «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 64.

ной зависимости от своих вождей, принадлежавших к тому же племени, что и они сами. Ядро будущего афганского княжества Рохилкханда сложилось еще в начале XVIII в. Основание положил некий Дауд, который со своим афганским отрядом сначала нанимался на военную службу к местным джагирдарам, а затем и сам получил джагир от падишаха Дели. Преемник Дауда, усыновленный и воспитанный им Али Мухаммед-хан, не только унаследовал в 1721 г. джагир своего приемного отца, но значительно расширил его владения, захватывая соседние территории, откуда он изгонял местных заминдаров и джагирдаров. Али Мухаммед-хан пользовался покровительством могольского фауджара Мурадабада, с которым делился частью добычи. В правление временщиков-сайидов захваченные им земли были пожалованы в джагир Мухаммед Салиху, евнуху императорского гарема. Мухаммед Салих попытался вступить во владение, но был наголову разбит рохиллами, причем его обоз и лагерь достались победителю Али Мухаммед-хану. Захваченная добыча позволила вождю рохиллов значительно увеличить число своих афганских воинов. Как передает Саркар: «После этого своего успеха он приказывал высоким и низким называть себя навабом, назначил придворных чинов, как при королевском дворе, и завел пурпурный шатер, хотя это было исключительной привилегией падишахов Дели»⁴⁷. Подкупив нескольких могольских вельмож, он добился назначения джагирдаром и сборщиком налога в своих же владениях. Новая междоусобная война, приведшая в 1720 г. к свержению сайидов, облегчила Али Мухаммед-хану новое увеличение владений и военных сил.

Маратхские сардары не сразу использовали дальнейшее ослабление Могольской державы после 1720 г. Среди них отсутствовало единство. В то время как пешва Баджи Рао выступал решительным сторонником завоевания Мальвы, Гуджарата, а затем и северной Индии, пратинидхи Шрипат Рао Тримбак и Фатех Сингх Бхонсле, приемный сын раджи Шаху, считали, что маратхам нужно прежде всего укрепить и расширить свое господство над Деканом. Низам-уль-Мульк искус-

⁴⁷ J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 48.

но разжигал раздоры среди маратхских вождей. Часть их он попросту подкупил, предоставив им обширные джагиры в своих владениях. Вместе с тем он старался вызвать войну между раджей Шаху и его племянником Самбхаджи, колхапурским раджей. С этой целью Низам-уль-Мульк объявил, что он будто бы не знает, кому вносить чаутх и сардешмукхи с Хайдарабада — Шаху или Самбхаджи, так как неизвестно, кто из них, собственно, является законным государем. Это заявление звучало, как прямой призыв к Самбхаджи восстать против Шаху. В то же время Низам-уль-Мульк через своих тайных посланцев давал понять пешве Баджи Рао, что маратхские планы завоевания Индостана встречают живое сочувствие с его, Низама, стороны. Так правитель Хайдарабада надеялся отвести маратхскую угрозу от Декана. Козни Низама лишь ненадолго задержали укрепление власти пешвы Баджи Рао. Что же касается хитрого плана Низама направить экспансию маратхов исключительно в сторону Индостана, то в дальнейшем обнаружилась способность державы пешв вести одновременно захватнические войны и против Моголов, и против хайдарабадского княжества.

Маратхское наступление на север возобновилось в 1724 г. В этом году пешва Баджи Рао с большим войском появился за Нарбадой. В числе его военачальников впервые упоминаются Рануджи Синдия и Мулхар Рао Холкар. В следующем году пешва предоставил Рануджи Синдии крупные джагиры в Гуджарате. Тогда же Баджи Рао сделал Пуну своей столицей.

В 1727 г. вспыхнула война с Хайдарабадом. Причиной тому была открытая поддержка Низам-уль-Мульком колхапурской клики и притязаний Самбхаджи на маратхский престол. Маратхи, следуя своей обычной тактике, окружили у Мунги Шевгаон неповоротливые хайдарабадские войска, отрезали их от источников снабжения и вынудили Низам-уль-Мулька к капитуляции. По условиям договора, подписанного 6 марта 1728 г. в лагере под Мунги Шевгаон, Низам признавал единственным законным маратхским государем Шаху, выдавал Самбхаджи маратхам и отказывался от всякой дальнейшей его поддержки. Далее Низам обязывался выплатить Шаху все недоимки по чаутху и сардешмукхи со своих владений. В этой войне, закончив-

шейся разгромом Низама и колхапурской клики, выдающуюся роль сыграл пратинидхи Шрипат Рао Тримбак, соперник Баджи Рао.

В 1729 г. маратхи снова вторглись в Гуджарат. Субадар Сарболенд-хан, бессильный оказать сопротивление, поспешил заключить с пешвой договор, по которому чаутх, выплачиваемый маратхам, не должен превышать 25% фактического сбора налогов. Число маратхских сборщиков налогов ограничивалось двумя-тремя в каждом округе. Маратхи обещали не взимать дополнительных поборов с крестьян. Наконец, пешва обязывался заставить Пиладжи Гэквада и Кантаджи Кадани Банде (они являлись вассалами и военачальниками сенапати Тримбак Рао Дабхаде) соблюдать условия этого соглашения. Тримбак Рао Дабхаде был одним из крупнейших маратхских феодалов, малоуступавшим пешве численностью своих войск и влиянием. Он считал Гуджарат своим владением и рассматривал договор Баджи Рао с Сарболенд-ханом, заключенный без его ведома, как умаление своих прав⁴⁸. Тримбак Рао Дабхаде поспешил объявить себя вассалом Самбхаджи и присоединился к колхапурской клике. Это сделало неизбежным открытое столкновение между пешвой и сенапати.

В том же 1729 г. маратхские войска, действуя в союзе с местным раджей Чатер Салем, изгнали последние могольские гарнизоны из Бунделкханда. Раджа Чатер Сал Бундела объявил себя вассалом государя ма-

⁴⁸ Кинкэд и Параснис отмечают, что этот договор вызвал большое недовольство Дабхаде: «Пиладжи Гэквад был его правой рукой. Недавний договор между Сарболенд-ханом и Баджи Рао тяжело отразился на его интересах. Прежние победы Ханде Рао (отца Тримбак Рао Дабхаде. — И. Р.) и недавние успехи Пиладжи Гэквада полностью игнорировались, а их плоды (имеются в виду доходы Гуджарата. — И. Р.) должен был собирать для казны раджи один Баджи Рао» (С. А. Kincaid and D. В. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 190). Попытка сенапати компенсировать себя за счет Мальвы вызвала резкую отповедь раджи Шаху, действовавшего по указанию Баджи Рао. В своем письме на имя Тримбак Рао Дабхаде от 21 мая 1728 г. раджа Шаху писал: «Какое вы имеете право собирать деньги, подымать беспорядки в Мальве и грабить там сельскую округу? Сколько бы вы ни собрали денег, вы должны их выплатить Баджи Рао пандиту, иначе он взыщет такую же сумму с лично вам принадлежащих ленов. На будущее время вы должны оставить Мальву в покое. Отступив в Гуджарат, не давайте дальнейших причин для жалоб» (ibid., pp. 190—194).

ратхов. Тем самым маратхи получали важный плацдарм на южном берегу Джамны, откуда они могли непосредственно угрожать плодороднейшим областям Индостана — Ауду и двуречью Ганга — Джамны.

В междоусобных войнах 1730—1731 гг. пешва Баджи Рао, действуя совместно с пратинидхи Шрипат Рао Тримбаком, окончательно сломил колхапурскую клику и поддерживавшего ее сенапати Тримбак Рао Дабхаде. В 1730 г. военные действия происходили главным образом в самой Махараштре. Силы раджи Самбхаджи и его союзников Удаджи Чавана и Тримбак Рао Дабхаде были разгромлены, сам колхапурский претендент на престол попал в плен и в январе 1730 г. подписал в Варне договор, который устанавливал его зависимость от раджи Шаху (фактически от пешвы Баджи Рао). Договор в Варне предусматривал следующие основные положения:

- 1) государь маратхов предоставляет округ Варна Самбхаджи на содержание его двора;
- 2) завоевания к югу от реки Тунгабхадры Шаху и Самбхаджи делят пополам;
- 3) Самбхаджи обязывается быть врагом врагов и другом друзей раджи Шаху;
- 4) как Шаху, так и Самбхаджи не будут иметь легионов во владениях друг друга⁴⁹.

Как видно, за Самбхаджи признавалась половинная доля маратхских завоеваний на юге Индии, однако он полностью отстранялся от участия в дележе территории Индостана и северного Декана, захваченных пешвой и другими маратхскими сардарами. В дальнейшем ни сам Самбхаджи, ни его преемники колхапурские раджи не играли сколько-нибудь значительной политической роли, все более подчиняясь всестороннему контролю пешвы.

После разгрома колхапурской группировки Баджи Рао и его брат Чимнаджи Аппа выступили с 25-тысячным войском в Гуджарат против Тримбак Рао Дабхаде. Решающее сражение произошло в апреле 1730 г. при Дабхаи. Хотя войска сенапати почти вдвое превосходили своей численностью силы пешвы, у него было

⁴⁹ Наиболее подробно о договоре в Варне см. в кн.: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 201.

мало опытных воинов, а большинство составляли плохо вооруженные ополчения местных племен коли и бхилов. Войска Тримбак Рао Дабхаде потерпели жестокое поражение, сам он погиб в бою. После этого пешва Баджи Рао установил следующий раздел доходов Гуджарата и Мальвы. Половина их составляла доля раджи Шаху. Этой долей распоряжался пешва. Из этой же доли он предоставил обширные джагиры в Мальве своим военачальникам Мулхар Рао Холкару, Рануджи Синдхи и Удаджи Повару. Последний к этому времени завоевал Дхар и также превратил его в свое владение. Вторая половина доходов Гуджарата была сохранена пешвой за домом Дабхаде.

Однако не прошло много времени, как землями и богатствами дома Дабхаде завладел наиболее сильный из вассалов покойного сенапати — сардар Пиладжи Гэквад.

С разгромом колхапурской клики и гибелью Тримбак Рао Дабхаде пешва бесспорно стал наиболее могущественным из маратхских вождей и фактическим повелителем обширной державы. Радже Шаху продолжали оказывать все подобающие почести, но его влияние на ход государственных дел не было велико. Распространение господства маратхских феодалов на весь Индостан становится основой внешнеполитических планов пешвы Баджи Рао. Грант-Дафф приводит речь Баджи Рао к Шаху, которая сохранилась в маратхской традиции: «Теперь пришло время изгнать чужеземцев из страны индусов и приобрести бессмертную славу. Направив наши усилия в сторону Индостана, (мы добьемся, чтобы) в ваше царствование маратхский флаг развевался от Кистны до Аттока». Что же касается слабеющей Могольской державы, то пешва призывал «ударить по стволу засохшего дерева, чтобы ветви отвалились сами»⁵⁰. Грабеж Гуджарата и в особенности Маль-

⁵⁰ J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 482. — О причинах, побудивших Баджи Рао предпочесть завоевание Индостана экспансии в Декан, этот автор высказывает соображения, не лишённые интереса: «...он предвидел, что смятение за рубежом будет способствовать установлению порядка внутри страны, что в качестве руководителя дальних экспедиций он получит в распоряжение большую (воинскую) силу, чем любой из других вождей (маратхской) державы, что ресурсы Декана не только не улучшатся в результате отвлечения полчищ конницы, без пользы истребляю-

вы должен был дать крупные средства, необходимые для подготовки вторжения в долину Джамны—Ганга, а их территория должна превратиться в маратхский военный плацдарм на подступах к Агре и Ауду. Прочное овладение Гуджаратом и Мальвой становится ближайшей целью правительства в Пуне.

Низам-уль-Мульк, напуганный ростом силы и могущества Баджи Рао, продолжал близорукую политику поощрения маратхской экспансии на север, надеясь тем самым отвести пожар войны от собственного дома. В 1731 г. между пешвой и Низамом было заключено соглашение, по которому первый получал свободу расширять свои владения в Индостане, а второй — в Декане. Более того, Низам-уль-Мульк предоставил маратхским войскам право беспрепятственного прохода через свою территорию в их походах в Центральную Индию. Соглашение 1731 г. с Низамом обеспечило правый фланг и от-

щих эти ресурсы, но неизбежно подчинятся контролю того, кто будет способен наилучшим образом обеспечить занятие и содержание войскам. В то же время он сможет задобрить и запугать недисциплинированные и грабительские банды из людей всех каст и профессий, составляющие солдатчину в Декане» (*ibid.*, р. 485). Здесь правильно то, что перенесение войны в Индостан в известной мере избавляло Декан от дальнейших опустошений вражескими армиями; что авторитет и власть пешвы росла именно в силу того, что они выступали организаторами широких внешних завоеваний в интересах маратхских феодалов. Но одно обстоятельство Грант-Дафф совсем упускает из виду, а именно: политика внешнего грабежа и завоеваний также имела целью приглушить классовую борьбу в самом маратхском обществе. Здесь необходимо иметь в виду, что хотя бы незначительная часть военной добычи доставалась рядовым маратхским воинам, выходцам из крестьянской среды. Зачастую за счет этих средств семья погашала налоговые недоимки или уплачивала часть налогов. С другой стороны, сами феодалы, получавшие огромные доходы с завоеванных земель и от грабительских экспедиций, могли не доводить до крайности эксплуатацию «своего» крестьянства, тем более что феодалы были заинтересованы не только в получении прибавочного продукта, но и в «налоге кровью» с маратхских крестьян, поставлявших (хотя и во все уменьшавшемся числе) воинов в войска пешвы и других сардаров. Но, как мы увидим ниже, влияние этих факторов могло иметь лишь временный характер. В конечном счете внешние завоевания и бесконечные войны вели не к процветанию, а к разорению маратхского крестьянства, не к централизации, а к распаду маратхского государства, не к дальнейшему усилению, а, наоборот, к подрыву власти самих пешв, не к росту их военного могущества, а к ослаблению их военной организации, так как крестьянина-мирасдара окончательно вытесняет наемный солдат-профессионал.

части тыл маратхов во время их операций в Мальве и Бунделкханде, оказав тем самым немалую помощь войскам Баджи Рао в этой части Индии.

В 1730—1734 гг. войска пешвы и маратхских сардаров окончательно сломили сопротивление могольских землевладельцев и джагирдаров в Мальве и Гуджарате. Моголов не спасла ни попытка противопоставить маратхам раджпутских князей (джодхпурского раджу Абхаи Сингха и джайпурского раджу Севан Сингха), ни политика назначения индусов (Даирам Бахадура, Гирдхар Бахадура и др.) на высшие должности в этих областях. Умерший в 1733 г. раджа Чатер Сал Бундела завещал большую часть своих владений маратхскому государю, фактически они достались пешве. Таким образом, маратхи получили в свои руки Джанси и вышли к самой Джамне. Отсюда Баджи Рао мог господствовать над всей Центральной Индией и непосредственно угрожать двуречью Джамны — Ганга. Правителем своих владений в Бунделкханде пешва назначил Говинд Панта Кера, впоследствии получившего прозвище Бундела.

В Гуджарате Дамаджи Гэквад, сын и преемник убитого в 1732 г. Пиладжи, взял штурмом Бароду, ставшую столицей его владений.

Основателем второго маратхского княжества на завоеванных землях, лежащих за пределами Махараштры, стал Рагуджи Бхонсле, приемный сын раджи Шаху. Рагуджи подчинил себе Берар и Нагпур и настолько усилился, что пешве в 1734 г. пришлось признать за ним эти владения. Правда, санад, изданный в том же году от имени Шаху и предоставлявший Берар Рагуджи Бхонсле, накладывал на него ряд серьезных обязательств. Владелец Берара должен был постоянно содержать пяти тысячный контингент конницы; в случае надобности численность этого контингента могла быть увеличена до 10 тыс. воинов, и сам Рагуджи Бхонсле должен был во главе его сопровождать пешву, куда тот ни прикажет. Рагуджи был также обязан ежегодно вносить из доходов Берара сумму в 900 тыс. рупий в казну Шаху (фактически пешве). Что же касается военной добычи, дани и сборов с покоренных земель (за исключением сбора гхас-дана, целиком поступавшего радже Берара), то половина их должна была поступать Шаху, а вторая половина оставалась Рагуджи Бхонсле.

В дальнейшем, подобно Бароде в Гуджарате и Нагпуру в Центральной Индии, на плодородных плато Мальвы образовались еще два маратхских княжества — Индур и Гвалиур. Основателем правящей династии в Индуре стал военачальник и вассал пешвы Баджи Рао — Мулхар Рао Холкар (умер в 1767 г.), а в Гвалиуре — Рануджи Синдия (умер в 1754 г.), который, как и Холкар, ранее состоял на службе у упомянутого пешвы.

В 1734 г. Баджи Рао совершил поход в Раджпутану. В 1735 г. маратхская конница под начальством Мулхар Рао Холкара вторглась за Джамну, дошла до стен Агры, разграбила Ауд, но была в конце концов отогнана войсками Саадат-хана, наваба Ауда⁵¹. В 1736 г. пешва упрочил свои позиции в Раджпутане и как выполнения условий мира с Моголами потребовал от Мухаммед-шаха уступки Мальвы, Гуджарата, а также городов Бенареса, Аллахабада, Гаи и Матхуры, являвшихся священными для верующих индуистов, и, наконец, выплаты 5 млн. рупий наличными. Делийское правительство отвергло это предложение. Против маратхов были направлены войска, несшие охрану горных проходов северо-западной Индии, что являлось крайней мерой, ибо оставляло эту границу беззащитной. Одновременно делийское правительство, забыв свою прежнюю вражду с Низам-уль-Мульком, заключило с ним военный союз против маратхов. Но пока Низам собирал войска, пешва Баджи Рао вторгся за

⁵¹ Начиная с 1733 г. маратхи одновременно вели войну с португальцами на море и суше. На суше военные действия главным образом сводились к осаде маратхами португальских крепостей. В 1737 г. маратхи осадили Сальсетте и Бассейн. Португальцы удерживали их только с помощью англичан. В 1739 г. маратхи вторглись в португальские владения, прилегающие к Гоа. В том же году маратхи, потеряв под Бассейном свыше 20 тыс. человек, взяли эту твердыню португальцев. Последние пошли на мир. Он был заключен в 1739 г. на условиях уступки маратхам Сальсетте, Бассейна и Чаула с прилегающей территорией. Английская Ост-Индская компания вела себя во время маратхо-португальской войны вероломно и недальновидно. Англичане натравливали маратхов и португальцев друг на друга, снабжали обе стороны оружием (хотя лицемерно твердили о своем нейтралитете) и в конце концов вызвали обоснованную враждебность как пешвы в Пуне, так и португальского вице-короля в Гоа. Когда победа осталась за маратхами, Ост-Индская компания послала в 1739 г. миссию капитана Гордона в Пуну. Он просил министров пешвы не трогать Бомбея (С. А. Kincaid and D. В. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, pp. 259—261).

Джамну и, обойдя соединенные силы могольского командующего Дауран-хана и наваба Ауда Саадат-хана, появился под самыми стенами Дели и опустошил окрестности столицы. «Гниение в самом сердце Могольского государства наглядно обнаружилось в 1737 г., когда конница Баджи Рао оскорбила столицу империи, что послужило примером для нашествия Надир-шаха, за которым последовал полный развал делийского правительства в 1739 г.», — пишет индийский ученый Саркар⁵². Только летом 1737 г. Низам-уль-Мульк и его войска добрались до Дели. В пик пешве Мухаммед-шах назначил Гази уд-дина, сына Низам-уль-Мулька, субадаром Мальвы и Гуджарата, завоеванных маратхами. Вскоре соединенные силы Низама и Моголов выступили в поход против маратхов. В этой войске, насчитывавшем всего 32 тыс. человек, была, однако, сильная артиллерия. Общее командование принадлежало Низам-уль-Мульку. Силы противников встретились у Бхопала. Заняв удобную позицию, прикрытую озером и рекой, Низам-уль-Мульк засел в хорошо укрепленном лагере. Маратхи пытались взять лагерь штурмом, но их атаки отбивались артиллерией Низама. Но маратхи установили тесную блокаду лагеря, где скоро стал ощущаться недостаток фуража и продовольствия. Низам сделал удачную попытку прорваться, но во время дальнейшего марша был снова настигнут и окружен маратхами. 11 февраля 1733 г. под Сиронджем Низам подписал мир с пешвой. Маратхи получили территорию от Нарбады до Чамбала. Кроме того, делийское правительство обязывалось уплатить контрибуцию в размере 5 млн. рупий⁵³. Уступчивость Низама была обусловлена тем, что пришло известие о вторжении в Индию персидского шаха Надира. Низам спешил заключить мир с маратхами, чтобы освободить войска и идти на выручку Дели. Но и в этих трудных условиях хитрый Низам-уль-Мульк сумел соблюсти свою выгоду: все сделанные маратхам уступки шли за счет делийского правительства и непосредственно не затрагивали Хайдарабада.

В то время как маратхи осаждали лагерь Низама в Бхопале, Рагуджи Бхонсле, в прямое нарушение приказов пешвы, вторгся в Ауд, разграбил Аллахабад и многие

⁵² J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 3.

⁵³ Условия договора в Сирондже см. в кн.: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 232.

другие города. В наказание пешва направил в Берар своего военачальника Аваджи Каврай с войсками и поручил ему опустошить владения Бхонсле⁵⁴. Между пешвой и раджей Берара начиналась настоящая война. Но все эти события были отодвинуты на второй план вторжением Надир-шаха в Индию⁵⁵.

Грант-Дафф, на основании маратхской традиции, передает следующие слова пешвы Баджи Рао, призывающие к выступлению против чужеземных завоевателей: «Наша домашняя ссора с Рагуджи Бхонсле представляется теперь незначительной; война с португальцами сошла на нет; сейчас существует только один враг в Индостане (это Надир)». Тот же Грант-Дафф говорит о том, что пешва готовился заключить союз с Низам-уль-Мульком и предполагал после окончания войны с португальцами отправиться с войсками на север⁵⁶. Ясно одно — если бы пешва руководствовался только целью изгнать из Индии Надир-шаха и его полчища, то он мог сразу после заключения мира с Низам-уль-Мульком и совместно с ним двинуться в Дели и поспел бы вовремя, чтобы принять участие в решающих боях с персами. Пешва этого не сделал, вероятно потому, что он хотел дать Надир-шаху возможность сначала еще больше ослабить Великого Могола и мусульманских государей Индии, а только потом разгромить персов. Изгнание чужеземцев-персов явилось бы в таких условиях лишь краткой прелюдией к завоеванию Индостана самими маратхами. Но стремительное развитие событий опрокинуло расчеты пешвы. Надир-шах успел разгромить войска Великого Могола, разграбить Дели и уйти из Индии раньше, чем маратхи собрались в поход на север⁵⁷.

⁵⁴ J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 546.

⁵⁵ Для описания персидского нашествия на Индию были использованы: *مہد خان تاریخ نادر*

(далее — М. Мехди-хан, *Тарих-и Надир*); К. З. Ашрафян, *Распад государства Надир-шаха (1736—1747 гг.)* (кандидатская диссертация), М., 1950; W. Irvine, *Later Mughals*, vol. II; L. Lokhart, *Nadir Shah (A critical study based mainly on contemporary sources)*, London, 1938.

⁵⁶ J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 547.

⁵⁷ Перед своим отъездом из Дели Надир-шах обратился с посланием к пешве Баджи Рао. Надир-шах сначала извещал, что он вручил корону и трон Индии Мухаммед-шаху и считает его за своего брата и сына. Затем Надир-шах требует от Баджи Рао повиновения Мухаммед-шаху. Письмо заканчивается недвусмысленной

Персидское нашествие продолжалось немногим более года, — в мае 1738 г. Надир-шах пересек индийскую северо-западную границу, а в июне 1739 г. двинулся из Дели в обратный путь, — но оно имело значительные последствия для судеб Могольской державы и оказало влияние на политическое положение во всей Индии.

Предлогом для вторжения персов послужило невыполнение Мухаммед-шахом требования Надира о выдаче афганских беглецов, нашедших приют в Индии, но истинной целью завоевателя было ограбление страны и присоединение афганских и части индийских земель к своей державе. Главную опору Надира составляла феодальная знать кочевых племен Хорасана. Из ополчения кочевых племен Хорасана и Азербайджана, пополненных затем афганцами, состояло ядро его войск.

Разноплеменное войско Надир-шаха обладало большим боевым опытом, было подчинено жесточайшей дисциплине и беспрекословно повиновалось деспотической воле своего командующего. В отличие от войск индийских государей персидский завоеватель располагал сильной пехотой, способной вести довольно меткий огонь из длинноствольных мушкетов (джезаил) и в сомкнутом строю отразить кавалерийскую атаку. Помимо полевой артиллерии (вернее, тяжелой, ибо она была чрезвычайно малоподвижна и обычно не меняла во время боя раз занятой позиции, и это понятно: каждое орудие перевозилось в запряжке десятков, а иногда и сотен пар быков)⁵⁸, Надир-шах имел несколько тысяч зембурек — легких пушек, установленных по две на особым образом

угрозой, что всякая новая попытка восстания будет подавлена самим «другом религии» (т. е. Надиром) и его победоносной армией. Текст этого письма был впервые обнаружен Парасником, и его английский перевод опубликован в кн.: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 236. — Раджа Шаху не остался в долгу и в ответ на письмо Надир-шаха заявил, что тот убоялся маратхов, а потому поспешно отступил из Индии. В письме раджи Шаху на имя Баладжи Баджи Рао, третьего пешвы из династии Бхат (письмо датировано 25 июня 1741 г.), есть прямое свидетельство о подготовлявшемся маратхском походе на север. Шаху упоминает в этом письме: «Я послал Баджи Рао унижить персов и восстановить Могольскую империю, но он умер почти сразу после того, как получил это поручение» (ibid., p. 273).

⁵⁸ Эти огромные неуклюжие пушки перевозились в запряжке от 60 до 250 пар быков и нескольких слонов. См. конкретные примеры в кн.: W. Irvine, *The army of the Indian Moghuls*, pp. 119—120.

заседланных верблюдах⁵⁹. Из зембуреков можно было вести огонь, не снимая их с лафетов. Новинкой для Индии было и то, что конная гвардия Надира действовала не только мечом, но была вооружена ружьями или пистолетами и обучена, подскочив к врагу, не сходя с седла, в упор расстреливать его залповым огнем⁶⁰.

Как известно, завоеватель не встретил сколько-нибудь серьезного отпора. В связи с маратхской войной большая часть могольских войск была снята с северо-западной границы Индии. В распоряжении субадара Кабула Насир-хана было мало войск. К тому же солдаты годами не получали жалованья. Надир-шах обходным движением вышел в тыл войск Насир-хана, засевших в Хайберском проходе, и разгромил их. Сам Насир-хан попал в плен. Субадар Лахора Закария-хан, не получив своевременной помощи из Дели деньгами и людьми, после недолгого сопротивления капитулировал перед Надир-шахом и был оставлен им в старой должности. Преподнеся персидскому шаху 2 млн. рупий и богатые дары, Закария-хан этим выкупом спас Лахор от полного разграбления. Но зато завоеватели грабили и разоряли на своем пути многие другие города Пенджаба и Сирхинда. В феврале 1739 г. Надир-шах выступил из Лахора на Дели.

В могольской столице царила растерянность. Подошли войска Низам-уль-Мулька, но он был в давней враж-

⁵⁹ Зембурек — «пчелка», уменьшительное от персидского *зембур* — «пчела».

⁶⁰ Саркар связывает те изменения, которые произошли в устройстве и тактике индийских армий в середине XVII в., главным образом с нашествием Надир-шаха. Думается, что не меньшее, а, пожалуй, большее влияние оказали европейцы. Так, например, маратхи следовали в организации своей регулярной пехоты такому образцу, как сипайские батальоны французской Ост-Индской компании, а не мушкетерам Надир-шаха. Саркар пишет: «В войнах наследников Аурангзеба артиллерия стала решающим фактором. Прежние нестройные налеты орды раджпутских удалцов или правильная атака заманной в брону могольской конницы, которые в старые времена считали все на своем пути, отошли теперь в прошлое. Военная ценность конницы упала. Зато большой шаг вперед сделал огневой бой. Успехи Надир-шаха показали непреодолимую силу легкого огнестрельного оружия — как мушкетов в руках кавалеристов, так и фальконетов, перевозимых на верблюдах... Даже подвижная пехота, так называемая беркандаз (по-персидски «бросающая молнию». — И. Р.), действующая в строю и вооруженная мушкетами, оказалась победоносной в боях с численно превосходящими силами чрезвычайно легкой конницы, вооруженной старинными копьями и мечами» (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 52).

де с могольским главнокомандующим Дауран-ханом. При дворе продолжалась борьба индоостанской, среднеазиатской и иранской группировок. Глава последней наваб Ауда Саадат-хан все же выступил на защиту Дели с 30-тысячным войском. Между тем Низам-уль-Мульк и Дауран-хан только через два месяца после своего выступления из Дели достигли Карнала, расположенного в каких-нибудь четырех переходах от могольской столицы. В укрепленном лагере под Карналом сосредоточилось 80-тысячное моголо-хайдарабадское войско. Сюда же стали подтягиваться силы Саадат-хана. Но прежде чем закончилось сосредоточение всех войск, 24 февраля 1739 г., произошло решающее сражение с персами. Индийцы беспорядочно и случайно ввязались в этот бой, даже не взяв с собой артиллерии. На правом фланге Саадат-хан с какой-нибудь тысячей всадников бросился преследовать притворно отступавший персидский авангард, попал в засаду, был ранен и взят в плен, а его войска разбиты. Дауран-хан действовал в центре совершенно независимо от флангов. Могольский центр был буквально расстрелян метким огнем персидской пехоты и зембуреков. На левом фланге Низам бездействовал, не желая прийти на помощь своему врагу Дауран-хану. Индийцы потеряли около 12 тыс. человек. Саадат-хан был в плену, Дауран-хан пал на поле битвы. Это сражение решило судьбу столицы и всей войны — Мухаммед-шах сдался на милость Надир-шаха, признал себя его вассалом и открыл персидским завоевателям ворота Дели.

20 марта 1739 г. Надир-шах вступил в могольскую столицу. В ответ на попытку восстания горожан он на шесть часов отдал Дели на поток и разграбление своим войскам. Сидя с обнаженным мечом у порога мечети Руки уд-Доуле, Надир-шах следил за выполнением своего варварского приказа. В происшедшей резне погибло более 20 тыс. человек. Затем Надир подверг Дели и его округу систематическому разграблению. В руки завоевателей перешли последние сокровища Великих Моголов, в том числе «Тахт-и-Таос», или «Павлиний трон», стоимостью в 80 млн. рупий и «Кох-и-Нур», или «Гора света», крупнейший в мире бриллиант. Он присвоил богатства делийских вельмож, обложил тяжелой контрибуцией горожан, ограбил государственную казну. Общая ценность добычи, взятой Надир-шахом в деньгах, сокровищах, дра-

гоценных вещах и материях, исчисляется в 700 млн. рупий⁶¹. Кроме того, персы угнали с собой много тысяч искусных индийских ремесленников: оружейников, ткачей, строителей и ювелиров. С Мухаммед-шахом был заключен договор, по которому к владениям Надир-шаха присоединялись Кабул и правобережье Инда⁶². На обратном пути Надир-шах установил крепкие заставы на переправе через Ченаб и под страхом смерти заставил всех своих солдат сдать ему утаенную добычу. Так велик был страх перед Надир-шахом и его страшными карами (вырывание глаз, четвертование и т. д.), что это приказание было беспрекословно выполнено.

В своем труде «Хронологические выписки по истории Индии» К. Маркс отмечал под 1740 г.: «Надир, нагруденный сокровищами (отбыл) восвояси; оставил Могольскую империю на краю полной гибели»⁶³.

Надир-шах опрабил и разорил Пенджаб и Дели, унизил Великого Могола, отнял у него казну и последние сокровища, продемонстрировал всей Индии его полное бессилие. С отторжением от державы Моголов Кабула и правобережья Инда в ее составе остались лишь следующие области: Пенджаб, Кашмир, Сирхинд, Дели и Агра. Но и в этих областях после 1739 г. фактически перестала существовать какая-нибудь общая система управления, еще больше усилились сепаратизм, междоусобная борьба отдельных феодалов и враждовавших феодальных кланов. Если не считать Рохилкханда⁶⁴, то

⁶¹ L. Lokhart, *Nadir Shah...*, p. 152.

⁶² Так определяет границу Мехди-хан. Он указывает, что к Надир-шаху отошли «земли по ту сторону реки Инда от пределов Тибета и Кашмира до того места, где река Инд впадает в океан, вместе с областью Тата, гаванями и крепостями» (М. Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 142). Кроме того, Надир-шаху навечно предоставлялись налоговые доходы четырех округов Западного Пенджаба: Сялкот, Гуджарата, Аурангабада и Пасура. При могольском управлении доходы этих округов (они составляли 20 лахов рупий в год) шли на содержание администрации в дефицитной субе Кабула (см. J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 196).

⁶³ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии*, стр. 47.

⁶⁴ В 1741 г. Камр уд-дин, вазир Мухаммед-шаха, послал в Рохилкханд карательную экспедицию, но она была разгромлена афганцами наваба Али Мухаммед-хана. К концу 1741 г. он завоевал весь округ Барели и часть территории округов Мурадабад, Хардой и Будаон. В 1742 г. в его войсках насчитывалось 30—40 тыс. афганцев, главным образом пехотинцев. В своей борьбе с враждебными

нашествие Надир-шаха привело к ослаблению господства мусульманских феодалов над всей северо-западной Индией и двуречьем Джамны — Ганга, что создавало исключительно благоприятные условия для новых территориальных захватов пешвы и маратхских сардаров.

Раздоры среди маратхских сардаров, связанные с назначением преемника пешвы Баладжи Рао, умершего в 1740 г.⁶⁵, а затем борьба в 1742—1744 гг. между новым пешвой Баладжи Баджи Рао (1740—1761) и раджей Берара Рагуджи Бхонсле — таковы главные причины, помешавшие маратхам предпринять решительное наступление на север сразу же после ухода Надир-шаха из Индии.

Назначение 19-летнего Баладжи Баджи Рао пешвой встречало серьезное противодействие ряда маратхских вождей, прежде всего Рагуджи Бхонсле и Дамаджи Гэквада. Они сами претендовали на львиную долю военной добычи и новых завоеваний в Индостане и поэтому с недовольством и враждебностью относились к расширению владений пешвы за р. Нарбадой. Рагуджи Бхонсле предпочитал видеть новым пешвой не представителя феодального дома Бхат, наиболее могущественного среди маратхских вождей, а покладистого Баладжи Джоши, одного из виднейших ростовщиков и менял города Пуна. Выдвижение кандидатуры Баладжи Джоши, между прочим, свидетельствовало о растущем значении, которое крупные торговцы и ростовщики

кликами Камр уд-дин надеялся использовать Али Мухаммед-хана и поэтому утвердил его правителем Катехра (Рохилкханда). Но это только увеличило самостоятельность и дерзость наваба. Между 1741 и 1748 гг. он полностью овладел округами Мурадабад, Пилибхит, Биджнур и превратил раджу Кумаона в своего вассала (см. J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, pp. 51—52).

⁶⁵ «...Самый значительный из „пешв“ и самый талантливый марат, если не считать Шиваджи», — так оценивал К. Маркс пешву Баджи Рао (К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии*, стр. 46). «Воспитанный как воин и как государственный деятель, — пишет о нем Грант-Дафф, — Баджи Рао соединял предприимчивость, силу и выносливость маратхского вождя с изысканным обхождением и проницательностью, которые зачастую выделяют брахманов Конканы... Он имел как голову, чтобы задумать план, так и руки, чтобы выполнить его» (J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 357).

приобретали в политической жизни государства пешв. Сторонники дома Бхат были достаточно сильны, чтобы отвести враждебную кандидатуру. Пешвой стал Баладжи Баджи Рао. Особым санамом 1741 г. раджа Шаху предоставил новому пешве право распоряжения доходами всех территорий, отнятых в последнюю войну у португальцев, а равно и завоеванных земель, расположенных к северу от р. Нарбады. Это распоряжение вызвало недовольство раджей Бароды и Нагпура. Чтобы умерить это недовольство, а главное отвлечь раджу Берара от политики завоевания Ауда и Бенгалии, пешва назначил Рагуджи Бхонсле начальником большой военной экспедиции на юг Индии. Этот грабительский поход 1740—1741 гг. на Карнатак оказался вполне удачным. Маратхи легко сломили сопротивление местных мусульманских властителей, вассалов Низам-уль-Мулька Хайдарабадского. Наваб Танджура Дост Алихан пал в бою с маратхами. Рагуджи Бхонсле разграбил Танджур и посадил здесь навабом Сафдар Алихана, обещав ему военную помощь против его брата Чанда Сахиба, наваба Тричинополи. Затем соединенные силы маратхов и наваба Танджура взяли Тричинополи. Чанда Сахиб был захвачен в плен и отправлен в Сатару. Маратхским наместником Рагуджи Бхонсле оставил Морар Рао Гхорпаде (племянника покойного сенапати Санта Гхорпаде) с 15-тысячным войском. Эта экспедиция расширила маратхские владения на юге и едва не привела к открытым столкновениям с французскими колонизаторами, которые к этому времени прочно закрепились на Коромандельском побережье Индии. Однако Рагуджи Бхонсле не решился напасть на Пондишери, где французский губернатор Дюма имел гарнизон из 1200 европейцев и 5000 сипаев. В 1741 г. на место Дюма губернатором Пондишери был назначен Жозеф Франсуа Дюплекс. В годы его правления (1741—1754) французская Ост-Индская компания открыто вступила на путь территориальных захватов и превращения Индии в свою колонию. Ведя в 1744 г. войну с англичанами, французы подчинили себе в дальнейшем Хайдарабад и неминуемо столкнулись в 1750—1751 гг. с маратхами.

Поход на Карнатак дал радже Берара богатейшую добычу, поднял его авторитет и укрепил его решимость

противодействовать всякой попытке пешвы Баладжи Баджи Рао расширить свои владения в Индостане.

Когда в 1742 г. пешва предпринял свой первый поход за Нарбаду, раджа Бароды Дамаджи Гэквад совершил нападение на линию сообщения войск пешвы. Гэквад действовал по наущению Бхонсле. В этом же году Рагуджи Бхонсле, нисколько не считаясь с запретом правительства в Пуне, послал свои войска в грабительский набег на Бенгалию, наиболее богатую и наименее опустошенную войнами часть Индии. Маратхи совершили налет на Муршидабад и другие города Бенгалии, но были в конце концов изгнаны войсками бенгальского наваба Аллахварди-хана.

В 1743 г. за чаутхом в Бенгалию явился сам Рагуджи Бхонсле во главе сильного войска. Английские купцы в Калькутте были в панике и спешно окружили город рвом, получившим название «маратхского». Между тем наваб Аллахварди-хан обратился за помощью к пешве против Рагуджи Бхонсле. По призыву Великого Могола и наваба Бенгалии пешва выступил против раджи Нагпура. Аллахварди-хан обещал пешве чаутх трех провинций своего владения (Бенгалия, Бихар и Орисса) и сверх того 2,2 млн. рупий на военные расходы, если он поможет прогнать войска Бхонсле из Бенгалии. Помимо получения этих выгод, пешва был также заинтересован в том, чтобы не допустить чрезмерного усиления нагпурского раджи — этого и без того могущественного и непокорного вассала.

Объединившись с войсками Аллахварди-хана, пешва разбил силы Рагуджи Бхонсле и выпнал его из Бенгалии. В результате этой войны Западная Бенгалия была разорена и разграблена маратхской солдатчиной, принадлежавшей как к войскам берарского раджи, так и к вооруженным силам самого пешвы. Война пешвы Баладжи Баджи Рао и Рагуджи Бхонсле продолжалась недолго. В 1743 г. между ними было достигнуто соглашение. Его основу составлял отказ раджи Нагпура от всяких происков против правительства пешвы в Пуне и полюбовное соглашение между ними о разделе завоеванных земель и доходов с них. Указанное соглашение также устанавливало соответственные сферы дальнейшей экспансии и для пешвы, и для раджи Нагпура. Сферы влияния пешвы составляли Мальва, Агра, Адж-

мир, Аллахабад и два округа Бихара (Тикари и Бходж-пур), приносившие 1,2 млн. рупий чautha в год. Рагуджи Бхонсле в свою очередь мог собирать чautha и предпринимать завоевания в Ауде, Бенгалии, Ориссе, Бихаре, кроме двух округов, выделенных пешве⁶⁶. Подобные же соглашения, являвшиеся не чем иным, как двусторонними договорами между фактически самостоятельными государствами, были в дальнейшем заключены между правительством пешвы и князьями Бароды, Индура и Гвалиура.

В 1745 г. Рагуджи Бхонсле завоевал Ориссу и превратил эту область в свое владение. Вплоть до 1751 г. между раджей Берара и навабом Бенгалии продолжалась война, пока Аллахварди-хан не согласился платить маратхам чautha в размере 1,2 млн. рупий в год⁶⁷. В дальнейшем колониальные захваты французской Ост-Индской компании на Коромандельском побережье и в Хайдарабаде преградили маратхам путь на юг и восток. Таким образом, единственной областью Индии, где пешва Баладжи Баджи Рао мог еще надеяться расширить свои владения, оставалась территория, еще подчиненная Моголам. Соглашение 1743 г. с Рагуджи Бхонсле, а в дальнейшем поражение маратхов в войне с французами в 1750 и 1751 гг. в значительной мере предопределили политику правительства в Пуне, поставившего своей важнейшей внешнеполитической задачей овладение Дели, Сирхиндом и Пенджабом. Но именно здесь маратхам предстояло встретиться с другой волной завоевателей, хлынувших в Индию через горные проходы Сулейманова хребта. Мы имеем в виду афганцев.

Внешние завоевания в конечном счете не усиливали, а, наоборот, ослабляли державу пешв. Эти завоевания вели к включению в состав маратхской конфедерации покоренных народов, ничем с маратхами не связан-

⁶⁶ Наиболее подробно об этом соглашении пишет Саркар (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. I, p. 102). См. также: С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 283.

⁶⁷ Бенгалия выплачивала маратхам чautha вплоть до английского завоевания и даже первые годы после него, когда англичане были еще недостаточно сильны и предпочитали откупаться от маратхов.

ных. Сами маратхи составляли в этом государстве незначительное меньшинство. В то же время эти завоевания вели к образованию фактически независимых от правительства Пуны дочерних маратхских княжеств со своими династиями, своими интересами и политикой, своими собственными вооруженными силами. Сколько-нибудь прочных экономических, культурных и политических связей между этими княжествами и самой Махараштрой не существовало. Маратхские завоевания отнюдь не уничтожали феодальной раздробленности Индии, а воспроизводили ее в форме дробления самой державы пешв на отдельные, фактически самостоятельные княжества. Существование этих княжеств, оспаривавших друг у друга первенство, ослабляло державу пешв и увеличивало ее внутреннюю раздробленность. Но междоусобицы маратхских князей, до поры до времени в какой-то мере сдерживаемые их совместной успешной борьбой за установление своего господства над всей Индией, не были ни главной, ни тем более единственной причиной слабости державы пешв. Решающей причиной было растущее разорение маратхского крестьянства.

Прежде чем обратиться к положению крестьянства, будет уместным сделать несколько общих замечаний о тех изменениях, которые в середине XVIII в. появились в экономической жизни Махараштры. В главе, посвященной социально-экономическому строю Махараштры, уже говорилось, что маратхское общество находилось в стадии перехода к развитым феодальным отношениям. Окончательное торжество военно-ленной системы несомненно дало толчок дальнейшему развитию денежных отношений и росту маратхских городов. Преобладающее значение, которое ленное держание (саринджам) получило у маратхских феодалов в отличие от их прежних аллодиальных владений (ватан), повлекло изменение всей военной организации. Наемники-профессионалы, оплачиваемые саринджамдаром деньгами из доходов своего лена, сменили прежних ополченцев-мирасдаров, сопровождавших в походе маратхских дешмукхов, дешпанде и патилей. Содержание больших контингентов наемно-профессиональных войск, все чаще набиравшихся не из среды маратхов, само по себе требовало значительных денежных средств и увеличи-

вало нужду в этих средствах у маратхских феодалов⁶⁸. Можно предполагать, что крупные маратхские феодалы-ленники не только восприняли роскошный образ жизни могольской знати, обзавелись золотой и серебряной лагерной утварью, палатками из дорогих материй, множеством слуг и челяди, но все чаще устраивали свои резиденции в городах⁶⁹. Полупатриархальный сельский быт маратхского ватандара уступал место утонченной роскоши, связанной с городским бытом. Это обстоятельство в свою очередь вызывало большие денежные затраты со стороны феодалов. В том же направлении влияло растущее участие Махараштры в морской торговле с африканскими и азиатскими странами. В этой торговле, обычно связанной с морским разбоем, были заинтересованы сами пешвы, князья Ангрии и многие другие представители крупного маратхского феодализма⁷⁰.

Развитие денежных отношений, обмена, наконец, приток богатой добычи и повышение потребностей маратхских феодалов в предметах роскоши — все это способствовало росту городов. Пуна, представлявшая в начале XVIII в. полуразрушенное местечко, стала во второй половине XVIII в. крупным городом, насчитывавшим около 150 тыс. жителей⁷¹. Маратхские города были не только административными и торговыми, но и производственными центрами. В них выделялись шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани (Пуна в особенности славилась своими золототканями и

⁶⁸ Ежегодный денежный расход только 17 маратхских крупных саринджамдаров на содержание воинских контингентов равнялся во второй половине XVIII в. 223,7 млн. рупий (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 452). Даже при условии, что они присваивали часть этих средств, нельзя не видеть, что основным денежным расходом маратхских феодалов была оплата наемных войск.

⁶⁹ J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, Calcutta, 1934, pp. 240—241.—О роскошной экипировке маратхских феодалов в походе 1760 г. говорится и в другой монографии («The Cambridge shorter history of India», Cambridge, 1943, p. 477).

⁷⁰ Маратхские купцы торговали с портами Восточной Африки, бывали в Персидском заливе, появлялись на Красном море. На востоке они доходили до Китая (см.: R. Mookenji, *Indian shipping*, London, 1912, pp. 201—204; S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 337—338).

⁷¹ D. R. Gadgil, *Poona, A socio-economic survey*, pt 1, Poona, 1945, p. 19.

шелковыми изделиями), оружие и другие поделки из металла, седла и сбруи, посуда, игрушки. Существовали кожевенные, красильные и ювелирные мастерские, а также мастерские, где производился порох. Большое развитие в портах Конканского побережья получило судостроение⁷². Было бы чрезвычайно трудно ответить на вопрос, какая часть продукции городского ремесла шла на удовлетворение спроса феодалов или вывозилась за пределы Махараштры и в какой мере эта продукция закупалась деревенской округой. Можно предполагать, что оживление городской жизни было связано как с ростом общественного разделения труда между городом и деревней, так и с повышением спроса и потребностей маратхских феодалов и, наконец, с более широким, чем это наблюдалось раньше, вовлечением Махараштры в обмен с заморскими странами.

Относительная внутренняя безопасность, создавшаяся в самой Махараштре в связи с образованием державы пешв, также способствовала оживлению торговли и некоторому росту городов. Маратхские феодалы вели войны главным образом за пределами Махараштры, и в самой стране маратхов сложилась обстановка относительно более благоприятная для занятия мирным трудом и торговлей. Этим, по-видимому, объясняется значительный приток ремесленников и торговых людей из соседних областей Индии (главным образом из Раджпутаны, Гуджарата и Андхрадеша) в Махараштру⁷³. Что же касается крупных ростовщиков марвари и гуджаратцев, то их прежде всего привлекали возможности богатой наживы, связанные с финансированием грабительских войн маратхских феодалов.

Характерной чертой экономического положения Махараштры в XVIII в. был быстрый рост цен. По сравнению с концом XVI—началом XVII в. они возросли в два — два с половиной раза⁷⁴. Это явление было связано

⁷² M. P. Joshi, *Urban handicrafts of the Bombay Deccan*, Madras, 1936, p. 27; «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 369; R. D. Choksey, *The economic history of Bombay Deccan and Karhatak (1818—1868)*, Poona, 1945, p. 54.

⁷³ J. Malcolm, *A memoir of Central India including Malwa and adjoining provinces*, vol. II, London, 1832, p. 162.

⁷⁴ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 322.

с двумя обстоятельствами: так называемой «революцией цен», которая, хотя и позже, чем в европейских странах, начала сказываться в Индии, и значительным притоком военной добычи в Махараштру. Сюда стекались золото и серебро из других областей Индии, разграбленных маратхскими феодалами⁷⁵. Рост цен повлек огромное понижение реальной оплаты наемных работников и прежде всего был выгоден тем элементам маратхского общества, которые пользовались наемным трудом.

Однако в силу отсталости маратхского города это обстоятельство не имело сколько-нибудь крупного значения для хозяйства Махараштры. Нельзя забывать и того, что переселение крупных маратхских феодалов в города и расквартирование в них больших гарнизонов наемных войск не только содействовали оживлению экономической жизни городов, но и укрепляли здесь экономические и военные позиции феодалов, безраздельно господствовавших и в деревне и в городе. Рост цен, в том числе и на продукты сельского хозяйства, влек за собой рост цен на землю и повышение ренты. Наиболее выгодным увеличение цен было для тех классов и классовых прослоек в маратхской деревне, которые были непосредственно связаны с реализацией крестьянской продукции на рынке, т. е. для зажиточных крестьян-общинников.

⁷⁵ «Справочник Бомбейского президентства» объясняет обилие денег и рост цен «отчасти тем, что подешевели деньги из-за постоянной деятельности рудников Америки, отчасти же тем, что с распространением маратхского господства добыча, захваченная в значительной части Индии, привозилась пунской военщиной на родину» («Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, p. 322). Такое объяснение является поверхностным и неправильным. К. Маркс указывал: «Одностороннее наблюдение фактов, следовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, будто товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения» (К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 125). На самом деле, как доказано Марксом, драгоценный металл, добытый трудом рабов и крепостных, «погребенных заживо» в коях колониальной Америки, имел значительно меньшую стоимость, чем металл, ранее функционировавший в Европе и Азии в качестве средства обращения. Постепенно товарные цены стали выравниваться в соответствии с изменением стоимости драгоценных металлов, в чем собственно и заключалась «революция цен».

деревенской верхушки, торговцев и ростовщиков. Рост товарных цен, рост цен на землю, наконец, рост самой ренты — все это повышало их заинтересованность, с одной стороны, в экспроприации и захвате общинной земли, а с другой — в переходе от продуктовой ренты к фиксированной денежной ренте, к замене натуральных повинностей и всякого рода отработок на вышестоящих феодалов денежными сборами⁷⁶. Таково ходатайство Садашив Лакшмана от имени крестьян общин Нане Мавал и Паун Мавал, поданное в 1748 г. в канцелярию пешвы Баладжи Баджи Рао⁷⁷. В 1767 г. брахманы тарафа Тунгартан подали челобитную пунскому правительству с просьбой заменить им продуктовый налог-ренту денежным налогом⁷⁸.

Число подобных прошений, приводимых в литературе, очень велико. Но смысл их одинаков: патиль, или деревенские власти, или какое-либо лицо, уполномоченное крестьянами, ходатайствует о разрешении властей на замену натурального налога или сбора в продуктах денежным налогом или сбором.

Что же касается большинства крестьян, чье хозяйство сохраняло натуральный характер, то перевод из традиционной продуктовой формы в денежную означал рез-

⁷⁶ О замене натуральных повинностей и отработок денежными сборами большой материал собран у Сайкса (W. H. Sykes, *On the land tenures...*, — «JRS», vol. II, 1835, pp. 220—221, 226—227; vol. III, 1836, p. 375).

⁷⁷ Сен приводит не самое ходатайство Садашив Лакшмана, а приказ пешвы, изданный в ответ на указанное ходатайство. Пешва только частично удовлетворил просьбу Садашив Лакшмана и крестьян Нане и Паун Мавал (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 287—288).

⁷⁸ Ходатайство брахманов было полностью удовлетворено правительством Пуны. Характерно, что денежный поземельный налог был установлен с рисовых земель упомянутых брахманов в размере 5 рупий 2 анны 3 пайсы с бигха, т. е. по значительно сниженной расценке по сравнению с тем, что платили крестьяне земледельческих каст. О привилегированном положении брахманов еще более определенно говорится в следующей выдержке из санада пешвы на имя Рамаджи Махадева, правителя Сальсете, где проживали просители-брахманы: «С брахманов пранта Калиан (соседнего Сальсете. — И. Р.) не требуют принудительного труда или уплаты сбора с произведенных ими покупок, поэтому не предъявляйте подобных требований к упомянутым брахманам» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 289—290).

кое ухудшение их материального положения⁷⁹. Чтобы добыть деньги для уплаты налога, крестьянин обращался к ростовщику и попадал в кабальную зависимость от него. Ухудшение положения крестьянства благодаря введению денежных налогов и расширению сферы деятельности ростовщического капитала в маратхской деревне, с одной стороны, а с другой — повышенный интерес деревенской верхушки (в силу роста цен на землю и воз-

⁷⁹ Маркс указывал: «Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV, столь красноречиво заклеенная Бугильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги» (К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 147). Трудно установить точно, когда поземельный налог-рента был заменен у маратхов денежным. «Справочник Бомбейского президентства» относит это мероприятие к правлению пешвы Баладжи Баджи Рао (1740—1761 гг.). Тогда был проведен земельный кадастр и введен денежный налог с бигха обрабатываемой земли. Налог варьировался от $\frac{3}{4}$ до 6 рупий с бигха в зависимости от качества земли («*Gazetteer of the Bombay presidency*», vol. XVIII, pt 2, p. 322). Однако вряд ли это мероприятие было осуществлено немедленно и в полном объеме, ибо иначе непонятно, почему и в 40-х и в 60-х годах XVIII в. к пешве продолжали поступать ходатайства о замене натурального поземельного налога денежным. Судя по ряду документов, относящихся к правлению пешвы Баладжи Баджи Рао, во многих районах сохранялась старая натуральная форма налога. Так, в приказе этого пешвы, датированном 1741 г., для тарафа Хавели Пал устанавливаются следующие ставки поземельного налога: 1) рисовые земли—10 маундов с бигха; 2) земли под сахарным тростником—5 рупий с бигха; 3) земли под огородами—2 рупии с бигха; 4) земля под просом и сорго— $1\frac{1}{2}$ рупии с бигха (см. S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 283). В приказе 1740—1741 гг. того же пешвы для деревни Катхпур устанавливается налог исключительно в натуральной форме: с земли высшего качества в размере $3\frac{1}{4}$ маунда и 1 пайли с бигха засеваемой культуры; с земли среднего качества— $2\frac{1}{2}$ маунда и 2 пайли; с земли худшего качества— $1\frac{3}{4}$ маунда и 1 пайли (ibid.). Однако в приказе 1749—1750 гг. для деревни Пимпалгаон Басвант устанавливаются твердые ставки денежного налога: с черноземных почв—2 рупии с бигха, с земли под садовыми культурами—10 рупий с бигха (ibid.). Что же касается более поздних документов, то все они говорят о преобладании денежного налога. Так, в талук Нерал в 1772—1773 гг. поземельный налог взимался в следующем размере: лучшая земля—5 рупий с бигха; средняя—4 рупии с бигха; худшая—3 рупии с бигха. С земель под коноплей и сахарным тростником платилось 5 рупий с бигха, а засеянных просом и сорго— $1\frac{1}{2}$ рупии (ibid.). В деревне Авсарихурд в конце XVIII в. с земель под садом платили 6 рупий с бигха; с земель черноземных—2 рупии с бигха; земель второго класса— $1\frac{1}{4}$ рупий с бигха; земель третьего класса—1 рупию с бигха; земель четвертого класса $\frac{3}{4}$ рупии с бигха («*Gazetteer of the Bombay presidency*», vol. XVIII, pt 2, p. 323).

возможности повышать ренту) к захвату общинной (пустоши, выгоны) и держательской земли дали новый толчок давно шедшему процессу экспроприации мирасдаров. Покупка, продажа и заклад земли приобрели с середины XVIII в. в маратхской деревне более широкий размах, чем когда-либо раньше⁸⁰. Это зло, видимо, приняло такие размеры, что разорение и обезземеливание тяглого крестьянства непосредственно отражалось на доходах фиска и побуждало правительство в Пуне принимать отдельные меры, направленные к некоторому ограничению феодальной и ростовщической эксплуатации, а также запрещению заклада и продажи держательской земли. Так, в инструкции, данной в 1774—1775 гг. Мадхаву Нана Шету при назначении его мамлатдаром парганы Амод в Гуджарате, говорилось в пункте втором: «Заминдары (феодалы-землевладельцы. — И. Р.) упомянутой парганы берут с райятов больше, чем положено обычаем. Вы должны расследовать дело и донести правительству о размерах этих дополнительных поборов». Пункт третий этой же инструкции гласил: «Земля, заложенная или проданная в упомянутой парганы (Амод), должна быть отнята и возвращена райятам»⁸¹.

В инструкции 1784—1785 гг., данной Баладжи Раму при назначении его мамлатдаром Хасота в Гуджарате, почти дословно повторяются указания, содержащиеся в упомянутом документе 1774—1775 гг. Власти наказывают Баладжи Раму выяснить, не берут ли землевладельцы с крестьян больше положенного и, если это так, то расследовать дело и донести в Пуну. Далее говорится, что «земли, проданные или заложенные в упомянутой парганы (Хасот), должны быть возвращены райятам, и подобный заклад и продажа не должны дозволяться в будущем»⁸². Надо полагать, что отдельные попытки правительства Пуны, проводимые к тому же при помощи насквозь продажного налогово-управленческо-

⁸⁰ Энгельс указывает: «...с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени» (Ф. Энгельс, *Франкский период*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, изд. I, стр. 392).

⁸¹ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 279—280.

⁸² Ibid., p. 280.

го аппарата, как-то ограничить эксплуатацию райятов и приостановить массовый переход земли гяглого крестьянства в руки общинной верхушки и других представителей феодального класса, оставались малоэффективными.

Крупные феодалы-ленники, владельцы саринджамов, непосредственно не вели своего хозяйства и не могли, как правило, сдавать от себя в аренду землю наследственных держателей райятов и поэтому мало выигрывали от повышения товарных цен и цен на землю. Более того, с падением стоимости денег соответственно уменьшились платежи крестьян феодалу, если они были облечены в денежную форму. При своей постоянной и притом возрастающей нужде в деньгах маратхские крупные феодалы, а равно и правительство Пуны искали выхода во введении многочисленных дополнительных денежных сборов, в переводе налогов из натуральной формы в денежную и, наконец, в открытом повышении налогов, в частности поземельного, что и было проделано пешвой Баладжии Баджи Рао⁸³.

Фактически продажа должностей и откуп налогов все больше распространялись в государстве пешв. Важнейшие административные должности правителей райо-

⁸³ О практике маратхских пешв взимать многочисленные добавочные сборы см. «*Gazetteer of the Bombay presidency*», vol. XVIII, pt 2, p. 322. Этот справочник объясняет указанную практику неуклонным уменьшением стоимости денег, что резко снижало поступления правительству от фиксированных денежных налогов. Казалось бы, в этих условиях маратхским крупным феодалам и правительству не была выгодна замена натуральной формы поземельного налога-ренты денежной. Однако поскольку операции, связанные с дальнейшей продажей сельскохозяйственной продукции, поступавшей от райятов отдельным феодалам и феодальному государству в порядке уплаты ренты-налога, совершались не самими феодалами, а передоверялись ими представителям торгово-ростовщического капитала, основная выгода этих операций доставалась, конечно, торговцам и ростовщикам. Более того, обычно торговцы и ростовщики выступали займодавцами крупных феодалов и самого пешвы, требуя для себя взامن права собирать налог-ренту в их джагирах или брать на откуп сбор того или иного налога. Таким образом, в той мере, в какой крупные маратхские феодалы и сам пешва все глубже запутывались в долгах, они все больше теряли право и возможность непосредственно распоряжаться массой сельскохозяйственных продуктов, поступавших от райятов в порядке уплаты продуктовой ренты. Именно поэтому превращение ее в денежную и не вызвало сколько-нибудь решительного сопротивления со стороны правительства пешв и со стороны отдельных саринджамдаров.

нов (камависдаров), округов (мамлатдаров) и областей (субадаров) предоставлялись только после получения от соискателя крупного денежного аванса (расада) в счет будущих налоговых поступлений вверенной ему территории. По данным Сена, эти денежные авансы достигали внушительных сумм — до 300 тыс. рупий. Так, например, лицо, получившее назначение мамлатдаром Бунделкханда, внесло 320 тыс. рупий расада; Рамчандра Баллал при назначении его в 1743—1744 гг. камависдаром Бхопала внес 175 тыс. рупий расада⁸⁴. Самое жалование камависдаров и мамлатдаров определялось в зависимости от величины внесенного аванса, составляя 4% от общей суммы расада. Назначение на должность субадара также не обходилось без предварительной крупной взятки. В некоторых случаях субадары сдавали от себя на откуп налоги мамлатдарам в подчиненных им округах⁸⁵. Подкуп, взяточничество, представление фальсифицированных налоговых отчетов, обложение крестьян и ремесленников добавочными поборами в свою пользу характеризуют деятельность субадаров, мамлатдаров и камависдаров с середины XVIII в.⁸⁶.

⁸⁴ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 253—254.

⁸⁵ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 328—329.

⁸⁶ Эльфинстон в начале XIX в. писал на основе личных наблюдений о незаконных доходах маратхских мамлатдаров и камависдаров: «Источником их прибылей была утайка поступлений (в особенности от штрафов и других точно не определенных сборов), ложные записи о снижении налогов, подделка налоговых списков, невыплата пенсий и другие мошенничества по части расходов. Главным источником их доходов был дополнительный сбор сверх налога, называемый „седер варид патти“. Он взимался на не предусмотренные правительством расходы по округу, и это открывало обширное поле для всяких мошеннических проделок. Одной из главных расходных статей по суммам этого сбора был дурбар харч (кормление властей), или антаст (взятки). Первоначально этот расход тайно предназначался для подкупа министров и чиновников, проверявших налоговую отчетность. Постепенно расход на эти взятки стал регулярным сбором и проходил отчетность, как остальные сборы, но поскольку по-прежнему требовались деньги на взятки, то для этой цели было проведено еще одно увеличение обложения. Обычно мамлатдар собирал намного больше для себя, чем для своих патронов» (которым предназначалась взятка. — И. П.) (M. Elphinstone, *Report on the territories recently conquered from the Peshwa* p. 38). Сам пешва Баладжи Баджи Рао за взятку в 360 тыс. рупий назначил Рамчандра Шенва своим секретарем (C. A. Kincaid and D. B. Parnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 13).

Что же касается внутренних таможенных сборов (заката), сборов с торговцев и ремесленников (мохатарфа), то они открыто сдавались на откуп⁸⁷. Правительство пешв также устанавливало монополии на торговлю топленым маслом (гхи), кокосовыми орехами, бетелем и другими товарами, а затем сдавало эти монополии на откуп богатым купцам и ростовщикам⁸⁸. Верхушка торгово-ростовщического капитала, тесно сросшаяся с налоговым и управленческим аппаратом феодального государства, начинает играть заметную экономическую и политическую роль в Махаращтре. В «Справочнике Бомбейского президентства» указывается: «При пешвах большинство налоговых поступлений шло через векселя, выпущенные в округах на имя банков Пуны, или выплачивалось наличными деньгами, которые проходили через руки банкиров, наживавшихся на обмене монет, прежде чем собранные суммы попадали в государственное казначейство»⁸⁹.

⁸⁷ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, pp. 322—342; M. Elphinstone. *Report on the territories recently conquered from the Peshwa*, p. 62.

⁸⁸ S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 336.

⁸⁹ «Gazetteer of the Bombay presidency», vol. XVIII, pt 2, pp. 97—98.—Когда в 1750 г. Бюсси разбил маратхов и им пришлось заплатить большую контрибуцию, пешва Баладжи Баджи Рао внес 200 тыс. рупий наличными и выдал на 1,5 млн. рупий векселей на банкиров Хайдарабада, Аурангабада и Бурханпура (см. С. А. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. III, London, 1925, p. 2). В случаях, когда покоренное население не имело средств, чтобы немедленно внести маратхам чаутх, на сцене появлялись ростовщики, сопровождавшие войска пешв. Они выдавали маратхским властям переводные векселя (хунди) на Пуну, очевидно, получая взамен право самим собрать чаутх с недоимщиков. Во время экспедиции 1753 г. на Карнатк маратхам редко удавалось получать чаутх наличными деньгами, они «предпочитали брать векселя от ростовщиков и банкиров, каковые можно было предъявить к оплате в любом пункте Индии» (J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 404). В 1754 г. брат пешвы Рагунатх Рао получил от вазира делийского правительства Итимад-уль-Мулька за военную помощь 2,65 млн. рупий. Из них 900 тыс. наличными, остальные переводными векселями на ростовщиков и банкиров Пуны (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 21.) Как видно, маратхские феодалы не могли обойтись без «услуг» крупного торгово-ростовщического капитала в таких операциях, как взимание чаутха, взыскание или уплата контрибуции, перевод налоговых поступлений в столичное казначейство и т. д. Гонцы торговцев и ростовщиков (а не правительственные курьеры) первыми доставляли пешве Баладжи Баджи Рао известие о панипатском разгроме ма-

Можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что торгово-ростовщический капитал играл немаловажную роль в финансировании грабительских военных походов маратхских феодалов и отрывал изрядную долю полученной добычи. Нельзя забывать, что эти войны велись наемными войсками, они постоянно требовали денег, а маратхские пешвы испытывали хронический недостаток средств для оплаты своих наемников⁹⁰.

Начиная с пешвы Баджи Рао I правительство в Пуне постоянно прибегало к кабальным займам у местных ростовщиков и средневековых банкиров. После смерти Баджи Рао за ним остались неоплаченные долги в размере 1450 тыс. рупий. Они были взяты у 30 заимодавцев из 12—30% годовых. Крупнейшими из них были Рагунатх Патварджан (заем на 300 тыс. рупий), Горах Мандравами (на 105 тыс. рупий) и Баладжи Джоши (на 36 тыс. рупий)⁹¹.

Грант-Дафф отмечает, что еще в 1736 г. Баджи Рао был в тяжелом долгу и все его попытки получить новые займы встречали отказ ростовщиков Пуны, считавших пешву некредитоспособным⁹². Раджа Шаху равным образом был опутан долгами и не имел денег, чтобы удовлетворить своих заимодавцев. В 1744 г. Махаджи Пурандхаре доносил пешве Баладжи Баджи Рао следующее: «В течение последних трех или четырех дней ростовщики посещают дворец. Вы банкроты, — вопят они, — мы хотим (получить) свои деньги»⁹³.

Еще более острую и постоянную нужду в деньгах (главным образом для расплаты с войсками) испыты-

ратхского войска в 1761 г. (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 359).

⁹⁰ «Пешва был неспособен финансировать военные походы, и феодальным вождям самим приходилось разыскивать деньги. Как выясняется, лишь очень немногие из маратхских вождей обладали излишками или резервными фондами, которые можно было бы использовать для этой цели, и в подобных случаях они были вынуждены обращаться к ростовщикам. Именно поэтому богатые банкиры вроде Гокул Парека могли возвыситься до положения главного министра при Доулет Рао Синдия» (S. Sen, *Administrative system of the Marathas*, p. 469).

⁹¹ C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 272.

⁹² J. Grant-Duff, *A history of the Mahrattas*, vol. I, p. 528.

⁹³ Письмо опубликовано в кн.: C. A. Kincaid and D. B. Parasnis, *A history of the Maratha people*, vol. II, p. 320.

вал пешва Баладжи Баджи Рао. Если долги его отца Баджи Рао равнялись 1,5 млн. рупиям, то его собственные долги были в десять раз больше⁹⁴. Сам пешва горько жаловался: «Мое правительство вечно во власти этой чахотки — болезни долгов»⁹⁵. К концу правления пешве Баладжи Баджи Рао и его брату Рагунатху Рао становилось все труднее изыскивать новые займы, ибо кредит правительства в Пуне пал чрезвычайно низко и ростовщики воздерживались от авансирования дальнейших сумм⁹⁶. Получался порочный круг. Основным средством для пешвы добыть деньги, чтобы выплатить свои долги, являлись удачные грабительские походы. Вместе с тем самая возможность организации подобных походов, а в известной мере и успех всего предприятия, в не малой степени зависели от того, предоставят ли ростовщики Пуны новые займы пешве. Когда в 1760 г. огромная армия маратхов выступила на север для решающей борьбы с афганцами, пешва Баладжи Баджи Рао смог выдать ее командующему Садашео Бхау всего 200 тыс. рупий наличными, тогда как оплата жалования войскам и другие расходы по экспедиции превышали 500—600 тыс. рупий в месяц⁹⁷.

Не только финансирование грабительских походов маратхских феодалов и оплата их войск, но и снабжение этих войск фуражом и продовольствием в походе в значительной мере осуществлялись крупными торговцами и ростовщиками или во всяком случае при их непосредственном участии. В организации снабжения войск в походе пешвы, как и во многом другом, следовали могольским образцам. Индийский исследователь Бхаргава сообщает: «Во время мусульманского периода банкиры получали большое поощрение, когда они

⁹⁴ Эту цифру своих долгов называл сам пешва в письме от 23 февраля 1759 г. на имя Рамаджи Ананта, вакила гвалиурского князя Синдхи при дворе в Пуне (см. J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, p. 232). В этом письме пешва призывает Синдхи «...возглавить экспедицию в Бенгалию и Бихар и собрать там большую сумму денег для уплаты долгов... Твердой целью вашего повелителя (т. е. Синдхи. — И. Р.) должен быть сбор крупной суммы денег, чтобы уплатить мои долги и содержать наши войска» (ibid., p. 231).

⁹⁵ Ibid., p. 177.

⁹⁶ Ibid., p. 190.

⁹⁷ Ibid., p. 243.

назначались на пост моди, отвечавшего за снабжение могольских войск, передвигавшихся из округа в округ, из одной области в другую. Если в областных центрах не находилось ростовщиков или банкиров, которые могли бы взять на себя организацию снабжения и обслуживания армии, военачальники брали с собой богатых банкиров или их представителей из главной ставки или из их родных княжеств (здесь имеются в виду ростовщики марвари, выходцы из Раджпутаны.— И. Р.). На них возлагалась организация снабжения войск, их оплата и доставка других вещей, необходимых для войска и для удобства военачальников. Эти банкиры (моди.— И. Р.) обычно имели в различных центрах и своих агентов (архатиев), каковые оплачивали их хунди (переводные векселя.— И. Р.) и заготавливали припасы, необходимые для снабжения армии»⁹⁸. По сообщениям английских очевидцев конца XVIII—начала XIX в., совершенно так же обстояло дело у маратхов⁹⁹.

Как видно, функции торгово-ростовщического капитала в середине XVIII в. в Махараштре были весьма разносторонни и прибыльны. Крупные торговцы и ростовщики, непосредственно связанные с самим пешвой или другими влиятельными маратхскими князьями и сардарами, становились под их защиту и покровительство и непосредственно приобщались к внутреннему и внешнему феодальному грабежу. Они осуществляли различные казначейские функции, в их руках находился денежный оборот и кредитная система страны. Они выступали откупщиками налогов, брали на откуп различные торговые монополии, финансировали трабительские войны маратхских феодалов, наживались на снабжении войск в походе, скупали за полцены или отбирали

⁹⁸ B. Bhargava, *Indigenous banking in ancient and medieval India*, Bombay, 1935, p. 29.

⁹⁹ T. Broughton, *Letters written in a Mahratta camp during the year 1809*, London, 1813, p. 54. — Одна из основных функций крупных ростовщиков и банкиров, ответственных за снабжение маратхского войска в походе, состояла в том, что они выдавали денежные авансы так называемым банджарам на закупку и доставку зерна в лагерь. О непосредственном участии крупных ростовщиков и торговцев в снабжении маратхских войск см. также «Sir C. W. Malet's memoranda on the Maratha army 1795». Выдержки из этого меморандума приводит Саркар (J. Sarkar, *Fall of the Mughal empire*, vol. II, pp. 293—294).

за долги захваченную добычу и, наконец, путем предоставления денежных авансов соискателям правительственных должностей в известной мере подчинили себе отдельные звенья государственного аппарата.

Таким образом, мы наблюдаем в Махараष्टре середины XVIII в. то же явление, которое столетием раньше было язвой Могольской державы. Проникновение торгово-ростовщического капитала, не создавая нового способа производства, во много раз усиливало тяжесть феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников, разоряя не только непосредственных производителей, но и их господ-феодалов, внося разложение и коррупцию во все виды деятельности налогового и управленческого аппарата феодального государства пешв. В быстром ухудшении положения маратхского крестьянства, в том, что начиналось его массовое разорение, мы видим основную причину упадка маратхского государства.

Вторая причина заключалась в отсутствии сколько-нибудь прочных экономических и политических связей между теми пятью фактически самостоятельными княжествами, которые входили в состав маратхской конфедерации¹⁰⁰. Ее окончательный распад до поры до времени сдерживался общей заинтересованностью маратхских феодалов в ограблении и завоевании остальной Индии. Но именно поэтому между ними обострялись противоречия на почве раздела добычи и территорий, что в свою очередь исключало возможность под-

¹⁰⁰ Малет, представитель Ост-Индской компании при дворе пешвы, отмечал в конце XVIII в. внутреннюю слабость маратхской конфедерации: «Высшие должностные лица и крупные джагирдары этой расхлябанной и плохо сколоченной империи (поскольку сейчас в моде называть ее так) приобрели в ходе потрясений, постигнувших ее до основания, сознание собственного значения и привыкли втайне замышлять независимость». Малет далее указывает на «отсутствие единства, которое всегда характеризовало действия организации, составленной из разнородных частей, слишком ревниво отстаивавших собственные притязания, чтобы беспрекословно повиноваться высшей власти» (*English records of Maratha history. Poona residency correspondence*, Extra vol. Selections from Sir C. W. Malet letter-book 1780—1784, Bombay, 1940, p. 108). Наблюдения Малета относятся к периоду после панипатского разгрома маратхов афганцами в 1761 г., но упадок державы пешв проявлялся задолго до этого события. Не панипатская битва явилась началом разложения маратхской конфедерации, а, наоборот, этот процесс объясняет нам причины поражения маратхов на поле Панипата.

линного единства даже для такой ограниченной цели, как организация общего военного похода или совместного отпора внешнему врагу: афганцам, англичанам или французам. Наконец, каждое из маратхских княжеств, взятое в отдельности, также не представляло устойчивого и прочного единства. Они по-прежнему дробились на мирки деревенских общин, в значительной мере сохранявших свою экономическую замкнутость, и раздирались междоусобной борьбой князей и сардаров. Именно поэтому маратхская конфедерация не могла стать ядром, вокруг которого образовалось бы феодально-абсолютистское многонациональное государство, и выступить в качестве объединителя Индии.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
4	9 стр.	И. М. Райснера	И. М. Рейснера
11	8 стр.	Gemeinwesen	Gemeinwesen
99	19 стр.	неслабеющая	не слабеющая
109	14 стр.	не в пользу	в пользу
132	23 стр.	методическую	методическую

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Держава Великого Могола во второй половине XVII в.	5
Глава II. Социально-экономический строй Махараштры в XVII—XVIII вв.	31
Глава III. Освободительная борьба маратхов. Возникновение государства во главе с Шиваджи	112
Глава IV. Складывание крупного феодального землевладения у маратхов. Второй этап их борьбы с Моголами (1680—1707)	151
Глава V. Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII — начале XVIII в.	178
Глава VI. Восстание джатов в конце XVII — начале XVIII в. и образование джатского княжества	221
Глава VII. Образование державы пешв и завоевательные войны маратхских феодалов (1707—1747). Распад государства Великого Могола	241

Игорь Михайлович Рейснер
**НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ
В XVII—XVIII вв.**

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. И. Юревич*
Художник *М. Ф. Ольшевский*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректоры *Г. А. Невелева* и *Т. Н. Пронина*

Сдано в набор 22/VIII-1960 г.
Подписано к печати 22/V 1961 г.
А 05590. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 9,625.
Усл. печ. л. 15,79. Уч.-изд. л. 13,26.
Тираж 1600 экз. Зак. 1794
Цена 1 р. 15 к.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

1р. 15к.